

ISSN 2542-0488 (Print)

ISSN 2541-7983 (Online)

<https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2>

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.

Серия «Общество. История. Современность»

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN.

Series "Society. History. Modernity"

ТОМ 11, № 2. 2026

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный технический университет»

Адрес учредителя и редакции:
644050, пр. Мира, д. 11
Тел.: +7 (3812) 65-34-07, 65-32-08

Страница журнала на сайте учредителя:
https://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/

Сайт журнала: <https://ois.omgtu.ru>

Периодичность: 4 номера в год
Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.

Founder and publisher:
Omsk State Technical University

Founder and editorial address:
11, Mira Ave., 644050, Omsk, Russia
Tel.: +7 (3812) 65-34-07, 65-32-08

Journal page on the founder's Website:
https://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/

Journal Website: <https://ois.omgtu.ru>

Periodicity: Quarterly
Certificate
PI No. TU55-00555. 29.03.2017

ois.omgtu.ru

onv@omgtu.ru

© ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет», 2026

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Право на оригинал-макет и оформление принадлежит учредителю журнала,
авторское право на статьи — авторам

Главный редактор

Нехаев Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень; Омский государственный технический университет, Омск, SPIN-код: 5844-9381, <https://orcid.org/0000-0003-1358-743X>

Заместитель главного редактора

Сушко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный технический университет, Омск; Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, SPIN-код: 6496-4278, <https://orcid.org/0000-0002-6703-8535>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авилов Роман Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Владивосток, SPIN-код: 5219-3501, <https://orcid.org/0009-0007-7219-3939>

Барышников Павел Николаевич, доктор философских наук, доцент, Пятигорский государственный университет, Пятигорск, SPIN-код: 5932-8293, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6698>

Борисов Евгений Васильевич, доктор философских наук, доцент, Томский государственный университет, Томск, SPIN-код: 6061-9186, <https://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль, <https://orcid.org/0000-0002-4766-5312>

Гаккуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Москва, SPIN-код: 3803-4060, <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Дидикин Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, «Университет КАЗГУУ имени М.С. Нарикбаева», Астана, Республика Казахстан, SPIN-код: 4897-4450, <https://orcid.org/0000-0003-0808-8900>

Калинина Ольга Владимировна, доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, SPIN-код: 5725-5997, <https://orcid.org/0000-0002-4617-2823>

Ковалев Василий Александрович, доктор экономических наук, доцент, Омский государственный технический университет, Омск, SPIN-код: 4734-4950, <https://orcid.org/0000-0001-6694-2525>

Кочнев Роман Леонидович, кандидат философских наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, SPIN-код: 7887-8053, <https://orcid.org/0000-0001-9064-1175>

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 3221-2527, <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

Кулинок Святослав Валентинович, кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь, SPIN-код: 5602-8275

Ладов Всеволод Адольфович, доктор философских наук, доцент, Томский научный центр СО РАН, Томск, SPIN-код: 2077-1772, <https://orcid.org/0000-0002-9281-3150>

Chief Editor

Andrei V. Nekhaev, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen; Omsk State Technical University, Omsk, SPIN-code: 5844-9381, <https://orcid.org/0000-0003-1358-743X>

Deputy Chief Editor

Aleksey V. Sushko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Technical University, Omsk; Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, SPIN-code: 6496-4278, <https://orcid.org/0000-0002-6703-8535>

EDITORIAL BOARD

Roman S. Avilov, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, SPIN-code: 5219-3501, <https://orcid.org/0009-0007-7219-3939>

Pavel N. Baryshnikov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, SPIN-code: 5932-8293, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6698>

Borisov E. Vasilievich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Tomsk State University, Tomsk, SPIN-code: 6061-9186, <https://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Irena Vladimirska, Doctor of Historical Sciences, Professor, Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel, <https://orcid.org/0000-0002-4766-5312>

Ruslan G. Gagkuev, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of RAS, Moscow, SPIN-code: 3803-4060, <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Anton B. Didikin, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan, SPIN-code: 4897-4450, <https://orcid.org/0000-0003-0808-8900>

Olga V. Kalinina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, SPIN-code: 5725-5997, <https://orcid.org/0000-0002-4617-2823>

Vasiliy A. Kovalev, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Omsk State Technical University, Omsk, SPIN-code: 4734-4950, <https://orcid.org/0000-0001-6694-2525>

Roman L. Kochnev, Candidate of Philosophical Sciences, University of Tyumen, Tyumen, SPIN-code: 7887-8053, <https://orcid.org/0000-0001-9064-1175>

Mariia V. Krotova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, SPIN-code: 3221-2527, <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

Svyatoslav V. Kulinok, Candidate of Historical Sciences, The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, SPIN-code: 5602-8275

Vsevolod A. Ladov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, SPIN-code: 2077-1772, <https://orcid.org/0000-0002-9281-3150>

Мячин Юрий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 3157-9570

Новиков Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, SPIN-код: 7226-1354

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, Омск, SPIN-код: 9987-3347, <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 9722-4267, <https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Растова Юлия Ивановна, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 5375-2728, <https://orcid.org/0000-0002-3101-7388>

Турсунов Турсунмурод Худоймуродович, доктор исторических наук, профессор, Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан, SPIN-код: 4517-4741, <https://orcid.org/0009-0002-7335-497X>

Фоменков Артем Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, SPIN-код: 7240-4777

Харченко Лариса Павловна, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 6018-9342, <https://orcid.org/0000-0003-3872-359X>

Шевцов Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, доцент, Томский государственный университет, Томск, SPIN-код: 7670-3168, <https://orcid.org/0000-0002-6144-5578>

Яковлева Елена Владимировна, доктор экономических наук, доцент, Омский государственный технический университет, Омск, SPIN-код: 1581-2810, <https://orcid.org/0000-0001-5158-3574>

Yuriy V. Myachin, Doctor of Economic Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, SPIN-code: 3157-9570

Sergey V. Novikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, SPIN-code: 7226-1354

Dmitry I. Petin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Historical Archive of Omsk Region, Omsk, SPIN-code: 9987-3347, <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

Aleksandr S. Puchenkov, Doctor of Historical Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, SPIN-code: 9722-4267, <https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Yuliya I. Rastova, Doctor of Economic Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, SPIN-code: 5375-2728, <https://orcid.org/0000-0002-3101-7388>

Tursunmurod Kh. Tursunov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tajik National University, Dushanbe. Republic of Tajikistan, SPIN-code: 4517-4741, <https://orcid.org/0009-0002-7335-497X>

Artem A. Fomenkov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, SPIN-code: 7240-4777

Larisa P. Kharchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, SPIN-code: 6018-9342, <https://orcid.org/0000-0003-3872-359X>

Vyacheslav V. Shevtsov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Tomsk State University, Tomsk, SPIN-code: 7670-3168, <https://orcid.org/0000-0002-6144-5578>

Elena V. Yakovleva, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Omsk State Technical University, Omsk, SPIN-code: 1581-2810, <https://orcid.org/0000-0001-5158-3574>

РЕДАКЦИЯ

Кенжалинова Наталья Валерьевна, начальник отдела
Семенова Мария Валерьевна, инженер
Юрчук Ольга Николаевна, инженер
Семина Татьяна Петровна, редактор

Контакты:
644050, г. Омск, пр. Мира, 11, корпус № 6, каб. 424
Тел./факс +7 (3812) 65-32-08
E-mail: onv@omgtu.ru

EDITORIAL STAFF

Natalia V. Kenzhalinova, Head of the Department
Maria V. Semenova, Engineer
Olga N. Yurchuk, Engineer
Tatyana P. Semina, Editor

Contacts:
11, Mira Ave., bld. 6, 424 room, 44050, Omsk, Russia
Tel.: +7 (3812) 65-32-08
E-mail: onv@omgtu.ru

Поступившие в редакцию материалы не возвращаются. Гонорары не выплачиваются. Все статьи публикуются бесплатно.

Подписано к печати 22.05.2026. Дата выхода в свет 29.05.2026. Формат бумаги 60x84 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,60. Тираж 500 экз. Заказ 40. Цена свободная

Received materials are not returned. Fees are not paid. All articles are published free of charge.

Signed to print on 22.05.2026. Date of publication 29.05.2026. Format is 60x84 1/8.
Offset printing. 18,60 printed sheets. 500 copies. Order No. 40. Free price

ИСТОРИЯ

Актуальная история

- А. В. Мазырин.** «Требовался революционный толчок, чтобы запустить преобразовательное движение в Церкви...» 6

**По итогам VI Международной научно-практической конференции
«Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»**

- Д. И. Петин.** Историческая память о Гражданской войне в России: обзор конференции в Омске 13
- Р. Г. Гагкуев.** «Считать их на положении иностранных подданных, проживающих в России...»: освобождение военнопленных-югославян в Сибири в 1919–1920 гг. 21
- Л. А. Грицай.** Судьбы родных братьев и сестер в огне Гражданской войны 1917–1922 гг.: антропологический анализ 30
- М. В. Кротова, С. В. Смирнов.** Эхо Омска в Харбине: участники Белого движения на востоке России в 1920 г. (по материалам дневника И. С. Ильина) 40
- Т. Х. Турсунов, С. В. Новиков.** Границы сопротивления: влияние внешнего фактора на развитие басмаческого движения (1920–1930-е гг.) 50
- М. А. Васильченко.** Чехословацкий корпус и рудименты преобразований Февральской революции 63
- В. В. Канищев.** Коллективный портрет офицеров из Тамбовской губернии в составе Сибирских стрелковых полков накануне и в годы Первой мировой войны 70
- И. С. Сильченко, И. А. Ключ.** Социальная адаптация бывших колчаковцев в Советской России на примере представителей офицерства 7-го Камышловского (27-го Камышлово-Оровайского) горных стрелков полка 78

ФИЛОСОФИЯ

- А. А. Осипенко.** Гилеморфный анимализм, трансплантация мозга и 'мозги в бочке' 86

Позиции и А-позиции

- Р. Брассье.** Материалистическая эпистемология математики Бадью = Brassier R. Badiou's Materialist Epistemology of Mathematics / пер. с англ. З. М. Неустроева 95
- З. М. Неустроев.** Перверсия и аутизм: гуманизм между Фуко и Ларюэлем 107

Провокации

- К. Нью.** Время и наказание = New C. Time and punishment / пер. с англ. А. В. Нехаева 113

In Memoria Classica

- В. В. Оглезнев.** Фридрих Вайсман (1896–1959): странствующий философ 118
- Ф. Вайсман.** Лингвистическая техника = Waismann F. The Linguistic Technique / пер. с англ. В. В. Оглезнева 124

ЭКОНОМИКА

- М. И. Ахмедова.** Индустриальное наследие и проблемы постиндустриального развития национальной экономики Азербайджана 133
- Н. А. Панова, О. В. Кублашвили.** Медицинские информационные системы: особенности и сравнительный анализ 140
- В. М. Федоров, Е. В. Яковлева.** Адаптивность как ключевой принцип эффективного антикризисного управления 153

CONTENTS

HISTORY

Actual History

- A. V. Mazyrin.** "A revolutionary impetus was needed to launch a transformative movement in the Church..." 6

Following the VI International Scientific and Practical Conference "The Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage"

- D. I. Petin.** Historical memory of the Russian Civil War: A review of the Omsk conference 13
R. G. Gagkuev. "Consider them in the position of foreign subjects living in Russia...": The liberation of Yugoslav prisoners of war in Siberia in 1919–1920 21
L. A. Gritsai. Fates of siblings in the flames of the Civil War of 1917–1922: An anthropological analysis 30
M. V. Krotova, S. V. Smirnov. Echo of Omsk in Harbin: Participants in the White Movement in Eastern Russia in 1920 (by the diary of I. S. Ilyin) 40
T. Kh. Tursunov, S. V. Novikov. Boundaries of resistance: The influence of an external factor on the development of the Basmachi movement (1920–1930s) 50
M. A. Vasilchenko. Czechoslovak Corps and the rudiments of the February Revolution transformations 63
V. V. Kanishchev. Collective portrait of officers from the Tambov province in the Siberian Rifle Regiments on the eve of and during the First World War 70
I. S. Sil'chenko, I. A. Klus. Social adaptation of former Kolchakites in Soviet Russia on the example of officers of the 7th Kamyshev (27th Kamyshevo-Orovaisky) Mountain Rifle Regiment 78

PHILOSOPHY

- A. A. Osipenko.** Hylemorphic animalism, brain transplant and 'brains in a vat' 86

Pros and Cons

- R. Brassier.** Badiou's Materialist Epistemology of Mathematics / trans. from Engl. by Z. M. Neustroev 95
Z. M. Neustroev. Perversion and Autism: Humanism between Foucault and Laruelle 107

Provocation

- C. New.** Time and punishment / trans. from Engl. by A. V. Nekhaev 113

In Memoria Classica

- V. V. Ogleznev.** Friedrich Waismann (1896–1959): Wandering philosopher 118
F. Waismann. The Linguistic Technique / trans. from Engl. by V. V. Ogleznev 124

ECONOMY

- M. I. Ahmadova.** Industrial heritage and problems of post-industrial development of the national economy of Azerbaijan 133
N. A. Panova, O. V. Kublashvili. Medical information systems: Features and comparative analysis 140
V. M. Fedorov, E. V. Yakovleva. Adaptability as a key principle of the effective crisis management 153

Актуальная история

УДК/UDC 947

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-6-12>

EDN: ZMBUWI

Научная статья / Original article

«ТРЕБОВАЛСЯ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТОЛЧОК, ЧТОБЫ ЗАПУСТИТЬ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЦЕРКВИ...»

А. В. Мазырин

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Россия, 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б

am_pstbi@mail.ru

Александр Владимирович Мазырин — священник Русской Православной Церкви, доктор теологии, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, специалист по истории Русской Церкви XX в. и по ее взаимоотношениям с Константинопольской Патриархией и другими Поместными Церквями.

Договоренность об интервью была достигнута во время командировки ученого в Омск в мае 2025 г. Интервью было записано в Москве в январе 2026 г. Беседа посвящена истории Русской Церкви в эпоху социальных катаклизмов. Особое внимание уделено проблемам церковных реформ, обновленчества и политизированности Церкви. Уточнен характер ряда явлений указанного плана. Проведено сравнение политических позиций двух святых: Патриарха Московского Тихона и архиепископа Омского Сильвестра, а также затронут вопрос обстоятельств кончины последнего.

Ключевые слова: Русская революция, Гражданская война в России, религиозный фактор, Русская Православная Церковь, обновленчество, Патриарх Тихон (Беллавин), архиепископ Сильвестр (Ольшевский)

Для цитирования: Мазырин А. В. «Требовался революционный толчок, чтобы запустить преобразовательное движение в Церкви...». *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 6—12. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-6-12>. EDN: ZMBUWI.

© Мазырин А. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

“A REVOLUTIONARY IMPETUS WAS NEEDED TO LAUNCH A TRANSFORMATIVE MOVEMENT IN THE CHURCH...”

A. V. Mazyrin

Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Novokuznetskaya St., 23B, Moscow, 115184, Russia

am_pstbi@mail.ru

University for the Humanities. He specializes in the history of the Russian Church in the 20th century and its relations with the Patriarchate of Constantinople and other Local Churches.

An interview was arranged during the scholar's visit to Omsk in May 2025 and it was recorded in Moscow in January 2026. The conversation focuses on the history of the Russian Church during the era of social upheaval with a particular focus on the issue of Church reforms, Renovationism and the politicization of the Church. The nature of a number of phenomena is clarified. A comparison of the political positions of two saints of Patriarch Tikhon of Moscow and Archbishop Sylvester of Omsk is made and the circumstances of the latter's death are discussed.

Keywords: Russian Revolution, Russian Civil War, religious factor, Russian Orthodox Church, Renovationism, Patriarch Tikhon (Bellavin), Archbishop Sylvester (Olshevsky)

For citation: Mazyrin A. V. "A revolutionary impetus was needed to launch a transformative movement in the Church...". *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):6–12. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-6-12>. EDN: ZMBUWI. (In Russ.).

© Mazyrin A. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

— Сегодня историки активно осмысляют феномен религиозного фактора в Гражданской войне [1, 2]. Какую роль, по Вашему мнению, сыграла Церковь в «Русской Смуте XX в.», и почему она не стала силой, остановившей ее?

— Православная Российская Церковь, если рассматривать ее как социальный институт, сама в начале XX в. отнюдь не была изолирована от революционных процессов. В церковной среде, как и в российском обществе в целом, практически все, так или иначе, были недовольны сложившейся ситуацией и желали ее изменения. Церковные «верхи» — епископат и наиболее образованная и обеспеченная (по преимуществу городская) часть белого духовенства — стремились к большей свободе от чрезмерной, как им казалось, государственной опеки (так называемого цезаропапизма). Социально они были недалеко от интеллигенции и буржуазии, а в плане политических предпочтений могли симпатизировать либеральным партиям (что не противоречило их официальной приверженности монархии). Церковные «низы», чье материальное положение зачастую было далеко от благополучия (особенно это касалось псаломщиков, составлявших почти половину белого духовенства), оказывались весьма уязвимыми перед пропагандой разного рода социалистов. Доходило до того, что семинаристы пополняли ряды террористов. Белое духовенство ратовало за ограничение архиерейского произвола и увеличение собственного участия в делах церковного управления, низшие клирики требовали более справедливого, на их взгляд, распределения приходских доходов, больших полномочий себе желали и прихожане. Существовавшая бюрократическая система церковного управления не удовлетворяла практически никого, разговоров о необходимости ее реформирования было множество, предлагались и прорабатывались проекты преобразований, но дальше этого дело особо не шло. Все ждали Собора, но, несмотря на то, что все необходимые приготовления к нему были завершены еще в 1906 г., верховного благоволения на его созыв не было. Требовался революционный толчок, чтобы запустить преобразовательное движение в Церкви. При этом были, конечно, и опасения, что это движение может приобрести разрушительный характер.

— Как Вы оцениваете церковную революцию в рамках Русской революции? Ведь ее действие,

Александр Владимирович Мазырин читает лекцию в Омской духовной семинарии. Май 2025 г.
Alexander Vladimirovich Mazyrin is giving a lecture at Omsk Theological Seminary. May 2025

Источник / Source: <https://www.ompsds.ru/%D0%B2-%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%B4%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%B0-%D0%BE%D1%82/>

как кажется, нашло скорое отражение даже в политической риторике того времени [3].

— В условиях революционного катаклизма 1917 г. церковное руководство в лице Святейшего Синода стремилось, с одной стороны, в меру возможного предохранить Церковь и общество от чрезмерного потрясения, а с другой — использовать открывающиеся возможности для решения накопившихся проблем. Сейчас в определенных кругах стало модным говорить о том, что архиереи-де предали царя. В действительности они в марте 1917 г. были поставлены перед фактом пусть и вынужденного, но подписанного царем и его наследником-братом отречения от верховной власти и появления в России нового Временного правительства. При этом ни Николай, ни Михаил Александровичи совета по поводу своих действий у иерархии не спрашивали. В их актах от 2 и 3 марта нашлось место для упоминания Учредительного собрания, Временного правительства и Государственной думы,

но не Православной Российской Церкви, и это при том, что по действовавшим законам царь считался главой Церкви. Синод должен был самоопределяться, и выбирать ему в реальности приходилось не между монархией и республикой, а между Временным правительством, пусть и революционным, но все-таки имевшим вид легитимности (премьер-министр Г. Е. Львов был назначен царским указом), и еще более революционным Петроградским советом, который тогда был вполне реальной властной альтернативой этому правительству. Задача была консолидировать общество в ситуации сильного революционного брожения и, что особенно важно, тяжелейшей мировой войны. Собственно, этот мотив необходимости всенародного единения был главным и в акте, подписанном царем при отречении («...почти Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы» [4, с. 1]). Ответственным центром такой консолидации Синод, вслед за братом царя, счел Временное правительство, которое он и поддержал в обращении к всероссийской пастве и которое, что существенно, выражало готовность к конструктивному диалогу с Церковью (в отличие от радикального Петросовета). Синоду надо было спокойно довести Церковь до Собора, на скорое проведение которого новое правительство «давало добро».

Также и епархиальные архиереи более всего были заинтересованы в том, чтобы сохранить спокойствие в своих епархиях. Однако это в значительной степени оказалось невозможным как по причине резко возросшей активности церковных «низов», так и в силу поощрения «церковной революции» со стороны правительства, в первую очередь — революционного обер-прокурора В. Н. Львова. Неудовольствие революционным активистам епископы и священники стали изгоняться со своих мест, и этот процесс уже весной 1917 г. приобрел довольно внушительный масштаб (одних только правящих архиереев за март-октябрь того года было смещено 15 человек [5, с. 213] — почти четверть от их общего состава, что очень много). Тем важнее для Церкви становился незамедлительный созыв Всероссийского Собора, который только и мог оздоровить накалявшуюся обстановку. Однако вскоре после того, как Собор заработал, власть в стране захватили крайние радикалы-большевики, откровенно враждебные Церкви. К еще нерешенным старым проблемам церковной жизни стали стремительно добавляться новые.

Я не могу согласиться с утверждением уважаемого А. В. Соколова, что «в течение ноября — декабря 1917 года советское правительство, занятое укреплением своей власти, почти не трогало Церковь...» [6, с. 833]. Чего стоило одно лишь декабрьское постановление Народного комиссариата просвещения о передаче ему «из Духовного ведомства дела воспитания и образования». Передаче с последующей фактической ликвидацией подлежали все церковно-приходские школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии и «все другие носящие различные названия низшие, средние и высшие школы и учреждения духовного ведомства» [7, с. 108]. Это разрушение всей системы церковного образования уже само по себе было актом сильнейшего гонения на Церковь. Только лишь по сравнению с той антицерковной вакханалией, которую большевики учи-

нили с января 1918 г., это могло выглядеть как «почти не трогали».

— **На обновленческое движение в Церкви можно выделить две точки зрения в историографии: оно постепенно вызревало в среде духовенства, начиная с Первой русской революции, или оно результат деятельности чекистов, стремившихся расколоть и уничтожить Церковь. Какая точка зрения Вам ближе?**

— Мне кажется, выделение двух указанных точек зрения и их противопоставление несколько искусственно. Надо смотреть на проблему комплексно. Внутреннее брожение в церковных кругах начала XX в., несомненно, имело место быть. Также бесспорно и то, что большевиками целенаправленно проводилась политика по расколу и ликвидации Церкви. Одно вполне сочеталось с другим, из этого сочетания и появился на свет обновленческий раскол. Документально установлено, что, как минимум, с 1919 г. ВЧК активно формировала свой осведомительный аппарат в церковных кругах. В первую очередь в обработку попадали «прогрессисты», ранее уже отметившиеся причастностью к «церковной революции», но ими дело не ограничивалось [8–10]. В советском обновленчестве нашли себе видное место и некоторые прежние церковные «охранители». Ярчайший пример — ранее «черносотенный» священник Владимир Красницкий, ставший в 1922 г. лидером обновленческой «Живой Церкви». В то же время многие из ревнителей церковного обновления начала XX в. — взять хотя бы знаменитую группу «32-х» петербургских священников — оказались в 1920-е гг. не в обновленческом расколе, а в числе православных борцов с ним. В чем не приходится сомневаться, так это в том, что без содействия партийно-чекистских органов церковные революционеры не смогли бы создать столь значительной организации, которая в 1922–1923 гг. почти подменила собой каноническую Православную Российскую Церковь. Есть интересное исследование И. В. Воронцовой, показывающее, что собой представляло послереволюционное обновленчество, так сказать в чистом виде, когда оно в 1918 г. уже встало на путь обособления от патриаршей Православной Российской Церкви, но еще не оказалось объектом обработки ВЧК-ГПУ. Это небольшая лево-реформаторская группа, именовавшаяся товариществом «Соборный разум» и издававшая одноименный журнал. К ней, в частности, принадлежал будущий знаменитый обновленец Александр Введенский. Влияние этой петроградской церковно-интеллигентской группы распространялось чуть шире, чем собственно на самих ее участников [11]. Оно бы таким и осталось, если бы к делу не подключились «товарищи» иного склада.

— **На Ваш взгляд, каковы перспективные проблемы историографии при исследовании истории Русской Православной Церкви в военно-революционный период 1914–1922 гг.? Например, недавно омскими историками поднята одна из точечных новаторских тем здесь — жившие в СССР представители духовенства, принявшие сан после службы офицером в годы Первой мировой или Гражданской войн [12–14].**

— Таких перспективных направлений довольно много. Например, требуют более глубокой разработки проблемы влияния на церковное сообщество различных политических сил — допустим, тема «Православная Российская Церковь и Союз рус-

ского народа». Или, напротив, «Русская Церковь и партия социалистов-революционеров». Остается нерешенным вопрос, почему в марте 1917 г. Церковь столь легко приняла (многие — с откровенным восторгом) падение самодержавия. Ответ, который предлагает небезызвестный профессор М. А. Бабкин (священство-де всегда подспудно было в оппозиции царству как конкурирующему харизматическому институту, и потому в подходящий момент поспособствовало его крушению [15]), меня не удовлетворяет. Не исчерпана научным образом и «распутинская» проблематика. Ждет своего автора обобщающий труд по теме «Церковь и Белое движение», да и вопросы адаптации церковного организма к советской власти исследованы еще далеко не все (не говоря уже про их многообразные региональные аспекты).

— «**Большим местом**» омской истории относительно периода Гражданской войны стал адмирал Колчак [16, 17]. А для церковной истории региона подобный дискуссионный смысл обрела личность его современника — архиепископа Сильвестра (Ольшевского). Наибольшие противоречия в суждениях вызвали его жизненный финал и канонизация. Он был канонизирован сначала как священикомученик, а потом стал почитаться в качестве священнойисповедника. Нельзя не учесть и его политической деятельности. В момент наивысшей эскалации Гражданской войны этот архиерей возглавлял Временное Высшее Церковное управление Сибири, принявшее активное участие в военно-политическом противоборстве на стороне белых, к слову, ядром в этом процессе стала Омская епархия [18]. Политические позиции владыки Сильвестра и патриарха Тихона, официально не благословившего белую борьбу, сильно отличались. На Ваш взгляд, с точки зрения интереса Церкви, кто же из них был прав?

— Я думаю, противопоставлять позиции двух святых — Патриарха Тихона и архиепископа Сильвестра — не совсем правильно. Просто условия, в которых они находились в 1918–1919 гг., были разными. Иерархи, да и вообще церковные люди, вовсе не обязаны иметь неизменную политическую позицию, это не вопрос вероисповедания. Существенен политический контекст. Я вполне могу допустить, что если бы в 1918 г. в Центральной России — представим себе такое — появилось бы правительство, сформированное Учредительным собранием, условно говоря, «белое», а в Сибири и на Урале власть, напротив, оказалась в руках «красных», то Патриарх Тихон выразил бы поддержку оправшемуся на всенародное голосование политическому строю, а архиепископ Сильвестр, наоборот, ратовал бы за аполитичность Церкви. Вообще, сама по себе аполитичность не является какой-то духовной ценностью. Она была лучшим выбором для Церкви в условиях захвата власти откровенно богоборческой партией, поскольку подерживать ее политику Церковь по совести не могла, но и вступление с ней в политическую борьбу тоже не соответствовало природе Церкви. Учет церковными деятелями текущих политических реалий вполне оправдан, только бы это не было сопряжено с явным грехом. Примером такого греха служит деятельность обновленцев, которые не просто выразили лояльность советской власти, но и стали ей активно помогать в деле уничтожения Церкви, занимаясь непрерывным доносительством на своих недавних православных сослуживцев и обрекая

их на расправу со стороны богоборцев. В поддержке же архиепископом Сильвестром правительства А. В. Колчака я греха не вижу, поскольку «белые» врагами Церкви не были, скорее даже наоборот. Тем более что действовал он не самочинно, а во исполнение решения Сибирского Соборного совещания 1918 г. [19, с. 50–52].

Что касается жизненного финала архиепископа Сильвестра, то, как известно, после обнаружения справки ЗАГСа с указанием в качестве причины его смерти кишечного рака нашлись желающие объявить его мученическую кончину легендой [20]. Однако есть и другие документальные свидетельства — акты судебно-медицинских экспертиз останков, обнаруженных при раскопках фундамента Омского Успенского собора в 2005 г. и с высокой степенью вероятности идентифицированных в качестве останков (мощей) архиепископа Сильвестра. Этими экспертизами установлены многочисленные повреждения костей покойника, в том числе и дырчатый перелом грудины, «сформировавшийся в результате воздействия удлиненного колющего предмета четырехгранного сечения», причем этим предметом вполне мог быть штык. При этом эксперты добросовестно отметили, что «определить, прижизненно или посмертно сформировались переломы костей скелета, не представляется возможным». Отдельные поверхности переломов, в частности черепа, имели более светлую окраску, что «может свидетельствовать в пользу посмертного их формирования, по завершении скелетирования этих костей». Но у травмированной грудины «окраска излома одинакова с окраской поверхности кости» [21], а это, как можно понять, говорит в пользу того, что ее дырчатый перелом произошел до скелетирования останков (и, соответственно, до их погребения).

Совсем недавно казахстанским священником Михаилом Березиным обнаружено и введено в научный оборот дневниковое свидетельство некоей А. Н. Тверитиной, которая в 1919–1920 гг. работала при Епархиальном совете Омской епархии. Из этого свидетельства, так же как и из справки ЗАГСа, следует, что архиепископ Сильвестр умер своей смертью 10 марта 1920 г., скорее всего, «в доме ключаря Успенского кафедрального собора г. Омска свящ. Федора Чемагина». Особенно примечательно свидетельство Тверитиной о том, что отпевание почившего омского архиерея совершил выпущенный из тюрьмы архиепископ Вениамин (Муратовский). «Когда он вышел служить литию, все взоры обратились на него. Он шел бледный, с опущенными вниз глазами, просто жаль было смотреть на него, вид его вызывал слезы на глазах. Проходя мимо гроба, убранного цветами, вероятно, думал, что и ему скоро придется лежать таким же бездыханным трупом на одре вечного упокоения» [22, с. 150]. Однако спрашивается, чем был так страшно напуган архиепископ Вениамин? Отчего он боялся тоже вскоре лечь «бездыханным трупом»? Причем страх его оказался настолько сильным, что в дальнейшем он уже не сходил с пути коллаборации с советскими органами и вскоре оказался в числе видных деятелей обновленческого раскола, а с 1924 г. и вовсе его официально возглавил вплоть до своей смерти в 1930 г. (это, кстати, к вопросу о том, какой мотивации — внутренней или внешней — у советских обновленцев было больше).

Более же всего мне (и не только мне) непонятно, откуда и когда у архиепископа Сильвестра появи-

лись установленные экспертизой многочисленные переломы костей и, в особенности, тот малосовместимый с жизнью дырчатый перелом грудины, если он мирно скончался в доме у ключаря собора и никакого жестокого обращения не претерпел? Это засвидетельствовавший его смерть врач проломил ему грудь острым предметом, весьма похожим на штык? Думаю, сложно такое представить. Поэтому я соглашусь с ранее выраженным Вами мнением, что «точка в этом деле еще не поставлена» [23, с. 303]. И то, что в официальном календаре Русской Православной Церкви с 2018 г. архиепископ Сильвестр именуется не священномучеником, а священноисповедником [24, с. 59], едва ли может рассматриваться в качестве такой точки. Скорее, в этом можно увидеть стремление на период острой дискуссии историков вывести Церковь из-под излишне пристрастной критики. Да и как священноисповедник архиепископ Сильвестр остается святым в ни меньшей степени, чем как священномученик. Разница не столь принципиальная, а грань между двумя чинами святости достаточно условная. Архиепископ Иларион (Троицкий), например, в 1929 г. умер в ленинградской больнице от сыпного тифа, не от ран, но почитается как священномученик, и это правильно.

— **Вы подробно писали об экспансии Константинопольского патриархата в отношении Русской Православной Церкви в первой половине XX в. В начале XXI в. эта экспансия стала более результативной и каноническая территория Русской Православной Церкви на Украине фактически отторгнута. Современная экспансия Константинопольского патриархата — это явление новое, или это продолжение той экспансии в современных условиях?**

— Политически и националистически мотивированное стремление Константинопольской патриархии к гегемонии в православном мире — явление далеко не новое, уходящее корнями в глубь веков, можно сказать, еще во времена античности. Сыграли свою роль и эллинское чувство культурного превосходства над «варварами», и былой столичный статус Константинополя, определенным образом отмеченный в каноническом своде Православной Церкви. Однако более полутысячи лет Константинополь не православная столица, да и не Константинополь он уже, а Стамбул. Тем не менее желание церковного первенства у его титулярного епископа, оставшегося в своем городе почти без паствы, но гордо именующего себя Вселенским, не исчезает. Причем, как и когда-то при Византии, главной опорой при реализации этого первенства видится доминирующая политическая власть. В османский период Фанар (Константинопольская патриархия) с немалой выгодой для себя встроился в турецкую имперскую систему. Когда последняя в результате Первой мировой войны пошла вразнос — быстро переориентировался на англосаксов, впрочем, не забывая при необходимости и туркам услужить. Поживиться за счет русского церковного достоинства всегда было желанной целью фанариотов, и в достижении этой цели они проявляют изрядную изобретательность и гибкость, ловко подстраиваясь под текущую политическую конъюнктуру. В 1920-е гг. они готовы были сотрудничать с боготворцами-большевиками и их креатурами-обновленцами, сейчас — с враждебными христианству глобалистами и новыми раскольниками на Украине и в других местах. Их не остановило даже

то, что основоположником современной украинской автокефалистской иерархии (правильнее сказать, лжеиерархии), которую они приняли в полное единение с собой, был откровенный самозванец-авантюрист, выдававший себя за епископа, но не являвшийся таковым [25]. С точки зрения экклезиологии (учения о Церкви), это полное крушение Фанара, его каноническая аннигиляция. Конечно, печально, что некогда великая Константинопольская Церковь дошла до такого духовно-нравственного упадка. Но это исторический урок, что бывает, когда евангельские заповеди и канонические нормы приносятся в жертву политическим расчетам.

Беседовал Алексей СУШКО.

Список источников / References

1. Сушко А. В. Критические заметки о религиозном факторе в годы Гражданской войны в России: к теоретико-методологическому аспекту проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 141–152. <https://doi.org/10.17223/15617793/490/16>. EDN: UZYPAU.
2. Sushko A. V. Critical notes on the religious factor during the Civil War in Russia: On the theoretical and methodological aspect of the problem. *Tomsk State University Journal*. 2023;490:141–152. <https://doi.org/10.17223/15617793/490/16>. EDN: UZYPAU. (In Russ.).
3. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / под ред. А. С. Пученкова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2024. 572 с. ISBN 978-5-288-06375-6. EDN: YCGFEO.
4. Religioznyy faktor v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii: fenomen, znachenije, regional'naya spetsifika / ed. by A. S. Puchenkov. Saint Petersburg, 2024. 572 p. ISBN 978-5-288-06375-6. EDN: YCGFEO. (In Russ.).
5. Стельмак М. М., Петин Д. И. Российская революция: Слово и Дело [Рец. на кн.: Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация Гражданской войны в России / под ред. Б. И. Колоницкого и др. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2022. 328 с. (Эпоха войн и революций; вып. 16)] // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 189–201. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.112>. EDN: AAZMSD.
6. Stelmak M. M., Petin D. I. Russian Revolution: Word and Deed [Review on: Words and conflicts: The language of confrontation and the escalation of the Civil War in Russia. St. Petersburg: EUSP Press, 2022. 328 p. (The Age of Wars and Revolutions; num. 16)]. *Modern History of Russia*. 2024;14(1):189–201. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.112>. EDN: AAZMSD. (In Russ.).
7. Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского за себя и за сына в пользу Великого Князя Михаила Александровича // Церковные ведомости. 1917. № 9-15. С. 55–56.
8. Akt ob otrechenii Gosudarya Imperatora Nikolaya II ot prestola Gosudarstva Rossiyskogo za sebya i za syna v pol'zu Velikogo Knyazya Mikhaila Aleksandrovicha. *Tserkovnyye Vedomosti*. 1917;9-15:55–56. (In Russ.).
9. Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (высшее духовенство Российской церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции): монография. Санкт-Петербург: Лики России, 2008. 224 с. ISBN 978-5-87417-296-1. EDN: RYVPPH.
10. Rogoznyy P. G. Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda (vyssheye dukhovenstvo Rossiyskoy tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiyakh posle Fevral'skoy revolyutsii). Saint Petersburg, 2008. 224 p. ISBN 978-5-87417-296-1. EDN: RYVPPH. (In Russ.).
11. Соколов А. В. Православная Российская Церковь в эпоху великих потрясений (1917–1918 гг.). Москва: Общественно-любовительной церковной истории, 2024. 920 с. ISBN 978-5-6041171-4-9.

- Sokolov A. V. *Pravoslavnaya Rossiyskaya Tserkov' v epokhu velikikh potryaseniy (1917–1918 gg.)*. Moscow, 2024. 920 p. ISBN 978-5-6041171-4-9. (In Russ.).
7. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917–1918 г.: сборник документов. Москва, 2016. 941 с. ISBN 978-5-7429-1007-7.
- Otdeleniye Tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot Tserkvi v Sovetskoy Rossii. Oktyabr' 1917–1918 g. Moscow, 2016. 941 p. ISBN 978-5-7429-1007-7. (In Russ.).
8. Крапивин М. Ю. Дискуссия о создании «советской» Православной церкви в руководящих кругах большевистской партии и советского государства (1919–1921 гг.) // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 277–298. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.215>. EDN: WWQRWP.
- Krapivin M. Yu. The Discussion about Creation of the "Soviet" Orthodox Church in Leading Circles of Bolshevik Party and the Soviet State (1919–1921). *Modern History of Russia*. 2016;2(16):277–298. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.215>. EDN: WWQRWP. (In Russ.).
9. Мазырин А. В., Смолякова И. Н. «Чем меньше будет мудрых духовных мужей, тем для нас будет гораздо выгоднее». Документы секретно-оперативного управления ГПУ о работе по расколу Русской Церкви в 1922 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 3 (31). С. 369–378. <https://doi.org/10.24411/2224-5391-2020-10316>. EDN: FDTUMF.
- Mazyrin A. V., Smolyakova I. N. "The fewer wise spiritual men there are, the more advantageous it would be for us". Documents of the Secret-Operational Department of the GPU Relating to the work on the schism of the Russian Church in 1922. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2020;3(31):369–378. <https://doi.org/10.24411/2224-5391-2020-10316>. EDN: FDTUMF. (In Russ.).
10. Савин А. И. «Необходимо действовать крайне осторожно, чтобы оградить советскую власть от всяких нареканий во вмешательстве в духовные дела»: неизвестный документ руководства ГПУ НКВД РСФСР о насаждении раскола в Русской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 116. С. 147–155. <https://doi.org/10.15382/sturII2024116.147–155>. EDN: UQYHFT.
- Savin A. I. "It is necessary to act with extreme caution in order to protect the soviet authorities from any accusations of interference in religious affairs". An unknown document of the state political directorate on instigating the split in the Russian Orthodox Church. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2024;116:147–155. <https://doi.org/10.15382/sturII2024116.147–155>. EDN: UQYHFT. (In Russ.).
11. Воронцова И. В. Журнал "Соборный разум" как источник по истории обновленчества в 1918 году // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 102. С. 77–109. <https://doi.org/10.15382/sturII2021102.77–109>. EDN: UQYHFT.
- Vorontsova I. V. The journal Sobornyi Razum as a source on the history of renovationism in 1918. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2021;102:77–109. <https://doi.org/10.15382/sturII2021102.77–109>. EDN: UQYHFT. (In Russ.).
12. Стельмак М. М. Вклад бывших белых офицеров в развитие и культуру советского Омска в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения-2023: материалы XVI Междунар. научн.-практ. конф. Омск: ОмГТУ, 2023. С. 124–129. EDN: AQMKHI.
- Stel'mak M. M. Vklad byvshikh belykh ofitserov v razvitiye i kul'turu sovetskogo Omska v 1920-e gg. *Omskiye Sotsial'no-Gumanitarnyye Chteniya-2023*. Omsk, 2023. P. 124–129. EDN: AQMKHI. (In Russ.).
13. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/18>. EDN: IWQMWV.
- Petin D. I., Stelmak M. M., Sushko A. V. "Gold chasers" in Soviet Russia: A collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk). *Tomsk State University Journal*. 2023;486:165–175. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/18>. EDN: IWQMWV. (In Russ.).
14. Сушко А. В., Петин Д. И. Бывшие офицеры, социализировавшиеся в духовенство в советском обществе 1920-х гг. (на примере УССР) // Русин. 2025. № 81. С. 187–201. <https://doi.org/10.17223/18572685/81/8>. EDN: AJHTZS.
- Sushko A. V., Petin D. I. Former officers socialized into the clergy in 1920s Soviet society (The case of the Ukrainian SSR). *Rusin*. 2025;81:187–201. <https://doi.org/10.17223/18572685/81/8>. EDN: AJHTZS. (In Russ.).
15. Бабкин М. А. Священство и царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы: монография. Москва: Индрик, 2011. 920 с. ISBN 978-5-91674-077-6. EDN: QVSMTD.
- Babkin M. A. Svyashchenstvo i tsarstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.). Issledovaniya i materialy. Moscow, 2011. 920 p. ISBN 978-5-91674-077-6. EDN: QVSMTD. (In Russ.).
16. Стельмак М. М. «Верховный правитель белой России А. В. Колчак: личность и память»: круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны // Северные архивы и экспедиции. 2025. Т. 9, № 2. С. 63–73. EDN: UYRVGN.
- Stelmak M. M. "The supreme ruler of the White Russia A. V. Kolchak: personality and memory": a round table at the center of studying the history of the Civil War. *Northern Archives and Expeditions*. 2025;9(2):63–73. EDN: UYRVGN. (In Russ.).
17. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных: монография. Изд. 2-е, испр. и перераб. Омск: Омскбланкиздат, 2025. 160 с. ISBN 978-5-8042-0918-7. EDN: SPBCSK.
- Petin D. I. Istoriiy omskogo roda Batyushkinykh. 2nd ed., corrected and revised. Omsk, 2025. 160 p. ISBN 978-5-8042-0918-7. EDN: SPBCSK. (In Russ.).
18. Сушко А. В. Политическая деятельность Омского епархиального собрания в июне 1918 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2023. С. 333–339. EDN: OOSHMI.
- Sushko A. V. Politicheskaya deyatelnost' Omskogo eparkhial'nogo sobraniya v iyune 1918 g. *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2023. P. 333–339. EDN: OOSHMI. (In Russ.).
19. Сибирское Соборное совещание 1918 года: материалы / Отв. ред. прот. Д. В. Олихов. Москва: Спасское дело, 2020. 221 с.
- Sibirskoye Sobornoye soveshchaniye 1918 goda: materialy [Siberian Cathedral Conference of 1918: materials] / ed. by Archpriest D. V. Olikhov. Moscow: Spasskoe delo, 2020. 221 p. (In Russ.).
20. Панина М. Ф. «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 19. 2014. С. 123–126. EDN: YASUOT.
- Panina M. F. «Ego bol'she ne trogali»: legenda o muchenicheskoy konchine arkhiepiskopa Sil'vestra v 1920 g. *Izvestiya Omskogo Gosudarstvennogo Istoriko-Krayevedcheskogo Muzeya*. 2014;19:123–126. EDN: YASUOT. (In Russ.).
21. Акт судебно-медицинского исследования останков человека, обнаруженных 21.07.2005 г. при проведении раскопок в сквере Пионеров по ул. Интернациональной в г. Омске // Вестник Омской Православной духовной семинарии. 2020. Вып. 1 (8). С. 154–189.
- Akt sudebno-meditsinskogo issledovaniya ostankov cheloveka, obnaryuzhennykh 21.07.2005 g. pri provedenii raskopok v skvere

Pionerov po ul. Internatsional'noy v g. Omske. *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii*. 2020;1(8):154–189. (In Russ.).

22. Березин М. А. Новые сведения об обстоятельствах смерти архиепископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского) // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7. С. 140–153. EDN: QGCDYW.

Berezin M. A. New Information on the Circumstances of the Death of Sylvester (Olshevsky), Archbishop of Omsk and Pavlodar. *Tserkov'. Bogoslovie. Istorii = Church. Theology. History*. 2026;7:140–153. EDN: QGCDYW. (In Russ.)

23. Храпова Н. С., Сушко А. В. Актовая запись о смерти архиепископа Сильвестра (Ольшевского): некоторые аспекты анализа источника // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2019. С. 299–304. EDN: QYLHQN.

Khrapova N. S., Sushko A. V. Aktovaya zapis' o smerti arkhiepiskopa Sil'vestra (Ol'shevskogo): nekotoryye aspekty analiza istochnika. *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2019. P. 299–304. EDN: QYLHQN. (In Russ.).

24. Патриарший календарь на 2019 год с приложением. Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2018. 526 с.

Patriarshiy kalendar' na 2019 god s prilozheniyem. Moscow, 2018. 526 p. (In Russ.).

25. Шумило С. В. Образование иерархии УАПЦ в 1990 г. и самозванный «епископ» Викентий Чекалин // Церковь и время. 2020. № 3 (92). С. 154–213. EDN: ENADYI.

Shumilo S. V. Formation of the UAOC's Hierarchy in 1990 and Self-Proclaimed "Bishop" Vikenty Chekalin. *Tserkov' i Vremya*. 2020;3(92):154–212. EDN: ENADYI. (In Russ.).

Информация об авторе:

МАЗЫРИН Александр Владимирович, священник, доктор теологии, доктор церковной истории, канди-

дат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва.

SPIN-код: 7085-5705

AuthorID (РИНЦ): 99159

e-mail: am_pstbi@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 22.03.2026; принята к публикации 21.04.2026.

Information about the author:

MAZYRIN Alexander Vladimirovich, Priest, Doctor of Theology, Doctor of Church History, Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow.

SPIN-code: 7085-5705

AuthorID (RSCI): 99159

e-mail: am_pstbi@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 22.03.2026; accepted for publication 21.04.2026.

УДК/UDC 93/94+001

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-13-20>

EDN: AOVCVN

Научная статья/Original article

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ: ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ В ОМСКЕ

Д. И. Петин

Омский государственный технический университет,
Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира, 11

 dimario86@rambler.ru

Работа представляет собой обзор VI Международной научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», состоявшейся 22–23 октября 2025 г. в Омске.

Исходя из жанра публикации, ключевой научный метод, использованный при ее написании — проблемно-хронологический. Принципы системности и детерминизма позволили аналитически обобщить основные вехи работы очередной конференции, которая видится как яркое явление научной и общественной жизни Омского региона, имеющее свою причинность и очевидные последствия.

Обобщены ключевые вопросы, представленные в докладах участников. Отмечается плодотворное взаимодействие редакционной коллегии журнала Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность» и организационного комитета конференции в деле развития исторической науки.

Ключевые слова: научная жизнь, научная коммуникация, научные конференции, научные журналы, историческая память, историография, Гражданская война, Омск

Для цитирования: Петин Д. И. Историческая память о Гражданской войне в России: обзор конференции в Омске. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 13–20. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-13-20>. EDN: AOVCVN.

© Петин Д. И., 2026
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

HISTORICAL MEMORY OF THE RUSSIAN CIVIL WAR: A REVIEW OF THE OMSK CONFERENCE

D. I. Petin

Omsk State Technical University,
Mira Ave., 11, Omsk, 644050, Russia

 dimario86@rambler.ru

The paper presents a review of the VI International Scientific and Practical Conference “The Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage”, held in Omsk on October 22–23, 2025.

Considering the publication's genre, the key research method is problem-based chronology. The principles of systematicity and determinism allows analytically summarizing the key milestones of the conference as a significant event in the scientific and social life of the Omsk region with its own causality and obvious consequences.

The author presents key issues in the participants' papers. Moreover, the author highlights the collaboration between the Editorial Board of the journal Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity and the conference Organizing Committee in the development of historical science.

Keywords: academic life, scientific communication, academic conferences, scientific journals, historiography, historical memory, Civil War, Omsk

For citation: Petin D. I. Historical memory of the Russian Civil War: A review of the Omsk conference. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):13–20. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-13-20>. EDN: AOVCVH. (In Russ.).

© Petin D. I., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Эпохи социальных катаклизмов в отечественной истории и последствия этих событий, неизменно затрагивающих все процессы в государстве и обществе, продолжают быть одним из масштабных ключевых этапов в новейшей истории России, осмысляемых современными академическими специалистами. Еще одно свидетельство в пользу сказанного — это VI Международная научно-практическая конференция «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», которая прошла 22–23 октября 2025 г. в Омске. Она была посвящена Году защитника Отечества в Российской Федерации и 120-летию событий Первой русской революции. Дискуссионная площадка в очередной раз собрала многочисленную неравнодушную публику благодаря организационному взаимодействию Министерства культуры Омской области, Исторического архива Омской области, Омского государственного технического университета, Омского автобронетанкового инженерного института и отделения Российского исторического общества в Омской области.

Перечисленный институциональный партнерский круг оформился в 2021 г. Состоявшуюся конференцию с уверенностью можно считать интеллектуальным продуктом того плодотворного диалога, сложившегося за текущее десятилетие между различными ведомствами и указанными государственными и общественными структурами Омского региона, которые, так или иначе, имеют в своей деятельности объединяющую их комплексную задачу. Указанная задача заключается в развитии исторической науки, широком внедрении и популяризации ее передовых открытий и наработок, а также интеграции усилий авторитетных российских академических специалистов с целью их участия в патриотической работе с населением, направленной на противодействие фальсификациям прошлого нашей страны.

В связи с этим неслучайным можно назвать выбор места проведения конференции, продолжающейся уже на протяжении более чем десяти лет. Им неизменно является Центр изучения истории Гражданской войны — научная и просветительская площадка, а также востребованное общественное пространство Исторического архива Омской области с роскошным конференц-залом. Данная локация является одним из общепризнанных академических и историко-культурных брендов Омского региона, получивших достаточно широкую известность в России. Концепция работы и установившиеся традиции указанной площадки призывают граждан к всестороннему академическому осмыслению, взвешенным оценкам и трактовкам событий военно-революционной эпохи [1]. Деятельность Центра, в первую очередь благодаря конференции, привлекает внимание мэтров темы, что является историографическим фактом, о котором указывает В. И. Голдин в своей фундаментальной монографии,

посвященной осмыслению изучения Гражданской войны в России [2, с. 113].

Особенное значение особняка для региональной идентичности, где ведет работу Центр изучения истории Гражданской войны, во многом продиктовано специфичным бытованием здания. За истекшие 130 лет здесь располагались: респектабельное «родовое гнездо» состоятельной омской семьи Батюшкиных (с 1905 по июль 1918 г.); Министерство снабжения Временного Сибирского правительства, а затем Временного Всероссийского правительства (до начала декабря 1918 г.); личная резиденция Верховного правителя адмирала А. В. Колчака (до 13 ноября 1919 г.); автомобильное управление штаба Восточного фронта РККА (до января 1920 г.); Сибирское управление военно-учебных заведений РККА (до лета 1921 г.); детский дом № 21 (до осени 1925 г.); Омский окружной отдел ОГПУ (до лета 1928 г.); детский костно-туберкулезный санаторий (до 1971 г.); цех Омской картографической фабрики (до весны 1985 г.); Центральный отдел ЗАГС г. Омска (до весны 2011 г.); Центр изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (с 13 января 2012 г.) [3].

Подобные насыщенные в институциональном смысле страницы прошлого здания, как городской «точки памяти», делают его в современном общественном и культурологическом восприятии «своим» для представителей самых разных по профилю профессиональных структур и учреждений. Однако наиболее выделяющимся историческим сюжетом в бытовании регионального памятника истории и культуры были и остаются неизменны — это Гражданская война в России и противоречивая личность Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. В этом смысле в историческом центре Омска вряд ли есть возможность отыскать какое-либо место, подходящее для регулярного проведения подобной конференции.

Также важно отметить, что в Омском регионе в настоящее время проводится не так много специализированных продолжающихся тематических конференций по историческим наукам, которые имеют широкую известность, авторитет, международный статус и насчитывают временем своего существования хронологический отрезок протяженностью более чем десять лет.

Основная часть

В процессе подготовки мероприятия (с 14 марта по 12 сентября 2025 г.) организационный комитет отобрал и утвердил 63 заявки, направленные от имени 70 авторов — академических специалистов и представителей общественности. Из них большая часть имеет ученые степени: 14 докторов наук, 38 кандидатов наук, 1 PhD.

География участников мероприятия (очной и заочной форм) представлена 22 субъектами Российской Федерации: Москва, Санкт-Петербург, Донецкая Народная Республика, Республика Татар-

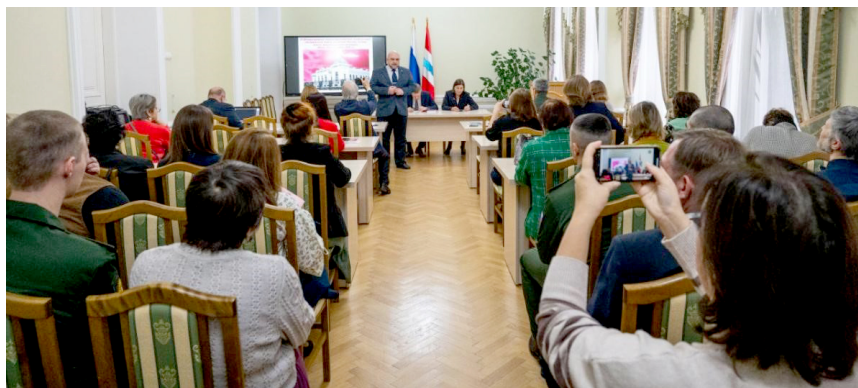

Рис. 1. Открытие конференции
Источник: фото А. А. Шестаковой
Fig. 1. Opening of the conference
Source: photo by A. A. Shestakova

Рис. 2. На пленарном заседании конференции: фотокорреспондент А. Н. Озеров;
заместитель министра культуры Омской области С. Д. Бакулина
Источник: фото А. А. Шестаковой
Fig. 2. At the plenary session of the conference:
photo journalist A. N. Ozerov; Deputy Minister of Culture of the Omsk region
S. D. Bakulina
Source: photo by A. A. Shestakova

Рис. 3. На пленарном заседании конференции:
вопрос докладчику задает историк В. А. Шуляков
Источник: фото А. Н. Озерова
Fig. 3. At the plenary session of the conference: the historian
V. A. Shuldyakov asks the speaker a question
Source: photo by A. N. Ozerov

Рис. 4. Участники конференции после завершения второго дня работы мероприятия: на первом плане — историк А. В. Сушко; начальник архивного управления Министерства культуры Омской области Г. И. Растягаева; историк Д. И. Петин

Источник: фото А. М. Дылда

Fig. 4. Participants of the conference after the end of the second day in the foreground — historian A. V. Sushko; Head of the Archives Department of the Ministry of Culture of the Omsk region G. I. Rastyagaeva; historian D. I. Petin

Source: photo by A. M. Dylda

стан, Алтайский, Красноярский и Пермский края, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Владимирская, Иркутская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Тамбовская, Томская, Тюменская, Сахалинская, Свердловская и Ярославская области.

Конференция выступает и площадкой для академической коммуникации отечественных историков с единомышленниками, которые проживают на территории других государств, но чьи методологические подходы и выявляемые источники могут представлять весомый интерес для российских специалистов. В частности, прошедшее мероприятие выразили готовность поддержать 10 зарубежных участников из числа граждан Казахстана, Китая, США, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Японии (ученые степени из них имеют семь представителей).

Сборник материалов конференции, который после отбора включал 55 работ, увидел свет к началу работы конференции (издание было проиндексировано в РИНЦ [4]). Здесь, безусловно, важное место имеет «человеческий прирост» дискуссионной площадки: с каждой очередной конференцией к сообществу постоянных спикеров и авторов добавля-

ются новые имена исследователей, а что особенно важно — в их числе есть молодые ученые.

В общей сложности двухдневное общение на мероприятии в конференц-зале Центра изучения истории Гражданской войны объединило 108 участников (спикеров и слушателей). В данном смысле показательно общественное явление, наблюдаемое в рамках проведения научного форума. Безусловно, «человеческое ядро» аудитории на конференции составляют преимущественно академические специалисты, которые являются сотрудниками научных институтов, высших учебных заведений, архивов, музеев и библиотек. В то же время среди публики стабильно присутствует и доля тех граждан, кто приходит на конференцию именно как слушатель с сугубо познавательной целью, не будучи профессионально связан с изучением прошлого, но является искренним любителем истории и краеведения (здесь объяснимо, что большая часть из них — жители Омска).

Описанный факт свидетельствует о наличии стабильного «народного» запроса на доступное, содержательно выверенное и свободное от неверных трактовок историческое знание, которое позволяет гражданам разобраться в неоднозначных сюже-

тах минувших эпох, к каковым сполна относится период Революции и Гражданской войны. Как видится, конференция выполняет не менее важную комплексную функцию, будучи не только событийной площадкой, где взаимодействуют представители академической сферы, но и местом духовного и просветительского обогащения граждан. Это наиболее ярко отражают публикации в региональных средствах массовой информации с фоторепортажами (рис. 1–4)^{1, 2}.

С трибуны за дни работы мероприятия прозвучало 27 докладов. Проблематика их была достаточно разнообразной по темам и вариативна по использованной в исследовании теоретико-методологической основе. Это не только изначально заявленные в информационном письме и традиционно востребованные укрупненные аспекты, затрагивающие историографию и источниковедение, военно-политическую и социально-экономическую историю, которые рассматривались на примерах событий 1917–1922 гг. на восточной территории нашей страны. Многие выступления спикеров обращали внимание слушателей к проблемным сюжетам изучения повседневной жизни и биографий современников событий военно-революционной эпохи, а также к вопросам конструирования, сохранения, форм трансляции исторической памяти о братоубийственном противостоянии, что во многом сопряжено с аспектами военной и культурной антропологии.

Описанным явлением иллюстрируются не только прямые последствия состоявшегося треть века назад в исторической науке антропологического поворота. Одну из ключевых тенденций современной историографии Гражданской войны в России (которую целиком отражает сам факт продолжавшегося проведения конференции) метафорично охарактеризовал как «колоссальный, небывалый <...> региональный разворот» один из активных и постоянных спикеров мероприятия с 2017 г., состоящий в редакционной коллегии журнала Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность» А. С. Пученков, доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета [5, с. 37]. Здесь важно выделить стремление многих участников конференции сфокусировать в докладах и материалах взгляд на значимых сюжетах локальной истории. Это обосновывается активным внедрением сегодня краеведческого компонента в процесс преподавания истории России на всех уровнях получения образования, что стало в нашей стране частью официальной государственной политики по отношению к истории и исторической памяти. О важности этих мероприятий, призванных формировать гражданскую идентичность (что особенно актуально по отношению к молодежи), подробно рассуждает другой участник конференции и член редакционной коллегии журнала Р. Г. Гагкуев, доктор исторических наук, председатель Правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества», ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук [6].

Немало с трибуны конференции, как и в кулуарах, озвучивалось мнений о «тяжести рефлексии» Гражданской войны в России, которая по-прежнему остается этапом отечественной истории, имеющим противоположные оценки и в мире науки, и среди общественности. Сегодня историки поднимают во-

прос о причинах социальных девиаций комбатантов [7]. Говорилось об этом и на прошедшем мероприятии. Однако конференция, фокусируя внимание на одной из «вечных» тем для омского прошлого, вновь колоритно продемонстрировала, насколько в коллективном сознании болезненным и непримиримо противоречивым все еще имеет место быть восприятие исторической фигуры адмирала А. В. Колчака. Во многом эти суждения в той или иной степени экстраполируются на Омск — город, как главный административный центр антибольшевистского востока России, олицетворяющий апогей политической карьеры данного государственного деятеля. Отсюда объяснимо то, что наибольшее количество спорных доводов до сих пор вызывает именно военно-политическая деятельность адмирала А. В. Колчака в качестве Верховного правителя в 1918–1919 гг., связанная непосредственно с Омском [8, с. 196].

Стоит сказать, что, исходя из наших личных наблюдений, сам город и работающие здесь историки в общественном восприятии продолжают «нести» на себе своего рода «моральный груз ответственности». Это в представлениях граждан нередко усматривается либо как некая «обязанность» академических специалистов тщательно разбираться, дабы сообщить массам некую истину о событиях Гражданской войны, либо звучит как «водораздельный» вопрос о политической приверженности к одной из сторон с причислением себя к «сторонникам» или «оппонентам» адмирала А. В. Колчака. В связи с чем (как это озвучивалось отдельными спикерами на конференции) всенародная драма отсылает нас к рассуждениям в духе методологии Trauma Studies. И такой посыл, что демонстрирует Омский регион, оказал ощутимое влияние на историческую память о Гражданской войне сегодня.

В данном случае хотелось бы подчеркнуть высокую актуальность и историографическую своевременность тематического блока в разделе «История» в Т. 10, № 1, 2025 г. журнала Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». Напомним, что названная подборка статей, согласно концептуальной задумке, была подготовлена силами только омских историков во взаимодействии с коллективом Редакционной коллегии журнала по итогам работы круглого стола «Верховный правитель белой России А. В. Колчак: личность и память», состоявшегося 14 ноября 2024 г. на базе Центра изучения истории Гражданской войны [9].

Многочисленные слова благодарности и приветственные пожелания в адрес работы Редакционной коллегии довелось услышать автору этих строк от ряда участников конференции в дни ее работы. В том числе особо подчеркивалась несомненная польза укрепившейся и ставшей плодотворной связи дискуссионной площадки и журнала [10, с. 126–127]. Такой тандем, по мнению представителей научной общественности, способствует развитию исторического знания в регионе и общей интеграции профессионального исследовательского и педагогического сообщества историков.

Кроме того, обозревая проблематику состоявшейся конференции, отметим, что, как и во всех пяти предшествовавших ей мероприятиях, в числе популярных у спикеров направлений исследований продолжает сохраняться устойчивый интерес к военной антропологии, активное развитие которой в России происходит уже порядка двух десятилетий [11]. Причем, среди аспектов этой широкой темы,

рассматриваемых участниками форума, отдельно можно выделить феномен российского офицерства в эпоху социальных катаклизмов (1914–1922 гг.).

В частности, на конференции 2025 г. подобной ключевой дискуссионной проблемой, на которую обращено внимание современных историков, был политический выбор российских офицеров в обстановке Гражданской войны и, как следствие, альтернативность красного и белого офицерства. Однако выступавшие освещали и вопросы, затрагивающие аспекты социально-политической истории, например, причины обретения офицерами профессии военного, влияние революционных событий на психологию и поведение офицерства, последующее встраивание комбатантов из данной социальной группы в поствоенный советский социум, дихотомию (не)принятия этих людей коммунистическим государством, а также формы и методы политического контроля и воздействия, осуществлявшиеся советской властью по отношению к бывшим офицерам, которые избрали своей жизненной траекторией социализацию в условиях РСФСР — СССР. В части указанных наработок спикерами были представлены показательные примеры, связанные с Омском и имеющие высокую содержательную ценность с точки зрения репрезентации темы [12–20]. Это 9 работ из 55, включенных в сборник, что составляет 16,3 % от общего числа публикаций в издании. Такой факт говорит о значимости проблемы политического бытования русского офицерского корпуса в 1914–1922 гг. в контексте осмысления более широкой тематики. В частности, авторы подчеркивают актуальность проблемы объективного рассмотрения процессов социальной адаптации, интеллектуального, социально-экономического и общественно-педагогического вклада экс-белогвардейцев в развитие советской Сибири в 1920–1930-е гг., что подтверждается опытом работы в текущее трехлетие тематических площадок публичной истории в нашем регионе [21, 22].

Подчеркнем, что перечисленные пассажи, связанные с феноменом российского офицерства в военно-революционный период (как и в случае с описанными выше оценками Гражданской войны и личности адмирала А. В. Колчака) не находят полного единогласия мнений среди участников конференции. При этом исследования, выстроенные на основе биографического метода, продолжают оставаться одной из форм активно используемой теми спикерами, кто обращается к индуктивному осмыслению прошлого. Подобные наработки находят и отклик слушателей, привлекая «человеческую» составляющую повествования. Вполне очевидно, что относительно событий Гражданской войны конференция выступает одним из инструментов формирования исторической памяти, что влияет на конструирование современных представлений о трагедии российского офицерского корпуса в военно-революционную эпоху.

Заключение

Невзирая на разницу воззрений (подчас категоричную) в оценках прошлого, конференция имеет интеллигентную атмосферу и общий конструктивный настрой, никогда не оставляющий равнодушных впечатлений у тех, кто в дни работы мероприятия посетил Центр изучения истории Гражданской войны.

Обобщив результаты работы VI Международной научно-практической конференции «Гражданская

война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», во исполнение решений, оформленных ранее в резолюциях конференций 2021 г. и 2023 г. [23, с. 242; 24, с. 178], Редакционная коллегия продолжает подготовку тематических выпусков журнала, содержащих колоритные и содержательные наработки спикеров мероприятия. Наполнением данного номера послужили заявки, которые на этапе подготовки мероприятия были специально отобраны организационным комитетом конференции (соответственно, планируемые по ним тексты не включены в сборник материалов конференции).

Отметим, что среди указанных публикаций имеются труды историков, уже не в первый раз представляющих результаты своей научной деятельности на страницах издания Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». Говоря слова признательности единомышленникам за их постоянство и поддержку контента журнала, Редакционная коллегия рада, что данный номер открывает для читателей новые имена авторов, расширяя проблематику и географию публикаций.

Очередная конференция «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» запланирована организационным комитетом мероприятия в международном формате на 2027 г., как приуроченная к 110-летию революционных событий в России. Продолжая изучение одного из наиболее сложных и противоречивых этапов новейшей истории нашей страны, от имени Редакционной коллегии журнала Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность» хочется выразить искреннюю надежду на продолжение эффективного сотрудничества дискуссионной площадки и издания.

Финансирование / Funding

Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 25–28–01696 «Бывшие белые офицеры в советской Сибири: макрорегиональный аспект взаимодействия с коммунистическим государством и обществом (конец 1919–середина 1941 гг.)».

The study was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 25–28–01696 "Former White Officers in Soviet Siberia: Macro-Regional Aspect of Interaction with the Communist State and Society (late 1919–mid 1941)".

Примечания

¹Корнеева Н. Легендарный омский священник Сильвестр трижды отрекался от своих политических убеждений URL: <https://omskinform.ru/news/213069> (дата обращения: 08.02.2025).

²Озеров А. Памятники Колчаку и Дзержинскому, РПЦ и офицеры: в Омске историки в очередной раз обсудили события Гражданской войны на востоке России. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/200704> (дата обращения: 08.02.2025).

Список источников / References

1. Чекалина Л. А. Центр изучения истории Гражданской войны как общественное пространство Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 25–33. EDN: BTJPPYR.

Chekalina L. A. Center for the study of the history of the Civil War as a public space of the Historical Archive of

the Omsk Region. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2022;3:25–33. EDN: BTJPYR. (In Russ.).

2. Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие: в 2 т. Т. 1. Москва: Кучково поле, 2025. 736 с. EDN: EZVOST.

Goldin V. I. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: osmysleniye skvoz' stoletiya*: in 2 vol. Vol. 1. Moscow, 2025. EDN: EZVOST. (In Russ.).

3. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных: монография. Изд. 2-е, испр. и перераб. Омск: Омскбланкиздат, 2025. 160 с. ISBN 978-5-8042-0918-7. EDN: SPBCSK.

Petin D. I. *Istoriya omskogo roda Batyushkinykh*. 2nd ed., corrected and revised. Omsk, 2025. 160 p. ISBN 978-5-8042-0918-7. EDN: SPBCSK. (In Russ.).

4. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной Году защитника Отечества в Российской Федерации и 120-летию событий Первой русской революции. Омск: ОмГТУ, 2025. 440 с. ISBN 978-5-8149-4019-3. EDN: VUOGEN.

Civil War in Eastern Russia: A look through documentary heritage: Proceedings of the VI International scientific and practical conference dedicated to the year of Defender of the Fatherland in the Russian Federation and the 120th Anniversary of the First Russian Revolution. Omsk, 2025. 440 p. ISBN 978-5-8149-4019-3. EDN: VUOGEN. (In Russ.).

5. Гаккуев Р. Г., Голдин В. И., Кондрашин В. В. [и др.]. Презентация 12-го тома «Гражданская война в России. 1917–1922 годы» издания «История России. В 20 томах» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2025. С. 12–47. EDN: TVRNQP.

Gagkuev R. G., Goldin V. I., Kondrashin V. V. [et al.]. *Prezentatsiya 12-go toma "Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1922 gody" izdaniya "Istoriya Rossii. V 20 tomakh"*. *Al'manakh Assotsiatsii Issledovateley Grazhdanskoj Voyny v Rossii*. Arkhangelsk, 2025. P. 12–47. EDN: TVRNQP. (In Russ.).

6. Гаккуев Р. Г. История родного края как составная часть курса «История»: к вопросу о значимости внедрения предмета в учебный процесс // Наука и школа. 2025. № 3. С. 50–57. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2025-3-50-57>. EDN: RBYPJR.

Gagkuev R. G. History of the Native Land as a component of the History course: on the issue of importance of introducing the subject into the educational process. *Nauka i Shkola*. 2025;3:50–57. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2025-3-50-57>. EDN: RBYPJR. (In Russ.).

7. Позднякова А. С., Пученков А. С. Герои или психопаты? [Рец. на кн.: Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. М., 2023] // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 4. С. 1033–1044. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.414>. EDN: SXZUCS.

Pozdnyakova A. S., Puchenkov A. S. Heroes or psychopaths? [Rev. on: Teplyakov A. G. Red Partisans in the East of Russia. 1918–1922: Deviations, Anarchy and Terror. Moscow, 2023]. *Modern History of Russia*. 2024;14(4):1033–1044. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.414>. EDN: SXZUCS. (In Russ.).

8. Скорикова Н. А. Читая между строк: рецензия на монографию Д. И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Известия лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, № 1. С. 194–198. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-194-198>. EDN: LALCTN.

Skorikova N. A. Reading between the lines. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023;19(1):194–198. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-194-198>. EDN: LALCTN. (In Russ.).

9. Стельмак М. М. «Верховный правитель белой России А. В. Колчак: личность и память»: круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны // Северные архивы и экспедиции. 2025. Т. 9, № 2. С. 63–73. EDN: UYRVGN.

Stelmak M. M. "The Supreme Ruler of the White Russia A. V. Kolchak: Personality and memory": A round table at the center of studying the history of the Civil War. *Northern Archives and Expeditions*. 2025;9(2):63–73. EDN: UYRVGN. (In Russ.).

10. Бакшт Д. А., Мамонтова М. А. Пятилетие журнала «Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность»: научный и идейный потенциал // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 122–139. <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2022-6-1-122-139>. EDN: PCLZVL.

Baksh D. A., Mamontova M. A. The fifth Anniversary of the journal Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity: Scientific and ideological potential. *Northern Archives and Expeditions*. 2022;6(1):122–139. <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2022-6-1-122-139>. EDN: PCLZVL. (In Russ.).

11. Анфертьев И. А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук: сборник трудов конференции. Москва: РГГУ, 2011. С. 319–328. EDN: PDYAWF.

Anfert'yev I. A. *Novyye napravleniya v sovremennoy otechestvennoy istoriografii*. *Voyenno-istoricheskaya antropologiya: teoreticheskiye i mezhdistsiplinarnyye problemy novoy otrasli istoricheskoy nauki. Teoriya i Metodologiya Gumanitarnogo Znaniya. Rossiyevedeniye. Obshchestvennyye Funktsii Gumanitarnykh Nauk*. Moscow, 2011. P. 319–328. EDN: PDYAWF. (In Russ.).

12. Ганин А. В. «Тов. Ермолина знаю... как честного, твердого штабного работника». К биографии начальника штаба 5-й советской армии П. И. Ермолина // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 52–61. EDN: NGSRFQ.

Ganin A. V. «Tov. Yermolina znayu... kak chestnogo, tverdogo shtabnogo rabotnika». K biografii nachal'nika shtaba 5-y sovetskoj armii P. I. Yermolina. *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2025. P. 52–61. EDN: NGSRFQ. (In Russ.).

13. Канищев В. В. Представители Тамбовской губернии в офицерском составе сибирских стрелковых полков. Из горнила Первой мировой в водоворот на Восточном фронте Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 122–127. EDN: OWOYGD.

Kanishchev V. V. *Predstaviteli Tambovskoy gubernii v ofiterskom sostave sibirskikh strelkovykh polkov. Iz gornila Pervoy mirovoj v vodovorot na Vostochnom fronte Grazhdanskoj voyny. Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2025. P. 122–127. EDN: OWOYGD. (In Russ.).

14. Кашин В. В. Адьютанты Верховного правителя адмирала А. В. Колчака // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 141–151. EDN: QWKHRQ.

Kashin V. V. Ad'yutanty Verkhovnogo pravatelya admiral A. V. Kolchaka. *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2025. P. 141–151. EDN: QWKHRQ. (In Russ.).

15. Ключ И. А. Судьба семьи кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова в период Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 160–170. EDN: GNQCQW.

Klyus I. A. Sud'ba sem'i kinorezhissera Sergeya Apollinariyevicha Gerasimova v period Grazhdanskoj voyny. *Civil*

War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage. Omsk, 2025. P. 160–170. EDN: GNQCQW. (In Russ.).

16. Петин Д. И., Федотова И. В. К вопросу об использовании термина «красный офицер» в Советской России в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ. С. 275–282. EDN: YSDGFK.

Petin D. I., Fedotova I. V. K voprosu ob ispol'zovaniya termina «krasnyy ofitser» v Sovetskoy Rossii v gody Grazhdanskoй voyny. *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2025. P. 275–282. EDN: YSDGFK. (In Russ.).

17. Сильченко И. С. Следственное дело прапорщика Г. Н. Степашко в контексте событий 1917–1918 гг.: микроисторический анализ индивидуального опыта в эпоху революционных трансформаций // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 311–317. EDN: BVKMPL.

Sil'chenko I. S. Sledstvennoye delo praporshchika G. N. Stepashko v kontekste sobyitiy 1917–1918 gg.: mikroistoricheskiy analiz individual'nogo opyta v epokhu revolyutsionnykh transformatsiy. *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2025. P. 311–317. EDN: BVKMPL. (In Russ.).

18. Филинович О. А., Петин Д. И. Новые данные о финальном этапе биографии А. А. Подкорытова: к истории «Белогвардейского заговора» 1933 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 383–390. EDN: STGTES.

Filinovich O. A., Petin D. I. Novyye dannyye o final'nom etape biografii A. A. Podkorytova: k istorii «Belogvardeyskogo zagovora» 1933 g. *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2025. P. 383–390. EDN: STGTES. (In Russ.).

19. Шереметьева Д. Л. Компетенции редактора газеты «Русская армия» С. А. Скрябина (ноябрь 1918–февраль 1919 г.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 411–417. EDN: JIIWMD.

Sheremet'yeva D. L. Kompetentsii redaktora gazety «Russkaya armiya» S. A. Skryabina (noyabr' 1918–fevral' 1919 g.). *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2025. P. 411–417. EDN: JIIWMD. (In Russ.).

20. Шудьяков В. А. Судьба сибирского казака подъясаула Л. Г. Тыркова // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 424–431. EDN: IUQQZQ.

Shuldyakov V. A. Sud'ba sibirskogo kazaka pod'yasaula L. G. Tyrkova. *Civil War in Eastern Russia: A Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2025. P. 424–431. EDN: IUQQZQ. (In Russ.).

21. Мамонтова М. А. Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2023. № 6. С. 120–122. EDN: YOYVGF.

Mamontova M. A. Kruglyy stol v Tsentre izucheniya istorii Grazhdanskoй voyny Istoricheskogo arkhiva Omskoй oblasti. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2023; 6:120–122. EDN: YOYVGF. (In Russ.).

22. Мамонтова М. А., Федотова И. В. Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Сибирский архив. 2025. № 1. С. 64–80. EDN: OHBASC.

Mamontova M. A., Fedotova I. V. Round table at the Center for the Study of the History of the Civil War Historical

Archive of the Omsk Region. *Siberian Archive*. 2025;1:64–80. EDN: OHBASC. (In Russ.).

23. Петин Д. И., Тишкина К. А. Вспоминая трагические дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1. С. 239–247. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(1\).239-247](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247). EDN: MYKQSZ.

Petin D. I., Tishkina K. A. Remembering the tragic days of Russia: a conference on the history of the Civil War in Omsk. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2022;9(1): 239–247. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(1\).239-247](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247). EDN: MYKQSZ. (In Russ.).

24. Машкевич С. В., Петин Д. И., Сушко А. В. Конференция о Гражданской войне на востоке России: международный научный диалог в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 1. С. 175–180. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(1\).175-180](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180). EDN: EDPMOW.

Mashkevich S. V., Petin D. I., Sushko A. V. Conference on the Civil War in Eastern Russia: International scientific dialogue in Omsk. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2024;11(1):175–180. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(1\).175-180](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180). EDN: EDPMOW. (In Russ.).

Информация об авторе:

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 9987-3347

AuthorID (PIHL): 742782

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

e-mail: dimario86@rambler.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 13.04.2026.

Information about the author:

PETIN Dmitriy Igorevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 9987-3347

AuthorID (RSCI): 742782

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

e-mail: dimario86@rambler.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 13.04.2026.

«СЧИТАТЬ ИХ НА ПОЛОЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РОССИИ...»: ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ-ЮГОСЛАВЯН В СИБИРИ В 1919–1920 гг.

Р. Г. Гагкуев

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

 gagkuev@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу попытки Российского правительства адмирала А. В. Колчака весной 1919 г. решить проблему содержания военнопленных Первой мировой войны в Сибири путем освобождения и репатриации лиц «романо-славянского» происхождения, в первую очередь сербов, хорватов и словенцев.

На основе широкого круга неопубликованных источников из российских и французских архивов реконструируется процесс межведомственных и дипломатических консультаций между Омском, ставками союзного командования в Сибири и европейскими столицами. Выявляется комплекс причин, по которым эта инициатива потерпела неудачу: осторожная, а зачастую и скептическая позиция командования войск Антанты в Сибири во главе с генералом М. Жаненом, справедливо указывавшего на риски дестабилизации общественного порядка и отсутствие транспортной инфраструктуры для массовой эвакуации; неготовность национальных государств в Европе оперативно организовать прием своих граждан; внутренние бюрократические сложности.

В результате освобождение было отложено, и судьба тысяч югославын решилась лишь после окончания Гражданской войны, а их возвращение на родину растянулось на 1920–1922 гг., пройдя через этапы пребывания в лагерях, участия в белых формированиях и долгой репатриации.

Ключевые слова: военнопленные, Антанта, интервенция, Первая мировая война, Гражданская война, Белое движение, Белая Сибирь

Для цитирования: Гагкуев Р. Г. «Считать их на положении иностранных подданных, проживающих в России...»: освобождение военнопленных-югославын в Сибири в 1919–1920 гг. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 21–29. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-21-29>. EDN: TBATUM.

© Гагкуев Р. Г., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

"CONSIDER THEM IN THE POSITION OF FOREIGN SUBJECTS LIVING IN RUSSIA...": THE LIBERATION OF YUGOSLAV PRISONERS OF WAR IN SIBERIA IN 1919–1920

R. G. Gagkuev

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Dmitriya Ul'yanova St., 19, Moscow, 117292, Russia

 gagkuev@yandex.ru

The article provides a comprehensive analysis of the attempt by Admiral A. V. Kolchak's Russian Government in the spring of 1919 to address the issue of maintaining World War I prisoners of war in Siberia by releasing and repatriating individuals of "Romano-Slavic" origin, primarily Serbs, Croats, and Slovenes.

Considering a wide range of unpublished archival documents from Russian and French repositories, the article reconstructs the process of interdepartmental and diplomatic consultations between Omsk, the headquarters of the Allied command in Siberia, and European capitals. The paper reveals a complex set of reasons for the failure of this initiative: the cautious and often skeptical stance of the Allied command in Siberia led by General M. Janin, who rightly pointed to the risks of destabilizing public order and the lack

of transport infrastructure for mass evacuation; the unpreparedness of the newly formed national states in Europe to promptly organize the reception of their citizens; and internal bureaucratic complications.

As a result, the release was postponed. The fate of thousands of Yugoslavs was only resolved after the end of the Civil War, and their return home stretched over 1920–1922, involving stages of continued internment in camps, participation in White formations, and a lengthy repatriation process.

Keywords: prisoners of war, Entente, intervention, World War I, Civil War, White movement, White Siberia

For citation: Gagkuev R. G. "Consider them in the position of foreign subjects living in Russia...": The liberation of Yugoslav prisoners of war in Siberia in 1919–1920. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):21–29. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-21-29>. EDN: TBATUM. (In Russ.).

© Gagkuev R. G., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Огромное количество пленных стран Центрального блока, содержащихся в концентрационных лагерях к востоку от Урала на протяжении 1918–1919 гг., было источником проблем для всех контрреволюционных правительств, возникавших на этой территории. Это касается как Временного Сибирского правительства, так и, прежде всего, — Российского правительства адмирала А. В. Колчака. К 1 марта 1919 г. общая численность пленных, находившихся в лагерях Сибири и Дальнего Востока, составляла 165 505 человек [1, л. 11]. Всех их необходимо было содержать (при том, что часть из них задействовалась на разного рода работах), охранять, следить за настроениями, которые, нередко, представляли вполне реальную угрозу для существовавшей в Сибири и на Дальнем Востоке власти, а также вести подготовительную дипломатическую работу по их возвращению на родину. Для Российского правительства ситуация осложнялась созданием командованием войск Антанты в Сибири разного рода национальных формирований, подчинявшихся главному сил интервентов к западу от озера Байкал французскому дивизионному генералу М. Жанену.

В этом свете вполне понятно стремление колчаковского правительства как можно быстрее сократить объем проблем, связанных с пребыванием в Сибири, по крайней мере, части военнопленных. Показательно стремление и Российского правительства, и командования Антанты выделить из общей массы военнопленных славянского и романского происхождения, представлявших либо вновь образующиеся славянские государства в Европе, либо сами страны Антанты. В этом свете представляет интерес попытка освобождения в числе военнопленных «романо-славян» — сербов, хорватов и словенцев.

В 1918–1919 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке был сформирован ряд формирований, как правило, невысокой численности, состоящих из сербов, хорватов и словенцев, или, как называли их в это время в Сибири и русские, и союзные военные, — югославян [2, с. 228–229]. Попытаться подсчитать, сколько из находившихся в Сибири и на Дальнем Востоке пленных были сербами, сколько — хорватами или словенцами, сегодня едва ли представляется возможным. С одной стороны, это не позволяло сделать имеющиеся документы, в которых отсутствует какое-либо разделение «югославян» по национальному признаку. С другой

стороны, вероятно, и сами военнопленные, бывшие подданные Австро-Венгрии и Германии, во многих случаях затруднялись определить, подданными какого нового государства в Европе им предстоит стать. По замечанию входившего в состав Французской военной миссии в Сибири слависта Ж. Легра русские «стали называть сербами тех, кто действительно воевал, а югославами — тех, кто не вышел за рамки организационного периода» [3, р. 59] в создании воинских частей. На конец января 1919 г. на белом Восточном фронте действовало множество частей, сформированных из сербов и других южных славян, общая численность которых составляла к тому времени около 9000 человек. Не меньшее количество южных славян находилось в заключении в концентрационных лагерях на огромном пространстве Сибири и Дальнего Востока.

Методология и источники

Основу исследования составляет комплекс неопубликованных источников из фондов Российского государственного военного архива (РГВА) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), в частности материалы Главного штаба, Военного министерства Российского правительства, Министерства иностранных дел (МИД) и Комиссии по делам о пленных МИД. Ключевой корпус источников составляют делопроизводственные материалы, включая служебную переписку, протоколы совещаний, статистические сводки и нормативные акты, отражающие как процесс принятия решений, так и их практическую реализацию на местах. Для реконструкции взглядов командования войск Антанты и проведения внешнеполитической оценки привлечены документы из французских военных архивов (Service historique de la Défense). Помимо архивных материалов, в работе использованы мемуары и публицистика современников событий, такие как воспоминания дивизионного генерала М. Жанена и аналитические статьи участника Французской военной миссии в Сибири Ж. Легра.

Методологическую основу статьи составляют принципы историзма и системности. Проблемно-хронологический подход применяется для детальной реконструкции этапов подготовки, обсуждения и отказа от инициативы по освобождению военнопленных. Сравнительно-исторический метод используется для анализа позиций и аргументации различных сторон — российских (омских) вла-

стей, союзного командования и европейских правительств. Статистический метод задействован при обработке данных о численности и составе военнопленных, что позволяет оценить масштабы проблемы и проследить ее динамику. Сочетание этих методов позволяет не только восстановить ход событий, но и выявить комплекс причин (политических, логистических, бюрократических), обусловивших провал инициативы Российского правительства весной 1919 г.

Планы освобождения «романо-славян»

Уже 8 февраля 1919 г. военный министр генерал-майор Н. А. Степанов писал в Совет министров: «В связи с событиями в Австро-Венгрии славянские народы, входившие в состав бывшей империи, объявлены свободными и самостоятельными. Таким образом, находящиеся ныне в русском плену солдаты романо-славянского происхождения бывшей Австро-Венгерской империи (поляки, карпато-русы, украинцы (здесь и далее речь идет о жителях Галиции, входившей к началу Первой мировой войны в состав Австро-Венгрии и мобилизованные в ее армию. — Р. Г.), сербы, хорваты, словенцы¹, чехо-словаки, румыны и итальянцы) стали свободными гражданами соответствующих вновь образовавшихся государств и дальнейшее содержание их в России в концентрационных лагерях на положении военнопленных не только не является необходимостью, но и ложится чувствительным бременем на государственный бюджет». Исходя из этого, военный министр для облегчения ситуации предлагал: «1) Предоставить военнопленным романо-славянского происхождения свободу в выборе места жительства и рода деятельности на территории Российской государства, считая их на положении иностранных подданных, проживающих в России. 2) Выдать при освобождении из концентрационных лагерей всем военнопленным романо-славянского происхождения личные удостоверения. 3) Военнопленных романо-славян, по желанию, либо на основании пункта I сего доклада, содержать в концентрационных лагерях на иждивении государства лишь до 15 мая сего года. 4) Регистрацию оставшихся в лагерях военнопленных романо-славян продолжить Главным штабом лишь до 15 мая сего года» [4, л. 44–44 об.].

Подобное смелое предложение, очевидно, не просчитывало всех возможных последствий освобождения из лагерей уже в мае 1919 г. десятков тысяч военнопленных. Тем не менее его проработка была начата Министерством иностранных дел. Так, МИД Российского правительства 20 февраля запрашивал посланника в Афинах Е. П. Демидова: «Не откажите по сношению с Белградом и Бухарестом выяснить отношение сербского и румынского правительств к предполагаемому Военным ведомством освобождению из концентрационных лагерей военнопленных бывших австро-венгерских подданных сербов, хорватов, словенцев и с предоставлением им права свободного места жительства в России в качестве иностранных подданных, причем не пожелавшие воспользоваться свободой будут содержаться в лагерях до 15 мая сего года» [4, л. 47].

Управляющий Министерством иностранных дел И. И. Сукин 6 марта 1919 г. отчитывался перед военным министром Н. А. Степановым, что «...по вопросу об освобождении из концентрационных лагерей военнопленных романо-славянско-

го происхождения Министерство иностранных дел запросило через своих представителей за границей мнения итальянского, сербского и румынского правительств, а также в отношении чехо-словаков вошло в сношение с дипломатическим представителем Чехо-Словацкой республики г[осподином] [Б.] Павлу и в отношении поляков с генералом Жанен[ом], имея в виду, что до сего времени Русское правительство еще не находится в официальных сношениях с польским правительством». Одновременно МИД доводил до Военного министерства мнение командования войск интервентов [4, л. 50–50 об.].

31 марта И. И. Сукин сообщал военному министру Н. А. Степанову копии секретных телеграмм российского посла в Риме М. Н. Гирса и российского посланника в Афинах Е. П. Демидова по вопросу об освобождении военнопленных романо-славян [4, л. 63]. Если Гирс еще 22 марта сообщил о признательности итальянского правительства за освобождение военнопленных-итальянцев [4, л. 60], то Демидов определенно ответил только 18 апреля: «Сербское правительство не встречает препятствий к освобождению пленных сербов и согласно, чтобы освобожденные оставались в России до наступления возможности возвращения их на родину» [4, л. 61]. 29 апреля Демидов направил новую телеграмму, сообщая мнение Военного министерства в Белграде о том, «...что находящиеся [в] России пленные сербы, х[орваты] и с[ловенцы], а равно подданные вообще Сербов, Х[орватов] и С[ловенцев] Королевства не должны быть рассматриваемы как пленные. Военное министерство принимает меры водворения их на родину через Владивосток, куда скоро идет военная миссия» [4, л. 73].

Реакция представителей Антанты и дипломатические консультации

Еще 28 февраля 1919 г. И. И. Сукин направил запрос о мнении по возможному освобождению пленных «романо-славян» главнокомандующему войскам Антанты в Сибири к западу от озера Байкал дивизионному генералу М. Жанену, одновременно занимавшему и должности главнокомандующего корпуса (Чешско-Словацкого войска) и начальника Французской военной миссии в Сибири. Уведомляя его о намерении Военного министерства «освободить всех военнопленных романо-славянского происхождения» находящихся в концентрационных лагерях, он сообщал также о начале переговоров МИД по этому вопросу с Белградом, Бухарестом и Римом, а также постановкой в известность представителя Чехословацкой Республики. Сукин просил Жанена рассмотреть этот вопрос, а также прояснить мнение правительства Польши «...на освобождение военнопленных поляков, поскольку до сего дня Русское правительство еще не находится в официальных отношениях с Польским правительством» [4, л. 49–49 об.].

М. Жанен сразу довольно скептически отнесся к идее военного министра Российского правительства. «Согласно желанию, выраженному вашим превосходительством, я передам в Париж, переговорив предварительно с г[осподином] верховным комиссаром (графом Д. де Мартелем. — Р. Г.), просьбу, касающуюся Польского правительства», — сообщал он 3 марта 1919 г. При этом французский генерал сразу обращал внимание И. И. Сукина на то обстоятельство, что, так как переговоры о мире в Париже только что начались, «...юридическое положение пленных является не впол-

Таблица 1. Сведения об общей численности военнопленных романо-славян, содержащихся в прифронтовой полосе и в Омском и Иркутском военных округах. Февраль 1919 г.

Table 1. Information on the total number of Romano-Slavic prisoners of war held in the front-line zone and in the Omsk and Irkutsk military districts. February 1919

Пункты	Налицо				В лечебных заведениях		На работах		Всего	
	Трудоспособных		Нетрудоспособных							
	офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат
Всего	505	15 154	45	1570	28	615	15	24 117	593	41 456

не определенным до того момента, когда трактаты не будут окончательно подписаны. Этот пункт не имеет, очевидно, вполне решающего значения для военнопленных чехо-словаков, граждан государства признанного и с почти точно определенными границами. Но существует полная неуверенность касательно карпато-русов и украинцев, будущая юридическая национальность коих не определена. Даже для поляков, юго-славян, итальянцев, румын из Трансильвании, границы еще во многих местах не определены». Оставляя в стороне этот юридический вопрос, Жанен обращал внимание Сукина на то, что планируемое освобождение ставит вопрос: «Что будет с пленными, выпущенными на свободу сегодня и завтра остающимися без крова и без средств к существованию»? «Можно спрашивать себя, справедлива ли такая мера с международной точки зрения, — продолжал он, — но надо главным образом подумать о том, что, если перед тем днем, когда русское Военное министерство откроет перед ними концентрационные лагеря, не будут приняты меры для того, чтобы эвакуировать этих пленных из страны, или чтобы дать им возможность где-нибудь поместиться и жить своим трудом, — можно быть уверенным, что увеличится количество элементов, вносящих беспорядок». Жанен справедливо обращал внимание омских властей на то обстоятельство, что освобождение пленных славянского и романского происхождения «...увеличит деятельность различных агитаторов, которые заняты или займутся ими, увеличит, вероятно, и стеснение, которое вызывает здесь то переполнение, которым мы будем обязаны пленным, т[ак] к[ак] для людей, освобожденных на свободу, нужно будет, конечно, больше помещений и т. д.» «Можно представить себе, что результат будет только казаться выгодным, если не будут приняты предварительные меры, аналогичные вышеупомянутым», — заключал он [4, л. 65–65 об.].

Численность и состав военнопленных-югославян: анализ статистических данных. Одновременно шло уточнение количества пленных славянского и романского происхождения в лагерях Сибири и Дальнего Востока. Санитарный капитан первого класса Д. Костич в донесении от 29 января 1919 г. оценивал суммарную численность югославянских частей на белом Восточном фронте в 7655 человек [5, с. 191]. Правда, в это число не входило еще примерно 1500–1700 штыков 1-го югославянского полка имени М. Губеца в Томске [3, р. 47–48; 5, с. 188], вместе с которыми получалось свыше 9000 сербов, хорватов и словенцев в разных полках, батальонах и ротах в рядах белых. Еще примерно 1500 человек

Костич относил к разного рода торговцам и спекулянтам. Кроме того, исходя из данных, имевшихся в штабах Чехословацкого корпуса, он насчитывал порядка 7000 военнопленных в концентрационных лагерях Сибири и Дальнего Востока. Итого получалось около 17000–18000 югославян на белом Восточном фронте под ружьем и в качестве заключенных в лагерях.

Документы позволяют уточнить реальную численность югославян-военнопленных в сибирских лагерях. Второй департамент МИД 25 февраля 1919 г. запрашивал военное ведомство сообщить сведения о количестве военнопленных романо-славянского происхождения, подлежащих освобождению из концентрационных лагерей [4, л. 53]. Исполняющий должность начальника Мобилизационного отела Главного штаба полковник Н. В. Шереховский в феврале в ответ направил сначала общие сведения о числе военнопленных романо-славянской национальности, содержащихся в прифронтовой полосе и в Омском, и Иркутском военных округах (табл. 1), без информации по национальному составу [4, л. 54–55].

Внушительная общая численность — свыше 40000 человек, вероятно, произвела немалое впечатление и дало понимание Министерству иностранных дел о масштабах проблемы. 7 марта 1919 г. Второй департамент МИД дополнительно запрашивал мобилизационный отдел Главного штаба, попросив предоставить сведения о числе военнопленных по каждой из национальностей, обозначенных ранее военным министром, «...а именно количество поляков, карпато-русов, украинцев, сербов, хорватов, словенцев, чехо-словаков, румынов и итальянцев» [4, л. 56].

Полученные 9 марта 1919 г. сведения о числе военнопленных романо-славянских национальностей (табл. 2) давали наглядную картину об их национальном составе [4, л. 58]. Срез данных показывал минимальное количество офицеров при нескольких десятках тысяч солдат, из которых наибольшее число составляли «юго-славяне» (без подразделения на сербов, хорватов и словенцев), поляки и румыны.

Сведения о численности военнопленных в лагерях Сибири и Дальнего Востока на протяжении 1919 г. позволяют увидеть динамику ее изменения, что, очевидно, было связано с переходом вчерашних пленных в число добровольцев не только в непосредственно югославянские части, но и в другие национальные формирования (прежде всего — Чехословацкий корпус), которые велись французским главнокомандующим войск Антанты М. Жаненом

Таблица 2. Сведения о численности военнопленных романо-славян, содержащихся в прифронтовой полосе и в Омском и Иркутском военных округах (с разбивкой по национальностям). 9 марта 1919 г.
Table 2. Information on the number of prisoners of Romano-Slavic prisoners of war held in the front-line zone and in the Omsk and Irkutsk military districts (by nationality). March 9, 1919

Армия, звание	Офицеров						Солдат						Всего	
Национальность	чехов	поляков	юго-славян	украинцев	румын	итальянцев	чехов	поляков	юго-славян	украинцев	румын	итальянцев	офицеров	солдат
Пункты														
1. Налицо в концентрационных лагерях	164	176	110	88	3	7	833	3683	3873	3227	3986	512	548	16 114
2. В лечебных заведениях	9	6	2	1	1	9	35	84	147	68	115	64	28	513
3. На работах	1	8	6	—	—	—	2665	6190	5663	3902	4613	987	15	23 020
Всего	174	190	118	89	4	16	3533	8957	9683	7197	8714	1563	5912	39 647
Кроме того, в прифронтовой полосе Зап[адного] фронта находится ром[ано]-славян													2	1809
Итого													593	41 456

(табл. 3). Особенно заметно их сокращение — более чем вдвое — в апреле 1919 г., что, возможно, было связано также с уточнением национального состава пленных.

Позиция генерала М. Жанена

По общей численности пленные романо-славянского происхождения, находящиеся в лагерях, были соотносимы с численностью Чехословацкого корпуса, что сразу ставило ряд проблем, решения которых в Сибири попросту не было. И. И. Сукин 12 апреля 1919 г. предлагал военному министру Н. А. Степанову «...сообщить заинтересованным правительствам, что Российское правительство, беря на себя почин освобождения романо-славян, крайне озабочено вопросом их дальнейшей судьбы и просит названные правительства помочь им присылкой тоннажа и организацией помощи и эвакуации освобожденных пленных посредством командирования в Сибирь специальных агентов». Запрашивая мнение Военного министра по этому вопросу, он одновременно просил, учитывая, что освобождение военнопленных романо-славянского происхождения предполагалось провести уже 15 мая, рассмотреть возможность отложить его «...до выяснения размеров той помощи, какую могут оказать пленным романо-славянам их правительства» [4, л. 67–67 об.].

К письму прикладывалось мнение главнокомандующего войсками Антанты в Сибири М. Жанена, ведавшего также национальными формированиями из бывших пленных и хорошо представлявшего себе последствия единовременного освобождения нескольких десятков тысяч человек в мае 1919 г. В сообщении И. И. Сукину от 7 апреля, подчеркивая, что его компетенции могут касаться исключительно юридической точки зрения, тем не менее он обращал его внимание, что освобождение пленных «может отразиться на общественной жизни». «Ответы, получаемые от различных правительств, пленные которых будут эвакуироваться, должны еще более убедить Русское правительство в его решениях, — продолжал он. — Во всяком случае, мне

Таблица 3. Динамика численности пленных югославян в лагерях Сибири и Дальнего Востока [6, л. 123 об. – 124, 131 об. – 132, 97 об. – 98, 37 об. – 39]

Table 3. Dynamics of the number of Yugoslav prisoners in the camps of Siberia and the Far East [6, л. 123 об. – 124, 131 об. – 132, 97 об. – 98, 37 об. – 39]

Дата	Офицеры	Солдаты	Всего
15 января 1919 г.	92	9886	9978
1 марта 1919 г.	106	10 580	10 686
1 апреля 1919 г.	36	4151	4187
1 июня 1919 г.	44	4576	4620
1 августа 1919 г.	30	4452	4482
1 сентября 1919 г.	26	4471	4497

не кажется достаточным, чтобы какое бы то ни было правительство удовлетворилось бы одним лишь выражением желания освобождения своих подданных для их возвращения на родину; необходимо, кроме того, чтобы оно указало условия, при которых будет происходить этот обмен, а также для координации освобождения с эвакуацией и избежания возможных беспорядков при условии предоставления их самим себя» [4, л. 66–66 об.].

Далее М. Жанен вновь возвращался к последствиям освобождения нескольких десятков тысяч пленных для внутривосточной ситуации. «Считаю излишним подчеркивать те опасности, которые могут создаться в отношении общественного порядка, — предупреждал французский генерал. — От Вас не должно ускользнуть, что, за исключением Италии, обладающей значительной флотилией, условия (эвакуации в Европу. — Р. Г.) эти не так легко выполнимы. В настоящее время ни одно из заинтересованных правительств не имеет в своем распоряжении желательных средств передвижения на море и не может точно определить, при каких условиях, в каком количестве и когда оно будет в состоянии их выполнить, так как следует принять во внимание тяжелое положение, созданное войной» [4, л. 66–66 об.]. Подобная осведомленность

Жанена о положении дел с тоннажем не была случайной — в это время он уже активно прорабатывал вопрос эвакуации из Сибири подчиненного ему Чехословацкого корпуса и других национальных формирований. Еще один хорошо знакомый ему вопрос — неудовлетворительное состояние и работа Транссибирской железной дороги. Он обращал внимание, что в виду этого невозможно обозначить точные сроки отправки пленных во Владивосток. «Из вышесказанного следует, что недостаточно одного выражения желания правительств об освобождении своих новых граждан, — заключал Жанен. — Необходимо, чтобы оно предвидело последствия и могло бы обеспечить их существование до неопределенного срока их отъезда, руководя их организацией во избежание возможных, упомянутых выше, недоразумений и для сохранения общественного порядка...». Он справедливо указывал, что без соблюдения предосторожностей «...и без тщательной разработки этого вопроса освобождение пленных может повлечь за собой усиление беспорядков» [4, л. 66 — 66 об.].

Отказ от идеи освобождения и введение льготного режима содержания для «романо-славян»

Отсутствие понимания, как после освобождения решать проблемы с проживанием и обеспечением пленных романо-славянского происхождения, их транспортировкой во Владивосток и перевозкой на судах в Европу, позиция представителей стран Антанты, а также риски дестабилизировать внутреннее положение в Сибири, вынудили Военное министерство отказаться от своей идеи. 29 апреля 1919 г. военный министр Н. А. Степанов сообщил И. И. Сукину, что «...вопрос об освобождении военнопленных романо-славян 15 мая с. г. Военным министерством был отклонен в связи с ответами представителей ведомств и представителей заинтересованных держав, и никаких распоряжений Главным штабом по этому вопросу не делалось. Что же касается необходимости разрешения, хотя бы частично, вопроса эвакуации военнопленных из пределов России (Сибири), то было бы крайне желательно, чтобы заинтересованные государства и правительства озаботились своевременной присылкой тоннажа, а пока — организацией помощи военнопленным для более сносного их пребывания в пределах России» [4, л. 68].

В результате бывшие подданные Австро-Венгерской империи — сербы, хорваты и словенцы, которых «омское» правительство было настроено скорее освободить и отправить на родину, остались в заключении до окончания Гражданской войны в России. Условия заключения для пленных были достаточно суровыми. Член Югославянского Народного вече подпоручик Пиркович 13 июня 1919 г. писал о положении в Томском лагере: «Из 10 тыс. югославян (очевидное расхождение с официальными данными Военного министерства. — Р. Г.) более 5 тыс. все еще носят австрийскую военную униформу, уже старую и обветшавшую, или отдельные ее части... Жизнь в лагере... это сущий ад для наших людей. Состояние барачников не выдерживает никакой критики, в любой конюшне у нас на родине санитарные условия значительно лучше, чем в этих бараках. В лагере останутся только непригодные к труду пленные, примерно 500 человек, инвалиды и полуинвалиды, им грозит реальная опасность навеки остаться в снегах Сибири, если не будет ока-

зана своевременная материальная помощь. Пища, которую получают в лагере, слишком скудна, а главное большинство уже полтора года не получало смену белья, и на многих вместо белья висят какие-то лохмотья, кишасшие вшами». «Они столько пережили, что утратили веру в идеалы и в человечество, — продолжал Пиркович. — И теперь ни одно событие не в силах вывести их из апатии и вселить в них веру и радость жизни. Ими руководит одно желание — это вернуться домой. Оно единственное дает им силы жить дальше» [7, с. 190 — 191, 194].

Отменяя свое решение об освобождении военнопленных романо-славянского происхождения, Военное министерство Российского правительства А. В. Колчака вместе с тем постаралось создать для них более мягкий режим пребывания в концентрационных лагерях. Начальник Мобилизационного отдела Главного штаба генерал-майор Н. В. Шереховский 17 мая 1919 г. сообщил в Комиссию по делам о пленных МИД: «Ввиду того, что проект об освобождении из плена романо-славян не может получить разрешения в положительном смысле, Главный штаб, во изменение правил, устанавливающих льготы для военнопленных поляков (отношение Мобилизационного отдела от 20 марта с. г. за № 82169 в комиссию о пленных), препровождает при сем выработанные правила о льготах для романо-славян, каковые, если комиссия одобрит, будут преподаны к руководству военным округам» [4, л. 98а — 98а об.].

Новые правила устанавливали особые льготы для военнопленных романо-славянского происхождения, к которым относились итальянцы, карпато-русы, поляки, сербы, словаки, словенцы, украинцы, хорваты и чехи. Согласно документу, военнопленных этих национальностей нужно было «по возможности группировать в концентрационных лагерях в отдельных помещениях (бараках)», предоставлять права «иметь уполномоченных для участия в раздаче и отправке корреспонденции и посылок», «производства необходимых покупок на местных рынках, а также и, по возможности, более широкого пользования прогулками вне лагеря, под надлежащим надзором», «беспрепятственного посещения богослужения, под надлежащим надзором, а также разрешать допуск духовных лиц для удовлетворения религиозной нужды». В отдельных случаях, с разрешения командующего войсками округа, военнопленным романо-славянского происхождения предоставлялось право жительства на частных квартирах, «на основании данных об их лояльности и благонадежности, при условии ручательства местных общественных и национальных организаций и заслуживающих доверия частных лиц, с отобранием подписки о не побеге». Получившие право жить на частных квартирах могли заниматься «трудом соответственно их подготовке и профессии». Кроме того, с разрешения командующего войсками округа и по ходатайству национальных организаций, допускалось перемещение пленных «из одних мест водворения в другие, а также совместное водворение братьев и других близких родственников». Представителям национальных организаций пленных, для их ознакомления с условиями быта заключенных в лагерях и оказания им «помощи материальной и духовной», Главный штаб мог выдавать «именные удостоверения на право посещения мест водворения названных пленных. Наконец, военнопленные «романо-славяне» получали право «вступать в браки на основании существую-

щих на сей предмет общих правил для военнопленных славян всех национальностей» [4, л. 99—99 об.].

Поиск лужицких сербов

В отношении военнопленных сербов в Сибири в 1919 г. отдельное рассмотрение получил вопрос о небольшом числе заключенных — лужицких сербов. Выполнявший в это время должность русского посла в Париже В. А. Маклаков 6 мая 1919 г. писал председателю Комиссии о пленных русского МИД В. Г. Жуковскому: «Председатель делегации лужицких сербов (речь о Арноште Барте, главе Серболужицкого национального комитета. — Р. Г.), действующий при Чехословацкой делегации на Мирной конференции, обратился ко мне с просьбой о содействии к освобождению его соотечественников, находящихся в России в числе военнопленных. Передавая при сем представленный г[осподином] Бартом список, прошу Вас принять его ходатайство в серьезное внимание и о распоряжениях, которые будут сделаны по его поводу, уведомить меня по телеграфу» [4, л. 78].

В отправленный в Омск список вошло всего восемь человек, судьба которых породила огромную переписку разных министерств и ведомств в Сибири. В списке крайне неточно были обозначены места их службы в годы Первой мировой войны и заключения в Сибири: «1. Гюде Ив. Истманн, ландшт[урм] батарея Лигниц II. 1-я рота. Красноярск, Сибирь. 2. Домашке Павел, 2-я рота, Спасское, Владивосток, Зап[адная] Сибирь. 3. Дутчман Август, немецкий военнопленный. Красноярск, Сибирь. 4. Климанн Герман, военнопленный, Томск. Лагерь военнопленных Канск (Сибирь), Енисейской губ[ернии]. 5. Климаш Герман, военнопленный, Томск, лагерь военнопленных, 3-й барак. 6. Петатц Вильгельм, Варман, Первая речка, Владивосток, 1-я рота. 7. Хокун Вильгельм, в Иннокентьевской [станция], б[лиз] Иркутск[а], Азия — Сибирь. Россия, барак 44. 8. Доманке Павел, 2-я рота, Спасское, б[лиз] Владивосток[а], Зап[адная] Сибирь (повтор с п. 2, разное написание фамилии. — Р. Г.) 9. Балков Мартин, Грендерского полка № 9, 2-я рота, в селе Башильна (не удалось атрибутировать станцию, очевидна ошибка в ее написании и переводе. — Р. Г.), Тобольской губ[ернии], гор[одская] тюрьма, Башилинская станция, Сибирь» [4, л. 82].

13 июля управляющий МИД И. И. Сукин озадачил «омскую» Ставку поиском указанных лужицких сербов, запрашивая, «...находятся ли сербы, упоминаемые в списке, в концентрационных лагерях и в каких именно, а также считают ли они себя сербскими подданными» [4, л. 83]. Только 30 сентября 1919 г. начальник Мобилизационного отдела Управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем генерал-майор Н. В. Шереховский смог предоставить сведения о пленных лужицких сербах Тюменского и Иркутского военных округов, обещая при этом сведения, касающиеся Томска, Спасского и Владивостока, направить дополнительно. В направленных им в МИД копиях документов информация была и скудной, и несоответствующей парижскому запросу. Так, начальник штаба тылового округа Восточного фронта 23 сентября сообщал в Ставку, что на учете при Томском округе военнопленного лужицкого серба Мартина Балкова не имеется. Из Томска временно исполняющий должность генерал-квартирмейстера Новокосовский сообщал, что Герман Климан 25 июля командирован для сопровождения лошадей в конский

запас в Читу и из этой командировки в лагерь еще не вернулся. Исполняющий должность окружного генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа генерал-майор А. А. Сурнин 5 сентября писал в Ставку, что: «1) военнопленный Хокун Вильгельм в лагере Заиркутского военного городка не числится; 2) военнопленный Климан Отто в лагере в[оенно]пленных гор[ода] Канска не числится; 3) военнопленный Гудеч Иштван находится в лагере в[оенно]пленных гор[ода] Красноярска, не считает себя сербским подданным; 4) военнопленный Дутчманн Август из лагеря в[оенно]пленных гор[ода] Красноярска убыл в штаб 3-й Чехословацкой дивизии» [4, л. 85—88].

В конечном счете запрос по лужицким сербам из Парижа не имел какого-то практического решения. В числе других военнопленных сербов, хорватов и словенцев они оставались в России до конца Гражданской войны. Неудачная попытка освобождения военнопленных «романо-славян» в мае 1919 г. отсрочила начало возвращения сербов, хорватов и словенцев как минимум на год.

Миссия Королевства сербов, хорватов и словенцев и эвакуация (1920—1922 гг.)

Падение дисциплины в югославянских частях белого Восточного фронта, а также необходимость эвакуации многочисленных военнопленных, делало настоятельным приезд миссии Королевства сербов, хорватов и словенцев для организации этого процесса, о чем в октябре 1919 г. настоятельно просил главнокомандующий войсками Антанты М. Жанен [8]. Только 19 января 1920 г. во Владивосток прибыла официальная Военная миссия Королевства, в состав которой входили подполковник Ж. Мичич, майор Д. Трифунович и интендант М. Миланкович. К тому времени белый Восточный фронт уже перестал существовать. Тогда же в Россию на смену генеральному консулу Й. Миланковичу прибыл новый консул Б. Пурич, вступивший в исполнение обязанностей 13 февраля, главной задачей которого стало обеспечение эвакуации [9, с. 461].

Эвакуации к тому времени подлежали несколько тысяч югославян: бывшие военнопленные, вступившие в добровольческие формирования белого Восточного фронта, и пленные, продолжавшие оставаться в лагерях. В конце 1919—начале 1920 г. Красной армией были взяты в плен около 2000 солдат и офицеров Добровольческого полка сербов, хорватов и словенцев имени майора М. Благодича и около 700 — 1-го югославянского полка имени М. Губеца. Все они остались в России до возвращения домой в 1921 г. [5, с. 194]. Помимо них, после поражения белого Восточного фронта в феврале 1920 г., в Чите соединились остатки югославянских полков имени М. Благодича и М. Губеца. Слитые в единый Югославянский полк, они уже не принимали какого-либо участия в боевых действиях в Забайкалье, прибыв во Владивосток в середине апреля 1920 г. (разместившись в лагерях на станции Вторая Речка). После пополнения другими югославянами его численность к лету 1920 г. доходила примерно до 3000 человек. Двухбатальонный полк поступил под начало Военной миссии Королевства сербов, хорватов и словенцев подполковника Ж. Мичича, в то время как общее руководство вел исполнявший обязанности консула Б. Пурич [10, с. 74].

21 июля 1920 г. из Владивостока на родину морем отбыла первая партия сербов, хорватов и словенцев численностью около 1400 человек. 3 августа в Ев-

ропу отбыла вторая партия, состоявшая, по докладу главы военной миссии Ж. Мичича, из «648 офицеров и солдат и 393 наших подданных...». Транспорты с бывшими военнопленными морем следовали в порты Триеста и Дубровника. С отправкой второй партии в Европу миссия Мичича завершила свою работу по эвакуации сосредоточенных на Дальнем Востоке югославян [5, с. 195; 9, с. 462]. Бывший главком войсками Антанты М. Жанен в воспоминаниях, приводя цифры эвакуированных из России чинов национальных формирований, писал о 1500 «сербов» и «югославян», отправленных из Владивостока на родину [11, р. 295, 298], вероятно, помимо отбывших на судах, арендованных миссией Мичича.

Гораздо более длительным путь домой оказался для пленных белых югославянских добровольческих полков, попавших в плен Красной армии, а также военнопленных из лагерей Сибири, в основной массе своей вернувшихся на родину в 1921–1922 гг. Для части из них путь домой также лежал через Владивосток (до мая 1921 г.). После установления советской власти в Приморье в конце 1922 г. ввиду сложностей с арендой судов часть пленных отправлялась по железной дороге до Нарвы, откуда морем добиралась до Германии, а оттуда следовала до Королевства сербов, хорватов и словенцев по железной дороге. Некоторые бывшие пленные небольшими группами или по одиночке добирались до Китая и Индии, откуда также морем они возвращались в Европу [7, с. 218–219].

Заключение

Несмотря на первоначальное стремление Российского правительства адмирала А. В. Колчака освободить и репатриировать югославянских военнопленных для облегчения экономического и политического бремени, эта инициатива весной 1919 г. потерпела неудачу. Решающими стали практические препятствия: предостережения союзного командования о рисках дестабилизации в Сибири, отсутствие транспортных возможностей для массовой эвакуации и неготовность созданных государств в Европе принять своих новых граждан. В результате освобождение было отложено, и большинство пленных оставалось в лагерях в тяжелых условиях до окончания Гражданской войны, а их возвращение на родину растянулось на 1920–1922 гг.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>

The research was supported by RSF (project no. 24-18-00216), <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>

Примечание

¹ На полях документа кем-то из должностных лиц в Совете министров оставлена рукописная помета-комментарий напротив упоминания сербов, хорватов, словенцев: «Желают ли они быть подданными госуд[арства] С[ербов]X[орватов и] С[ловенцев]?».

Список источников / References

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 214. 160 л.
Russian State Military Archive (RSMA). File: 39499/1/214/160. (In Russ.).

2. Janin M. Moje učast na Československém boji za svobodu / Z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek. Praha: Nakl. J. Otto, 1926. 281 s. (In Czech.).

3. Legras J. L'agonie de la Sibirie (1918–1920). *Le Monde Slave*. 1931;2:38–68. (In Fr.).

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 641. 106 л.

- State Archive of the Russian Federation (SARF). File: P-200/1/641/106. (In Russ.).

5. Попович Н. Б. «Одиссея от Одессы до Красноярска...» Сербь в Сибири в 1919–1921 гг. // Славянский альманах. 2004. Т. 2003. С. 187–195.

- Popovich N. B. «Odisseya ot Odessy do Krasnoyarska...» Serby v Sibiri v 1919–1921 gg. *Slavianskii Al'manakh*. 2004;2003:187–195. (In Russ.).

6. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 221. 152 л.

- RSMA. File: 39499/1/221/152. (In Russ.).

7. Тимофеев А. Ю., Вишняков Я. В., Милорадович Г. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны: монография. Москва: ИСИ, 2016. 454 с. ISBN 978-5-7893-0253-8.

- Timofeev A. Yu., Vishnyakov Ya. V., Miloradovich G. Bitva dvuglavykh orlov. Ocherki po istorii russko-serbskikh otnosheniy v gody Pervoy mirovoy voyny. Moscow, 2016. 454 p. ISBN 978-5-7893-0253-8. (In Russ.).

8. Service historique de la Defense Château de Vincennes. 16 N. Carton 3810. D. 93. Octobre 1919. (In Fr.).

9. Захаров А. М. «Двоюродные братья»: Славянские добровольческие вооруженные формирования в России. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 493 с. ISBN: 978-5-8064-2852-4.

- Zakharov A. M. "Dvoyurodnnyye brat'ya": Slavyanskiye dobrovol'cheskiye vooruzhennyye formirovaniya v Rossii. 2nd ed., revised and enlarged. Saint Petersburg, 2020. 493 p. ISBN: 978-5-8064-2852-4. (In Russ.).

10. Капустин Л. Г. Обмундирование и форменные отличия сербо-югославянских частей на востоке России // Белая армия. Белое дело. 2017. № 24. С. 62–78.

- Kapustin L. G. Obmundirovanie i formennye otlichiya serbo-yugoslavyanskikh chastey na vostokey Rossii. *Belaya Armiya. Beloye Delo*. 2017;24:62–78. (In Russ.).

11. Janin M. Ma mission en Sibirie, 1918–1920. Paris, 1933. 307 p. (In Fr.).

Информация об авторе:

ГАГКУЕВ Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, член-корреспондент Российской академии образования, председатель Правления Российского исторического общества, г. Москва.

SPIN-код: 3803-4060

AuthorID (PIH): 293012

AuthorID (SCOPUS): 57189051187

ResearcherID: A-134954

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

e-mail: gagkuev@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 21.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 02.04.2026.

Information about the author:

GAGKUEV Ruslan Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Chairman of the Board of the Russian Historical Society, Moscow.

SPIN-code: 3803-4060

AuthorID (RSCI): 293012

AuthorID (SCOPUS): 57189051187

ResearcherID: A-134954

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

e-mail: gagkuev@yandex.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 21.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 02.04.2026.

СУДЬБЫ РОДНЫХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1922 гг.: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Л. А. Грицай

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

 usan82@gmail.com

Статья посвящена историко-антропологическому анализу судеб родных братьев и сестер, оказавшихся в 1917–1922 гг. по разные стороны политического и социокультурного противостояния, что позволяет рассмотреть феномен гражданского раскола на уровне микросоциальных структур и внутрисемейных связей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного осмысления механизмов формирования индивидуальных идентичностей в условиях радикальной трансформации общественного порядка, когда выбор политической позиции сопровождался разрывом традиционных форм родственного общения. Цель работы заключается в выявлении антропологических механизмов дивергенции идентичностей и стратегий социальной адаптации на материале сопоставительного анализа биографий представителей различных социальных и культурных групп.

В результате установлено, что семейная принадлежность задавала лишь исходные рамки социализации, но не предопределяла окончательный выбор, тогда как индивидуальные ценностные установки и профессиональные идентичности становились ключевыми факторами политического самоопределения и последующей интеграции в советский социум либо эмиграции.

Ключевые слова: Гражданская война, историческая антропология, практическая генеалогия, советское общество, эмиграция, социальная адаптация, культурная память

Для цитирования: Грицай Л. А. Судьбы родных братьев и сестер в огне Гражданской войны 1917–1922 гг.: антропологический анализ. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 30–39. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-30-39>. EDN: TDHXXI.

© Грицай Л. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

FATES OF SIBLINGS IN THE FLAMES OF THE CIVIL WAR OF 1917–1922: AN ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

L. A. Gritsai

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Respublikanskaya St., 108/1, Yaroslavl, 150000, Russia

 usan82@gmail.com

The article is devoted to a historical-anthropological analysis of the fates of siblings, found in 1917–1922 on different sides of the political and socio-cultural confrontation, which allows considering the phenomenon of civil division at the level of microsocial structures and intra-family ties.

The relevance of the research is determined by the need for an in-depth understanding of the mechanisms of formation of individual identities in the context of a radical transformation of the social order, when the choice of a political position is accompanied by a break in traditional forms of kinship communication. The aim of the article is to identify the anthropological mechanisms of identity divergence and social adaptation strategies based on a comparative analysis of the representatives biographies of various social and cultural groups.

As a result, the author highlights that family affiliation sets only the initial framework of socialization, but does not determine the final choice, whereas individual values and professional identities become key factors of political self-determination and subsequent integration into Soviet society or emigration.

Keywords: Civil War, historical anthropology, practical genealogy, Soviet society, emigration, social adaptation, cultural memory

For citation: Gritsai L. A. Fates of siblings in the flames of the Civil War of 1917–1922: An anthropological analysis. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):30–39. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-30-39>. EDN: TDHXL. (In Russ.).

© Gritsai L. A., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Изучение Гражданской войны в России в последние десятилетия демонстрирует отчетливый сдвиг исследовательского интереса от анализа масштабных военных операций и институциональных трансформаций к рассмотрению человеческих судеб, которые позволяют раскрыть антропологическое измерение трагедии, заключавшееся в том, что фронт проходил не только между социальными классами, регионами или политическими партиями, но и в границах отдельной семьи. Поэтому, несмотря на то, что феномен «братоубийственной войны» многократно осмыслялся в отечественной и зарубежной историографии как метафора глубокого социального раскола, судьбы родных братьев и сестер, оказавшихся по разные стороны идеологических баррикад, долгое время оставались в тени «большого нарратива», ориентированного преимущественно на интерпретацию структурных факторов, нивелирующих индивидуальные траектории и микросоциальные конфликты.

Актуальность исследования определяется необходимостью восполнить данный пробел, поскольку именно в частных историях ближайших родственников наиболее отчетливо проявляются механизмы выбора и самоидентификации в условиях радикального слома прежнего социокультурного порядка, а также способы адаптации личности к новым политическим и культурным реалиям. Противоречие заключается в том, что историография Гражданской войны накопила значительный массив сведений о ключевых военных и политических лидерах, а также об общих закономерностях революционных трансформаций применительно к отдельным социальным группам. Тогда как историко-антропологический анализ внутрисемейных конфликтов и идентичностей, разделенных политическими условиями, продолжает быть фрагментарным, становясь, в большей части, уделом практической генеалогии.

Исследования в подобном ключе, нередко тяготеющие к публицистике, выпадают из поля зрения академических историков. Ситуация, в итоге, существенно ограничивает понимание микродинамики исторических процессов.

Цель исследования состоит в том, чтобы на материале судеб нескольких пар родных братьев и сестер — Якова и Зиновия Свердловых, Антона и Виталия Макаренко, Евгения и Михаила Беренсов, Ивана и Юлия Буниных, Юрия и Александра Анненковых, Екатерины Рождиной-Инсаровой и Веры Пашенной — выявить антропологические механизмы формирования идентичностей в ситуации радикальной политической поляризации, а так-

же определить стратегии интеграции, эмиграции или сохранения культурной самобытности в послевоенных обществах.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении судеб представителей различных социальных слоев и культурных традиций, что позволяет выйти за рамки традиционной политико-исторической оптики и реконструировать механизмы переживания раскола в семье как особого типа сообщества, чья устойчивость подвергалась испытанию историческими катастрофами, тем самым работа способствует расширению представлений об антропологии Гражданской войны и открывает возможности для нового прочтения феномена «братоубийственной войны» не только как метафоры национального раскола, но и как реальной драмы, разворачивавшейся в личностном пространстве родственных связей.

Исследование построено на анализе мемуарных и эпистолярных свидетельств самих участников событий, фиксирующих их восприятие Революции и Гражданской войны. Вспомогательную роль сыграли наработки историографии в историко-биографическом ключе.

Методологической основой работы послужило сочетание антропологического подхода, теории адаптации и биографического метода. Такой блок, ориентированный на микросоциальный анализ, позволяет рассматривать конкретные человеческие судьбы как маркеры шире проявляющихся социокультурных процессов.

Теоретический анализ судеб родных братьев и сестер в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. требует выработки целого комплекса критериев, позволяющих исследовать не только социальное и политическое самоопределение членов одной семьи, но и антропологическое измерение их личного выбора, то есть глубину субъективного опыта, степень совпадения или расхождения их политических ориентаций, а также влияние внутрисемейных связей на индивидуальные судьбы; эти параметры позволяют вскрыть амбивалентность выбора, неизбежность расхождений даже в пределах одной семьи и своеобразие антропологического опыта выживания в эпоху слома старого мира.

В качестве основных критериев целесообразно выделить:

1. Социальное происхождение семьи и степень вовлеченности в революционное движение до 1917 г., что позволяет установить исходные условия социализации и ранние формы политической активности.

2. Индивидуальная политическая позиция в годы Гражданской войны (здесь акцентируется

Таблица 1. Сопоставление судеб Якова и Зиновия Свердловых
Table 1. Comparison of Yakov and Zinovy Sverdlov fates

Критерий	Яков Свердлов	Зиновий Свердлов (Пешков)
Отношение к политике до 1917 г.	С юности активно вовлечен в революционное движение, за что многократно арестовывался; член РСДРП(б); ближайший соратник Ленина	Находился на периферии революционного движения; проявлял интерес к литературе и искусству; вступил во Францию в Иностраннный легион; участник Первой мировой войны; получил чин офицера; остался инвалидом
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Один из руководителей большевистского государства; фактический глава ВЦИК; активный участник организации советской власти и мобилизации сил для победы РККА	Примкнул к Белому движению, служа в Сибири, а затем на Юге России; открыто выражал враждебность к Октябрьской революции; угрожал брату убийством
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Был верен большевистской идеологии, но ранний уход из жизни не позволил как-либо проявить себя далее в новых условиях	Воспринял революцию как национальную катастрофу, сохраняя к ней негативное отношение; сделал выбор в пользу эмиграции с поражением Белого движения
Послевоенная судьба	После смерти вошел в советский политический пантеон; имя его было увековечено в названиях городов, улиц, учреждений и т. п.	Эмигрировал, сделал блестящую карьеру во Франции, став генералом и дипломатом; получил Большой крест ордена Почетного легиона; интегрировался в европейскую элиту, дистанцируясь от советской России

выбор конкретного лагеря, мотивация этого выбора и формы участия в борьбе).

3. Механизмы адаптации к послевоенной реальности и отношение к революции, зафиксированное в воспоминаниях или публичных высказываниях, что позволяет оценить способы интеграции в новые условия и глубину идеологической преемственности.

4. Послевоенная судьба (эмиграция или интеграция в советское общество, репутация, институциональная встраиваемость), что позволяет зафиксировать результаты выбора жизненного пути, статус и легитимность личности в национальных и международных контекстах.

Совокупность этих критериев помогает увидеть в семейных биографиях не просто «два параллельных пути», а драматическое поле конкурирующих представлений о патриотизме, долге и выборе Россией траектории своего развития. В рамках описанных критериев будет построен дальнейший анализ материала.

Основная часть

Первый показательный пример связан с братьями Яковом Михайловичем и Зиновием Михайловичем Свердловыми (табл. 1) — выходцами из семьи нижегородских евреев-ремесленников. Их судьбы ярко иллюстрируют внутренние противоречия эпохи. Старший брат Яков с юности участвовал в революционном движении, стал одним из ключевых организаторов и руководителей большевистского государства, возглавив с момента создания Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и фактически выполняя роль координатора партийного и государственного аппарата до своей смерти 16 марта 1919 г. в возрасте 33 лет [1, с. 26]. В те годы его политическая позиция была предельно ясна и однозначна: он воспринимал революцию и Гражданскую войну как неизбежную фазу классовой борьбы, а революцию — как историческую необходимость [1, с. 24]. Яков, как и многие его товарищи по партии, поддерживал идеи мировой революции, которая в скором времени преобразит жизнь всего человечества на земле. В частности, в своей речи при открытии Учредительного собрания 5 января 1918 г. Яков

Свердлов говорил: «Октябрьская революция зажгла пожар социалистической революции не только в России, но и во всех странах. Мы не сомневаемся, что искры нашего пожара разлетятся по всему миру, и недалек тот день, когда трудящиеся классы всех стран восстанут против своих эксплуататоров так же, как в Октябре восстал российский рабочий класс и следом за ним российское крестьянство» [2, с. 95].

Судьба родного брата Я. М. Свердлова — Зиновия, известного также как Зиновий Пешков (так как он стал приемным сыном М. Горького), демонстрирует предельную степень разрыва не только в политических ориентациях, но и в жизненных траекториях, что позволяет рассматривать данный случай как показательную модель братоубийственного раскола Гражданской войны. По свидетельству Р. А. Медведева, находясь в России в 1917–1918 гг. и оказавшись вблизи фронтовых событий, Зиновий, уже поучаствовавший в Первой мировой войне офицер, несмотря на инвалидность, примкнул к антибольшевистскому движению. Он служил на военно-дипломатических должностях в белой Сибири в бытность Российского правительства А. В. Колчака, а затем продолжил службу в белом Крыму в окружении П. Н. Врангеля. Отношение его к Октябрьской революции было подчеркнуто враждебным, крайне негативным, что подтверждается как современными исследователями, так и собственными высказываниями. Показательным эпизодом стала телеграмма, направленная им в начале 1919 г. брату Якову с прямой угрозой повесить его вместе с В. И. Лениным [3, с. 162]. Это не только свидетельствовало о глубине личной непримиримости, но и фиксировало тот символический уровень вражды, когда разрыв семейных уз становился частью политической борьбы. Примечательно, что братья, опасаясь скомпрометировать друг друга, в годы войны стремились скрывать факт родства, а единственная их встреча прошла в атмосфере демонстративного отчуждения. После Гражданской войны в России Зиновий эмигрировал, прожив долгую жизнь и сделав блестящую дипломатическую и военную карьеру во Франции. Стоит полагать, что его успешной интеграции способствовал опыт проживания в Европе с 1904 г.

Таблица 2. Сопоставление судеб Антона и Виталия Макаренко
Table 2. Comparison of Anton and Vitaly Makarenko fates

Критерий	Антон Макаренко	Виталий Макаренко
Отношение к политике до 1917 г.	Педагог; не имел прямого отношения к революционному движению	Интересовался литературой и педагогикой; не увлекался революционными идеями
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Поддержав советскую власть, активно включился в ее социально-педагогические проекты; участвовал в формировании системы воспитания «нового человека»	Опасаясь репрессий, как офицер, примкнул к Белому движению, разделял антибольшевистские позиции
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	В своих трудах выражал убежденность в преобразующей силе советской власти	В воспоминаниях обосновывал свой вынужденный антибольшевистский политический выбор и участие в Белом движении
Послевоенная судьба	Интегрировался в советское общество, стал известным педагогом, его система воспитания получила официальное признание	Эмигрировал; работал педагогом и литератором; оставил воспоминания о брате, сохранив к нему уважение и личную привязанность.

Таким образом, сопоставление судеб Якова и Зиновия Свердловых выявляет не только антиподальность их политического выбора, но и демонстрирует антропологический механизм радикальной дивергенции идентичностей, когда из одной семьи выходили представители двух противостоящих миров, чьи биографические траектории иллюстрируют глубину социокультурного разлома, вызванного революцией и Гражданской войной.

Судьбы братьев Антона Семеновича и Виталия Семеновича Макаренко (табл. 2), оказавшихся в условиях революции и Гражданской войны по разные стороны политического и социального раскола, позволяют проследить, каким образом радикальные исторические катастрофы трансформировали не только индивидуальные идентичности, но и структуру семейных связей, в которых сохранялось уважение и взаимная привязанность даже при невозможности совпадения политических ориентаций. До 1917 г. оба брата, происходившие из небогатой семьи служащих и не проявлявшие заметной вовлеченности в революционное движение, жили обычной жизнью, ориентированной на труд и образование, что создавало предпосылки для последующего разделения их жизненных судеб, когда именно революция и война стали переломными моментами их биографий.

В годы Гражданской войны траектории их выбора разошлись принципиально: Антон Семенович, хотя и не участвовал в вооруженных действиях, встроился в проект советской власти по социализации «нового человека», создавая уникальные воспитательные колонии для беспризорных подростков, что соответствовало официальной линии большевизма на формирование «человека будущего», сам педагог фиксировал в своих сочинениях безусловную убежденность в миссии революции, в частности, в своем фундаментальном труде «Педагогическая поэма» он писал: «Только Октябрьская революция впервые в истории мира дала возможность родиться настоящему, принципиально чистому, нестыдному счастью» [4, с. 33].

Его брат Виталий — офицер военного времени, участник Первой мировой войны, имевший боевые награды и ранения, — опасаясь за свою жизнь, примкнул к Белому движению на Юге России. После падения белого Крыма он эмигрировал, посвятив себя педагогической и литературной деятельности. В воспоминаниях Виталий Семенович описал обстановку в России, побудившую его сделать не-

простой выбор: «Наступили мрачные, тяжелые дни. Людей арестовывали и уничтожали не за какое-нибудь преступление, а только за то, что они могли быть потенциальными врагами. Арестовывали ночью, без суда, на грузовике отвозили на Кременчугское кладбище и там расстреливали» [5, с. 23].

Отношение братьев к революции и Гражданской войне фиксировалось в различных формах памяти. Для Антона это была вера в преобразующую силу социалистического проекта и его реализация в педагогической практике, тогда как для Виталия — стремление сохранить человеческое измерение личности брата и дистанцию от политической полемики, поэтому показательным, что в своих воспоминаниях Виталий подчеркивал: «Никогда в своей жизни я не знал человека более умного, более человеческого, чем мой брат Антон... Независимо от того, что это был мой брат, я потерял в нем самого благородного, самого чуткого и, наверное, самого умного человека из тех, кого я встретил на моем жизненном пути» [5, с. 12]. Таким образом, его выбор заключался не в политическом самоопределении, а в мемориальном сохранении личностного образа, что имеет особое значение для антропологического анализа культур памяти.

В обоих случаях мы наблюдаем, как внутри одной семьи складываются различные траектории, при этом судьбы братьев оказываются неразрывно связаны с судьбой революции, но их интерпретация событий Гражданской войны радикально различается: для одних она — источник легитимности и инструмент строительства нового мира, для других — болезненный опыт, поражение Белого движения и вынужденная эмиграция. Отметим, что особое значение в антропологическом измерении судеб Антона и Виталия Макаренко имеет сохранение ими взаимного уважения и братской привязанности, несмотря на противоположность политических траекторий: даже при этом, пока позволяли обстоятельства, братья поддерживали переписку и выражали теплое отношение друг к другу, что показывает — глубинные родственные связи могли сохраняться как своеобразный «остров» человеческого в условиях идеологически расколотого общества.

Судьбы братьев Евгения Андреевича и Михаила Андреевича Беренсов (табл. 3) — выходцев из дворянской семьи, внуков адмирала, участника Крымской войны — ярко иллюстрируют, каким образом революция и Гражданская война раскалывали даже

Таблица 3. Сопоставление судеб Евгения и Михаила Беренсов
Table 3. Comparison of Evgeny and Mikhail Berensov fates

Критерий	Евгений Беренс	Михаил Беренс
Отношение к политике до 1917 г.	Окончил Морской кадетский корпус (1895); участник Русско-японской войны, затем морской атташе в Германии и Италии; революционными идеями не увлекался	Окончил Морской кадетский корпус (1898); участник военных конфликтов с Китаем и Японией; награжден орденом Св. Георгия; революционными идеями не увлекался
Политическая позиция в годы Гражданской войны	В числе первых высших офицеров перешел на сторону большевиков; возглавил Морской генеральный штаб, командовал морскими силами РСФСР; активно участвовал в создании Рабоче-крестьянского Красного флота	Примкнул к Белому движению на Дальнем Востоке, возглавлял Русскую эскадру в Бизерте; рассматривал сохранение флота и кадров как высший долг офицера
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Активно участвовал в дипломатической службе СССР: представлял страну на Генуэзской и Лозаннской конференциях, служил военным атташе в Лондоне и Париже; воспринимал революцию как историческую данность, требующую от профессионала служения новому государству	После разоружения эскадры в Бизерте в 1924 г. остался в Тунисе, работал в сельскохозяйственной дирекции, участвовал в деятельности Военно-Морского союза; о революции и Гражданской войне не оставил воспоминаний, что само по себе отражает стратегию молчания как способа адаптации
Послевоенная судьба	Интегрировался в советскую систему; умер в Москве, в памяти остался как видный военный и дипломат	Жил в эмиграции, умер в Тунисе в 1943 г.; сохранил репутацию офицера чести, преданного флоту и своим подчиненным

Таблица 4. Сопоставление судеб Юлии и Ивана Буниных
Table 4. Comparison of Julia and Ivan Bunin fates

Критерий	Юлий Бунин	Иван Бунин
Отношение к политике до 1917 г.	Редактор и педагог; активный участник народнического движения, за что подвергался арестам и ссылкам	Писатель, тяготел к консерватизму, держался в стороне от политической борьбы
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Жил в Москве; работал в Народном комиссариате просвещения; представитель «красной интеллигенции»	Ярый противник большевиков; крайне жестко критиковал революцию; бежал из Москвы на территорию Юга России, занятую белыми силами, поддерживая их как гражданский идеолог
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Интегрировался в советскую систему, разделив всеобщее социальное бедствие	В своих трудах подчеркивал, что революция несет разрушение культуры, нравственный упадок и гибель России
Послевоенная судьба	Умер в Москве от голода; в памяти остался как деятель интеллигенции, принесший себя в жертву новой эпохе	В эмиграции стал символом русской литературы; лауреат Нобелевской премии; выразитель антисоветской культурной традиции

наиболее спаянные профессиональным кодексом офицерские семьи, заставляя их представителей делать выбор, определявший не только политическую ориентацию, но и дальнейшую судьбу. Если до 1917 г. оба брата были сосредоточены на военной службе и не проявляли активного интереса к революционным идеям, то именно события революции и Гражданской войны стали поворотным моментом. Единая офицерская школа и общие ценности профессиональной чести и корпоративной культуры привели к противоположным решениям. Старший брат Евгений встроился в советскую систему и сделал карьеру как военный и дипломат, младший брат Михаил, примкнув к Белому движению, завершил жизненный путь в эмиграции [6, 7].

При этом Евгений ощущал свою чуждость советской системе. Революционерка Лариса Рейснер так писала о нем: «Революция заставила Беренса — теоретика и сибарита, засучить кружевные манжеты и собственными руками рыть могилу своему мертвому прошлому и своему побежденному классу» [8, с. 45]. Но смерть в 1928 г. спасла его от возможного трагического исхода.

Стоит помнить, что масштабные политические процессы в отношении бывших представителей офицерства, состоявших на большевистской службе, последовали уже в 1929 г.

Таким образом, пример братьев Беренсов демонстрирует, что при общем социальном происхождении и общей профессиональной подготовке выбор политической стороны оказался не следствием семейной традиции или классовой принадлежности, но результатом индивидуального понимания долга и служения Отечеству: для Евгения оно совпало с задачами новой советской власти, для Михаила — с сохранением верности старому флотскому корпусу и Белому движению. Хотя источники не фиксируют их переписки или личных контактов после 1920 г., отсутствие вражды в исторической памяти свидетельствует о том, что даже в условиях гражданской катастрофы сохранялись следы братской солидарности, пусть и не проговоренные.

Антиномия судеб братьев Буниных Ивана Алексеевича и Юлия Алексеевича — детей небогатых дворян (табл. 4) — выявляет иной тип биографического и мировоззренческого расхождения, нежели рассмотренные ранее случаи. Здесь речь идет не о выборе внутри профессиональной среды или военной корпорации, а о фундаментальном расхождении культурно-политических мировоззрений, которое в условиях революции и Гражданской войны получило трагическое завершение.

Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921), старший брат писателя, получил университетское об-

Таблица 5. Сопоставление судеб Юрия и Александра Анненковых
Table 5. Comparison of Yuri and Alexander Annenkov fates

Критерий	Юрий Анненков	Александр Анненков
Отношение к политике до 1917 г.	Политически пассивен до 1917 г.	Политически пассивен до 1917 г.
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Принял советскую власть; работал как художник-агитатор; создавал портреты вождей	Примкнул к Белому движению на Юге России
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Воспринимал революцию как исторический факт, фиксировал детали	Воспринимал революцию как катастрофу, выбрал путь вооруженной борьбы; прямых воспоминаний не оставил
Послевоенная судьба	Эмигрировал в 1924 г., войдя в творческую часть русской диаспоры Парижа; личная привязанность к брату оказалась выше просоветских убеждений	Эмигрировал в 1920 г.; вел работу в политических кругах за границей; символизировал «военную ветвь» диаспоры

разование, активно участвовал в народническом движении, был связан с чернопеределческими кружками, подвергался арестам и ссылкам, что свидетельствует о его ранней вовлеченности в радикально-демократическую среду [9, с. 22]. Неудивительно, что после революции он остался в Москве, работал в Народном комиссариате просвещения, принадлежал к числу так называемой «красной интеллигенции», вынужденно разделявшей все бедствия послереволюционной действительности. Его смерть в 1921 г., по всей вероятности от голода, стала частью той трагической картины гибели, которая еще в начале XX в. связывалась с ее жертвенным служением культуре.

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), напротив, был настроен значительно более консервативно, с самого начала воспринял революцию как катастрофу и в 1918 г. покинул Россию: в «Окаянных днях» он оставил одно из самых резких свидетельств об эпохе, определяя революцию как абсолютное зло: «Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже?» — писал он, создавая образ не только политических оппонентов, но и чудовищной «галереи каторжников» [10, с. 43], для него революция была сродни эпидемии: «Чума, холера — тоже стихия. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются...», — утверждал писатель, подчеркивая антиисторический, разрушительный характер большевистского переворота [10, с. 59].

Он видел в происходящем нравственное падение народа: «Опозорен русский человек... опротивел человек», фиксируя деградацию национального характера [10, с. 87], поэтому для него судьба России предстала как позолотимая потеря: «Была Россия! Где она теперь?» [10, с. 95], а сама революция как бессмысленная и кровавая смена ролей: «Революция есть только кровавая игра в перемену местами...» [10, с. 103], он предчувствовал разрушение культурного наследия и с горечью писал о том, что последующие поколения советских людей не смогут даже представить себе величие и мощь той России, в которой им когда-то довелось жить, которую его поколение не ценило и не понимало [11, с. 253; 12, с. 54].

Личное отчаяние Бунина усиливалось смертью брата: узнав о кончине Юлия в Москве, он писал: «Зачем, зачем я уехал? Если бы я там был, то спас бы его!» [13, с. 211], превращая личную утрату в символ трагедии разделенной России.

Таким образом, трагическая антиномия судеб Ивана и Юлия Буниных воплощает два разнораз-

правленных сценария: один брат, разделив судьбу советской интеллигенции, умер от голода, другой в изгнании превратил собственный опыт эмигранта в символический приговор эпохе, где революция предстает как «сплошной ужас»; и если для Юлия участие в новых институтах было формой служения культуре даже в условиях нищеты, то для Ивана трагедия брата и катастрофа России стали основанием для создания одного из самых сильных антибольшевистских свидетельств XX в.

Наконец, судьба Юрия и Александра Анненковых (табл. 5) показывает, что даже при общей памяти о «семье народовольцев» (братья были сыновьями народовольца П. С. Анненкова) возможен разный выбор: так братья оказались на противоположных полюсах гражданского выбора в 1917–1918 гг.

Юрий Анненков вошел в историю прежде всего как художник, связанный с авангардом и петроградской культурной средой, его непосредственные наблюдения за революционными событиями в Петрограде в 1917 г. зафиксированы в мемуарах «Дневник моих встреч», где он пишет: «Перейдя с опаской пустыню Невского проспекта, я завернул за угол и увидел перед собой баррикаду, сложенную из опрокинутых саней, каких-то ящиков и столбов. Все стало ясным: революция. Я думаю, что это было 25 февраля» [14, с. 41]. Присутствие художника в ключевых точках революционной хроники придавало его свидетельствам характер живого репортажа: «Мне удалось присутствовать в качестве неисправимого ротозея на площади Зимнего дворца вечером 25 октября... когда ухнули холостые выстрелы с "Авроры". Это был финальный сигнал» [14, с. 59]. Будучи востребован советской властью как мастер агитационного искусства, он работал над плакатами и оформлением публичных мероприятий: создавал портреты вождей и проекты для Красной площади, при этом проявлялась его позиция «оформителя революции», человека, который не просто наблюдал, но художественно конструировал ее символический облик.

Иной путь избрал его брат Александр, ставший офицером армии Врангеля и эмигрантом уже в 1920 г., в отличие от Юрия, он оказался втянут в вооруженную борьбу на стороне Белого движения, что обусловило для него разрыв с советской Россией.

Особую антропологическую значимость приобретает выбор Юрия Анненкова в 1924 г.: несмотря на то, что советская власть поддерживала его творчество, он, уехав во Францию на время, отказался вернуться в СССР, объяснив это необходимостью

Таблица 6. Сопоставление судеб Екатерины Рощиной-Инсаровой и Веры Пашенной
Table 6. Comparison of Ekaterina Roshchina-Insarova and Vera Pashennaya fates

Критерий	Екатерина Рощина-Инсарова	Вера Пашенная
Отношение к политике до 1917 г.	Популярная актриса дореволюционной сцены	Менее заметна до 1917 г.
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Антибольшевизм; эмиграция; открытая враждебность к новой власти	Поддержка Октября; лояльность к советскому строю
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Эмиграция; критика большевизма	Интеграция в советскую систему, апология идейности искусства
Послевоенная судьба	Первая актриса русского зарубежья; забыта на родине	Народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии, член КПСС

остаться за границей с братом, так его эмиграция стала актом братской солидарности, в котором личная привязанность перевесила идеологическую лояльность.

В этом редком случае семейная связь оказалась сильнее идеологических разломов: Юрий предпочел пожертвовать своими политическими взглядами, привязанностью к Родине, возможностью работать в России ради привязанности к брату.

Следует отметить, что типология братских разломов, описанная выше, представляет собой не единственный шаблон, но спектр родственных сценариев, каждый из которых иллюстрирует определенную конфигурацию взаимодействия личного и политического, и потому уместно рассматривать эти конфигурации последовательно, начиная с наиболее крайних институционально-политических противопоставлений и заканчивая случаями, где родство выступало фактором, способным преодолеть идеологические разломы.

Во-первых, в случае братьев Якова и Зиновия Свердловых мы наблюдаем экстремальную форму служебно-институционального антагонизма, когда один брат — Яков — оказывается в эпицентре большевистской власти, а другой — Зиновий (Пешков) — в рядах Белого движения и даже в окружении Колчака, а затем Врангеля, при этом конфликт достигает такой остроты, что родство приходится сознательно скрывать, в этом случае родственная кровная связь не способна смягчить политическую вражду.

Во-вторых, на примере братьев Антона и Виталия Макаренко мы сталкиваемся с моделью стратегически-адаптивного разлома, когда из общей социальной среды выхода в «обычную жизнь» два брата выбирают разные механизмы выживания и самоопределения: старший, Антон, встраивается в проект советской педагогики, тогда как Виталий, опасаясь репрессий, примыкает к Белому движению и впоследствии эмигрирует, однако при этом сохраняется относительная эмоциональная близость между родными братьями, что демонстрирует возможность сочетания идеологического расхождения с семейной привязанностью.

В-третьих, судьбы братьев Евгения и Михаила Беренсов моделируют служебно-институциональную (военно-профессиональную) конфронтацию в особой форме: оба имели общую морскую школу и профессиональный кодекс, однако для Евгения, принявшего сторону большевиков и ставшего важной фигурой в Красном флоте, революция стала полем профессиональной трансформации и служения новому государству, тогда как для Михаила верность «этике ответственности» имперского офицера привела его в Белое движение и в эмиграцию

с Русской эскадрой в Бизерте, и хотя источники отмечают отсутствие вражды между ними, их биографии транслируют модель, в которой одинаковая профессиональная идентичность породила разный политический выбор.

В-четвертых, пример братьев Юлия и Ивана Буниных выступает как парадокс идейно-культурного разлома, в котором старший брат, Юлий, будучи народовольцем и оставшись в Москве в составе «красной интеллигенции», умирает в тяжелых условиях послереволюционного голода, тогда как Иван уезжает в эмиграцию и превращает личный опыт разлуки и утраты в жесткую публицистическую и художественную критику революции, — это тот случай, где культурная и моральная поляризация перерастает в символическую полемику, делая семейную драму частью более широкого морального приговора эпохе.

Наконец, судьба братьев Юрия и Александра Анненковых задает частный тип эстетико-диаспорального разлома, при котором художник Юрий, несмотря на востребованность своего творчества со стороны советских институтов, в 1924 г. сознательно остается за границей ради младшего брата-офицера Александра, ушедшего в эмиграцию с силами Врангеля, и тем самым демонстрирует модель, в которой родственная привязанность перевешивает идеологическую лояльность.

Таким образом, сопоставление перечисленных кейсов позволяет выделить пять модельных типов братских разломов:

1. Экстремально институционально-политическую (Свердловы);
2. Стратегически-адаптивную или социально-прагматическую (Макаренко);
3. Профессионально-служебную (Беренсы);
4. Идейно-культурную, превращающую в личную трагедию (Бунины);
5. Эстетико-диаспоральную, где семейная солидарность превышает политические убеждения (Анненковы).

При этом каждая модель коррелирует с определенным набором стратегий памяти — от сокрытия родства и подчеркивания дистанции до активного воспоминания и превращения личного опыта в политическое послание — что и составляет центральный предмет антропологического интереса данного исследования.

Но отличительным критерием в сказанном было то, что это были мужские биографии. В этой связи интересен «гендерно противоположный» анализ женских судеб. Пример тому жизненные стратегии родных сестер Екатерины Рощиной-Инсаровой и Веры Пашенной (табл. 6) — двух актрис, которых разделила революция и Гражданская война. Екате-

рина, воспринявшая Октябрь как культурную катастрофу и разрыв с дореволюционной традицией, сделала выбор в пользу эмиграции, тогда как Вера сумела встроиться в новую систему, превратившись в символ советского театра.

По наблюдениям П. Н. Гордеева, поддержав Февральскую революцию, Екатерина уже в 1918 г. отвергла большевистский переворот, что выразилось не только в ее уходе из Александринского театра, но и в открытой неприязни к «уравнительным» практикам новой власти [15, с. 92]. Через Одессу и Константинополь она эмигрировала на Запад, где в Риге и Париже закрепила за собой репутацию «первой актрисы русского зарубежья», а в воспоминаниях и интервью (в частности, в беседе с Радио «Свобода» 1965 г.) настойчиво подчеркивала неприимчивость к большевизму и верность дореволюционной культурной традиции, например, актриса так вспоминала о событиях революции и гражданской войны в Петрограде: «Победивший пролетариат вел себя хуже взбесившихся обезьян» [16].

Ее сестра Вера Пашенная связала судьбу с Малым театром, став ведущей актрисой и педагогом, удостоенной званий народной артистки СССР и лауреата Сталинской премии. Однако она избегала политических деклараций, предпочитая говорить языком профессии: в трудах «Моя работа над ролью» (1934) и «Искусство актрисы» (1954) речь шла о дисциплине, мастерстве и трудовой этике, а не о политике, впрочем, в других своих книгах Вера говорила о положительном значении Октябрьской революции для искусства: «Малый театр, как и вся страна, после 1905 года задыхался под гнетом реакции... Трудно себе представить, что стало бы с театром вообще, а с Малым театром в частности, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года...», «Произошла полная переоценка ценностей, беспощадная ломка сгнившего старого... Мы постепенно начали понимать, что искусство не может быть аполитичным...» [17, с. 56]. Вступление Пашенной в КПСС в 1954 г. стало символом ее полной институциональной интеграции и подтверждением высокой позиции в советской культурной иерархии.

Сравнение судеб сестер показывает, что их выбор определялся не только личным характером, но и различным символическим капиталом: Екатерина, обладавшая репутацией утонченной «актрисы-интеллектуалки», не могла принять большевистскую власть, воспринимая ее как разрушение привычного этикета и художественной дисциплины; Вера же органично вписалась в канон «народности» и идеологической адаптации, где ценились устойчивость и преданность сцене.

Таким образом, судьбы сестер Екатерины и Веры иллюстрируют тип сестринского разлома эстетико-институционального характера, когда личное соперничество актрис дореволюционного времени (с популярностью Екатерины в 1910-е гг. и Веры в советский период) дополнилось полной политической и культурной дивергенцией. Одна стала символом русского театра в эмиграции, другая — олицетворением советской сцены, однако при этом уникальным остается отсутствие личной вражды и взаимных обвинений. Вера была вынуждена публично отказаться от сестры как от «предательницы Родины», но Екатерина, даже в поздних интервью, воздержалась от упоминаний о сестре, что демонстрирует дистанцию без ненависти и позволяет говорить о специфической форме культур-

ного разрыва, в которой семейная связь исчезает не через конфронтацию, а через отдаление.

Выводы и дискуссия

Подводя итоги исследования, необходимо подчеркнуть, что судьбы родных братьев и сестер в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) демонстрируют антропологический парадокс. Война, разрушавшая государственные и социальные структуры, встраивалась и в интимное пространство семьи, превращая кровное родство в арену идеологического и культурного конфликта, где выбор стороны был обусловлен одновременно и социальным происхождением, и личными представлениями о долге, культуре, патриотизме.

Рассмотренная выборка может быть восполнена многочисленными примерами из других трагичных семейных историй соотечественников, испытывавших на себе коллизии Гражданской войны. Обращение даже только к новейшей историографии, описывающей судьбы представителей интеллектуальной прослойки общества, может обильно пополнять нарратив [см. напр.: 18–21]. Однако даже рассмотренные примеры дают репрезентативный срез.

Во-первых, рассмотренный материал позволяет утверждать, что социальное происхождение и культурная принадлежность задавали лишь общую рамку возможных решений, но не детерминировали их окончательно: семьи дворянские (Анненковы, Бунины, Беренсы, Рощина-Инсарова и Пашенная), а также мещанско-служилые (Свердловы, Макаренко) рождали как убежденных сторонников советской власти, так и его последовательных критиков и противников, что еще раз подтверждает мысль о множественности траекторий внутри одной семьи.

Во-вторых, политическая и культурная позиция каждого из участников событий формировалась не в вакууме, а в сложном сплетении личных убеждений, профессиональной идентичности и восприятия самой революции: для Екатерины Рощиной-Инсаровой она явилась катастрофой, уничтожающей привычный этикет и культурный уклад, тогда как ее сестра Вера Пашенная увидела в Октябре возможность обновления театра и личного служения сцене; для Ивана Бунина эмиграция стала путем сохранения «подлинной России» в литературной памяти, тогда как его брат Юлий нашел место в системе советского образования, видя в ней шанс быть полезным народу; для Юрия Анненкова искусство революции сначала было пространством творческого эксперимента, а затем — в эмиграции — способом фиксации трагедии утраченной страны, тогда как его брат Александр сделал ставку на Белое движение и исход.

В-третьих, судьба послевоенной интеграции или эмиграции оказалась прямым следствием сделанного выбора: те, кто принял новую власть и встроился в ее институции (Я. Свердлов, А. Макаренко, В. Пашенная), получили признание, государственные награды и место в советском пантеоне, но часто ценой молчаливой лояльности и отказа от критического взгляда на происходящее; напротив, эмигранты (И. Бунин, М. Беренс, Ю. Анненков, Е. Рощина-Инсарова) сохранили в себе и вокруг себя дореволюционную традицию, создали альтернативные центры памяти о России, но были исключены из официальной культурной истории Советского Союза и оказались в положении «забытых на родине».

В-четвертых, гендерный ракурс анализа позволяет выявить определенные различия в мужских

и женских жизненных стратегиях в условиях Гражданской войны, не сводимые, однако, к жесткой дихотомии: так, мужские биографии в рассмотренной выборке в большей степени демонстрируют прямое включение в институционально-политическое и военное-служебное противостояние, где выбор стороны чаще оформлялся как вопрос долга, профессиональной чести или политической ответственности и имел необратимые последствия в виде карьеры, репрессий либо эмиграции, женские судьбы, напротив, в меньшей степени были связаны с участием в формальных структурах власти или вооруженной борьбы, однако не были менее идеологически нагруженными: выбор Екатерины Рощиной-Инсаровой и Веры Пашенной осуществлялся прежде всего в культурно-ценностном и символическом пространстве, где театр, эстетика и представления о миссии искусства становились эквивалентами политической позиции. При этом принадлежность всех исследованных персонажей к интеллектуальной среде и высокий уровень образования — характерная черта как мужских, так и женских биографий — выступали важным фактором автономности выбора, формируя способность к рефлексии, артикуляции собственной позиции и созданию нарративов памяти, именно интеллектуальный капитал позволял как мужчинам, так и женщинам не только адаптироваться к новой реальности или сохранить дистанцию от нее, но и осмыслить пережитый раскол в категориях культуры, морали и исторической ответственности, что придает их судьбам особую значимость для антропологического понимания Гражданской войны.

Особую значимость для историко-антропологического анализа приобретают тексты памяти и личные высказывания: именно они выявляют глубокую асимметрию восприятия революции и Гражданской войны если эмигрантские воспоминания фиксируют революцию как катастрофу и разрыв, как «взбесившийся пролетариат» (Е. Рощина-Инсарова) или как «конец русской культуры» (И. Бунин), то советские мемуары и теоретические работы (В. Пашенная, А. Макаренко), напротив, конструируют образ революции как точки обновления искусства, морали и социального устройства. Таким образом, сами семейные линии памяти демонстрируют полярность интерпретаций одного и того же события.

И наконец, результат сопоставления судеб исследованных семей позволяет заключить, что Гражданская война явилась не только ареной классовой борьбы, но и демонстрацией внутрисемейного разлома, где семья выступала в качестве микромоделей общества: кровная близость и общая биография не гарантировали совпадения политических взглядов, напротив, именно родство делало разрыв особенно болезненным и символически значимым. Таким образом, выбор «красного» или «белого» пути становился не просто актом политического самоопределения, но судьбоносным приговором, определявшим не только жизнь конкретного человека, но и образ памяти о нем в последующие десятилетия, а также способ его институциональной включенности в историю России XX в.

Список источников / References

1. Войтиков С. С. «Председатель ЦК»: Я. М. Свердлов в политической борьбе 1918—начала 1919 года // Российская история. 2014. № 1. С. 24—43. EDN: RYYSPL.

Voytikov S. S. "The Chairman of the Central Committee": Yakov Sverdlov in political struggle, 1918—early 1919. *Rossiyskaya Istoriya*. 2014;1:24—43. EDN: RYYSPL. (In Russ.).

2. Свердлов Я. М. Избранные произведения: Статьи, речи, письма: В 3 т. Т. 2. Москва: Политиздат, 1959. С. 95—97.

Sverdlov Ya. M. Izbrannyye proizvedeniya: Stat'i, rechi, pis'ma: In 3 vols. Vol. 2. Moscow, 1959. P. 95—97. (In Russ.).

3. Медведев Р. А. О необычайной судьбе семьи и родственников Я. М. Свердлова // СССР: внутренние противоречия. 1988. Вып. 22. С. 156—204.

Medvedev R. A. O neobychnoy sud'be sem'i i rodstvennikov Ya. M. Sverdlova. *Internal Contradictions in USSR*. 1988;22:156—204. (In Russ.).

4. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 7. М.: Педагогика, 1986. 320 с.

Makarenko A. S. Pedagogicheskiye sochineniya: In 8 vols. Vol. 7. Moscow, 1986. 320 p. (In Russ.).

5. Макаренко В. С. Мой брат Антон Семенович. URL: <https://litlife.club/books/79866/read> (дата обращения: 24.09.2025).

Makarenko V. S. Moy brat Anton Semenovich. URL: <https://litlife.club/books/79866/read> (accessed: 24.09.2025). (In Russ.).

6. Ульянова Л. Братья Беренсы: из истории русской междоусобицы. URL: <https://fest.radonezh.ru/2020/05/18/lyubov-ulyanova-bratya-berensy-iz-istorii-russkoy-mezhdousobicy> (дата обращения: 24.09.2025).

Ulyanova L. Brat'ya Berensy: iz istorii russkoy mezhdousobitsy. URL: <https://fest.radonezh.ru/2020/05/18/lyubov-ulyanova-bratya-berensy-iz-istorii-russkoy-mezhdousobicy> (accessed: 24.09.2025). (In Russ.).

7. Борисенко В. Н. Военно-морской атташе Е. А. Беренс на службе России // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2023. № 23-2. С. 133—139. EDN: AABDGP.

Borisenko V. N. Naval attaché E. A. Berens in the service of Russia. *Trudy Kafedry Istorii Novogo i Noveyshego Vremeni*. 2023;23-2:133—139. EDN: AABDGP. (In Russ.).

8. Рейснер Л. М. Фронт: 1918—1919. Москва: Красная новь, 1924. 130 с.

Reysner L. M. Front: 1918—1919. Moscow, 1924. 130 p. (In Russ.).

9. Кознова Н. Н. Юлий Бунин — редактор журнала «Вестник воспитания» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 22—27. EDN: WGXMCT.

Koznova N. N. Yuliy Bunin, editor of the journal "VestnikVospitaniya". *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2016;4:22—27. EDN: WGXMCT. (In Russ.).

10. Бунин И. А. Окаянные дни / сост. О. Михайлов. Т. 10. Кн. 2. Москва: Молодая гвардия, 1991. 333 с. ISBN 5-235-01771-4.

Bunin I. A. Okayannyye dni. Compiled by O. Mikhaylov. Vol. 10. Book 2. Moscow, 1991. 333 p. ISBN 5-235-01771-4. (In Russ.).

11. Аболина М. М. И. А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции (1920—1955 гг.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 234—253. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-11-234-253>. EDN: WOAEMW.

Abolina M. M. Ivan Bunin and publishing activities of the Russian émigrés (1920—1955). *Literary Fact*. 2019;1(11): 234—253. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-11-234-253>. EDN: WOAEMW. (In Russ.).

12. Пономарев Е. Р. Парадигмы эмигрантского быта. Круг общения семьи Буниных и повседневная культура эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 1. С. 52—63. EDN: VUSAUZ.

Ponomarev E. R. The paradigm of the emigrant life. Social circle of the Ivan Bunin family and daily culture of Russian emigration. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2016;1:52—63. EDN: VUSAUZ. (In Russ.).

13. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных и другие архивные материалы: в 3 т. Т. 1 / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Possev-Verlag, 1977. 366 с.

Ustami Buninykh: dnevniky Ivana Alekseyevicha i Very Nikolayevny Buninykh i drugiye arkhivnyye materialy: in 3 vols. Vol. 1. Ed. by M. Grin. Frankfurt am Main, 1977. 366 p. (In Russ.).

14. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: цикл трагедий. Т. 1. Нью-Йорк: Междунар. лит. содружество, 1966. 344 с.

Annenkov Yu. P. Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragediy. Vol. 1. New York, 1966. 344 p. (In Russ.).

15. Гордеев П. Н. Актриса и революция: Е. Н. Рощина-Инсарова в 1917–1918 гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26, № 1. С. 90–94. EDN: VPZWIX.

Gordeev P. N. The actress and the revolution: E. N. Roschina-Insarova in 1917–1918. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2016;26(1):90–94. EDN: VPZWIX. (In Russ.).

16. Рощина-Инсарова Е. Н. «Непричесанные воспоминания»-2. URL: <https://vk.com/@-21406897-ekaterina-roschina-insarova-neprichesannyye-vozpominaniya-2> (дата обращения: 24.09.2025).

Roshchina-Insarova E. N. "Neprichesannyye vospominaniya"-2. URL: <https://vk.com/@-21406897-ekaterina-roschina-insarova-neprichesannyye-vozpominaniya-2> (accessed: 24.09.2025). (In Russ.).

17. Пашенная В. Н. Актер в стране социализма. Москва: Искусство, 1956. 207 с.

Pashennaya V. N. Akter v strane sotsializma. Moscow, 1956. 207 p. (In Russ.).

18. Бодрова Л. А., Петин Д. И. Две России в одной судьбе: к биографии Ивана Гавриловича Галкина (1896–1937) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1 (33). С. 55–66. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(1\).55-66](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(1).55-66). EDN: DMCEJF.

Bodrova L. A., Petin D. I. Two Russia in one destiny: to the biography of Ivan G. Galkin (1896–1937). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2022;9(1):55–66. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(1\).55-66](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(1).55-66). EDN: DMCEJF. (In Russ.).

19. Каминский В. В., Веремченко В. А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 64–83. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.304>. EDN: XRVNKF.

Kaminskiy V. V., Veremenko V. A. The Noble Family Baranovskiy at the Turn of the Epoch. *Modern History of Russia*. 2016;3(17):64–83. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.304>. EDN: XRVNKF. (In Russ.).

20. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300. EDN: ZEOGJV.

Petin D. I., Kaminsky V. V. General-Major of the General Staff N. N. Artamonov (1872–1937): A Biography in Light of New

Sources. *Herald of an Archivist*. 2017;3:274–300. EDN: ZEOGJV. (In Russ.).

21. Ключ И. А. Судьба семьи кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова в период Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 160–170.

Klyus I. A. Sud'ba sem'i kinorezhissera Sergeya Apollinariyevicha Gerasimova v period Grazhdanskoj vojny. *Grazhdanskaya Voyna na Vostoke Rossii: Vzgl'yad Skvoz' Dokumental'noye Naslediye: Materialy VI Mezhdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii*. Omsk, 2025. P. 160–170. (In Russ.).

Информация об авторе:

ГРИЦАЙ Людмила Александровна, доктор педагогических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Теория и история педагогики» Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль.

SPIN-код: 9447-8656

AuthorID (РИНЦ): 690493

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

e-mail: usan82@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 30.12.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 13.04.2026.

Information about the author:

GRITSAY Lyudmila Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of Pedagogy Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

SPIN-code: 9447-8656

AuthorID (RSCI): 690493

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

e-mail: usan82@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 30.12.2025; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 13.04.2026.

ЭХО ОМСКА В ХАРБИНЕ: УЧАСТНИКИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В 1920 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА И. С. ИЛЬИНА)

М. В. Кротова¹✉, С. В. Смирнов²

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, 30-32, А

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

✉ mary_krot@mail.ru

Авторы статьи концентрируют свое внимание на участниках Белого движения, оказавшихся в результате крушения Восточного фронта Гражданской войны в эмиграции в Харбине, в центре полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги на протяжении 1920 г. Основным источником исследования выступают материалы неопубликованного дневника участника Белого движения полковника Иосифа Сергеевича Ильина (1885–1981), хранящегося в фондах Государственного архива Российской Федерации.

На основе историко-биографического метода в рамках историко-антропологического подхода анализируются поведенческие практики лидеров Белого движения, стратегии социальной адаптации военных эмигрантов к новым условиям жизни, психологические и идейные кризисы беженцев. В то же время исследователи стремятся показать, как личность самого автора дневника, его вовлеченность в процесс вживания в новую среду отразились на картине харбинской реальности 1920 г.

Подчеркивается важность использования эго-документов для изучения сознания участников Белого движения, оказавшихся на «сломе времен» и вынужденных практически с нуля начинать свою жизнь в эмиграции.

Ключевые слова: историческая антропология, Гражданская война, Белое движение, Белая эмиграция, И. С. Ильин, дневники, Омск, Харбин

Для цитирования: Кротова М. В., Смирнов С. В. Эхо Омска в Харбине: участники Белого движения на востоке России в 1920 г. (по материалам дневника И. С. Ильина). *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 40–49. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-40-49>. EDN: TMZVYP.

© Кротова М. В., Смирнов С. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

ECHO OF OMSK IN HARBIN: PARTICIPANTS IN THE WHITE MOVEMENT IN EASTERN RUSSIA IN 1920 (BY THE DIARY OF I. S. ILYIN)

M. V. Krotova¹✉, S. V. Smirnov²

¹Saint-Petersburg State University of Economics,
Naberezhnaya kanala Griboyedova, 30-32/A, Saint Petersburg, 191023, Russia

²Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira St., 19, Ekaterinburg, 620062, Russia

✉ mary_krot@mail.ru

The authors of the article focus on the participants of the White Movement who appeared in exile in Harbin, the center of the Chinese Eastern Railway's alienated zone, as a result of the collapse of the Eastern Front of the Civil War, during 1920. The main source of the research is the unpublished diary of Colonel Iosif Sergeevich Ilyin (1885–1981), which is stored in the State Archives of the Russian Federation.

Based on the history-biographical method within the framework of an anthropological approach, the article analyses the behavioral practices of the White Movement leaders, the strategies of social adaptation of military emigrants to new conditions and the psychological and ideological crises of refugees. Moreover, the researchers' aim is to show how the personality of the diary's author and his involvement in the process of adapting to the new environment influence on the portrayal of the Harbin reality in 1920.

The article emphasizes the importance of using ego-documents to study the consciousness of the participants of the White Movement, who were at the "breaking point" and started their lives in exile from scratch.

Keywords: historical anthropology, Civil War, White Movement, White Emigration, I. S. Ilyin, diaries, Omsk, Harbin

For citation: Krotova M. V., Smirnov S. V. Echo of Omsk in Harbin: Participants in the White Movement in Eastern Russia in 1920 (by the diary of I. S. Ilyin). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):40–49. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-40-49>. EDN: TMZVYP. (In Russ.).

© Krotova M. V., Smirnov S. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Библиография истории Гражданской войны, и в частности Восточного фронта, необычайно обширна. Одно только перечисление работ даже без обстоятельного анализа займет десятки страниц. Не менее волнующим и вызывающим неослабевающий интерес является вопрос дальнейших судеб участников Белого движения, их жизнь в эмиграции, в том числе в Китае. Среди наиболее крупных исследований, посвященных судьбе участников Белого движения в эмиграции в Китае, стоит назвать работы Н. Н. Аблажей [1], Е. Е. Аурилене [2], А. В. Ганина [3], М. В. Кротовой [4–6], Е. Н. Наземцевой [7], Д. И. Петина [8], С. В. Смирнова [9, 10], А. А. Хисамутдинова [11–13], Е. В. Яковкина [14] и др.

Исследователи, так или иначе, использовали в числе прочих источники личного происхождения — мемуары, дневники, эпистолярное наследие. Значение эго-документов для изучения истории русской эмиграции в Маньчжурии трудно переоценить. Наряду с достаточно хорошо известными и активно используемыми историками воспоминаниями Г. М. Семенова [15], Г. В. Енборисова [16], Б. С. Колоколова [17], дневниками А. П. Будберга [18, 19], П. В. Вологодского [20], И. И. Серебренникова [21], И. И. Штина [22], постоянно появляются новые публикации — например, мемуары М. М. Манжетного [23] и П. Ф. Рябикова [24]. Вместе с тем масса эго-документов до сих пор остается неизвестной широкому кругу исследователей. К их числу относятся хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации дневники полковника Иосифа Сергеевича Ильина (1885–1981) [25], которые он вел на протяжении всей жизни, в том числе в период эмиграции в Харбине.

Кадровый офицер, участник Первой мировой войны, большую часть которой он провел на нестроевых должностях преподавателем в школе прапорщиков, полковник Ильин и в годы Гражданской войны был далек от фронта, являясь штаб-офицером при военном министре Комуча, затем при ставке главнокомандующего Уфимской директории, участвовал в формировании дружин Святого креста. В конце 1919 г. Ильин эвакуировался с семьей в Маньчжурию, где прожил в Харбине до 1956 г.

В 2016 г. благодаря усилиям внуки И. С. Ильина — В. Жобер были опубликованы в виде отдель-

ного издания под названием «Скитания русского офицера» [26] дневники полковника за период 1914–1920 гг. Опубликованные записи обрываются 3 февраля 1920 г. — датой прибытия семьи Ильиных в эвакуационном поезде в Харбин.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и анализе особенностей отображения на страницах дневника И. С. Ильина за 1920 г. вчерашних участников Белого движения, оказавшихся в Харбине, в условиях разгрома белых войск Восточного фронта и деградации власти атамана Г. М. Семенова в Забайкалье. Выбор дневников 1920 г. не случаен. Это был один из ключевых моментов в истории революции и Гражданской войны, важная точка размежевания российского общества, который нашел свое отражение и в эмиграции. Именно в 1920 г. дневниковые записи Ильина наиболее детальны, когда он внимательно вглядывался в новую обстановку и замечал все мелочи и подробности.

Дневники И. С. Ильина носят отпечаток его личности. Судя по отзывам его родственников и окружающих людей, это был человек с небезупречной репутацией, любитель компаний, имевший широкий круг общения, талантливый, остроумный рассказчик, внимательный к деталям. В дневниках Ильина важен взгляд офицера, только прибывшего с отступающей армией в Маньчжурию, со всеми сомнениями, обидами, неуверенностью в будущем, неопределенностью своего положения. Подчас резкий тон автора объясняется раздражением, вызванным неустроенностью первых месяцев эмиграции, потерей статуса, утратой привычного образа жизни. Через призму эмоций Ильина, которые он выплескивал на страницы дневника, вырисовываются образы, которые важны для понимания поражения Белого движения, конкретных жизненных стратегий и адаптационных практик офицеров и нижних чинов. Надо сказать, что характеристики многим лидерам Белого движения он дал еще в «омский» период, но в харбинской обстановке он увидел их другими глазами.

В статье в рамках антропологического подхода используется историко-биографический метод для реконструкции событий и составления коллективного портрета деятелей Белого движения в обстоятельствах вынужденной эмиграции в Маньчжурию. Понимая сложность работы с такого рода эго-доку-

ментами, как дневники, проведен тщательный анализ источника, выявлены обстоятельства его создания, учтены особенности личности автора, изучена история текста и предложена его интерпретация.

Основная часть

Хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации дневники И. С. Ильина, относящиеся к эмигрантскому периоду (1920–1944 гг.), очень объемны и содержат огромное количество информации о различных сторонах жизни русской эмиграции. Вместе с тем необходимо отметить, что часть дневников Ильина не является оригинальной. При подготовке дневников для продажи Русскому заграничному историческому архиву (РЗИА) в Праге их текст был перепечатан автором на пишущей машинке и, вероятно, претерпел определенные изменения. Возможно, часть текста была купирована.

Для анализа источника необходимо было обратиться к переписке И. С. Ильина с РЗИА в 1930-е гг. Оригиналы писем Ильина хранятся в Славянской библиотеке (Slovanská knihovna) — Национальной библиотеке Чешской Республики в папке «И. С. Ильин» [27]. Ильин в 1930 г. предложил архиву издать его дневники за 1914–1929 гг. Архив отказался издавать их, но согласился принять дневники на хранение. В письме в Русский заграничный исторический архив от 26 мая 1931 г. Ильин, сообщая о передаче перепечатанных дневников за 1914–1920 гг. в архив, добавил, что намерен подготовить тексты «Пять лет на службе у японцев» и «10 лет в изгнании» на основании дневников, записей и писем 1920–1930 гг. В этом письме он сетовал, что работать приходится «не в легких условиях», а главное, что нет собственной печатной машинки и приходится или брать ее напрокат, или просить у знакомых, что очень усложняло работу, «да и писать на разных машинках крайне неприятно, почему, между прочим, встречается такая масса опечаток, ошибок и крайне усложняет корректуру» [27, л. 8]. В следующем письме от 27 мая 1931 г. Ильин опять пишет о намерении переписать и приготовить труд «10 лет в эмиграции» (1920–1930 гг.), подчеркивая, что эта работа будет вся состоять из точной записи дневника за все указанные годы, добавив, что его цель — «быть искренним в полной мере», и все, что изложено на протяжении 1000 страниц, — «как было пережито и перечувствовано, так и записано» [27, л. 22].

Дневники за 1920–1930 гг. Ильин передал в РЗИА в сентябре 1932 г. в машинописных копиях, они были оценены архивом в 2 тысячи чешских крон при условии передачи подлинного рукописного дневника [27, л. 35]. Однако оригинал дневника Ильин так и не прислал, только предложил в письме от 1 июня 1934 г. заново переписать текст, сообщив некоторые подробности. Так, дневники за 1914–1920 гг. Ильин переписал по новой орфографии, а в перепечатанных дневниках за 1920–1929 гг. он сохранил «орфографию подлинника, т. е. старую» [27, л. 41].

Изучив внимательно текст и отметив некоторые неточные даты, авторы все же пришли к выводу, что правки в дневнике Ильина вряд ли были существенными по форме, на что указывает стилистика записей, отражающая их спонтанный характер. Многие факты можно подтвердить другими документами. Основным источником сведений для Иосифа Сергеевича, имевшего благодаря службе в Омске обширный круг знакомств в Харбине, яв-

лялись личные впечатления от наблюдений за окружающей обстановкой, от разнообразных встреч и участия в различных мероприятиях, а также слухи. Слухи были тем, чем подпитывалась и жила эмиграция в первый период своего пребывания в Харбине. Именно благодаря своей «субъективности» дневники И. С. Ильина являются прекрасным источником для изучения сознания русского эмигранта в условиях полного слома картины его прежней реальности, требующего поисков средств адаптации к новой социально-культурной среде проживания. И в то же время свидетельства автора позволяют детализировать и оживить «объективную» историю русской эмиграции в Маньчжурии, формируемую другими видами исторических документов.

На протяжении почти всего 1920 г. И. С. Ильин на страницах своего дневника констатирует появление все новых беженцев из России в Харбине, «последних всплесков» Белого движения. «Камень бросили в Омске, и вот теперь только рябь доходит до далекого Харбина» — пишет он 27 мая 1920 г. [28, л. 34].

Главной консолидирующей характеристикой беженцев для Ильина является их кардинальное отличие от местного русского харбинского общества. Это словно два разных мира. Харбин представляется автору «осколком» старой, дореволюционной России, где живут люди, ничего не знающие о революции и Гражданской войне, ничего не пережившие и ничего не потерявшие, «как будто ничего и не произошло»: все те же генералы в генеральских погонах, лампадах с адъютантами, чиновники и инженеры в форме «старого доброго времени». Беженцы, прибывшие из Сибири, представлялись «дикушинными зверьями» или «особой породы людьми» [28, л. 6]. Устроившись на службу в Охранную стражу Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и познакомившись с местными офицерами бывшего Заамурского округа Пограничной стражи, Ильин отмечает в их отношении: «как будто замариновались — до них не дошло ничего, и вся колчаковская история, все события прошли просто как интересный случай, про который они читали в газетках и который произошел где-то за тридевять земель!» [28, л. 7].

По мнению Ильина, «старые харбинцы» (старожилы Маньчжурии) не только не понимали (или не желали понимать) того, что произошло в России, но и были недовольны притоком беженцев, которые «испортили» их жизнь. Иосиф Сергеевич приводит в дневнике описание своего посещения генерала Г. М. Кокорева¹ («седенький, с лысиной, невысокого роста генерал»), однокурсника его отца по Николаевскому кавалерийскому училищу, и отмечает удивление генерала тому, что «мы бежали», его непонимание, почему большевики «такие изверги» и что они вообще «могут против нас иметь». Принимая в своем доме, генерал расспрашивал про Гражданскую войну, Волгу, Сибирь, про Колчака и полагал, что беженцы зря пришли в Харбин, так как «места тут все равно всем не хватит, жить будет тяжело, а большевики такие же люди, как и все, и с ними, очевидно, можно было договориться». Жена генерала щебетала о том, что «малодушно и трусливо так бегать, ничего не выяснив, сломя голову пускаться куда-то, удирать и проч.». Раздраженный такими речами, Ильин заметил, что в душе начинает пробуждаться чувство, которое, возможно, похоже на своего рода большевизм, а именно: «озлобление против всех этих людей, ничего не ис-

пытавших, ничего не видевших, ничего не потерявших!» [28, л. 6–7].

Позднее Ильин дополнил характеристику местного харбинского общества такой чертой, как «некультурность»: служащие КВЖД имели 2–4 класса образования или же в графе послужного списка указывали «образование домашнее», в домах служащих не было книг, кроме «Нивы» с приложениями [28, л. 66]. По наблюдению Ильина, главная масса служащих, включая и начальников отделов, выслужились из конторщиков [28, л. 27]. Приток беженцев, по мнению Ильина, внес существенное оживление в жизнь Харбина, с ними «хлынула и известная культура» [28, л. 66]. В то же время автор критикует беженцев за беспочвенность, «характерную черту русской интеллигенции», неумение и нежелание обосноваться и думать больше «о насущных вещах, чем о высоких материях» [28, л. 66]. Критика «русской действительности» эмигрантского Харбина, «русского характера» станут рефреном дневниковых записей Ильина на протяжении всего эмигрантского периода.

Основное внимание автора дневника в записях 1920-го г. уделено описанию беженской массы, оказавшейся в Харбине. Ильин рисует весьма неприглядный образ бывших членов Омского правительства и многих высших военных чинов, бросивших на произвол случая тех, кто находился под их ответственностью и командованием, и заинтересованных только своей судьбой.

15 февраля 1920 г. Ильин отметил в дневнике, что почти все омские министры уже прибыли: Г. К. Гинс², который «нанял приличную квартиру в доме железнодорожника» по Хорватовскому проспекту, Н. И. Петров³, Н. С. Зефилов⁴, В. И. Сурин⁵, А. Н. Гаттенбергер⁶. «Все эти господа сумели себя вполне обеспечить, сами, своей властью, распределив между собою по годовому окладу жалованья, рассчитав его в иенах, — вышло на человека около 15 тысяч иен — сумма вполне приличная. Доля же тех, кто еще не прибыл, положена в Русско-Азиатский банк, если кто почему-либо не попадет в Харбин, а застрянет в России, то его часть будет поделена между наличными министрами. Здорово они все это распределили! Править вот не умели, а когда дело коснулось, чтобы поделить денежки, им не принадлежащие, так тут все сообразили прекрасно!» [28, л. 8–9].

В аналогичном виде изображены автором и представители военного руководства Омского правительства: генерал Б. И. Хорошхин⁷ получил в Иркутске все деньги на целое войско уральцев, и «теперь все эти миллионы меняет спешно на иены и намеревается скоро уехать в Европу»; адмирал М. И. Смирнов⁸ ухитрился вывезти десятки миллионов рублей морского министерства и «носит огромный чемодан»; прибывший генерал П. Г. Бурлин⁹ целыми днями меняет деньги. Ильин заключает: «Бегут с награбленным, торопятся набить карманы» [28, л. 11–12]. В дневниковой записи 11 июня 1920 г. Ильин сообщает о прибытии в Харбин генерала А. И. Андогского¹⁰ с целым поездом, в котором имущество академии Генерального штаба: «Стоял несколько дней здесь на путях. Побывал у Хорвата, сумел получить от него субсидию на академию, как говорят, в Чите получил от Семенова и отправился во Владивосток. Умный, ловкий и удивительно изворотливый человек этот Андогский!» [28, л. 37].

Лишь немногие из высшего состава Белой армии, в частности генерал М. К. Дитерихс, избе-

жали обвинений со стороны Ильина в злоупотреблениях. Тем не менее Иосиф Сергеевич пеняет Дитерихсу за нежелание продолжать борьбу: «Был у Дитрикса, который прибыл в целом своем составе, где помещается и весь приют его жены. Он уезжает в Шанхай, куда везет всех девочек приюта. Дитрикс смотрит на положение мрачно. А между тем что-то надо делать» [28, л. 22].

Харбин на страницах дневника Ильина представляет сценой какой-то чудовищной вакханалии, «пиром во время чумы», куда съехались авантюристы Белого движения, где золото семеновское и колчаковское «течет рекой». 18 марта 1920 г. он записывает: «Одни, продав свои романовские и сибирские, спешат уехать, другие, хорошо хапнувшие, уже уехали, третьи открывают какие-то предприятия, пускаются в какие-то дела». Так, он сообщает, что Г. М. Семенов открыл «какие-то отделы снабжения, которыми владеют генерал Бурлин, какой-то ген. [Д. В.] Филатьев»¹¹; старший лейтенант Г. М. Сазонов, бывший адъютант Колчака, ухитрился получить 100 тыс. иен на закупку оружия для Белого партизанского движения, однако «оружия он, разумеется, никакого не закупал, а удрал с этими деньгами! Его хотела, было, арестовать китайская полиция, но спохватилась уже поздно». Генерал Р. К. Бангерский¹² получил на армию от Семенова два миллиона рублей, образовал в гостинице «Эльдорадо» комитет взаимопомощи дальневосточной армии, «часть денег раздал, а около 100 тысяч, говорят, присвоил себе и уехал благополучно в Латвию»; какой-то Ягунов, правитель дел семеновского министра Волгина, «открыто перевозит ящиками золото из Читы в Харбин». «Кутежи, пьянство не прекращаются, словно все хотят себя вознаградить за долгие годы войны и революции. Впечатление такое, что вот наконец дорвались» [28, л. 16–17].

27 мая 1920 г. Ильин записал в дневнике: «Собираются грабители, авантюристы, все те, которые разграбили и накрали, увезли, все это хлопочет, куда-то стремится, пьет, шумит, возбужденно живет, как возбужденно живет преступник после удачно совершенного преступления и кутит всюю, потому что все равно деньги не свои, чего их там беречь, да и черт его знает, когда придется сесть в тюрьму!» [28, л. 34]. Эта тема не оставляет его, и 20 октября 1920 г. он продолжает: «Все точно с цепи сорвались и растаскивают все, что можно растащить. На самом деле, потеряно последнее чувство всякой законности — крадут, грабят, все торопятся, вот уж на самом деле: пир во время чумы» [28, л. 68]. И. С. Ильин, вынужденный продавать собственные вещи, чтобы обеспечить семью, и постоянно ищущий выгодной работы, клеймит «негодяями, авантюристами и проходимцами» всех офицеров, оказавшихся в Харбине с деньгами, считая, что «лучшее» почти все погибло, а спаслись в большинстве трусы. Он отмечает, что кафе, рестораны, кабаре растут как грибы, и «все полны, и все делают блестящие дела» [28, л. 17]. Хотя, стоит отметить, что в дневниковых записях Ильина постоянно встречаются упоминания о посещении харбинских ресторанов, кабаре, кабачков, баров по самым разным поводам и без них, за которые он потом себя упрекал и раскаивался.

В числе череды авантюристов, подвизавшихся в Харбине, Ильин дает в дневнике выразительный портрет Юрия Николаевича Демчинского, который прибыл в Харбин в январе 1920 г. из Омска, где, по его словам, в 1919–1920 гг. служил в Главном

штабе в разведывательном отделе [29, л. 1 об.]. При падении Омска он устроился советником в китайскую военную миссию. Ильин называет его «невероятным вралем», хотя и очень неглупым, остроумным, «со страшным самомнением, порой наглостью», при этом человеком абсолютно беспринципным, сделавшим из своего места «целый клад». Сообщая всем, что он занимает важный пост в китайской миссии, что китайцы во всем с ним советуются и «без него ни шагу», Демчинский вызывался решать различные проблемы: устроить какое-либо дело, «выручить» концессию, хлопотать об арестованном и т. п. Умел произвести впечатление: «Всегда хорошо одет, в заднем кармане массивный портсигар с золотыми монограммами, который он достает необыкновенно медлительным жестом», ухитрился подкатить на штабном автомобиле с китайским флагом, устраивая целый спектакль для посетителей, вымогая деньги за устройство дел («жест барственный сожаления, потом лезет за портсигаром, стучит папироской о крышку, тянет, вворачивает несколько французских слов, а затем разводит руками: «Ужасно, ужасно... я понимаю! Но трудно помочь! Вы знаете, как эти подлецы «ходи» любят деньги! Ведь платить надо за каждый пустяк! Дерут, подлецы, безжалостно!» [28, л. 45]. Демчинский смог устроиться в газету «Русский голос», где за 280 иен в месяц должен был сообщать сведения из китайского штаба, но, по словам Ильина, вся информация была «сплошными враками» [28, л. 46].

Записки полковника Ильина дополняют картину развала и морального падения бывших деятелей Белого движения описанием «практики обмена женами», базировавшейся на циркулировавших в эмигрантской среде слухах.

В дневниковой записи от 22 февраля 1920 г. он сообщает о приезде в Харбин М. П. Ивановой-Дивовой, которая прибыла с новым мужем генералом Б. Р. Хрещатицким¹³ в отдельном вагоне и ухитрилась провезти несколько ящиков золота. Ее прежний муж А. В. Иванов-Дивов¹⁴, по словам Ильина, получил «отступного» 15 тысяч иен и поехал куда-то на юг, а Мария Петровна «теперь стала генеральшей и госпожой Хрещатицкой» [28, л. 10]. О Марии Петровне Ильин уже сообщал в дневнике 1919 г. (запись 27 августа): Она была дочерью генерала Янова, в 1916 или 1917 г. вышла замуж за капитана Генерального штаба Иванова-Дивова, у них был сын. Но Б. Р. Хрещатицкий уговорил Иванова-Дивова уехать «в какой-то штаб, кажется, и денег дал», а Мария Петровна осталась с генералом [26, с. 391]. Самого генерала Хрещатицкого Ильин называет не иначе как «казахцы Хлестаковым» и с раздражением описывает вечер у Ухтомских¹⁵ в марте 1920 г., где собрался весь «высший харбинский и беженский свет», а присутствовавший там генерал Хрещатицкий «без умолку болтал», развивая планы дальнейшего спасения России: «Говорил Хрещатицкий гладко, без умолку, сам любясь своим умом, дипломатическими способностями и необыкновенной осведомленностью» [28, л. 17].

О М. П. Ивановой-Дивовой («состоящей при Хрещатицком женской особе»), дружбе ее с женой атамана Семенова («Машкой-шарабан») упоминал в своем дневнике и генерал А. П. Будберг 8 сентября 1919 г., как о двух «честолюбивых и корыстолюбивых бабах», помыкающих «прилипшими к ним превосходительными мужиками» [19, с. 304].

Другим фигурантом «практики обмена женами» И. С. Ильин называет генерала Н. А. Лохвицкого¹⁶,

«престарелого ловеласа», который увлекся хорошей женой поручика Львова. Ильин передает слухи о том, что генерал Лохвицкий заплатил несколько тысяч «отступного» так же, как Хрещатицкий капитану Иванову-Дивову, и теперь целыми днями сидит в кафе с хорошенькой Львовой, и его прозвали «кафе генерал» [28, л. 12].

Ильин также сообщает о приезде в Харбин Марии Александровны Гришиной-Алмазовой в сентябре 1920 г.¹⁷, которая остановилась в гостинице «Версаль» на Сунгарийском проспекте. Будучи знакомым с ней по Омску, считая ее не только эффектной, но и умной женщиной [26, с. 343], Ильин посетил ее, выслушав рассказ Гришиной-Алмазовой о последних днях А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева, о ее пребывании в тюрьме вместе с Анной Васильевной Тимиревой. Она сообщила, что Колчак вел себя «настоящим героем» и пошел на расстрел «с изумительным мужеством и спокойствием». Перед смертью выкурил папиросу, а портсигар свой подарил одному из красноармейцев. Что касается Пепеляева, то, по словам Гришиной-Алмазовой, он «страшно упал духом, очевидно, не выдержали нервы», он плакал, умолял о помиловании и его вели под руки. Колчак все время его подбадривал и говорил: «Успокойтесь, Виктор Николаевич! Не волнуйтесь так!» [28, л. 59].

Однако Ильин заметил, что в рассказе о заключении М. А. Гришина-Алмазова не сказала, почему ее выпустили из тюрьмы, избегала этого вопроса, упомянув только, что ей помог какой-то комиссар. На состоявшемся в тот же день ужине у Гришиной-Алмазовой, на котором помимо Ильина присутствовали его жена и И. А. Михайлов¹⁸ («он был, как гость, и, как всегда, делал вид, что он не при чем и чуть ли попал не случайно»), полковник был сражен способностью Гришиной пить спиртное гомерическими дозами. «Говорили об Омске, об Иркутске, вспоминали недавнее прошлое, которое кажется теперь таким далеким. Михайлов больше молчал, кивал головой, приятно улыбался. Это его обычная манера» [28, л. 58–59]. Словам мемуариста здесь абсолютно можно верить, ведь Ивана Адриановича Михайлова он прекрасно знал, в том числе по скандальным прецедентам в белом Омске [32].

Из многочисленных женских образов, постоянно присутствующих на страницах дневника, Ильин выделяет образ графини А. Н. Ланской, которая появилась в Харбине в феврале 1920 г. О ней писал также Н. В. Устрялов¹⁹ («и не графиня, и не Ланская»), который упоминал, что встречался с ней в Омске, где она частенько заходила в Бюро печати, а потом он увидел ее в Харбине после истории «с уводом какого-то судна» из Владивостока [33, с. 33]. Ильин в дневниковой записи от 25 февраля 1920 г. сообщает, что графиня А. Н. Ланская, по словам его шурина А. Д. Воейкова, «всего лишь еврейка Мытник — необычайно ловкая авантюристка», которая в Омске произвела впечатление тем, что пошла в канцелярию Верховного правителя и попросила послать от ее имени телеграмму в Копенгаген вдовствующей государыне, сообщая о том, что она, Ланская, находится в Омске. Омские провинциалы «немедленно попались на ловкую удочку» и перед Ланской открылись двери всех омских «салонов» [28, л. 11]. В Харбине она продолжала играть роль, пытаясь придать себе значительность, говоря об отпущенных ей японцами «сотнях тысяч иен на беженцев». Графиней Ланской был увлечен

журналист и писатель Вс. Н. Иванов²⁰. После того, как Устрялов напечатал в «Новостях жизни» 30 октября 1920 г. статью «Гробы» с критикой «белого эпигонства», превратившегося в «бледную немочь», в «плакучую иву безвозвратно выцветшего прошлого», она призналась Устрялову: «Вы добиваете нас... Ваши статьи приводят многих на границу самоубийства» [32, с. 33]. Переехав в Шанхай, Ланская покончила с собой в 1923 г. (повесилась на шнурке от корсета) [34, с. 3].

Еще одним ярким выражением предельного политического разложения Белого движения для И. С. Ильина выступают факты перехода бывших участников белой борьбы в стан противника. При этом автор дневника не столько клеймит «перебежчиков», сколько пытается понять причины их выбора.

Одним из первых «перелетов» в большевистский лагерь, о котором упоминает Ильин, являлся Н. В. Устрялов. Для Устрялова, оказавшегося в Харбине одновременно с семьей Ильиных в январе 1920 г., этот год стал эпилогом «ужасной драмы», «лебединой песней белой диктатуры» и началом осмысления поражения Белого движения. В своих воспоминаниях о тех днях Устрялов так определил состояние Белого движения — «умирание, разгром, распад» [32, с. 30].

Ильин в дневнике отмечает статью Устрялова в местной газете «Новости жизни», где он «воспевает хвалу красным правителям» и говорит, что «звон курантов на красных башнях Кремля есть настоящий голос России»²¹. Даже сам Устрялов считал, что статья в той обстановке звучала «слишком парадоксально и круто» [32, с. 32]. Ильина особенно задевало, что Устрялов перешел в стан большевиков после своих статей об «Учредительном собрании в Омске, о диктатуре, когда начался развал», о передаче всей полноты власти Семенову, когда очутился в Иркутске с приветствием «первым визитным карточкам атамана, когда одиноко прозвучал выстрел его батальона». Ильин имел в виду статью Устрялова в конце декабря 1919 г., где он приветствовал приход вооруженной силы Семенова и его первой визитной карточки — то есть снаряда, выпущенного броневиком по Знаменскому предместью Иркутска [26, с. 421]. Ильин не понимал истинных причин такой внезапной трансформации Устрялова меньше, через два месяца: «Некоторые говорят, что с испугу, некоторые, потому что увидел, что сила оказалась на их стороне» [28, л. 8]. Позже в августе 1920 г. Ильин так отозвался на очередную статью Устрялова о Врангеле в «Новостях жизни», в которой тот доказывал, что Врангель «не имел права выступать» и что надо «от души желать, чтобы он был разбит»: «Все-таки, как бы там ни было, а надо быть большим подлецом, чтобы так менять свои взгляды, убеждения и забывать то, что сам говорил и делал несколько месяцев назад!» [28, л. 58].

Серьезным потрясением для Ильина стала «смена вех» его старым знакомым, спасшим ему жизнь в период оставления Омска, — подполковником А. А. Буровым²². Ильин называет Бурова «умным, выдержанным человеком», который «умел быть нужным и полезным». В Омске Буров был близок к И. А. Михайлову и генералу А. И. Андогскому. Потом, по словам Ильина, поехал на фронт в качестве то ли старшего адъютанта, то ли начальника штаба дивизии и там «застрелил капитана-артиллериста, который отказался по его указанию переменить по-

зицию». В Харбине Буров вместе с Ильиным служил в Охранной страже КВЖД до ее расформирования. В начале ноября 1920 г. Буров появился у Ильина с разговором о «провале Белого движения и о том, что надо кончать с эмиграцией и искать новых путей».

В дневнике Ильин приводит подробности этой беседы, свои возражения Бурову: «что бы то ни было и как бы на самом деле Белое движение не выродилось, а эмиграция не опустилась, все равно это не причина, чтобы оправдывать методы большевиков!». Но переубедить его не смог, Буров «спокойно слушал и был как будто задумчив», а потом встал и сказал: «Ну я-то во всяком случае решил. Подумайте и вы, я зайду еще с Вами проститься, и тогда поговорим» [28, л. 69–70]. Встреча так и не состоялась. Как отметил несколько позднее Ильин, Буров отправился на Амур формировать красные партизанские отряды, «попросту перешел к большевикам». Как и в случае с Устряловым, Ильин не может понять истинные причины такого решения: «Может быть, авантюристическая натура, не способная к иной жизни, как к приключениям и разного рода авантюрам?!» [28, л. 70].

Много лет спустя И. С. Ильин еще не раз обращался к истории с А. А. Буровым, в том числе в своих воспоминаниях, написанных в начале 1960-х гг. и опубликованных в журнале «Русская Атлантида» [35, с. 60]. Буров действительно вернулся в Советскую Россию, поступил на службу в Народно-революционную армию Дальневосточной республики, занимал пост начальника штаба Амурского фронта, позднее стал заведующим учебным отделом курсов усовершенствования командного состава в управлении Штаба РККА. В 1929 г. был назначен начальником военного отдела Госиздата. В августе 1930 г. Буров был арестован органами ОГПУ и расстрелян 8 мая 1931 г. [36, с. 417].

Мы думаем, что А. А. Буров, как и в известной степени Н. В. Устрялов, оказали в дальнейшем свое влияние на переосмысление И. С. Ильиным его взглядов на революцию и преемственность истории России.

Заключение

Дневник И. С. Ильина за 1920 г., так же как и эго-документы других эмигрантов времен Гражданской войны, являются крайне значимым историческим источником, помогающим реконструировать состояние глубокого тыла Восточного фронта — полосу отчуждения КВЖД и ее административного центра — Харбина в условиях поражения Белого движения в Сибири. Еще большую значимость дневник Ильина имеет для изучения сознания рядового участника Белого движения, испытавшего крах своих надежд и вынужденного практически с нуля начинать свою жизнь в эмиграции. Несомненно, описание деятельности и оценки руководителей и участников Белого движения, представленные И. С. Ильиным, в немалой степени обусловлены характерной для Харбина 1920 г. ситуацией краха и развала Белого движения — «пира во время чумы». Ценность оценочных суждений автора, которые показывают эволюцию духовного состояния человека, оказавшегося на «сломе времен», здесь гораздо важнее, чем приводимые им факты, нередко требующие верификации и уточнения путем привлечения личных свидетельств других участников данных событий и других видов исторических документов.

Примечания

¹ Кокорев Григорий Михайлович (1859–1925) — генерал-майор, с 1917 г. помощник командующего Заамурским округом Отдельного Корпуса Пограничной Стражи.

² Гинс Георгий Константинович (1887–1971) — управляющий делами Временного Сибирского правительства, товарищ министра народного просвещения Всероссийского правительства в Уфе, товарищ министра народного просвещения и товарищ министра иностранных дел Российского правительства А. В. Колчака в Омске, член Совета министров, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров.

³ Петров Николай Иннокентьевич (1884–1921) — управляющий министерством земледелия Временного Сибирского правительства, министр земледелия Российского правительства А. В. Колчака, глава комитета экономической политики Совета министров.

⁴ Зефирин Николай Степанович (1887–1953) — управляющий министерством продовольствия Временного Сибирского правительства, министр продовольствия и снабжения Российского правительства А. В. Колчака.

⁵ Сурин Виктор Ильич (1875–1967) — Генерального штаба генерал-лейтенант, и. д. военного министра Омского правительства (21 ноября 1918 — 5 января 1919 гг.), затем помощник военного министра по снабжению и технической части.

⁶ Гаттенбергер Александр Николаевич (1861–1939) — управляющий Министерством внутренних дел Российского правительства А. В. Колчака (до апреля 1919 г.).

⁷ Хорошхин Борис Иванович (1883–1936) — генерал-майор (1918), начальник Главного управления по делам казачьих войск при Российском правительстве А. В. Колчака, член Военно-экономического общества в Омске.

⁸ Смирнов Михаил Иванович (1880–1940) — контр-адмирал (1918), управляющий Морским министерством Российского правительства А. В. Колчака, командующий Камской (Речной боевой) флотилией.

⁹ Бурлин Петр Гаврилович (1879–1954) — Генерального штаба генерал-майор (1918), помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего (январь–сентябрь 1919 гг.), 1-й генерал-квартирмейстер штаба Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода.

¹⁰ Андогский Александр Иванович (1876–1931) — Генерального штаба генерал-майор (1917), начальник Военной академии (июль 1917–январь 1919 гг., июль 1919–октябрь 1922 гг.), 1-й генерал-квартирмейстер Верховного Главнокомандующего (июль–август 1919 гг.), первый помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего (август–сентябрь 1919 гг.).

¹¹ Филатьев Дмитрий Владимирович (1866–1932) — Генерального штаба генерал-лейтенант (1916), в период Гражданской войны служил в Добровольческой армии на Юге России, с октября 1919 г. — в ставке А. В. Колчака, помощник Главнокомандующего по части снабжения.

¹² Бангерский Рудольф Карлович (1878–1958) — генерал-лейтенант (1920), начальник Уфимской стрелковой дивизии, член Военного совещания (с мая 1920 г.), командующий войсками Читинского района (август–октябрь 1920 гг.). В июле 1921 г. выехал через Шанхай в Европу.

¹³ Хрещатицкий Борис Ростиславович (1881–1940) — генерал-лейтенант (1919), верховный уполномоченный на Дальнем Востоке и инспектор иностранных формирований русской службы (ноябрь 1918–август 1919 гг.), генерал для поручений при командующем войсками Приамурского военного округа (сентябрь–октябрь 1919 гг.), начальник штаба всех казачьих войск Российской Восточной окраины (апрель 1920–июль 1921 гг.). С июля 1920 г. — представитель атамана Г. М. Семёнова в Китае. В 1925 г. выехал во Францию.

¹⁴ Иванов-Дивов Александр Владимирович (1886–1969) — полковник (1920), в армии адмирала А. В. Колчака с августа 1919 г. исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба

1-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920 г. — генерал-квартирмейстер штаба атамана Г. М. Семёнова.

¹⁵ Князь Александр Николаевич Ухтомский (1867–1940) и его супруга Анна Валерьяновна были знакомыми Ильина по Симбирской губернии. Оказавшись в Харбине в 1920 г., князь был инициатором создания Симбирского землячества и его председателем.

¹⁶ Лохвицкий Николай Александрович (1867–1933) — генерал-лейтенант (1917). С июня 1918 г. прикомандирован к штабу Верховного Главнокомандующего. Командующий 2-й армией Восточного фронта (июль–ноябрь 1919 гг.). Находился в Харбине (ноябрь 1919–апрель 1920 гг.). Командующий Дальневосточной армией (апрель–август 1920 гг.). В 1923 г. выехал во Францию.

¹⁷ Согласно сведениям, которые привел Д. И. Петин, М. А. Гришина-Алмазова освободилась по амнистии в Омске 30 октября 1920 г., поэтому не могла оказаться в Харбине ранее ноября [30, с. 397]. О салоне Гришиной-Алмазовой в белом Омске см. подр.: [31].

¹⁸ Михайлов Иван Андрианович (1891–1946) — министр финансов Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А. В. Колчака (1918–1919), член Государственного экономического совещания (1919).

¹⁹ Устрялов Николай Васильевич (1890–1937) — начальник пресс-бюро Российского правительства А. В. Колчака.

²⁰ Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971) — вице-директор Русского бюро печати в Омске, редактор «Нашей газеты» (1919).

²¹ Ильин имел в виду статью Н. В. Устрялова «Интервенция», напечатанную в газете «Новости жизни» 24 февраля 1920 г.

²² Буров Александр Андреевич (1893–1931) — подполковник с лета 1918 г. в Омске. Начальник штаба отдельной Сибирской армии (1918), начальник штаба 15-й Сибирской Омской стрелковой дивизии (1919).

Список источников / References

1. Аблажей Н. Н. Сибирское областничество в эмиграции: монография. Новосибирск: СО РАН, 2003. 304 с. EDN: TDUEAN.

Ablazhey N. N. Sibirskoye oblastничество v emigratsii. Novosibirsk, 2003. 304 p. EDN: TDUEAN. (In Russ.).

2. Аурилене Е. Е., Тужилин С. В. Заложники большой политики. Российские эмигранты в Маньчжоу-дго (1934–1945). Москва: Яуза-каталог, 2023. 352 с. ISBN 978-5-00155-574-2.

Aurilene E. E., Tuzhilin S. V. Zalozhniki bol'shoi politiki. Rossiyskiye emigranty v Man'chzhou-digo (1934–1945). Moscow, 2023. 352 p. ISBN 978-5-00155-574-2. (In Russ.).

3. Ганин А. В. «Я решил... вести подготовку к новому освободительному движению...» Генерал И. М. Зайцев и подготовка белоэмигрантами вооруженного вторжения на советскую территорию в 1923 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 116–125. <https://doi.org/10.31857/S013128120003934-8>. EDN: ZAMNBJ.

Ganin A. V. "I have decided... to prepare for a new Liberation Movement..." The General I. M. Zaitsev and the preparation of White Emigres of an armed invasion of Soviet territory in 1923. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2019;1:116–125. <https://doi.org/10.31857/S013128120003934-8>. EDN: ZAMNBJ. (In Russ.).

4. Кротова М. В. Ф. Иванов — идеолог монархического движения в Харбине, певец Великой России // Нансеновские чтения-2016: материалы II Междунар. конф. Санкт-Петербург: Северная звезда, 2018. С. 104–116. ISBN 978-5-905042-67-6.

Krotova M. V. F. Ivanov — ideolog monarkhicheskogo dvizheniya v Kharbine, pevets Velikoy Rossii. *Nansenovskie Chteniya-2016*. Saint Petersburg, 2018. P. 104–116. ISBN 978-5-905042-67-6. (In Russ.).

5. Кротова М. В. Генерал В. Н. Касаткин: неизвестные страницы жизни в Харбине // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 110–118. EDN: OFOBAM.
- Krotova M. V. General V. N. Kasatkin: Unknown pages of his life in Harbin. *The New Historical Bulletin*. 2012;3(33):110–118. EDN: OFOBAM. (In Russ.).
6. Кротова М. В. Иван Андрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–71. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71>. EDN: JYNNBI.
- Krotova M. V. Ivan Adrianovich Mikhailov in emigration in Harbin. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019;4(2):64–71. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71>. EDN: JYNNBI. (In Russ.).
7. Наземцева Е. Н. С. В. Недачин: судьба на перекрестках истории // Люди и судьбы Русского Зарубежья. Москва: ИВИ РАН, 2016. Вып. 3. С. 165–172. URL: <https://elibrary.domrz.ru/absopac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:396934/Source:default&ysclid=mocn5caxme893569119#> (дата обращения: 23.11.2025). Доступ свободный после авторизации.
- Nazemtseva E. N. S. V. Nedachin: Fate at the Crossroads of History. *People and Destinies of the Russian Diaspora*. Moscow, 2016. Issue 3. P. 165–172. URL: <https://elibrary.domrz.ru/absopac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:396934/Source:default&ysclid=mocn5caxme893569119#> (accessed: 23.11.2025). Free access upon authentication. (In Russ.).
8. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282. EDN: XRYMDF.
- Petin D. I. Nicolai Batyushkin: Biographical sources to reconstruct of the life a Harbin white émigré. *Herald of an Archivist*. 2016;2:249–282. EDN: XRYMDF. (In Russ.).
9. Смирнов С. В. Генерал М. К. Дитерихс во главе Дальневосточного отдела РОВС // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 162–179. EDN: WLBHKD.
- Smirnov S. V. General M.K. Diterikhs as the Head of the Far Eastern Division of the Russian All-Military Union. *The New Historical Bulletin*. 2016;2(48):162–179. EDN: WLBHKD. (In Russ.).
10. Смирнов С. В. Полковник П. А. Веденяпин и попытки возродить работу РОВС в Китае в годы Второй мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 1 (34). С. 220–230. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-220-230>. EDN: ZOCTOA.
- Smirnov S. V. Colonel P. A. Vedenyapin and attempts to revive the activity of the ROVS in China during Second World War. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2020;16(1):220–230. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-220-230>. EDN: ZOCTOA. (In Russ.).
11. Хисамутдинов А. А. Алексей Хиюнин из Общества русских ориенталистов // Восток. 1997. № 4. С. 112–117.
- Khisamutdinov A. A. Aleksey Khionin iz Obshchestva russkikh orientalistov. *Oriens*. 1997;4:112–117. (In Russ.).
12. Хисамутдинов А. А. И. И. и А. Н. Серебренниковы — ученые бессребреники // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 154–162.
- Khisamutdinov A. A. I. I. i A. N. Serebrennikovy — uchenyye bessrebrebniki. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1996;5:154–162. (In Russ.).
13. Хисамутдинов А. А. Профессор Г. К. Гинс — ученый, политик, публицист // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 138–145. EDN: MPRHGB.
- Khisamutdinov A. A. Professor G. K. Gins — uchenyyu, politik, publitsist. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2001;5:138–145. EDN: MPRHGB. (In Russ.).
14. Яковкин Е. В. К истории одной судьбы русского эмигранта. Николай Борисович Коссов — участник боев на Халхин-Голе // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 1 (29). С. 53–59. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.23.005>. EDN: USRJLX.
- Yakovkin E. V. To the story of one fate of a Russian emigrant. Nikolay Borisovich Kossov — participant of the battles on Halkhin-Gol. *Herald of Humanitarian Education*. 2023;1(29):53–59. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.23.005>. EDN: USRJLX. (In Russ.).
15. Семенов Г. М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. Харбин: [б. и.], 1938. 228 с.
- Semenov G. M. O sebe: vospominaniya, mysli i vyvody. Harbin, 1938. 228 p. (In Russ.).
16. Енборисов Г. В. От Урала до Харбина: Памятка о perezhitom. Шанхай: [б. и.], 1932. 188 с.
- Enborisov G. V. Ot Urala do Kharbina: Pamyatka o perezhitom. Shanghai, 1932. 188 p. (In Russ.).
17. Сорокина М. Ю. Б. С. Колоколов записки сына последнего Российского Императорского генерального консула в Мукдене // Диаспора: Новые материалы. 2007. Вып. 9. С. 3–68. EDN: TYDYOP.
- Sorokina M. Yu. Kolokolov B. S. Memoirs of the son of the last Russian Imperial consul to Mukden (China). *Diaspora: Novye Materialy*. 2007;9:3–68. EDN: TYDYOP. (In Russ.).
18. Будберг А. П. Дневник, 1919 год // Архив русской революции в 22 т. Т. 14. Берлин: Слово, 1924. С. 225–341.
- Budberg A. P. Dnevnik, 1919 god. *Arkhiv Russkoy Revolyutsii*. Vol. 14. Berlin, 1924. P. 225–341. (In Russ.).
19. Будберг А. П. Дневник, 1919 год // Архив русской революции в 22 т. Т. 15. Берлин: Слово, 1924. С. 254–345.
- Budberg A. P. Dnevnik, 1919 god. *Arkhiv Russkoy Revolyutsii*. Vol. 14. Berlin, 1924. P. 254–345. (In Russ.).
20. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. 613 с. ISBN 5-94473-008-0. EDN: VGLPHT.
- Vologodskiy P. V. Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'yer-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitaye (1918–1925). Ryazan, 2006. 613 p. ISBN 5-94473-008-0. EDN: VGLPHT. (In Russ.).
21. Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых, 1919–1934 гг.: В 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» / Вступит. ст., подгот. текста, биографический словарь и коммент. А. А. Хисамутдинова. Москва: РОССПЭН, 2006. 448 с.
- Cultural and political life of Russian diaspora in China: the diaries of Ivan and Aleksandra Serebrennikov, 1919–1934: In 5 vols. Vol. 1. Moscow, 2006. 448 p. (In Russ.).
22. Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. Москва: Центрполиграф, 2007. С. 204–231.
- Balmasov S. S. Beloemigranty na voyennoy sluzhbe v Kitaye. Moscow, 2007. P. 204–231. (In Russ.).
23. Манжетный М. М. Воспоминания русского полковника китайской армии / предисл. А. Н. Кравцова. Москва: Кучково поле, 2019. 416 с.
- Manzhetnyy M. M. Vospominaniya russkogo polkovnika kitayskoy armii / introduction by A. N. Kravtsov. Moscow, 2019. 416 p. (In Russ.).
24. Рябиков П. Ф. «Довелось мне пережить...»: записки генерала русской разведки 1904–1924 гг.: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2023.
- Ryabikov P. F. «Dovelos' mne perezhit'...»: zapiski generala russkoй razvedki 1904–1924 gg.: In 2 vols. Vol. 1. Novosibirsk, 2023. (In Russ.).
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6599. Оп. 1.
- State Archive of the Russian Federation (SARF). File: 6599/1. (In Russ.).
26. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / подгот. текста, вступ. ст. В. П. Жобер. Москва: Книжница: Русский путь, 2016. 480 с.

Skitaniya russkogo ofitsera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920. Moscow, 2016. 480 p. (In Russ.).

27. Национальная библиотека Чешской Республики. Славянская библиотека (T-RZIA). 06–704.

National Library of the Czech Republic. Slavic Library (T-RZIA). 06–704. (In Russ.).

28. ГАРФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 8.

SARF. File: 6599/1/8. (In Russ.).

29. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 12785.

State Archives of Khabarovsk Krai. File: P-830/3/12785. (In Russ.).

30. Петин Д. И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 389–405. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.206>. EDN: LFNVAZ.

Petin D. I. With Adventure Through Life: Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (Mikhailova). *Modern History of Russia*. 2019;9(2):389–405. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.206>. EDN: LFNVAZ. (In Russ.).

31. Сушко А. В., Петин Д. И. Мария Гришина-Алмазова: биография, внутренний мир и политическая деятельность в белом Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 4(40). С. 16–23. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10\(4\)](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(4)). EDN: NHGNCs.

Sushko A. V., Petin D. I. Maria Grishina-Almazova: Biography, Inner World and Political Activity in the White Omsk. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2023;10(4):16–23. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10\(4\)](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(4)). EDN: NHGNCs. (In Russ.).

32. Стельмак М. М., Петин Д. И. «Что, вы хотите, чтобы я подписал себе обвинительный акт». Личность министра финансов белого Омска И. А. Михайлова в оценках его секретаря А. С. Соловейчика // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 64–76. <https://doi.org/10.17223/15617793/503/6>. EDN: CKGPUS.

Stelmak M. M., Petin D. I. "You want me to sign my own indictment." The personality of Ivan Mikhailov, the Minister of Finance of White Omsk, in the assessments of his secretary Anton Soloveitchik. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Tomsk State University Journal*. 2024;503:64–76. <https://doi.org/10.17223/15617793/503/6>. EDN: CKGPUS. (In Russ.).

33. Устрялов Н. В. Иркутск — Харбин (клочок автобиографии) // Новости жизни. 1927. С. 30–34.

Ustryalov N. V. Irkutsk — Kharbin (klochok avtobiografii). *Novosti Zhizni*. 1927. P. 30–34. (In Russ.).

34. Самоубийство графини А. Н. Ланской // Новости жизни. 1923. 9 февраля. № 31.

Samoubiystvo grafini A. N. Lanskoj. *Novosti Zhizni*. 1923. February 9. No. 31. (In Russ.).

35. Русская эмиграция в Маньчжурии с 1920 по 1956 гг. по воспоминаниям И. С. Ильина // Русская Атлантида. 2017. № 66. С. 48–63.

Russkaya emigratsiya v Man'chzhurii s 1920 po 1956 gg. po vospominaniyam I. S. Il'ina. *Russkaya Atlantida*. 2017;66:48–63. (In Russ.).

36. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск: Новосибирский нац. исслед. гос. ун-т, 2010. 610 с. ISBN 978-5-94356-904-3. EDN: QPRBZF.

Simonov D. G. Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu. Novosibirsk, 2010. 610 p. ISBN 978-5-94356-904-3. EDN: QPRBZF. (In Russ.).

Вклад авторов:

М. В. Кротова. Работа с материалами Государственного архива Российской Федерации и Российско-

го заграничного исторического архива; подготовка введения, части научно-справочного аппарата; общая редакция, правка и вычитка текста.

С. В. Смирнов. Работа с материалами Государственного архива административных органов Свердловской области и Государственного архива Хабаровского края, мемуарами эмигрантов; подготовка заключения и основной части научно-справочного аппарата.

Authors' contribution:

Mariya V. Krotova. Studying materials of the State Archive of the Russian Federation and the Russian Foreign Historical Archive; preparation of the introduction, part of the scientific reference apparatus; general editing, correction and proofreading of the article.

Sergey V. Smirnov. Studying materials of the State Archive of the Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region and the State Archive of the Khabarovsk Territory, the memoirs of emigrants; preparation of the conclusion and the main part of the scientific reference apparatus.

Информация об авторах:

КРОТОВА Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 3221-2527

AuthorID (РИНЦ): 717684

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

e-mail: mary_krot@mail.ru

СМИРНОВ Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

AuthorID (РИНЦ): 109346

AuthorID (SCOPUS): 56768978800

ResearcherID: R-4129-2019

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9283-8166>

e-mail: s.v.smirnov@urfu.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 27.12.2025; принята к публикации 27.04.2026.

Information about the authors:

KROTOVA Mariya Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the International Relations and Political Science Department, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg.

SPIN-code: 3221-2527

AuthorID (RSCI): 717684

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

e-mail: mary_krot@mail.ru

SMIRNOV Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Modern

and Contemporary History Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.

AuthorID (RSCI): 109346

AuthorID (SCOPUS): 56768978800

ResearcherID: R-4129-2019

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9283-8166>

e-mail: s.v.smirnov@urfu.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

The article was submitted 03.12.2025; approved after reviewing 27.12.2025; accepted for publication 27.04.2026.

ГРАНИЦЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ: ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1920–1930-е гг.)

Т. Х. Турсунов¹, С. В. Новиков²✉

¹Таджикский национальный университет,
Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17

²Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина,
Россия, 644008, г. Омск, Институтская площадь, 1

✉ sv.novikov@omgau.org

Басмачество — одно из продолжительных, сложных и трагических форм антисоветского, а в ряде случаев и антироссийского сопротивления, носящего черты национально-освободительного движения в Средней Азии. Проблема по сей день является объектом обсуждения. На дискуссии историков влияют позиции политиков и подача проблемы журналистами. Целью работы стал анализ международного влияния на развитие басмаческого движения, его оценки историками и политиками в России и странах Центральной Азии.

В ходе исследования авторы обращались к историко-генетическому методу, позволяющему выявить причинно-следственные связи; к историко-сравнительному компаративному анализу, дающему возможность сопоставлять исторические события, развитие государств во времени и пространстве с целью выявления их общих и особенных черт; системно-структурному методу, позволяющему реконструировать события и выявлять закономерности социально-политического развития на обозначенных территориях. Составной частью исследовательского инструментария являлся идеографический (нарративный) метод, позволяющий дать описание уникальных, неповторимых событий и личностей ушедшей эпохи.

Результаты исследования подтверждают, что басмаческое движение имело чётко выраженный транснациональный характер. Выявлено, что повстанцы, вытесненные советскими войсками, находили убежище на афганской территории, откуда предпринимали вооружённые рейды на территорию республик СССР. Лидеры басмачей вели переговоры с руководством Афганистана, английскими представителями в Британской Индии в поисках политической и материальной поддержки. На протяжении 1920–1930-х гг. на ход отягощенного геополитическими аспектами конфликта оказывали влияние этнические различия народов, проживающих на территории Средней, а ныне Центральной Азии.

Ключевые слова: Средняя Азия, басмачество, Энвер-паша, Ибрагим-бек, М. Х. Султан-Галиев, панисламизм, Афганистан

Для цитирования: Турсунов Т. Х., Новиков С. В. Границы сопротивления: влияние внешнего фактора на развитие басмаческого движения (1920–1930-е гг.). *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 50–62. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-50-62>. EDN: WSNIXY.

© Турсунов Т. Х., Новиков С. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

BOUNDARIES OF RESISTANCE: THE INFLUENCE OF AN EXTERNAL FACTOR ON THE DEVELOPMENT OF THE BASMACHI MOVEMENT (1920–1930s)

T. Kh. Tursunov¹, S. V. Novikov²✉

¹Tajik National University, Rudaki Ave., 17, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan

²Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin,
Institutskaya Ploshchad, 1, Omsk, 644008, Russia

✉ sv.novikov@omgau.org

Basmachism is one of the long-lasting, complex and tragic forms of anti-Soviet, and in some cases, anti-Russian resistance, bearing the features of the national liberation movement in Central Asia. The problem is still the subject of discussion. The discussions of historians are influenced by the positions of politicians and the presentation of the problem by journalists. The purpose of the research is to analyse the international influence on the development of the Basmachi movement, its assessment by historians and politicians in Russia and Central Asia.

The authors use the historical and genetic method, which allows identifying cause-and-effect relations; to the historical and comparative analysis for comparing historical events, the development of states in time in order to demonstrate common and special features; to the system and structural method for reconstruction of events and identifying patterns of socio-political development on the designated territories. An integral part of the research toolkit is the ideographic (narrative) method for describing the unique events and personalities of a bygone era.

The results confirm that the Basmachi movement had a clearly defined transnational features. Moreover, the rebels by Soviet troops found refuge on the Afghan territory, from where they launched armed raids on the territory of the USSR republics. The Basmachi leaders negotiated with the Afghan leadership and British representatives in British India in search of political and material support. During the 1920s and 1930s the course of the conflict of geopolitical aspects was influenced by the ethnic differences of the people living on the territory of Middle and now Central Asia.

Keywords: Central Asia, Basmachi Movement, Enver Pasha, Ibrahim Bey, M. Kh. Sultan-Galiev, pan-Islamism, Afghanistan

For citation: Tursunov T. Kh., Novikov S. V. Boundaries of resistance: The influence of an external factor on the development of the Basmachi movement (1920–1930s). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):50–62. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-50-62>. EDN: WSNIXY. (In Russ.).

© Tursunov T. Kh., Novikov S. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

В советское время представление басмачества не допускало отклонений, даже в научной литературе широко использовалась бинарная подача, где басмачи — жестокие представители мира эксплуататоров заведомо терпели поражение в борьбе с народной властью [1].

Отказ от социалистического строительства и распад СССР обнажили вопрос «Кто такие басмачи?». Следовательно, цель статьи — анализ международного влияния на развитие басмаческого движения, его оценки историками и политиками в России и странах Центральной Азии.

Большинство российских авторов акцентируют внимание на военных аспектах деятельности советской власти при решении проблем, связанных с ликвидацией басмаческого движения и его лидеров [2–4]. Широкий, включающий анализ социальных процессов, подход к изучению проблемы представлен авторами из Киргизской Республики и Республики Таджикистан [5, 6]. Имеет место быть

изучение басмаческого движения в государственной историографии Республики Таджикистан [7]. Философско-политологическую оценку басмачеству дали в своей полемической работе Л. Е. Бляхер и И. Ф. Ярулин [8].

В работе использованы материалы исследований К. Нуржанова (Национальный университет Австралии, г. Канберра), представленные С. И. Кузнецовой в реферативном журнале «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика» в статье «Переоценка басмачей: военные лидеры без идеологии?», а также сделанный П. Хамидовой для Central Asia Analytical Network краткий обзор его статьи «Бандиты, полевые командиры, национальные герои: интерпретация басмаческого движения в Таджикистане» [9, 10]. Отметим, что К. Нуржановым была проведена систематизация основных оценок басмачества (табл. 1). Авторы посчитали необходимым обратиться к работе «Басмачество: взгляд специалиста» К. Н. Абдуллаева [11].

Таблица 1. Основные оценки басмачества в Центральной Азии
Table 1. Key assessments of Basmachi in Central Asia

Основные параметры оценки басмаческого движения	Советские	Мусульманские, не из Центральной Азии	Западные
1. Происхождение	Реакция на большевистскую революцию	Реакция на российский колониализм и разрушение исламской веры	Реакция на российский колониализм и советизацию
2. Социальная характеристика	Эксплуататоры	Правоверные мусульмане	Коренное население
3. Ведущие личности: — Мустафа Чокай — Эмир Бухары — Ибрагим-бек — Энвер-паша	Буржуазный прислужник Феодалный правитель Феодалный властитель Иностранный авантюрист, связанный с империалистами	Тюркский националист Защитник веры Гази Непонятый панисламист и храбрый воин	Либеральный националист Джадид Символ объединенного сопротивления Традиционный патриот и мечтатель-мулла
4. Причины поражения	Триумф ленинской национальной политики	Слабость эмира Алим Хана и отсутствие поддержки мусульманских стран	Преобладающая мощь Красной армии, отсутствие поддержки Запада, столкновение лидеров басмачества

Основная часть

Басмачи — Большевики — М. Х. Султан-Галиев. Басмачество как явление известно с XVI в. Существует несколько определений этого термина. Обратимся к одному из них. «Само слово «басмачи» (от узб. басма — «налет»; суффикс «чи» указывает на профессию) существовало задолго до революции и победы советской власти. Оно обозначало людей довольно многочисленных и вполне понятных, имевших свою нишу в хозяйственной и социальной структуре Центральной Азии. Регион находился в сфере рискованного земледелия, за исключением группы оазисов в Междуречье и благодатной Ферганской долины. В оазисах были расположены и основные центры торговли, дворцы местных властителей и иных богатых жителей. Жители бедных районов, вынужденные вести кочевое хозяйство, осваивали особый тип экономики — экономики набегов. Набеги, насильственные изъятия составляли немаловажный элемент жизнеобеспечения кочевников. Удачливый курбаши, глава отряда искателей приключений, становился влиятельным человеком в своем племени...» [7, с. 256; 8, с. 113–114]. В 1916 г. по Казахстану и Средней Азии прокатилась череда восстаний. Поводом стал указ о призыве «инородцев», как называли жителей среднеазиатских регионов, на тыловые работы [12]. В представлении большевиков в 1917 г. два явления слились в одно: «басмачество» — движение неграмотных поработанных баями дехкан, вставших на борьбу за свои права.

20 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров принимает «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока». В нем говорилось: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. [...] Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Де-

путатов. Поддерживайте же эту революцию...» [13].

Воздействие этого документа сложно переоценить. Пример — судьба Мирсада Хайдаргалиевича Султан-Галиева — внепартийного участника социалистического движения в Башкирии и Татарии. «Связаться с большевистской организацией при всем моем желании не мог, так как она была очень “подпольна”. С меньшевиками — не хотел», — вспоминал он позднее [13].

С июня 1917 г. М. Х. Султан-Галиев — член РСДРП(б), участник вооруженного восстания 1917 г. в Казани. Он поддерживает идею создания Татаро-Башкирской Советской Республики в противовес Положению об Урало-Волжском Штате. М. Х. Султан-Галиев возглавляет военную секцию Мусульманского социалистического комитета, участвует в организации мусульманских воинских частей. В годы Гражданской войны по поручениям В. И. Ленина и И. В. Сталина ведет переговоры с А. З. Валиди о переходе башкирских воинских частей на сторону советской власти. С августа 1919 г. он член коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (Наркомнац), председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным и морским делам, руководитель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока. Тогда же он читал лекции в Коммунистическом университете народов Востока для тех, кому предстояло развернуть революционную борьбу от Стамбула до Бомбея и Шанхая [14, с. 180] (рис. 1).

Басмачи — геополитика — панисламист Энвер-паша. По мнению отдельных историков, советская власть столкнулась с басмачеством зимой 1917–1918 гг., после создания «Кокандской автономии», использующей «басмаческие банды» в качестве своих вооруженных сил [5, с. 23]. Однако подъем движения историки, по-разному оценивающие басмачество, связывают со свержением эмира Сеид Алим-хана 2 сентября 1920 г., провозглашением Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) и подписанием в марте 1921 г. договора между БНСР и РСФСР о союзнических отношениях [10; 6, с. 43–44; 5, с. 25]. По мнению К. Н. Абдуллаева, с 1918 по 1920 гг. имело место быть спонтанное дви-

Рис. 1. М. Х. Султан-Галиев (13 июля 1892 г. – 28 января 1940 г.). Фотографии М. Х. Султан-Галиева находились в кабинетах президента Египта Гамаль Абдель Насера и лидера Ливии Муаммара Мухаммад Абу Миньяр аль-Кадафи

Fig. 1. M. H. Sultan-Galiyev (July 13, 1892–January 28, 1940).

Photos of M. H. Sultan-Galiyev were in the offices of Egyptian President Gamal Abdel Nasser and Libyan leader Muammar Muhammad

Источники / Source: <https://mtss.ru/pages/sultangali/sultangali.jpg>

Рис. 2. Египетская иллюстрация совместного противодействия Энвера-паши и Мустафы Кемаль-паши Севрскому договору 1920 г.

Fig. 2. Egyptian illustration of the joint opposition of Enver Pasha and Mustafa Kemal Pasha to the Treaty of Sevres in 1920

Источники / Source: <https://e-history.kz/storage/images/news/IZ/aG/3y/IZaG3y65iilJslkxOramZlYgFVgAJ7HDvMTqnky9.jpg>

жение против насилий и бесчинств советской власти, которое в 1921–1922 гг. переросло в Гражданскую войну между сторонниками и противниками новой власти [11].

В условиях окончания Гражданской войны в России отношение к басмачеству и панисламизму как к политическому течению диктовалось практикой: большевики имели опыт работы с политиками из числа мусульман, например, с М. Х. Султан-Галиевым. Последний еще в 1919 г. участвует в налаживании контактов с Мухаммедом Баракатулло (Берекутulla) — мусульманским лидером Индии и с Рашидом Ибрагимовым — известным татарским теологом и другом эмира, а впоследствии — королем Афганистана Аманулы. Также М. Х. Султан-Галиев консультирует И. В. Сталина и выступает в роли переводчика во время его беседы с бывшим правителем Османской империи Энвер-пашой. Во всех случаях речь идет об акциях по подрыву влияния Англии на Востоке [14, с. 181; 15, с. 103].

В начале сентября 1920 г. Энвер-паша прибыл в Москву, «где активно включился в работу по организации противодействия британскому влиянию на Кавказе и в Средней Азии. По приглашению советского правительства принял участие в Первом съезде народов Востока в Баку, на котором выступил с предложениями объединения большевизма с исламом» [2, с. 86]. Данные идеи Энвер-паши мог поддержать М. Х. Султан-Галиев, поэтому, игнорируя просьбы Г. Е. Зиновьева и К. Б. Радека, он

пригласил его на съезд, возглавляемый наркомом РСФСР. И. В. Сталин направляет М. Х. Султан-Галиева в Закавказье [14, с. 181].

Высказывания Энвер-паши о перспективах «объединения большевизма с исламом» не были поддержаны членами РСДРП(б). Однако для решения практических вопросов они вызвали интерес как военный, так и политический.

Необходимо отметить, что М. В. Фрунзе эпизодически, с той или иной долей успеха привлекал к сотрудничеству отдельных курбаши [8, с. 116]. Лидер Турецкой Республики Мустафа Кемаль «[...] во время одной из своих встреч с М. В. Фрунзе так характеризовал своего бывшего соратника: “Этот человек является искателем приключений, властолюбив и обманывает как нас, так и вас”. А когда он узнал о его привлечении на советскую службу, то поспешил предупредить командование РККА о возможном предательстве Энвер-паши» [2, с. 86]. Но обращение Энвер-паши к советским лидерам и опыт деятельности М. Х. Султан-Галиева породили надежду на переориентацию басмачества от борьбы против советской власти к борьбе против британцев в северной Индии [14, с. 181]. Надежды эти были связаны с внутривосточной ситуацией в БНСР. Как следует из работы Ф. Касимова и Б. Эргашева, в ноябре 1920 г. войска свергнутого эмира Сеид Алим-хана, находящиеся в Афганистане, «занимали важнейшие стратегические пункты Восточной Бухары — Байсун, Дербент, Ширазбад,

В районе Шахриябза и Китаба вспыхнули антисоветские мятежи. Шестого апреля 1921 г., пользуясь отсутствием Ходжаева [...], правительство республики приняло решение об «уходе русских войск с оставлением для защиты страны необходимой части». Летом 1922 г. на жизнь Ходжаева было совершено покушение. В августе удалось предотвратить попытку государственного переворота» [16]. В этих условиях Энвер-паша едет в Бухару для переговоров с правительством БНСР как советник РККА по формированию национальных подразделений для борьбы с басмачеством или для формирования из отрядов курбаши частей для борьбы с англичанами [2, с. 86] (рис. 2).

Геополитическая обстановка в регионе выглядела следующим образом:

— Турция (Османская империя). Потерпела поражение в Первой мировой войне и по Севрскому договору 1920 г. подлежала расчленению под контролем держав Антанты. Мустафа Кемаль и его сторонники, кемалисты, вели борьбу за сохранение государственности. В 1920–1921 гг. из Советской России в Турцию было поставлено около 40 тыс. винтовок, свыше 60 млн патронов, 150 тыс. снарядов, 54 орудия, более 3 тыс. пулеметов и другое военное снаряжение. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор «О дружбе и братстве» между РСФСР и Турцией [17, с. 117–118].

— Афганистан. В марте 1919 г. Советское правительство заявило о признании независимости Афганистана. Действия Великобритании (оккупация Персии, введение войск в русский Закаспий) рассматривались Кабулом как угроза Афганскому государству. Англо-афганские отношения обострились до вооруженного столкновения в мае 1919 г. — Третья англо-афганская война. Результатом войны стало признание независимости Афганистана и подтверждение «линии Дюранда» — границы, разделяющей Афганистан и Британскую Индию (сегодня это Пакистан. — **Прим. авторов**) [18, с. 252].

— Великобритания. После ликвидации войск генерала Деникина в Закаспии и Бухарского эмирата англичане оказывают помощь басмачеству, претендуя на роль куратора антисоветских и антикемалистских сил с последующим созданием государства-буфера, противостоящего Советской России в распространении революции на Британскую Индию, способного изменить ситуацию в кемалистской Турции. Помимо Туркестана, Бухары и Хивы, это государство могло вобрать в себя территории, отделившиеся от стран региона [2, с. 86].

В сентябре 1921 г. Энвер-паша извещает народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина о том, что отправляется через Ташкент и Бухару в Афганистан, связанный с Советской Россией договором о дружбе от 28 февраля 1921 г.

Стремление опального османского политика и генерала создать мусульманское супергосударство нашло живой отклик в Афганистане. Министр обороны Надир Хан весной 1922 г., когда антисоветское восстание охватило большую часть современного южного Таджикистана, концентрирует на границе с БНСР 16 батальонов (600–700 солдат в каждом) пехоты, 10 000 кавалерий, 10 орудий. Позже он встречается с Усман Ходжаевым, которые 10 апреля 1922 г. бежал в Афганистан с турецкими офицерами Али Ризой и Хаджи Сами после неудавшегося мятежа в декабре 1921 г. в Душанбе, предлагая им убежище в Афганистане. Он же пре-

доставляет Энвер-паше средства для приобретения оружия, боеприпасов и обмундирования для тысячи бойцов [18, с. 253].

По мнению исследователя К. Н. Абдулаева, афганское руководство просчитывало все возможные варианты развития событий в Бухаре и Фергане. Надир Хан в своем письме эмиру Афганистана Аманулле назвал четыре желательных и нежелательных варианта развития событий:

«1. Восстановление экс-эмира на троне с последующим объединением с Афганистаном или подчинением Бухары Афганистану.

2. Предоставление независимости Фергане и Бухаре во внутренних делах, но контроль афганцами их внешней политики.

3. Объединение обеих областей с Афганистаном.

4. Усиление пантурсизма и влияния турков с последующим образованием сильного объединенного Турецкого королевства во главе с Энвер-пашой, которое установит отношения с Британской Индией [...]» [18, с. 253].

Необходимо отметить, что конец 1921 — начало 1922 г. приносили Энвер-паше успехи. Его отряды и отряды его сторонников сеяли ужас среди населения и собирали под знамена внушительное количество басмачей, сражавшихся не только «за совесть», но и «за страх». Казалось, создание мусульманского супергосударства под руководством Энвер-паши как никогда близко.

Однако к середине 1922 г. будущий глава «объединенного Турецкого королевства» стал опасной фигурой для всех геополитических игроков:

— Турция. Руководство страны не поддерживало планы Энвер-паши. Сохраняя отношения с Советской страной, кемалисты не поддерживали басмаческое движение, и сторонники борьбы с Советами покинули страну.

— Афганистан. Правящий режим отказал Энвер-паше и бухарцам в их борьбе против советской власти. По мнению исследователей: «Это произошло, прежде всего, по принципиальным причинам. Восстановление консервативного, проанглийского эмирского режима в Бухаре не отвечало стратегическим интересам стремившегося к независимости реформатора Амануллы. Мусульманское движение сопротивления в Средней Азии (басмачество) в случае его поддержки могло выйти из-под контроля, перейти на левый берег Аму-Дарьи, дестабилизировать обстановку и привести к непредсказуемым последствиям, нежелательным для Афганистана. С другой стороны, помощь басмачам неминуемо испортила бы отношения с Советской Россией и лишила бы правительство Амануллы материальной и военной помощи, которая нужна была ему, чтобы снизить зависимость от Англии. Наконец, пантюркистская составляющая басмачества вызвала энергичное неприятие Кабула, в котором господствовала «ирано-арийская» элита» [18, с. 254].

— Великобритания. К середине 1922 г. официально Лондону стало ясно, что идея советизации Британской Индии провалилась. Не будучи уверенными в окончательных намерениях Энвер-паши, англичане отказались признать независимость Бухары и Хивы.

В этих условиях РККА громила отряды Энвер-паши и поддерживавших его басмачей. Части РККА были усилены отрядами местных курбаши, которых не интересовали политические расклады, так как они не «красные», не «белые», они — представите-

Рис. 3. А. И. Икрамов
(сентябрь 1898 г. – 13 марта 1938 г.)

Fig. 3. A. I. Ikramov (September
1898–March 13, 1938)

Источник / Source: https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Ikramov_AI.jpg

ли местного населения и его интересов. Последний бой произошел в кишлаке Обдара 4 августа 1922 г., где его басмачи попали в окружение. Энвер-паша и Давлянтман-бий погибли в бою [2, с. 87–88; 8, с. 116; 9; 15].

Таким образом, деятельность басмачей под руководством Энвер-паши была прекращена. 19 августа 1922 г. пленум Коммунистического Интернационала молодёжи Бухары заслушал сообщение о ликвидации Энвер-паши и выразил благодарность Красной Армии [19]. Идея создания мусульманского супергосударства в Средней Азии, казалось, была снята с повестки дня.

Национально-территориальное размежевание в СССР — конец «Басмачества». Однако ставить на этой идее точку было преждевременно. Свое видение национально-государственного строительства обозначил М. Х. Султан-Галиев, поставивший вопрос о необходимости поднять статус ряда российских автономий. Речь шла, прежде всего, о Туркестанской АССР, включавшей в себя территории Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. В развитии идеи продвигались планы создания четырёх республик на территории бывшей Российской империи, носящих наднациональный, а по сути пантюркистский характер: Федерации Урало-Волжских республик, Общекавказской Федерации, Казахской республики и, так называемой Туранской республики, состоящей из четырёх республик Средней Азии [20]. Указанными идеями М. Х. Султан-Галиев неоднократно делился с лидерами национальных республик. Для руководства Наркомнаца РСФСР предложенные контуры внутреннего национально-административного деления были неприемлемы. Они разрывали российские территории и практически ликвидировали РСФСР.

РКП(б) в ходе построения СССР сохранила за народами, проживающими среди русских регионов, национальную автономию. Что касается М. Х. Султан-Галиева, то 4 мая 1923 г. он был арестован и отправлен в Восточный отдел ОГПУ. Его обвиняли в связях с иностранными посольствами и басмачами, а также в национал-уклонизме. Пер-

вые два обвинения не подтвердились, последнее осталось, как и нарицательное определение «султангалиевщина». Судьба отпустила М. Х. Султан-Галиева еще 16 лет жизни. Из политической элиты, принимающей решения, он был удален навсегда. В эти годы на политическом небосклоне возшла звезда А. И. Икрамова — секретаря Ферганского обкома партии, борца с басмачеством в Туркестане, секретаря ЦК Компартии Туркестана, а с 1925 г. — секретаря ЦК ВКП(б) Узбекской ССР. А. И. Икрамов на заседаниях Социалистической / Коммунистической академии выдвинул дополнивший марксистскую теорию тезис о формировании наций при социализме [14, с. 182–183, 185, 187] (рис. 3).

В Средней Азии имели место быть два процесса: процесс размежевания национальных республик и процесс ликвидации басмаческого движения.

В апреле 1924 г. в реализации плана размежевания была создана Комиссия по национальному размежеванию для разработки схемы делимитации границ новых национальных республик. Она включала первоначально три подкомиссии: узбекскую, казахскую и туркменскую, а позже были созданы таджикская и киргизская. В ходе подготовки проекта делимитации границ разгорелись территориальные споры между местными национальными элитами. В большинстве случаев размежевание рассматривалось ими как возможность расширить территорию своей национальной республики за счет соседей, тем более что полиэтнический состав населения создавал для этого условия [21, с. 19]. Так, по мнению исследователя К. Нуржанова, «активность басмачей в Восточной Бухаре сводилась к борьбе между узбеками и таджиками» [9]. А за Ташкент основной спор развернулся между узбекской и казахской сторонами. В самом городе преобладало узбекское население, а окружающие его сельские территории были преимущественно казахскими по составу, что давало основание ставить вопрос о его вхождении в Киргизскую АССР [21, с. 19–20].

В указанных условиях местные курбаши рассматриваются в качестве «не идеологизированных военно-политических деятелей, контролирующих определенную территорию, легитимных в глазах населения, их первоочередная задача состоит в обеспечении благосостояния народа в условиях неопределенности, порожденной крахом государства» [9]. Именно с ними в ходе воссоздания государственности в рамках союзной Федерации органы советской власти, центральные и региональные, искали и находили компромисс.

Первыми 27 октября 1924 г. были образованы Узбекская ССР (столица — Бухара, с 1930 — г. Ташкент) и Туркменская ССР (столица — Ашхабад). Таджикская АССР (столица — образованный в 1925 г. Душанбе) на правах автономии входила в Узбекскую ССР [22, с. 243].

Однако количество курбаши было внушительно, и не со всеми советская власть могла договориться, и не все курбаши в том или ином регионе были местными. Обратимся к именам, упомянутым в работах К. Нуржанова.

Мустафа Шокай (Чокай, Чокаев, Чокай-оглы), чья политическая карьера началась во время восстания в Туркестане и Степном крае. В казахских степях его возглавлял курбаши / батыр Амангельды Иманов, погибший в 1919 г. будучи членом РКП(б). Мустафа Шокай сторонник независимости Единого

Рис. 4. Сеид Мир Мухаммед Алим-хан, последний эмир Бухары (3 января 1880 г.–5 мая 1944 г.). Кабул, 1928 г.
Fig. 4. Sayyid Mir Muhammad Alim Khan, the last Emir of Bukhara (January 3, 1880–May 5, 1944). Kabul, 1928
Источник / Source: https://ic.pics.livejournal.com/oldcolor/18362456/588547/588547_original.jpg

Туркестана в 1921 г. эмигрировал в кемалистскую Турцию, но из неё вынужден был уехать в Париж. Мустафа Кемаль не поддерживал борцов с Советской страной [23; 17, с. 117–118]. Отметим, что в 1922–1929 гг. басмачество на территории современного Казахстана было крайне ограниченным и не носило такого массового характера, как в Средней Азии. По мнению исследователя А. В. Сушко: «[...] после поражения колчаковцев в Сибири стало очевидным, киргизские националисты первыми из сибирских народов, перейдя от поддержки колчаковского режима и вооруженной борьбы с большевиками к признанию советской власти, добились создания киргизской государственности — Киргизской республики в границах РСФСР» [24, с. 334]. Однако в 1920–1930-е гг. Мустафа Шокай будучи в эмиграции, занимался аналитикой и писал критические материалы о положении в советской Средней Азии. По данным электронной энциклопедии «Рувики», после вхождения немцев в Париж его вывезли в Берлин, а после предложили возглавить Туркестанский легион. Мустафа Шокай «[...] поставил свои условия: 1. Подготовить кадры для будущего Туркестанского государства в учебных заведениях Германии. 2. Создать из числа своих пленных соотечественников военные формирования, кото-

рые должны быть использованы только при подходе к границам Туркестана. Таким образом, он пытался извлечь из возможного сотрудничества с нацизмом хоть какую-то пользу для Туркестана, но получил отказ [...]» [23]. Смерть Мустафы Шокая в декабре 1941 г. не дает возможности говорить о его участии или неучастии в борьбе против СССР на стороне нацистской Германии.

Сеид Мир Мухаммед Алим — последний, двенадцатый эмир Бухарского эмирата, представитель узбекского рода и династии Мангытов. В ходе революции в России и Гражданской войны на её территориях он жестко преследовал сторонников демократических реформ. 30 августа 1920 г. из-за революции в Бухаре и вторжения РККА бежал в Афганистан, где получил убежище. По данным электронной энциклопедии «Рувики»: «[...] его банковские счета в Российском государственном банке были заблокированы по настоянию властей СССР. По некоторым данным, у эмира в этом банке хранилось около 27 млн рублей золотом и ещё около 7 млн — в частных коммерческих банках России. Также известно, что летом 1917 г. через посредничество русского резидента в Бухаре А. Миллера и промышленника И. Стахеева эмир Сеид Алим-хан положил во французские и английские банки 150 млн руб.» [25]. Сеид Мир Мухаммед Алим поддерживал басмаческое движение. При его посредничестве курбаши, одним из которых был Ибрагим-бек, претендовавший на главенство в движении, согласились сотрудничать с «Верховным главнокомандующим всеми войсками ислама, зятем халифа и наместником Мухаммеда», как себя позиционировал Энвер-паша [2, с. 86]. Он занимался торговлей каракулем — разорился. Под старость почти ослеп. «[...] завещал написать на своей могиле: “Эмир без родины жалок и ничтожен. Нищий, умерший на родине, — воистину эмир”. Он умер в Кабуле 5 мая 1944 года» [25] (рис. 4).

Ибрагим-бек Чакабаев был «бандитом», «Робин Гудом Средней Азии», а также «Наполеоном из Локая». По различным свидетельствам в молодости он был сборщиком налогов и предводителем шайки, грабившей купцов. После событий 1917–1919 гг. вошёл в доверие к эмиру Бухарскому Сеид Алим-хану, стал беком своего племени. Находясь в эмиграции в 1921 г., эмир Бухарский присвоил ему чин караул беги (капитан) [3, с. 65, 71]. Именно Ибрагим-бек был причастен к подготовке антисоветского восстания 1921 г. в Восточной Бухаре [6, с. 45]. На помощь восставшим против новой красной власти из Бухары в Термез выдвинулся Энвер-паша. Но Ибрагим-бек, желавший единолично управлять Восточной Бухарой, арестовал Энвер-пашу вместе с турецкими офицерами. Сеид Алим-хан был взбешен поведением своего подчиненного, он потребовал освободить Энвер-пашу, немедленно уничтожить красноармейский гарнизон в Душанбе. По материалам Гафура Шерматова: «[...] местному ЧК было хорошо известно, что соглашение о сотрудничестве между Ибрагим-беком, Энвер-пашой и джахидами с обеих сторон было продиктовано конъюнктурными соображениями. Тщательно взвесив эти обстоятельства, чекист Зариф Абдулаев разработал план вывода гарнизона из Душанбе с помощью... Ибрагим-бека. Начальник гарнизона направил Ибрагим-беку письмо с предложением заключить взаимовыгодное сепаратное соглашение. [...] Согласно ему командование гарнизона должно вывести из Душанбе все воинские части, а

Рис. 5. Ибрагим-бек Чакабаев
(1889 г.–31 августа 1931 г.).
Fig. 5. Ibragim-bek Chakabayev
(1889–August 31, 1931)
Источник / Source: https://topwar.ru/uploads/posts/2020-05/1588513429_-bek2.jpg

Ибрагим-бек — обеспечить их продовольствием, лошадьми и фуражом. Взамен он получал всю полноту власти в Душанбе. Причем управлять он должен от имени БНСР, как ее официальный представитель. Кроме того, предлагалось после завершения вывода кзыл-аскеров совместно выступить против общего врага — отрядов джаидов, прибывших из Бухары. Расчет чекистов оказался верным. Ибрагим-бек ответил согласием на предложение командования душанбинского гарнизона. [...] Вслед за ответом он направил в распоряжение гарнизона сто подвод с продовольствием и фуражом и... боеприпасами, а затем, как и было предусмотрено условиями соглашения, обеспечил безопасный коридор и позволил частям Красной Армии беспрепятственно покинуть Душанбе» [26]. Данный компромисс позволил спасти части РККА, размещенные в Душанбе, от разгрома. Что касается Ибрагим-бека, то он стал фактическим правителем Гиссарской долины, но не долго. Летом 1922 г. красные части вернули утраченные позиции, а отряды Ибрагим-бека покинули Душанбе и ушли в Афганистан.

Весной 1923 г. Ибрагим-бек появляется на территории БНСР. Противоречия между Салимом и Ибрагим-беком, с одной стороны, и между Ибрагим-беком и Махсумом Фузайлом — с другой, не позволили объединить все отряды басмачей и дали возможность командирам РККА использовать вражду басмаческих лидеров. В октябре Ибрагим-бек объединяет 5 тыс. человек в районах Яван и Даханакик. К этому времени советские войска в Восточной Бухаре насчитывали 5832 солдата с 222 пулеметами. В столкновениях с бухарской РККА Ибрагим-бек и его союзники терпят поражение у Урты, Кайнара, Норина и Джончика [27].

Формирование с осени 1924 г. органов власти и вооруженных формирований вновь образованных союзных республик способствовали привлечению в государственные структуры командиров вооруженного ополчения. Летом 1926 г. Ибрагим-бек был разгромлен и снова ушел в Афганистан (рис. 5).

Рис. 6. Реза-шах Пехлеви (март 1878 г.–26 июля 1944 г.).

Бригадный генерал Реза-хан Пехлеви
с 10 декабря 1925 г. — шах Персии.
В 1923–1931 гг. инициировал расправы над «персидскими басмачами» — шахсеванами
Fig. 6. Reza Shah Pahlavi (March 1878–July 26, 1944).
Brigadier General Reza Khan Pahlavi was the Shah of Persia on December 10, 1925.
In 1923–1931 he initiated the massacre of the Persian Basmachi shahsevens
Источник / Source: <https://casp-geo.ru/wp-content/uploads/2019/03/260319-1.jpg>

Между тем международная обстановка изменяется не в пользу басмачей.

31 августа 1926 г. в Афганистане был подписан «Договор о нейтралитете и взаимном ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Высоким Государством Афганистан». Аманулла-хан приступил к реализации широкомасштабных, но поспешных и радикальных реформ, направленных на модернизацию страны, что вызвало в 1928–1929 гг. восстания и Гражданскую войну. Попытка СССР оказать помощь Аманулла-хану не удалась. Он бежал в Британскую Индию и эмигрировал в Италию. В условиях войны бывший офицер, таджик Бачаи Сакао провозгласил себя новым королем под именем Хабибулла Калакани. Ибрагим-бек поддержал повстанцев и новую власть, но против Бачаи Сакао осенью 1929 г. выступил Мухаммед Надир-хан (Надир-шах), бывший министр обороны при Аманулле-хане. Опираясь на помощь Англии и собрав вокруг себя пуштунские племена, он разгромил силы мятежников, вошел в Кабул и 15 октября 1929 г. провозгласил себя королем Афганистана. Хабибулла Калакани был схвачен и казнен [28].

Персия переживала эпоху политической нестабильности, которая завершилась низложением династии Каджаров и провозглашением 10 декабря 1925 г. Реза-хана Пехлеви шахом Персии. В отношении с СССР имело место замещение договора от 26 февраля 1921 г., подписанного Персией и РСФСР, на Советско-Персидский договор о ней-

тралитете, заключенный 1 октября 1927 г. Реза Пехлеви пытался лавировать между СССР, США и Великобританией (рис. 6). В национальной политике имело место преследование шахсеванов — 45-ти тюркских кочевых племен на юге провинции Азербайджан, используемых в свое время Каджарами как кавалерия. По материалам кандидата исторических наук О. Р. Айропетова, «[...] в начале столетия они занимались грабежом местного оседлого населения и практически не подчинялись Тегерану. Массовые расстрелы, изъятие скота, разорение пастбищ — за рядом племен охотились, как за индейцами в Америке, их заставляли подчиняться власти и разоружаться» [29]. Так было покончено с «персидским басмачеством», а точнее, с кочевниками басмакчи.

В Афганистане Ибрагим-бек и его басмачи оказались гонимы Надир-ханом. Единственное, что спасало их, — слабость центральной власти. В соответствии с положениями Советско-Афганского договора о нейтралитете и взаимном ненападении от 31 августа 1926 г. СССР по согласованию с афганскими властями провел военную операцию на территории Афганистана силами РККА. В июне 1930 г. сводный отряд вошёл в Афганистан и в течение недели преследовал и громил отряды и базы басмачей. Главной целью операции был разгром басмаческих формирований и устранение самого Ибрагим-бека. В итоге были уничтожены около 900 басмачей, разгромлены эмигрантские посёлки Алиабад, Ак-Тепе и Чардара — бывшие базы басмачества. Но Ибрагим-бек сумел скрыться. В конце 1930 — начале 1931 г. в Северном Афганистане развернулись активные боевые действия между афганской армией и басмаческими формированиями. Положение Ибрагим-бека в Афганистане стало критическим, его переход через границу стал неизбежен [3, с. 65 — 66].

Последний раз отряды Ибрагим-бека вторглись на территорию Таджикской ССР в конце марта 1931 г. Республика к этому времени получила статус союзной государственности. Казалось, надежды заручиться поддержкой недовольных коллективизацией дехкан оправдались. Отряд в тысячу бойцов к маю вырос до 2500 чел. Из Афганистана на помощь Ибрагим-беку пыталась прорваться банда Утан-бека численностью 500 — 600 бойцов. Но ситуация складывалась не в пользу басмачей. Путь бойцам Утан-бека преградили советские пограничники, а против Ибрагим-бека выступили не только отряды РККА и ОГПУ, но и таджикский батальон и местные добровольцы. Ряды басмачей таяли, имели место сдачи в плен. Уходя от преследования, Ибрагим-бек не раз избегал окружения... Его отряд был разбит 23 июня 1931 г. Ибрагим-бек был взят в плен. По одним данным он был судим и расстрелян на месте, по другим — его конвоировали в Сталинабад, а затем в Ташкент. Состоялся суд, приговоривший «главного басмача» Узбекистана и Таджикистана к высшей мере наказания [22, с. 243; 28; 3, с. 67, 71; 5, с. 25].

По данным исследователя из Кыргызско-Российского Славянского университета (Республика Кыргызстан, г. Бишкек) О. Б. Сайфутдиновой: «В докладной записке Управления пограничной и внутренней охраны НКВД по Средней Азии о состоянии борьбы с басмачеством от 10.09.1934 отмечалось: "В конце 1933 г. внутренний бандитизм в Средней Азии был разгромлен. Активная борьба с закордонным бандитизмом привела к тому, что в 1934 г., с одной стороны, прорывы закордонных бандшаек на нашу

территорию сократились по сравнению с 1933 г. на 50 %. Если в 1933 г. прорвалось на нашу территорию 116 банд, то в 1934 г. — только 58, причем из числа прорвавшихся в этом году ликвидировано 15 бандитских шаек...". В 1935 г. наблюдалось 19 налетов мелких басмаческих банд на территорию Средней Азии» [5, с. 26].

В 1932 — 1938 гг. басмаческое движение пытался реанимировать глава туркменских басмачей Джунaid-хан. Он организовал около 60-ти вторжений на Туркменскую ССР с территории Персии. В его рядах оказались поддерживаемые английской разведкой басмачи, изгнанные из Афганистана. После его смерти в 1938 г. басмачество приобрело грабительски-контрабандистский характер, выражавшийся в периодических налетах на советскую территорию мелких групп в составе от 2 до 6 человек. Все попытки в последующие годы возродить басмачество как политическое антисоветское движение окончились крахом. [4, с. 22; 29; 5, с. 26].

Басмачество как специфический тип экономики — экономики набегов, насильственных изъятий собственности у оседлого населения — был составной частью жизни и быта кочевых народов Средней Азии, Персии и Афганистана. В Гражданскую войну термин стал нарицательным для противников советской власти, выступающих под лозунгами защиты ислама и национальных традиций.

Анализ развития движения в 1917 — 1938 гг. позволяет выделить три этапа:

— первый (1917 — 1920 гг.) с начала революции и Гражданской войны до образования БНСР — был порождён вакуумом центральной власти на местах, дающим широкие возможности для деятельности курбаши;

— второй (с 1921 до середины 1926 гг.) — басмачество приняло широкий размах, опиралось на поддержку определенной части населения и независимо от идеологических пристрастий его лидеров угрожало революционной власти;

— третий (1926 — 1938 гг.) — военная и политическая победа над басмачеством в советской Средней Азии к 1931 — 1933 гг. и борьба с вторгающимися на территорию СССР басмачами, поддерживаемыми английской разведкой и базирующимися в Персии и Афганистане.

Факторами влияния на движение стало советское государство, кемалистская Турция, Афганистан, Персия и Великобритания.

Советское государство в своем отношении к движению пережило два подхода: использование пантюркизма в целях распространения революции на восток и борьбы с влиянием Великой революции; обращение к национально-территориальному размежеванию в Средней Азии. Это создавало социальный лифт для местного населения, включая курбаши. Территориально-милиционный принцип формирования РККА, сочетавший наличие кадровых частей с территориальными/национальными, позволил успешно противодействовать басмачам. К тому же в республики Средней Азии пришло образование и здравоохранение — блага, которые басмачи дехканам дать не могли.

Официально Турецкая Республика не поддерживала антисоветские силы. Турецкие офицеры в рядах басмачей скорее последователи Энвер-паши, нежели представители турецкой разведки, хотя одно другому не противоречит.

Эмират (с 1926 г. королевство) Афганистан и Персия (с 1935 г. Иран) — государства, связан-

Рис. 7. Мустафа Шокай (Чокай-бей Оглы, Чокаев, Чокай-оглы) (25 декабря 1890 г. – 27 декабря 1941 г.). Портрет М. Шокая в офисе одной из общественных организаций Республики Казахстан
 Fig. 7. Mustafa Shokai (Chokai bey Oglu, Chokaev, Chokai Oglu) (December 25, 1890–December 27, 1941). Portrait of M. Shokai in the office of one of the public organizations of the Republic of Kazakhstan
 Источник / Source: <https://kazpravda.kz/media/news/2023/01/09/9.jpeg>

ные с советским государством разносторонними договорами, тем не менее являлись базой басмаческого движения. Слабость центральных правительств, политическая нестабильность, наличие во власти клерикалов представляли возможность для деятельности как басмачей, так и поддерживающих их представителей английской разведки.

Великобритания — геополитический противник России с многолетним стажем, официально дистанцировалась от антисоветской риторики басмачей, представляя движение как «локальную реакцию на чрезмерно радикальные реформы». При этом в условиях Гражданской войны и ослабления Советской России британская разведка увидела в Средней Азии не только буферную зону, но и потенциальный плацдарм и, как следствие, поддержала басмачество. Для этой поддержки в Афганистан и Персию поступали винтовки системы Ли-Энфилд, боеприпасы и финансы. Однако басмачи оставались разрозненной силой, поэтому в Кабуле и Кандагаре, а также в Тегеране, Исфахане и Тебризе действовали офицеры британской разведки, координировавшие действия различных отрядов. Так, басмачи стали частью британской геополитической игры.

Мнение исследователей о характере тех или иных лидеров басмачества различно. Отметим, что басмаческое движение — пример прокси-войны в Средней Азии, где за маской борцов за свободу скрывались геополитические интересы великих держав в регионе.

Эпоха Советского Союза закончилась, и антироссийские, и антисоветские взгляды на историю стали элементами национального мифотворчества.

В Республике Казахстан, где деятельность басмачей не была значительной, Мустафа Шокай (Чо-

кай, Чокаев, Чокай-оглы) — один из создателей Кокандской автономии — все чаще позиционируется как лидер национально-освободительного движения не только Казахстана, но и «Единого Туркестана» (рис. 7).

В Республике Узбекистан после 1991 г. басмачи официально признаны борцами за независимость и национальную свободу. Сползание к данной оценке имеет место как в Киргизской Республике, так и в Республике Туркменистан.

В Республике Таджикистан превалирует мнение, что большевистская революция и процесс национально-территориального размежевания, несмотря на свои недостатки, впервые со времен саманидов предоставили таджикам их государственность: в 1924 г. в качестве автономии в Узбекской ССР и в 1929 г. как суверенной Таджикской ССР. Басмачи были батальонами смерти великого пантюристского заговора, который объединил традиционные элементы (эмир Бухарский) с международными агентами (Энвер-паша) и, самое главное, с узбекскими по национальности коммунистами, которые снискали расположение молодого и неопытного советского режима. На некоторое время Москва полагалась на последних, но в конечном счете пантюристы были вычищены из коммунистического аппарата — эта точка зрения близка к официальной.

Заключение

Возможно, басмачи окажутся в пантеоне национальных героев стран Центральной Азии, тогда как их противники подвергнутся осуждению. Но оценки басмачества в бывших советских республиках, а ныне суверенных государствах зависят от политической и геополитической конъюнктуры. После

распада Советского Союза республики входят в организацию Договора о коллективной безопасности и Шанхайскую организацию сотрудничества.

В советской интерпретации движения доминировали подходы с классовых позиций. Аналогичная ситуация у зарубежных исследователей, рассматривающих движение как антирусское / антисоветское, мусульманское и традиционалистское. Направлениями последующего изучения могли бы стать:

— выявление характера действующих на той или иной территории формирований, таких как басмачей-кочевников, участников Среднеазиатского восстания 1916 г., басмачей-пантюркистов и местных курбаши;

— изучение истории курбаши, сотрудничавших с советской властью и, как следствие, не упомянутых среди вышеперечисленных групп;

— выявление, по возможности, этно-национальной составляющей в среде действующих басмаческих антисоветских и просоветских отрядов.

В заключение следует отметить, что применительно к 1920–1930 гг. влияние РСФСР, а позднее СССР, на басмачество как движение клерикальное, антисоветское и антирусское было доминирующим. Противостоять этому влиянию посредством Афганистана и Персии пыталась Британия. Кемалистская Турция заняла позицию нейтралитета. В ходе развернувшейся борьбы за контроль над Средней, а сегодня Центральной Азией влияние СССР оказалось определяющим, и басмаческое движение, претендующее на отражение обозначенных выше интересов части местного населения, было ликвидировано.

Список источников / References

1. Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества. Москва: Наука, 1976. 187 с.

Polyakov Yu. A., Chugunov A. I. Konets basmachestva. Moscow, 1976. 187 p. (In Russ.).

2. Мышов Н. А. Ликвидация лидера басмачества Энвер-паша // Восточный архив. 2022. № 2 (46). С. 85–91. <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2022-2-85-91>. EDN: GRYQOT.

Myshov N. A. Likvidatsiya lidera basmachestva Enver-pashi. *Vostochnyy Arkhiv*. 2022;2(46):85–91. <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2022-2-85-91>. EDN: GRYQOT. (In Russ.).

3. Карташов А. А. Охота на Ибрагим-бека. Конец басмачества в Туркестане // Военно-исторический журнал. 2022. № 11. С. 64–71. EDN: EXSVBD.

Kartashov A. A. The hunt for Ibragim-bek. The end of the Basmachi movement in Turkestan. *Voyenno-Istoricheskiy Zhurnal*. 2022;11:64–71. EDN: EXSVBD. (In Russ.).

4. Горбачёва И. Е., Размахов К. Е. Советская милиция в борьбе с басмачеством // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 6. С. 20–23. EDN: ASTKBZ.

Gorbacheva I. E., Razmakhov K. E. Soviet Militia in the Fight Against Basmachism. *Economic Problems and Legal Practice*. 2023;19(6):20–23. EDN: ASTKBZ. (In Russ.).

5. Сайфутдинова О. Б. Ликвидация басмачества на территории Средней Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2018. № 4 (57). С. 23–27. EDN: YXICJV.

Sayfutdinova O. B. Basmachi's Elimination in Central Asia. *Scientific Notes. Series of Humanities and Social Sciences*. 2018;4(57):23–27. EDN: YXICJV. (In Russ.).

6. Акрамов М. И. Борьба с басмаческим движением и упрочнение советской власти в центральном и южном Таджикистане в 1920–1923 гг. // Историк. 2025. № 1 (41). С. 43–57. EDN: URDQTD.

Akramov M. I. The fight against the Basmach Movement and the strengthening of Soviet power in central and southern Tajikistan in 1920–1923. *Historian*. 2025;1(41):43–57. EDN: URDQTD. (In Russ.).

7. Мирзоев Ф. А. Назаре ба ӯаракати босмачигарӣ дар таърихи ғури ватанӣ // Паёми Доносиҳои Омӯзгорӣ. 2019;4(81):254–256. EDN: MURDBO. (In Tajik.).

8. Бляхер А. Е., Ярулин И. Ф. Кто такие басмачи? (Советское мифотворчество и стигматизация гражданской войны в Средней Азии) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 2 (81). С. 109–123. EDN: XQZSED.

Blyakher L. E., Yarulin I. F. Kto takiye basmachi? (Sovetskoye mifotvorchestvo i stigmatizatsiya grazhdanskoy voyny v Sredney Azii). *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal Politicheskoy Filosofii i Sotsiologii Politiki)*. 2016;2(81):109–123. EDN: XQZSED. (In Russ.).

9. Кузнецова С. И. 2009.04.019. Нуржанов К. Переоценка басмачей: военные лидеры без идеологии? Nourzhanov K. Reassessing the Basmachi: warlords without ideology? // J. of South Asian and Middle Eastern-studies. — Villanova, 2008. — Vol. 31, N 3. — P. 41–67 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2009. № 4. С. 54–57. EDN: KVFPLR.

Kuznetsova S. I. 2009.04.019. Nurzhanov K. Pereotsenka basmachey: voyennyye lidery bez ideologii? Nourzhanov K. Reassessing the Basmachi: warlords without ideology? // J. of South Asian and Middle Eastern-studies. — Villanova, 2008. — Vol. 31, N 3. — P. 41–67. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: "Oriental and African Studies"*. 2009;4:54–57. EDN: KVFPLR. (In Russ.).

10. Нуржанов К. Бандиты, полевые командиры, национальные герои: интерпретация басмаческого движения в Таджикистане. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1488271800> (дата обращения: 15.10.2025).

Nurzhanov K. Bandity, polevyeye komandiry, natsional'nyye geroi: interpretatsiya basmacheskogo dvizheniya v Tadjikistane. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1488271800> (accessed: 15.10.2025). (In Russ.).

11. Абдуллаев К. Басмачество: взгляд специалиста. URL: https://islam-today.ru/istoria/basmachestvo_vzglyad_specialista/ (дата обращения: 19.10.2025).

Abdullayev K. Basmachestvo: vzglyad spetsialista. URL: https://islam-today.ru/istoria/basmachestvo_vzglyad_specialista/ (accessed: 19.10.2025). (In Russ.).

12. Антонов С. Басмачи. Предшественники моджахедов и талибов. URL: <https://history.ru/read/articles/basmachi-predshestvenniki-modzhahedov-i-talibov> (дата обращения: 19.10.2025).

Antonov S. Basmachi. Predshestvenniki modzhahedov i talibov. URL: <https://history.ru/read/articles/basmachi-predshestvenniki-modzhahedov-i-talibov> (accessed: 19.10.2025). (In Russ.).

13. Мирсаид Султан-Галиев. URL: <https://historica.ru/threads/mirsaid-sultan-galiyev.6146/> (дата обращения: 26.10.2025).

Mirsaid Sultan-Galiyev. URL: <https://historica.ru/threads/mirsaid-sultan-galiyev.6146/> (accessed: 26.10.2025). (In Russ.).

14. Султанбеков Б. Ф., Шарафутдинов Д. Р. Жизнь и судьба. К 110-летию со дня рождения М. Х. Султангалиева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-sudba-k-110-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-m-h-sultan-galiyeva> (дата обращения: 26.10.2025).

Sultanbekov B. F., Sharafutdinov D. R. Zhizn' i sud'ba. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya M. Kh. Sultangaliyeva. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-sudba-k-110-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-m-h-sultan-galiyeva> (accessed: 26.10.2025). (In Russ.).

15. Шерстюков С. А. Панисламизм в трактовке большевиков: освободительное движение, угроза или выдумка?

(1917–1924) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 101–106. <https://doi.org/10.17223/19988613/72/14>. EDN: MFTZVH.

Sherstyukov S. A. Pan-islamism in the interpretation of the Bolsheviks: liberation movement, threat or invention? (1917–1924). *Tomsk State University Journal of History*. 2021;72:101–106. <https://doi.org/10.17223/19988613/72/14>. EDN: MFTZVH. (In Russ.).

16. Касымов Ф., Эргашев Б. Бухарская революция. URL: <https://saint-juste.narod.ru/Srazia.html> (дата обращения: 12.11.2025).

Kasymov F., Ergashev B. Bukharskaya revolyutsiya. URL: <https://saint-juste.narod.ru/Srazia.html> (accessed: 12.11.2025). (In Russ.).

17. Сотавов Н. А. Мустафа Кемаль Ататюрк: бессмертие подвига ради Родины и народа // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 4. С. 114–120. EDN: NXPRSD.

Sotavov N. A. Mustafa Kemal' Ataturk: bessmertiyе podviga radi Rodiny i narod. *Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2011;4:114–120. EDN: NXPRSD. (In Russ.).

18. Абдуллаев К. Н. Об участии Афганистана в басмаческом движении в Восточной Бухаре в 1922 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-afganistana-v-basmacheskom-dvizhenii-v-vostochnoy-buhare-v-1922-g> (дата обращения: 12.11.2025).

Abdullayev K. N. Ob uchastii Afganistana v basmacheskom dvizhenii v Vostochnoy Bukhare v 1922 g. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-afganistana-v-basmacheskom-dvizhenii-v-vostochnoy-buhare-v-1922-g> (accessed: 12.11.2025). (In Russ.).

19. Маърақои зарбазани зидди Анварпошшо ва босмачигарӣ дар солҳои 1922 – 1923. URL: <https://donishkhona.tj/knowledgebase/ma-rakhoi-zarbazanii-ziddi-anvarposhsho-va-bosmachigari-dar-solhoi-1922-1923/?ysclid=mentleflja351916571> (accessed: 12.11.2025). (In Tajik.).

20. Сталинская национальная политика и решение «русского вопроса» СССР в 1920–1930-е гг. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/03/05/stalinskaya_nacional_naya_politika_i_reshenie_russkogo_voprosa_ssr_v_1920-1930-e_gg (дата обращения: 18.11.2025).

Stalinskaya natsional'naya politika i resheniye "russkogo voprosa" SSSR v 1920–1930-e gg. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/03/05/stalinskaya_nacional_naya_politika_i_reshenie_russkogo_voprosa_ssr_v_1920-1930-e_gg (accessed: 18.11.2025). (In Russ.).

21. Бочкарева И. Б. Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии в 1924 г.: причины и принципы проведения // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. Т. 1, № 1. С. 14–22. EDN: CTRRJM.

Bochkareva I. B. National-territorial delimitation in Central Asia in 1924: reasons and principles of conducting. *Journal of Central Asian and Eurasian Studies*. 2021;1(1):14–22. EDN: CTRRJM. (In Russ.).

22. Турсунов Т. Х., Новиков М. С. Территориально-национальное размежевание в Средней Азии и Казахстане: социально-экономические результаты и последствия // Сибирская деревня: 200 лет развития Омской области — от реформ М. М. Сперанского до агропромышленного центра Сибири: материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию Омской области, 2022. Омск: Омский ГАУ, 2022. С. 241–246.

Tursunov T. Kh., Novikov M. S. Territorial'no-natsional'noye razmezhvaniye v Sredney Azii i Kazakhstane: sotsial'no-ekonomicheskiye rezul'taty i posledstviya. *Sibirskaya Derevnya: 200 Let Razvitiya Omskoy Oblasti — ot Reform M. M. Speranskogo do Agropromyshlennogo Tsentra Sibiri*. Omsk, 2022. P. 241–246. (In Russ.).

23. Шокай, Мустафа. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Шокай,_Мустафа. (дата обращения: 25.11.2025).

Shokay, Mustafa. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Шокай,_Мустафа. (accessed: 25.11.2025). (In Russ.).

24. Сушко А. В. Межродовая борьба казахской (киргизской) интеллигенции в годы революции и гражданской войны в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (67). С. 329–337. EDN: KHQZLP.

Sushko A. V. Interclan struggle of Kazakh (Kyrgyz) intelligentsia during Revolution and Civil war in Russia. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2008;11(67):329–337. EDN: KHQZLP. (In Russ.).

25. Сеид Алим-хан. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сеид_Алим-хан (дата обращения: 27.11.2025).

Seid Alim-khan. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сеид_Алим-хан (accessed: 27.11.2025). (In Russ.).

26. Шерматов Г. Как Красная Армия пошла на стовор с Ибрагим-беком. URL: <https://asiaplus.news/2017/12/27/kak-krasnaya-armiya-poshla-na-sgovor-s-ibragim-bekom/> (дата обращения: 29.11.2025).

Shermatov G. Kak Krasnaya Armiya poshla na sgovor s Ibragim-bekom. URL: <https://asiaplus.news/2017/12/27/kak-krasnaya-armiya-poshla-na-sgovor-s-ibragim-bekom/> (accessed: 29.11.2025). (In Russ.).

27. Ба таърих бо чашми хирад бингарем. Ё чаро ҳаракати босмачигарӣ расонаӣ шуд? URL: <https://khovar.tj/2019/02/ba-tarih-bo-chashmi-hirad-bingarem-yo-charo-arakati-bosmachigara-rasona-shud/?ysclid=menx6ul06z635667030> (accessed: 12.11.2025). (In Tajik.).

28. Айрапетов О. На южном направлении политики СССР в 1920-е годы: Афганистан и ликвидация басмачества. URL: <https://iarex.ru/articles/93642.html> (дата обращения: 29.11.2025).

Ayrapetov O. Na yuzhnom napravlenii politiki SSSR v 1920-e gody: Afganistan i likvidatsiya basmachestva. URL: <https://iarex.ru/articles/93642.html> (accessed: 29.11.2025). (In Russ.).

29. Айрапетов О. Иран в политике СССР на южном направлении в 1920-1930-е годы. URL: <https://casp-geo.ru/iran-v-politike-sssr-na-yuzhnom-napravlenii-v-1920-1930-e-gody/> (дата обращения: 29.11.2025).

Ayrapetov O. Iran v politike SSSR na yuzhnom napravlenii v 1920-1930-e gody. URL: <https://casp-geo.ru/iran-v-politike-sssr-na-yuzhnom-napravlenii-v-1920-1930-e-gody/> (accessed: 29.11.2025). (In Russ.).

Вклад авторов:

Т. Х. Турсунов. Работа с исследованиями авторов из Центральной Азии; систематизация материалов о военных аспектах борьбы с басмаческим движением.

С. В. Новиков. Подготовка введения, заключения, основной части научно-справочного аппарата; общая редакция.

Authors' contribution:

Tursunmurod Kh. Tursunov. Studying materials of the authors from Central Asia; systematization of materials by the military aspects of the fight against the Basmachi movement.

Sergey V. Novikov. Preparation of the introduction, conclusion, main part of the scientific reference apparatus; general editing of the article.

Информация об авторах:

ТУРСУНОВ Турсунмурод Худоймуродович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Новая и новейшая история зарубежных стран» Таджикского национального университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан.

SPIN-код: 4517-4741

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7335-497X>

e-mail: tursunov-murod@mail.ru

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «Философия, история, экономическая теория и право» Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, г. Омск.
SPIN-код: 7226-1354
AuthorID (РИНЦ): 650930
e-mail: zatoncherlak62@inbox.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 30.04.2026.

Information about the authors:

TURSUNOV Tursunmurod Khudoimurodovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Modern

and Contemporary History of Foreign Countries Department, Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

SPIN-code: 4517-4741

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7335-497X>

e-mail: tursunov-murod@mail.ru

NOVIKOV Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.

SPIN-code: 7226-1354

AuthorID (RSCI): 650930

e-mail: zatoncherlak62@inbox.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 30.04.2026.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС И РУДИМЕНТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. А. Васильченко

Московский университет «Синергия»,
Россия, 125190, г. Москва, пр. Ленинградский, 80 Б, корп. 5

 Maks-vasilchenko@mail.ru

Работа анализирует последствия преобразований Временного правительства на чешские и словацкие воинские формирования в составе Русской армии. В исследовании соотносится комплекс правовых норм, демократизировавших армейскую службу и противоречивших необходимости поддержания воинской дисциплины для достижения главной цели — создания национального государства.

Методологический блок исследования — синтез историко-генетического и сравнительно-исторического методов — дал возможность проследить взаимосвязь эволюции идеологических взглядов в национальных славянских воинских частях Русской армии с изменениями в мировой политике, а также влияние этих процессов на воинскую дисциплину чехов и словаков, ставших участниками противоборства Гражданской войны в России.

На основе широкого круга источников сделан общий вывод о том, что либеральные порядки в армии ускорили ход «автономизации» Чехословацкого корпуса, дав свободу младшим офицерам, ставшим главной движущей силой Чехословацкого мятежа. В свою очередь, создание национального государства и окончание Первой мировой войны привели к необходимости борьбы с излишней демократизацией в армии, хронологически совпадавшей с отводом частей корпуса в тыл Белой Сибири.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус, Февральская революция, Великая российская революция, интервенция, чехи, словаки, Чехословацкий национальный совет, Русская армия

Для цитирования: Васильченко М. А. Чехословацкий корпус и рудименты преобразований Февральской революции. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 63—69. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-63-69>. EDN: COMYRC.

© Васильченко М. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

CZECHOSLOVAK CORPS AND THE RUDIMENTS OF THE FEBRUARY REVOLUTION TRANSFORMATIONS

М. А. Vasilchenko

Synergy University, Leningradskiy Ave., 80 B, bld. 5, Moscow, 125190, Russia

 Maks-vasilchenko@mail.ru

The article analyses the impact of the Provisional Government's reforms on Czech and Slovak military units within the Russian Army. It compares the complex legal norms that democratised military service and those that conflicted with the need to maintain military discipline to achieve the primary goal of creating a national state.

The research's methodological component is a synthesis of historical-genetic and comparative historical methods. Therefore, it allows tracing the relations between the evolution of ideological views in the national Slavic military units of the Russian Army and changes in global politics, as well as the impact of these processes on the military discipline of Czechs and Slovaks, who became participants in the Russian Civil War.

Based on a wide range of sources, the author concludes that liberal military practices accelerate the "automatization" of the Czechoslovak Corps, giving freedom to junior officers who became the main driving force of the Czechoslovak rebellion. In turn, the creation of a national state and the end of the First World War led to the need to combat excessive democratization in the army, which chronologically coincided with the withdrawal of parts of the corps to the rear of white Siberia.

Keywords: Czechoslovak Corps, February Revolution, Great Russian Revolution, intervention, Czechs, Slovaks, Czechoslovak National Council, Russian Army

For citation: Vasilchenko M. A. Czechoslovak Corps and the rudiments of the February Revolution transformations. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):63–69. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-63-69>. EDN: COMYRC. (In Russ.).

© Vasilchenko M. A., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

События Великой российской революции необходимо параллельно рассматривать в нескольких ключевых измерениях: изменение политического строя; демократизация общественной жизни; разрушение экономических связей внутри страны; начало процесса трансформации государства. Важно отметить, что процесс демократизации негативно сказался на боеспособности Русской армии, в том числе задев и славянские воинские формирования, которые после прихода к власти Временного правительства получили возможность кратно увеличить свои ряды за счет военнопленных чехов, словаков, сербов и поляков.

В рамках настоящей статьи рассматривается комплекс внутренних процессов в Чехословацком корпусе, сформировавшийся к февралю 1917 г., который автор условно именует процессом «автономизация». Цель работы — рассмотреть влияние знаменитого приказа № 1 Петросовета на трансформацию горизонтальных отношений в чехословацких воинских формированиях в период с февраля 1917 г. по ноябрь 1918 г. в контексте процесса «автономизации». Для этого необходимо решить задачи исследования: проанализировать правовую основу приказа № 1; степень его влияния на национальные воинские части в России; выявить факторы сопротивления демократизации на основе сформировавшегося менталитета и чувства национального единства.

Критически осмыслив широкий архивный и отнюдь не недавно введенный в научный оборот документальный нарратив, автор выделяет роль самостоятельных демократических движений в период вооруженного выступления частей Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. При этом важно акцентировать внимание на пути борьбы с демократическими движениями в Чехословацком корпусе, окончательно оформившиеся к ноябрю 1918 г. В результате актуальность исследования обусловлена существующей научной лакуной в изучении истории чехословацкого мятежа с позиции внутренних процессов, которые в настоящее время успешно удается реконструировать благодаря наработкам современной российской археографии [1, 2].

В советской историографии основной упор при изучении истории национальных воинских формирований специалисты делали на проблемах политической истории и международных отношений, изучении военных операций. В начале 2010-х гг. взор исследователей был направлен на изучение локальных сюжетов и проблем микроистории, в том числе вопросов повседневности [3–5]. Сегодня интерес сместился в сторону изучения приемов мягкой силы — межконфессионального взаимодействия [6–9]. Вопрос о влиянии тех политических тенденций на армию рассматривался в отечественной

историографии в контексте революционных преобразований Временного правительства и традиционного представлялся в негативном ключе [10].

В настоящее время детальному анализу подвергаются проблемы взаимоотношений внутри лагеря интервентов и их отношение к перевороту в Омске 18 ноября 1918 г. Таким образом, можно выделить ряд работ Р. Г. Гагкуева [11, 12], позволяющих прояснить позицию генерала М. Жанена, изложенную в недавно опубликованном издании его воспоминаний [13].

В исследовании процесс демократизации и последующая минимизация его последствий для славянских частей в составе Русской армии рассматриваются как единый процесс в рамках концепции «автономизации», основные положения которой были раскрыты ранее на страницах диссертационной работы автора [14]. В рамках статьи «автономизация» видится как неотъемлемая часть демократических преобразований начального этапа Великой российской революции. При этом изучение внутренних процессов в аналитическом ключе соотносится с деятельностью Чехословацкого национального совета (ЧНС) в России сквозь призму биографии Богдана Павлу — одного из влиятельных представителей чешско-словацкого национального движения тех лет [15].

Основная часть

С момента своего возникновения в рядах Русской императорской армии национальные воинские формирования из этнических славян тяготели к независимости. Уже осенью 1914 г. Чешская дружина, созданная из обрусевших чехов, провозгласила духовную преемственность с Гуситским движением. Сама по себе опора на героев Нового времени стимулировала идею национального единства и не несла угрозы монархическим воззрениям значительной части пророссийски настроенных чехов. Царское правительство аналогично не могло расценивать чешских героев прошлого как идеологическую интервенцию, направленную на размытие принципов самодержавия. Однако этот факт дал возможность для формирования мягкой силы, которая привела к «автономизации» чешских воинских формирований по мере ухудшения положения на фронте Первой мировой войны и разложения в тылу.

«Автономизации» способствовали такие процессы, как рекрутирование чехов и словаков из лагерей военнопленных, а также усиление позиций Чехословацкого национального совета, сторонники которого добились признания верховенства Т. Г. Масарика в 1915 г. Важной вехой в развитии национального самосознания стали события Великой российской революции. В частности, свержение монархии и демократизация армии

укрепили веру военных и политических лидеров Чехословацкого национального совета в необходимости превращения чешских воинских частей в ядро будущей армии в условиях разложения фронта и тыла. Благодаря взаимодействию Т. Г. Масарика и П. Н. Милюкова удалось увеличить численность воинских формирований, создать Чехословацкий корпус как единую, относительно монолитную систему управления, скрепленную доминирующей национальной идеей.

Основные тенденции демократизации

Приказ № 1 Петроградского совета предусматривал создание выборных солдатских комитетов, имевших право контроля над оружием. Все исследователи указанного документа определяли его как важнейший инструмент для подрыва боеспособности Русской императорской армии. Для Чехословацкого корпуса демократизация армии совпала с процессом укрупнения составлявших его частей. На все вновь сформированные воинские части распространялось действующее законодательство, в том числе и создание комитетов. Несмотря на поддержку Февральской революции, эти нововведения были встречены руководством ЧСНС с опасением. Отделение Чехословацкого национального совета в России предпринимает ряд мер по сохранению системы командования. Подавляющее большинство руководителей отделения ЧСНС отстаивало позицию необходимости создания национального государства с опорой на Чехословацкий корпус в России при ведущей роли Антанты.

Солдаты и офицеры корпуса существовали не изолированно от других воинских частей, поэтому отделение ЧСНС выпускает 16 октября 1917 г. директиву по вопросу вступления военнослужащих в военные комитеты, о том, как должны действовать члены военных комитетов. В документе говорилось, что в случае призывов чехов вступить в состав русских военных комитетов, необходимо уклоняться от участия, если в составе комитетов были противники вступления чехов, если же чехи уже вошли в состав комитетов, то «воздержаться в них от любых действий по политическим вопросам» [1, с. 851–852].

Вероятность создания военных союзов и демократизация армии создала возможности разработки правового положения солдат корпуса. Они имели усеченные права. В отличие от солдат Русской армии, чехи лишались активного и пассивного избирательного права, при этом отказ от возможности голосовать сохранялся и после ухода со службы. Однако они имели право на получение гражданства России. Несмотря на данное правовое неравенство, члены их семей обладали равными правами с родными других солдат. В 7-м пункте говорилось об ограниченности данного права до момента перемены подданства [1, с. 853]. Этот пункт давал возможность для правового манёвра в случае перехода Чехословацкого корпуса под юрисдикцию стран Антанты.

Кроме официальных резолюций, разъясняющих позицию руководства Чехословацкого совета, не менее активным было и низовое движение солдат и младших офицеров. Личный состав корпуса рассматривал свою борьбу как проявление национальной революции. Именно ради нее они были готовы пресекать «любое вовлечение партийной политики в свои ряды». В этом они видят «опасность раздвоения нашего революционного движения» [2,

с. 855–856]. Под «раздвоением движения» чехословацкие legionеры понимали появление социалистических фракций. Этот тезис активно формировался в публичном дискурсе. Сегодня концепция «двух революций» нашла свое отражение в работах петербургского историка А. М. Захарова [16, 17].

Программа Т. Г. Масарика была изложена в его директиве по Чехословацкому корпусу от 14 ноября 1917 г., именовавшейся «На период нынешнего кризиса». Цель данного документа сводилась к двум основным положениям: как вести себя в настоящем кризисе и как обеспечить корпус и пленных. В отношении большевиков Т. Г. Масарик предлагал руководствоваться формулой: «мы не должны их провоцировать, чтобы они со своей стороны не чинили нам препятствий в нашей работе». Он также видел свою первостепенную задачу по созданию устойчивых дипломатических отношений с украинцами, которые, по его мнению, «сейчас окрепли» [1, с. 877]. Стоит отметить, что в период к концу 1917 г. разворачивается планомерная политическая, дипломатическая и идеологическая борьба за сохранение боеспособности и политической благонадежности Чехословацкого корпуса, определяющую роль в которой играли самодеятельные организации.

Роль самодеятельных организаций в вооруженном выступлении

Переход ко второму периоду Великой российской революции, усиление противоречий между большевиками, взявшими власть путем свержения Временного правительства, выход России из войны по итогам Брест-Литовского мира, угроза насильственного разоружения и интернирования личного состава Чехословацкого корпуса окончательно определили вектор на деятельность исходя из национальных интересов.

События мая 1918 г., получившие в отечественной историографии Чехословацкий мятеж, представляли собой совокупность действий, мотивированных как внешней угрозой разоружения, так и комплексом внутренних причин, в том числе и бытового характера [4]. Следствием указанного события стала иностранная интервенция, которая привела, как отмечает новосибирский историк М. В. Шиловский, к «насыщению городов Транссибирской магистрали иностранными военными» [18, с. 156].

Демократические тенденции, созданные в период 1917 г., позволили сформировать прочные горизонтальные связи и образовать в ходе Челябинского съезда Временный исполнительный комитет, взявший на себя всю полноту власти. Именно система комитетов позволила провести выборы и выдвинуть самых активных младших офицеров в качестве делегатов съезда. В ходе работы съезда был создан Временный исполнительный комитет чехословацких войск, которому передавалось руководство вооруженным выступлением. Командование воинскими частями было поручено Военному совету в составе подполковника С. Н. Войцеховского, поручика С. Чечека и капитана Р. Гайды. Съезд санкционировал дальнейшую эскалацию конфликта.

По его решению московский комитет был дезавуирован, и его решения утратили законную силу, а вся полнота власти перешла к съезду.

Вместе с тем стоит упомянуть о том, что комитеты имели ограниченные полномочия. Несмотря на формирование корпоративного братства на основе традиций прошлого, внутри Чехословацкого

корпуса сохранилась существовавшая ранее система воинского чиновпроизводства и механизм командования прежней армии. Комитеты сыграли тогда важную роль в процессе перехвата власти у официальных органов, арестованных большевиками, но стали преградой на пути формирования национальной армии.

От демократизации к централизации

28 октября 1918 г. завершилась национальная борьба за свободу чешских и словацких земель провозглашением независимости государства Чехословакия. За две недели до этого события — 14 октября 1918 г. — Чехословацкий национальный совет, признанный правительствами стран Антанты в качестве законного исполнительного органа, был преобразован во временное правительство. В связи с этим Чехословацкий национальный совет и его отделение для России были упразднены.

Любопытно, что формирование институтов чешской государственности хронологически совпало с установлением на белом востоке России диктатуры адмирала А. В. Колчака. Те события, произошедшие в Омске в конце ноября 1918 г., были встречены негативно как демократически настроенными лидерами будущего государства, так и солдатской массой, в среде которой усилились антивоенные настроения. Британский военно-политический деятель и мемуарист Дж. Уорд отмечал по этому поводу следующее: «Чехи только что отпраздновали начало своего национального республиканского правительства и были естественно охвачены обычными делами в духе свободы, равенства и братства; поэтому нельзя было ожидать, чтобы они отнеслись с равнодушием к установлению диктатуры. Враждебная позиция, с которой встретила русская фракция Чешского национального совета в Екатеринбурге и Челябинске принятие Колчаком верховной власти, является лучшим доказательством этого» [19, с. 82].

После отвода Чехословацкого корпуса в тыл среди руководства бывшего ЧСНС усиливается позиция сторонников эвакуации солдат и офицеров в Чехословакию. В 1919 г. вопрос о участии в интервенции на востоке России Чехословацкого корпуса становится первостепенным. Этому способствовало завершение Первой мировой войны и строительство национальной государственности, для которой Чехословацкий корпус, находившийся далеко за пределами родины, представлял собой ядро будущей армии [9].

Важным звеном инкорпорирования Чехословацкого корпуса в вооруженные силы нового государства стала борьба с проявлениями партизанщины и многоначалия в корпусе. Предполагалась реорганизация корпуса. Ее начало было ознаменовано прибытием в Россию М. Р. Штефанека. Об этом в начале ноября 1918 г. писал начальник штаба Чехословацкого корпуса генерал-лейтенант М. К. Дитерихс в телеграмме полковнику Д. А. Лебедеву, в частности, полагая что «он [корпус] должен будет совершенно реорганизоваться, дабы освободиться от комитетских, комиссарских и прочих совдеповских начал, допущенных при поддерживаемых Национальным советом» [2, с. 504]. Предполагалось удалить Национальный совет во Владивосток и «изъять из полков всей совдепии». Таким образом, запрещая демократические начала, руководство корпуса самостоятельно шло по пути реакции, ликвидируя демократические свободы.

В период существования Временного сибирского правительства между ним и Национальным советом, а после между Директорией и Национальным советом, было заключено соглашение «в отношении особых прав и положения генерала Сырового», который не подчинялся Верховному главнокомандованию и был самостоятельным главнокомандующим.

Следующий виток борьбы с последствиями Февральской революции был связан с переворотом в Омске. Казалось бы, чехи выступили как противники А. В. Колчака и с позиции носителей духа демократии осудили низложение Директории. Однако конец ноября 1918 г. был связан с комплексом документов, усиливавших внутреннюю дисциплину в рядах корпуса. Отделение ЧСНС осудило омские события и действия А. В. Колчака. Чешские политики надеялись, что кризис власти, созданный арестом членов демократического правительства, будет разрешен законным путем [2, с. 513]. 20 ноября 1918 г. Я. Сыровый издал приказ, запрещающий любую агитацию, пропаганду, а также политические распоряжения и воззвания внутреннего характера, «могущие повлиять на стойкость и сплочённость войск к выполнению прямой боевой деятельности фронта...» [2, с. 512].

Не только опасность идеологического разложения имела место быть, но и моральная усталость войск. Самым ярким примером неповиновения был отказ солдат на Поволжском фронте идти в бой, ставший поводом для самоубийства полковника Й. Швеца на станции Аксаково 25 октября 1918 г. Октябрь-ноябрь 1918 г. стал переломным периодом в отношении чехов и словаков к Гражданской войне в России. Главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерал М. Жанен отмечал общее ухудшение морального состояния вверенных ему войск: солдаты жалуются на то, что получают пустые обещания, что союзники, очевидно, не воюют с большевиками и представляют им одним это делать [2, с. 511].

Как позднее отмечал один из участников событий, руководителей Чехословацкого корпуса доктор Й. Куделя, «политические взгляды Жанена и, возможно, даже более того, его воспитание и традиции французского офицера» не позволили ему в полной мере понять «внутренние брожения» и другие «странные явления» в чехословацких войсках в Сибири» [11, с. 33].

Вопрос о снижении дисциплины стоял крайне остро. Так, в своей работе уральский историк Д. В. Саддугеев отмечает, что «с фронта из-за отказа воевать отозваны 4-й и 9-й полки, и в ближайшее время будут отведены в тыл 1-й и 2-й. Солдаты так устали, обессилены, упали духом, что «дисциплина полностью пала и парни поддаются дезорганизующим и провокационным воздействиям» [20].

Стоит отметить, что осенью 1918 г. большевики не отменили комитеты, но усилили партийный контроль. Еще 6 апреля 1918 г. было опубликовано положение «О военных комиссарах, членах военных советов». В нём указывалось, что военные комиссары являются непосредственным «политическим органом Советской власти при армии». Это знаменовало переход от партизанского этапа к строительству РККА. В Чехословацком корпусе комитеты, как пережиток, сохранялись и к началу 1919 г.

В рапорте командира 4-го Чехословацкого стрелкового полка им. Прокопа Великого подполковника М. Жака в Министерство национальной обороны Чехословацкой Республики о необходимости немед-

ленного роспуска всех гражданских учреждений в армии от 9 января 1919 г. отмечалось, что «наша чехословацкая армия в России является последним войском во всем мире, в котором сохранились комитетские учреждения» [2, с. 565].

Отношение солдатской массы к работе комитетов было тоже неоднородным. Часть рядовых, симпатизировавшая социалистам и большевикам, смогла покинуть ряды корпуса еще весной 1918 г. Большая часть солдат придерживалась национальных идей. На сторону красных перешло не более 150 человек.

К началу 1919 г. по свидетельству М. Жака, более половины солдат было негативно настроено к комитетам. Работа в комитетах существенно снижала боеспособность и, по мнению командования корпуса, являлась завесой «их трусости и боевой неохоты, другим — как удобное и безопасное житье. Статистика этих учреждений говорит нам о том, как ими много и бесцельно увеличивается количество нерядовых».

Офицерский корпус выступал за ликвидацию Отделения ЧСНС. «В результате его ликвидации исчезает и правомерность существования его политических органов в частях. Донесения так называемого гражданства в военных частях съездом и военными учреждениями, внедренные в нашей чехословацкой армии, принципиально не соответствуют основным понятиям каждой военной организации», — отмечал в рапорте М. Жак [2, с. 566]. Формально, сам главный орган — Чехословацкий национальный совет был официально ликвидирован в ноябре 1918 г. в связи с провозглашением независимости. Как отмечал упомянутый выше историограф проблемы А. М. Захаров: «К концу Гражданской войны стало очевидно: две разные революции, встретившись на территории России, разошлись — каждая своим путем, — а попытки использовать иностранцев, поверивших в них, в своих узко российских целях, обречены» [21, с. 189; 18, с. 471].

Выводы и дискуссия

События Февральской революции применительно к ситуации в Русской армии стали не только катализатором разложения таковой, но и создали ряд правовых возможностей для роста чешских воинских формирований в России и включения их в политические процессы. Необходимость сохранения лояльности Временного правительства заставила руководство Отделения ЧСНС подчиняться приказу № 1 Петросовета, но затем строительство чехословацких национальных вооруженных сил привело к отказу от демократических институтов в Чехословацком корпусе. Важно помнить, что Красная Армия, также отошедшая от комитетов, обладала возможностями пополнения личным составом за счет интернационалистов и крестьян, а Чехословацкий корпус имел лишь весьма ограниченный ресурс для комплектования в виде этнических чехов — военнопленных и чехов-колонистов.

Демократизация Чехословацкого корпуса, как и всей бывшей «старой» армии, была созвучна главной цели чешского и словацкого национального движения — курсу на создание независимого демократического республиканского государства с равными гражданскими правами для каждого из народов. По этой причине чешские и словацкие политические верхи и личный состав корпуса приветствовали Февральскую революцию. Крах российской монархии позволил увеличить численность Чехо-

словацкого корпуса, куда вошли и военнопленные с более радикальными воззрениями. Дальнейшее развитие демократизации могло вести к усилению анархического движения в условиях материальной нестабильности и моральной усталости личного состава корпуса. Потеря контроля здесь грозила слабостью геополитической роли послевоенной Чехословакии. С падением империи Габсбургов в условиях Гражданской войны в России в рядах Чехословацкого корпуса вызрела идея о борьбе за сохранение своей внутренней организации, что вылилось в подавление протестных настроений среди личного состава.

Уточнив аспекты демократических тенденций внутри Чехословацкого корпуса в условиях Великой российской революции, отметим неоднородность и противоречивость взаимодействия политического руководства и личного состава. Вместе с тем исследование подтверждает необходимость дальнейшего изучения обозначенной проблематики. В частности, расширению представлений об идеологических воззрениях чинов Чехословацкого корпуса поможет дальнейшее привлечение эго-документов, сочетаемое с наработками в формате локальной истории

Список источников / References

1. Чешко-словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешко-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. Москва: Новалис, 2013. 1048 с. ISBN 978-5-90229-139-8.
Cheshko-slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus 1914–1920. Dokumenty i materialy. Vol. 1. Cheshko-slovatskiye voinskiye formirovaniya v Rossii. 1914–1917 gg. Moscow, 2013. 1048 p. ISBN 978-5-90229-139-8. (In Russ.).
2. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. Москва: Кучково поле, 2018. 1024 с. ISBN 978-5-9950-0934-4.
Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy. Vol. 2. Chekhoslovatskiye legiony i Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1918-1920 gg. Moscow, 2018. 1024 p. ISBN 978-5-9950-0934-4. (In Russ.).
3. Муратов А., Муратова Д. Судьбы чехов в России, XX век. Путь от Киева до Владивостока. Прага: Русская традиция, 2012. 343 с. ISBN 978-80-905145-2-2. EDN: QPXDRZ.
Muratov A., Muratova D. Sud'by chekhov v Rossii, XX vek. Put' ot Kiyeva do Vladivostoka. Prague, 2012. 343 p. ISBN 978-80-905145-2-2. EDN: QPXDRZ. (In Russ.).
4. Васильченко М. А. Повседневность солдат Чехословацкого корпуса в марте-мае 1918 г. как фактор антибольшевистского мятежа // Клио. 2013. № 1(73). С. 93–95. EDN: PUTNGL.
Vasilchenko M. A. Daily life of soldiers of the Czechoslovaks' corps in march-may 1918, as a factor in the anti-bolshevik uprising. *Klio*. 2013;1(73):93–95. EDN: PUTNGL. (In Russ.).
5. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918–декабрь 1919 гг.): монография. Омск: АМФОР, 2023. 420 с. ISBN 978-5-6049365-6-6. EDN: WDKDWY.
Stel'mak M. M. The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918–December 1919). Omsk, 2023. 420 p. ISBN 978-5-6049365-6-6. EDN: WDKDWY. (In Russ.).
6. Назырова В. В., Петин Д. И. «В славные дни нашего освобождения»: освещение годовщины выступления Чехословацкого корпуса в прессе Белой Сибири // Исторический вестник. 2024. № 47. С. 160–183. <https://doi.org/10.35549/HR.2024.2024.47.005>. EDN: EEAXAB.

Nazyrova V. V., Petin D. I. "In the glorious days of our liberation": Coverage of the anniversary of the performance of the Czechoslovak corps in the press of White Siberia. *The Historical Reporter*. 2024;47:160–183. <https://doi.org/10.35549/HR.2024.2024.47.005>. EDN: EEAXAB. (In Russ.).

7. Сушко А. В., Петин Д. И. Обращение чехов в православие в Омске: духовность, идеология, быт (1916–1919 гг.) // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 597–610. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-2-597-610>. EDN: MDEJQW.

Sushko A. V., Petin D. I. Conversion of the Czechs to Orthodoxy in Omsk: Spirituality, ideology, everyday life: 1916–1919. *Herald of an Archivist*. 2022;2:597–610. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-2-597-610>. EDN: MDEJQW. (In Russ.).

8. Сушко А. В., Петин Д. И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 103. С. 78–98. <https://doi.org/10.15382/sturII2021103.78-98>. EDN: PLLUWY.

Sushko A. V., Petin D. I. Conversion into Orthodoxy of Slavonic prisoners of war in Omsk (1915–1917). *St. Tikhon's University Review. Series II: History; History of Russian Orthodox Church*. 2021;103:78–98. <https://doi.org/10.15382/sturII2021103.78-98>. EDN: PLLUWY. (In Russ.).

9. Горохова М. Е. Роль «белочехов» в создании имиджа Чехословацкого государства в новом идеологическом пространстве России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 3. С. 89–100. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-3-89-100>. EDN: WRONCV.

Gorokhova M. E. The role of the "Belochekhs (White Czechs)" in creating the image of the Czechoslovak state in the new ideological space of Russia. *RGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. 2020;3:89–100. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-3-89-100>. EDN: WRONCV. (In Russ.).

10. Гребенкин И. Н. Разложение Российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3(11). С. 145–161. EDN: TGIACJ.

Grebenkin I. N. Decay of Russian army in 1917: Factors and actors. *Modern History of Russia*. 2014;3(11):145–161. EDN: TGIACJ. (In Russ.).

11. Гагкуев Р. Г. Реакция русской эмиграции и чехословацких легионеров на публикацию дневников и воспоминаний французского генерала М. Жанена // Новое прошлое. 2024. № 2. С. 24–43. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-2-24-43>. EDN: ONPIGE.

Gagkuev R. G. Reaction of the Russian emigration and Czechoslovak legionnaires to the publication of the diaries and memoirs of French General M. Janin. *The New Past*. 2024;2:24–43. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-2-24-43>. EDN: ONPIGE. (In Russ.).

12. Гагкуев Р. Г. Адмирал А. В. Колчак и генерал М. Жанен: взаимоотношения верховного правителя России и главнокомандующего войсками Антанты в Сибири // Российская история. 2025. № 1. С. 127–137. <https://doi.org/10.31857/S2949124X25010091>. EDN: AISBXC.

Gagkuev R. G. Admiral A. V. Kolchak and General M. Zhanen: the relationship between the Supreme Ruler of Russia and the Commander-in-Chief of the Entente forces in Siberia. *Rossiyskaya Istoriya*. 2025;1:127–137. <https://doi.org/10.31857/S2949124X25010091>. EDN: AISBXC. (In Russ.).

13. Жанен М. С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг.: Воспоминания, дневники, статьи. Москва: Кучково Поле Музеон, Воевода, 2023. 896 с. ISBN 978-5-907589-54-4. EDN: YRMPWI.

Zhanen M. On a mission to warring Russia. 1916–1917. My mission is in Siberia. 1918–1920: Memoirs, diaries, articles. Moscow, 2023. 896 p. ISBN 978-5-907589-54-4. EDN: YRMPWI. (In Russ.).

14. Васильченко М. А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2014. 211 с. EDN: QCKKTC.

Vasilchenko M. A. Chekhoslovatskiy korpus na territorii Povolzh'ya v 1918 g.: ot neytraliteta k uchastiyu v Grazhdanskoj vojne. Saratov, 2014. 211 s. EDN: QCKKTC. (In Russ.).

15. Васильченко М. А., Вацулик Я. Богдан Павлу и его деятельность в России (1915–1919 гг.) // Научный диалог. 2021. № 6. С. 347–360. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-347-360>. EDN: YRCXJZ.

Vasilchenko M. A., Vatsulik Ya. Bogdan Pavlou and his activities in Russia (1915–1919). *Nauchnyi Dialog*. 2021;6:347–360. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-347-360>. EDN: YRCXJZ. (In Russ.).

16. Захаров А. М. Славянские вооруженные формирования в России (1917–1920 гг.): «встреча революций» или «проданный корпус»? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1(19). С. 76–78. EDN: OWYYRN.

Zakharov A. M. Slavic armed groups in Russia (1917–1920): Meeting of revolutions or sold corps? *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2012;5-1(19):76–78. EDN: OWYYRN. (In Russ.).

17. Захаров А. М. «Двоюродные братья»: Славянские добровольческие формирования в России. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 495 с. ISBN 978-5-8064-2609-4. EDN: SKODYS.

Zakharov A. M. «Dvoyurodnyye brat'ya»: Slavyanskiye dobrovol'cheskiye formirovaniya v Rossii. Saint Petersburg, 2019. 495 p. ISBN 978-5-8064-2609-4. EDN: SKODYS. (In Russ.).

18. Шиловский М. В. Интервенция в Сибири: роль и масштабы (1918–1922 гг.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2(23). С. 154–157. EDN: PWXXWQ.

Shilovskiy M. V. Intervention in Siberia: Its role and scale (1918–1922). *Gumanitarnyye Problemy Voen'nogo Dela*. 2020;2(23):154–157. EDN: PWXXWQ. (In Russ.).

19. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. (записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда). Москва: Петроград, 1923. 172 с.

Uord D. Soyuznaya interventsia v Sibiri 1918–1919 gg. (zapiski nachal'nika angliyskogo ekspeditsionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda). Moscow, 1923. 172 p. (In Russ.).

20. Салдугеев Д. В. К вопросу о моральном разложении (состоянии) Чехословацкого корпуса в годы Гражданской войны в России // Наука ЮУрГУ: материалы 68-й научной конференции. Челябинск: ЮУрГУ, 2016. С. 1441–1449. EDN: WNCGVP.

Saldugeyev D. V. On the issue of moral decay (condition) the Czechoslovak Corps during the Russian Civil War. *Nauka YuUrGU. Chelyabinsk*, 2016. P. 1441–1449. EDN: WNCGVP. (In Russ.).

21. Пученков А. С. В борьбе за обретение национальной государственности // Известия лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, № 4. С. 186–190. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-186-190>. EDN: GIEGBR.

Puchenkov A. S. In the struggle for the acquisition of national statehood. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2022;18(4):186–190. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-186-190>. EDN: GIEGBR. (In Russ.).

Информация об авторе:

ВАСИЛЬЧЕНКО Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Фундаментальные юридические и социально-гуманитарные дисциплины» Московского университета «Синергия», г. Москва.

SPIN-код: 9022-4616

AuthorID (РИНЦ): 1073397

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6588-5650>
e-mail: Maks-vasilchenko@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Information about the author:

VASILCHENKO Maxim Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate

Professor of the Fundamental Legal and Social-Humanities Disciplines Department, Synergy University, Moscow.

SPIN-code: 9022-4616

AuthorID (RSCI): 1073397

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6588-5650>

e-mail: Maks-vasilchenko@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 30.03.2026.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ОФИЦЕРОВ ИЗ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОСТАВЕ СИБИРСКИХ СРЕЛКОВЫХ ПОЛКОВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. В. Канищев

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
Россия, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Статья посвящена изучению основных социально-профессиональных и семейно-демографических показателей офицеров, представлявших Тамбовскую губернию в Сибирских стрелковых полках в преддверии Первой мировой войны, и их жизненных траекторий в ходе нее. Основой исследования стали довоенные неопубликованные источники по личному составу указанных воинских формирований, а также документы военного ведомства периода Первой мировой войны, связанные с учетом потерь и наградений офицеров, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Методологический блок работы представлен сочетанием просопографии и микроистории, что позволяет достичь цели исследования — выявить и проанализировать общие черты и частные нюансы в биографиях конкретной выборки офицеров.

По итогам исследования на примере малых офицерских групп появляется возможность дальнейшего анализа офицерского корпуса в масштабах родов войск, военных учебных заведений, округов и армии в целом. Кроме того, сочетание данных методов позволяет отойти от некоторых стереотипов, сформировавшихся в отношении офицерства дореволюционной России в советской и отчасти в современной российской исторической науке и взглянуть на проблему с сугубо научной точки зрения.

Ключевые слова: офицерство, Тамбовская губерния, Русская императорская армия, Сибирские стрелковые полки, социально-профессиональные характеристики, семейно-демографические показатели, Первая мировая война, просопография

Для цитирования: Канищев В. В. Коллективный портрет офицеров из Тамбовской губернии в составе Сибирских стрелковых полков накануне и в годы Первой мировой войны. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 70–77. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-70-77>. EDN: DWXEQZ.

© Канищев В. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

COLLECTIVE PORTRAIT OF OFFICERS FROM THE TAMBOV PROVINCE IN THE SIBERIAN RIFLE REGIMENTS ON THE EVE OF AND DURING THE FIRST WORLD WAR

V. V. Kanishchev

Derzhavin Tambov State University,
Internatsionalnaya St., 33, Tambov, 392036, Russia

 kan-vladimir-tamb@yandex.ru

The article is devoted to the study of the main socio-professional and family and demographic indicators of officers from the Tambov province in the Siberian Rifle Regiments on the eve of the First World War and their life trajectories during the war. The research is based on pre-war unpublished sources on the personnel of these military units from the Russian State Military History Archive, as well as on documents from the Military Department of the First World War related to the registration of losses and awards for officers.

The methodological block is presented by a combination of prosopography and microhistory, which allows achieving the research's aim — to identify and analyse the common features and private nuances in the biographies of officers.

The author analyses the officer corps on the scale of branches of the armed forces, military educational institutions, districts and the army as a whole, basing on the research's results of small officer groups. Moreover, the methods, combination allows getting out of some stereotypes about officers of pre-revolutionary Russia in Soviet and modern Russian historical science, as well as considering the problem from another scientific point of view.

Keywords: officers, Tambov province, Russian Imperial Army, Siberian Rifle Regiments, socio-professional features, family and demographic indicators, World War I, prosopography

For citation: Kanishchev V. V. Collective portrait of officers from the Tambov province in the Siberian Rifle Regiments on the eve of and during the First World War. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):70–77. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-70-77>. EDN: DWXEQZ. (In Russ.).

© Kanishchev V. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Военные формирования из Сибири всегда были на особом счету в армии Российской империи, Вооруженных силах Советского Союза и современной России, пользуясь уважением со стороны командования самого высокого уровня. Это обуславливалось морально-психологическими качествами, выучкой и стойкостью воинов-сибиряков — качествами, транслировавшимися сквозь поколения [1, 2]. Стоит помнить, что ключевой вклад в работу в данном вопросе традиционно вносит офицерский состав. Здесь необходимо подчеркнуть, что, несмотря на формальное «региональное наименование» полков, далеко не все их офицеры являлись сибиряками. Однако и они, следуя особому корпоративному духу, впитывали традиции сибирских воинских формирований.

В этом отношении видится актуальным обращение к анализу командного состава Сибирских стрелковых полков (ССП) на последнем этапе существования Российской империи — накануне и в годы Первой мировой войны — на примере представителей Тамбовской губернии. Стоит отметить, что комплексных работ по изучению социально-профессиональных характеристик офицеров в данных формированиях в настоящий момент практически нет. В отдельных трудах предпринимались попытки общего представления офицерского состава конкретного полка и социального состава нижних чинов одного из Сибирских запасных батальонов [3, 4]. Можно выделить работу О. В. Гефнер, в которой исследуется социальный статус и моральный облик офицерства русской армии на региональном уровне на материалах Западной Сибири [5].

Сформированные в самом начале 1910-х гг. стрелковые полки из Сибири играли существенную роль в период Первой мировой войны. Формирования принимали участие во многих крупных операциях на австро-германском фронте и снискали почет [6, 7]. Некоторые исследователи обращали внимание не только на общий ход событий, но и на нюансы, связанные с потерями, в том числе и в офицерском составе [8]. Тем не менее в этих работах практически отсутствуют или не используются детальные биографические данные.

Автором предпринимались попытки просопографического и микроисторического анализа пред-

ставителей офицерского корпуса в масштабах родов войск, учебных заведений и мест дислокации [9–11].

Методология и источники

Поскольку в советской исторической науке офицерство Русской императорской армии рассматривалось, как правило, с классовых позиций, в последние десятилетия потребовалось сформировать социальный портрет российского офицерства с более взвешенных позиций, а также дать оценку его профессиональным характеристикам в преддверии, в условиях и после Первой мировой войны. Данная проблема, определяемая на стыке военной и социальной истории, сегодня выделяется как самоценная [12, с. 177].

В решении подобного рода исследовательских задач на помощь специалистам приходит относительно молодой, но стремительно развивающийся метод просопографии. Одной из его особенностей является возможность изучать динамические изменения, которые происходят в определенный период времени с группой исследуемых объектов, обладающих хотя бы одной общей характеристикой [13]. Микроисторический подход позволяет нам анализировать жизненные траектории конкретных персонажей в контексте крупных исторических событий [14].

Все это соотносится со следствиями антропологического переворота в исторической науке и динамически набирающего обороты в течение текущих двух десятилетий военно-антропологического знания [15, 16].

Основу исследования составили неопубликованные документы Российского государственного военно-исторического архива, представленные полковыми списками по старшинству [17], в которых аккумулирована подробная информация о социально-профессиональных характеристиках изучаемой офицерской выборки по состоянию на 1914 г. Это данные о рождении, месте происхождения или приписки, сословно-профессиональный статус (многие офицеры данного периода предпочитали указывать род занятий отцов или их звания, а не сословное происхождение), уровень и место общего и военного образования, наличие боевого опыта и заслуженных наград, а также семейно-демографического положения. Избранный комплекс источников,

Таблица 1. Возраст офицеров
Table 1. Age of officers

Возрастной диапазон	Количество, чел.
50 лет и старше	4
40 лет и старше	8
30 лет и старше	10
20 лет и старше	15

Таблица 2. Сословно-профессиональное происхождение офицеров
Table 2. Class and professional origin of officers

Сословно-профессиональные группы	Количество, чел.
Из дворян	11
Из крестьян	9
Сын чиновника	7
Из мещан	4
Из офицерских детей	3
Из духовного сословия	1
Из купцов	1
Неизвестно	1

как видится, репрезентативен. Включая ключевые социальные характеристики, эти документы позволяют сформировать детализированную картину о представителях Тамбовской губернии, служивших офицерами в ССП.

Дальнейшая работа с архивными документами дала возможность установить характер службы в годы Первой мировой войны благодаря фондам, связанным с наградным делопроизводством [18], картотекой бюро учета потерь и особым делопроизводством по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий [19–21].

Стоит отметить, что с учетом неразберихи военного времени данные могли носить противоречивый характер. В случае возникновения подобных ситуаций приходилось сопоставлять данные всех обнаруженных по тому или иному офицеру документов.

Основная часть

Структурно исследование представляет собой анализ таблиц, в которых отражены основные социально-профессиональные и семейно-демографические показатели офицеров рассматриваемой выборки (37 чел.) в довоенное время и их состояние в условиях Первой мировой войны. Начнем с определения возрастных показателей офицеров. Исходя из полученных данных, были сформированы четыре группы возрастов (табл. 1).

Офицеров, «преодолевших» пятидесятилетний рубеж, оказалось значительно меньше представителей других возрастных групп. Самыми возрастными офицерами оказались полковник 16-го ССП К. А. Кашкадамов [22, л. 222 об. – 223] и подполковник 3-го ССП С. С. Вельяминов [23, л. 2 об. – 3], которым на начало 1914 г. исполнилось по 55 лет. Примерно равным получилось соотношение опытных офицеров в возрастном диапазоне за сорок и за тридцать лет соответственно. Самой большой группой оказались молодые офицеры до 30 лет. Сре-

Таблица 3. Общее образование офицеров
Table 3. General education of officers

Учреждения общего образования	Количество, чел.
Общей направленности	18
Военного профиля	9
Специализированные заведения	4
Домашнее	4
Духовного профиля	2

ди них наиболее молодыми являлись подпоручики С. Б. Фиксен из 17-го ССП [22, л. 331 об. – 332] и Б. А. Шехаев из 35-го ССП [24, л. 23 об. – 24], которые к январю 1914 г. достигли 21-летнего возраста.

Можно сказать, что сочетание молодости и опыта было сбалансировано, хотя в данном случае это соотношение во многом можно считать случайным, так как мы изучаем группу офицеров из разных полков. Однако такой баланс действительно существовал в рамках большинства конкретных частей и армии в целом.

Большинство офицеров ССП, происходивших из Тамбовской губернии, были выходцами из дворянского и крестьянского сословий (табл. 2). Третьей по численности в данной выборке оказались дети чиновников. Выходцев из мещанского сословия и офицерских детей оказалось примерно поровну. Единственным представителем духовного сословия оказался капитан 28-го ССП Л. И. Волченский [22, л. 804 об. – 805], а купеческого — его сослуживец подпоручик И. А. Ивлев [22, л. 827 об. – 828]. У штабс-капитана 36-го ССП Ф. В. Сидорова сословно-профессиональное происхождение установить не удалось [25, л. 14 об. – 15].

По конфессиональной принадлежности 36 офицеров выборки оказались в лоне православия. Исключением оказался поручик 11-го ССП О. П. де-Струве, который был крещен по лютеранскому обряду [26, л. 124 об. – 125].

Довоенный образовательный уровень также имеет типичные для большинства офицеров того времени черты и в то же время не обделен колоритными нюансами (табл. 3).

Подавляющее большинство будущих офицеров-сибиряков окончили всевозможные уездные, городские и реальные училища, а также классические гимназии. На втором месте оказались выпускники военных прогимназий, гимназий, школ и кадетских корпусов. Особое внимание стоит обратить на офицеров, имевших за плечами гражданские специализированные учебные заведения. Так, выпускниками Козловского коммерческого училища (уездный город Тамбовской губернии) оказались поручик 14-го ССП А. М. Перемытов [22, л. 177 об. – 178] и подпоручик 25-го ССП В. Ф. Щербаков [22, л. 686 об. – 687]. Из стен лесной школы Романовского лесничества (Липецкий уезд Тамбовской губернии) был выпущен будущий офицер 42-го ССП П. Н. Чернов [27, л. 22 об. – 23], а поручик 28-го ССП Г. И. Тихонов получил образование в Воронежском железнодорожном техническом училище [22, л. 812 об. – 813].

Столько же будущих офицеров получили знания в домашних условиях. Причем стоит отметить, что происходили они не из привилегированного дворянского сословия, которое еще могло сохранять традиции домашнего образования. В частности,

Таблица 4. Военное образование офицеров
Table 4. Military education of officers

Учебное заведение	Количество, чел.
Чугуевское пехотное юнкерское училище	8
Казанское пехотное юнкерское/военное училище	7
Александровское военное училище	4
Тифлисское пехотное юнкерское/военное училище	4
Виленское пехотное юнкерское училище	3
Алексеевское военное училище	2
Одесское пехотное юнкерское училище	2
Павловское военное училище	2
2-е военное Константиновское училище	1
Военно-топографическое училище	1
Иркутское пехотное юнкерское училище	1
Киевское военное училище	1
Рижское пехотное юнкерское училище	1

на дому обучались происходивший из духовного сословия упомянутый ранее Л. И. Волченский [22, л. 804 об. — 805], крестьянские дети — подпоручики 13-го ССП П. А. Демин [22, л. 142 об. — 143] и 43-го ССП В. А. Ерохин [28, л. 32 об. — 33], а также мещанин М. П. Григорьев в чине капитана, представляющий в анализируемой группе 40-й ССП [29, л. 7 об. — 8].

Особенно хочется отметить образовательные «порывы» единственного инославного выборки — О. П. де-Струве, который после Моршанского реального училища обучался в Тарандской Королевской Саксонской лесной академии, а уже будучи офицером 11-го стрелкового полка во Владивостоке был зачислен слушателем местного института Восточных языков [26, л. 124 об. — 125].

Изучая офицерские когорты, сформированные по территориальному принципу, важно обращать внимание на географию оконченных военных учебных заведений (табл. 4). В исследовании [11], посвященном представителям Бессарабской губернии, в частях, находившихся на территории Воронежской и Тамбовской губерний, обращено внимание на повышенный уровень локальности данного показателя. Из 19 офицеров 11 окончили близлежащее училище в Одессе [11, с. 102].

Спектр училищ военного ведомства, которые окончили анализируемые офицеры, выглядит весьма колоритно. Очевидно, что популярные у представителей провинции военные учебные заведения в Чугуеве и Казани оказались востребованными и в нашей выборке. Вместе с тем есть примеры иных единичных заведений, оконченных офицерами-стрелками.

Престижное столичное 2-е военное Константиновское училище окончил полковник 23-го ССП (с октября 1913 г. переведен в 7-й ССП) В. Г. Радзминский [30, л. 2 об. — 3]. Также в столице в стенах военно-топографического училища обучался подполковник 24-го ССП Н. С. Новиков, окончивший позже Николаевскую академию Генерального штаба [31]. Юнкерское училище в Иркутске окончил и там же продолжил службу в 28-м ССП Г. К. Сер-

Таблица 5. Боевой опыт офицеров
Table 5. Combat experience of officers

Кампании и военные походы	Количество, чел.
Не принимали участия	20
Бухарский поход 1878 г., Русско-японская война 1904 — 1905 гг.	1
Китайский поход 1900 — 1901 гг., Русско-японская война 1904 — 1905 гг.	1
Русско-японская война 1904 — 1905 гг.	15

геев [22, л. 821 об. — 822]. В Киеве чин подпоручика получил и отправился в 1-й ССП Л. А. Островский [32, л. 25 об. — 26], а вот упомянутый среди ветеранов подполковник С. С. Вельяминов успел окончить Рижское пехотное юнкерское училище [23, л. 2 об. — 3], которое просуществовало всего 20 лет.

Интересным примером, достойный классическим традициям дворянства, может служить один из двух выпускников Павловского военного училища, будущий штабс-капитан 25-го ССП Б. В. Антипин, который окончил училище в 18 лет [22, л. 668 об. — 669], что является бесспорным свидетельством старых традиций раннего вступления в службу.

Стоит добавить, что с 1913 г. слушателем Николаевской академии Генерального штаба стал еще один представитель выборки, упомянутый выше А. М. Перемытов. Начало Первой мировой войны прервало образовательный процесс этого офицера, однако в 1917 г. он все же завершил академическое обучение [33].

Безусловно, основным показателем военного профессионализма считается боевой опыт, необходимый для подготовки личного состава и передачи навыков молодым командирам. В преддверии большой войны командный состав российской армии в большинстве своем не располагал подобным опытом (табл. 5).

Результаты, представленные в таблице, показывают весьма интересную картину. С одной стороны, при примерном равенстве показателей количество офицеров, не успевших повоевать, является несколько выше. Однако практически все они окончили училища после завершения войны. С другой стороны, высокий показатель людей, оказавшихся участниками войны с Японией, объясняется тем, что большинство из них уже несли службу в частях, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, которые в первую очередь отправлялись на театр военных действий и несли основные тяготы этой войны.

Стоит отметить несколько ярких примеров участия в «экзотических» походах. Задолго до войны с Японией К. А. Кашкадамов в 1878 г. участвовал в Бухарском походе [22, л. 222 об. — 223], а старший из братьев Шатиловых из 40-го ССП принял участие в Китайском походе 1900 — 1901 гг. [29, л. 2 об. — 3], в котором японцы выступали в роли союзников.

Военное ведомство в мирное время осуществляло процедуру награждения в офицерском корпусе довольно сдержанно. Исключением всегда были привилегированные гвардейские полки и части, расположенные в столице. В провинциальных гарнизонах офицерство годами выслуживало очередную награду. Это подтверждает и анализ выборки (табл. 6).

Таблица 6. Количество наград офицеров
Table 6. Number of officers' awards

Количество наград	Награжденные, чел.
6 наград	2
5 наград	4
3 награды	6
2 награды	2
1 награда	5
Нет наград	18

Таблица 7. Семейно-демографическое положение офицеров
Table 7. Family and demographic indicators of officers

Семейное положение	Количество, чел.
Женат	20
Холост	17
Количество детей	Количество, чел.
Трое детей	3
Двое детей	7
Один ребенок	7
Нет	20

Заслужившими наибольшее количество наград стали подполковники С. С. Вельяминов [23, л. 2 об. — 3] и И. И. Шатилов [29, л. 2 об. — 3], которые за годы службы шесть раз представлялись к наградам военного и мирного времени. Интересно будет добавить, что выслуга лет и участие в Бухарском походе и Русско-японской войне 1904–1905 гг. не позволили другому возрастному офицеру К. А. Кашкадамову заслужить больше трех наград [22, л. 222 об. — 223].

Количество женатых на 1914 г. офицеров немного превзошло тех, кто не вступил в брачные отношения (табл. 7). Анализ соотношения возраста и условий вступления в брак, существовавших для офицеров в дореволюционной России [34, с. 342–343], показал, что картина в целом представляется вполне определенной. Однако и здесь нашли свое отражение примеры, на которые мы обращаем отдельное внимание.

Так, из 17 холостых офицеров четверо не могли вступить в брак по возрастному цензу. Еще пять человек находились в «финансовом цензовом коридоре» между 23 и 28 годами и, возможно, имели стеснение в средствах. Двум офицерам к 1914 г. исполнилось по 28 лет и, скорее всего, они еще не успели воспользоваться возможностью построения семьи по неким иным обстоятельствам. Однако если в группе молодых все выглядело вполне закономерно, то нахождение «в поиске второй половины» еще шести офицеров трудно объяснить. Совершенно точно, что это не было связано с бюрократическими препонами. Самыми старыми холостяками были не раз упомянутый К. А. Кашкадамов — 55 лет [22, л. 222 об. — 223] и подполковник В. Л. Иванов из 19-го ССП — 52 года [22, л. 378 об. — 379].

Вполне логичным является обращение и к демографическим показателям, с которыми представители выборки подошли к 1914 г. Необходимо обратить внимание на обратный порядок цифр в соотношении женатые-холостые, с детьми и без. Это говорит о том, что у трех женатых офицеров

Таблица 8. Участие в Первой мировой войне офицеров
Table 8. Participation of officers in the First World War

Характер участия	Количество офицеров
Побывали на фронте	34
Служил в тылу	1
Находился в отставке	1
Неизвестно	1
Судьба (из побывавших на фронте)	Количество, чел.
Оставлен на поле боя	1
Выбыл по неизвестным причинам	1
Умерли от ран	2
Попали в плен	2
Остались целы	6
Получили ранения, перенесли болезни	22
Заслужили наград (из всей выборки)	Количество, чел.
5 наград	1
4 награды	5
3 награды	5
2 награды	8
1 награда	8
Нет сведений	10

к 1914 г. прибавления в семьях не случилось. Но если у молодых 26-летних поручиков из 16-го ССП В. В. Головина [22, л. 241 об. — 242] и Н. В. Лескова [22, л. 241 об. — 242] это, возможно, объяснялось материальным положением, достаточным лишь для заключения брака (они находились в «финансовом цензовом коридоре»), то у 43-летнего капитана 13-го ССП Н. С. Аргеландера [22, л. 126 об. — 127] причину установить сложно.

Интересным можно считать факт отсутствия явно многодетных отцов в данной выборке, хотя подобная тенденция отмечалась и в предыдущих исследованиях, на которые есть ссылки в данной работе. Нельзя исключать здесь и остававшейся еще весьма высокой смертности детей в возрасте до трех лет (вне зависимости от сословия), что закономерно накладывало отпечаток на показатель наличия детей у офицеров. Уточнение данного параметра крайне трудоемко, поскольку требует сплошного просмотра огромного и разнородного по территориальной принадлежности массива церковных метрических книг с целью выявления соответствующих актов записей.

Практически все офицеры изучаемой выборки оказались на фронтах Первой мировой войны (табл. 8). Исключение составили двое. К. А. Кашкадамов находился в отставке и, вероятно, не возвратился в строй даже в условиях мобилизации. А. Н. Луцкий с началом мобилизации был переведен из 13-го ССП в 1-й Сибирский стрелковый запасной полк, в котором числился до января 1916 г. с пометкой: «Прикомандирован к штабу Иркутского военного округа» [35, л. 3 об. — 4; 36, л. 9 об. — 10]. Судьбу поручика 16-го ССП Н. В. Лескова в годы войны установить не удалось.

Большинство офицеров в условиях фронта получило всевозможные ранения или заболевания, а два офицера пополнили статистику безвозвратных потерь, что говорит об активном участии Сибирских

стрелковых полков в боевых действиях. Точно установлено, что 27 сентября 1914 г. от ран скончался капитан 13-го ССП М. В. Туровцев [20, л. 223 об.], а 20 октября того же года также от ран умер подпоручик 28-го ССП И. А. Ивлев [21, л. 2 об. — 3].

Среди раненых хотелось бы сосредоточить внимание на ситуации, в которой оказался полковник 19-го ССП В. А. Иванов, который был «серьезно ранен 16.08.1917 в спину, обе руки и ноги осколками ручной гранаты английского образца, брошенной в его палатку около 4.30 часов утра неизвестным лицом (очевидно, кем-то из нижних чинов полка)» [37].

Стоит отметить, что в условиях войны количество вручения наград резко возрастало. В нашем случае самым ярким примером стал поручик (начинал подпоручиком) В. Ф. Щербаков из 25-го ССП, который был отмечен пятью боевыми орденами [38, л. 157 об.; 39, л. 533; 40, л. 501 об.; 41, л. 738 об.; 42, л. 441].

Выводы и дискуссия

Анализ социально-профессиональных характеристик и семейно-демографического состояния представителей Тамбовской губернии в офицерском составе Сибирских стрелковых полков подтвердил наличие общих и частных особенностей в подобных микровыборках.

Так, возрастные характеристики показали распространенное сочетание опытных и молодых офицеров, что являлось общей тенденцией по офицерскому корпусу после Русско-японской войны. Сословный состав также отразил повышение количества представителей недворянского сословия в офицерской среде, что было вполне характерно по армии в целом, не считая гвардии и кавалерии. Конфессиональное доминирование православных офицеров также не вызвало удивления.

Спектр образовательных учреждений гражданского уровня, которые оканчивали лица из анализируемой группы, продемонстрировал разнообразие направлений подготовки, а также их географической расположенности. От Псковской военной прогимназии, выпустившей С. С. Вельяминова [23, л. 2 об. — 3], до Севастопольского реального училища, которое окончил будущий офицер 15-го ССП Б. П. Гордиевский [43, л. 16 об. — 17]. Подчеркнем, что и в данной малой когорте оказался офицер (О. П. де-Струве), успевший попробовать свои силы в нескольких учреждениях, в том числе и высшего образования. Подобные примеры среди кадрового офицерства были не самым распространенным явлением. Многие ограничивались общим и военным образованием, что было типичным для офицеров, служивших в российской провинции в начале 1910-х гг. [44]. Как и в нашей выборке, большинство офицеров, не грезя перспективами каких-либо высоких должностей, поступать в военные академии не решалось.

На «семейном фронте» и в вопросах отцовства отмечается определенный паритет, каковой объясняется, в том числе, и не находящими ответа примерами.

С уровнем боевого опыта и количеством заслуженных к 1914 г. наград картина также оказалась вполне типичной. Упомянутое ранее омоложение офицерских кадров повышало процент «не нюхавших пороха» подпоручиков и поручиков. Тем не менее в нашем случае доля комбатантов также оказалась достаточно заметной, что объясняет тер-

риториальность данной выборки, приближенной к театру военных действий в 1904–1905 гг.

С началом Первой мировой войны большинство офицеров нашей выборки оказались на фронте. Их жизненные траектории оказались схожими с показателями офицерских судеб в масштабе армии в целом. Здесь были и погибшие, и попавшие в плен. Многочисленное количество раненых также свидетельствует об интенсивном использовании Сибирских стрелковых полков в многочисленных армейских операциях. Мужество и героизм героев нашего повествования выразился в количестве наград, которые офицеры в условиях войны получали значительно чаще, чем в мирное время.

В целом мы можем констатировать, что коллективный портрет представителей отдельно взятой губернии в конкретном роде войск оказался типичным по большинству рассматриваемых социально-профессиональных и семейно-демографических параметров. Наличие определенных оттенков, формируемых территориальным фактором расположения применительно к войне с Японией, нивелировалось в условиях Первой мировой войны, в которой большинство офицеров находилось в схожих условиях.

Важность проведенного исследования, на наш взгляд, достаточно существенна, хотя оно не позиционируется как некое окончательно завершенное. Это связано с тем, что практически сразу после революционного 1917 г. лица из изученной выборки, как и в массе представителей российского офицерства, оказались включенными в братоубийственное противостояние Гражданской войны в лагере каждой из противоборствовавших сторон. Как показывают новейшие наработки историографии [45, 46], комбатанты из офицеров, имевших связи с Сибирью (в том числе по служебной принадлежности) в начале 1920-х гг. массово оседали в крупных городах указанного макрорегиона, формируя прослойку советской интеллигенции и номенклатуры.

На основании высказанного тезиса полагаем, что соотносимые с иными аналогичными наработками в русле просопографии различные «территориальные фокусировки» в отношении офицерства сибирских формирований эпохи социальных катаклизмов могут дать выход на широкий круг вопросов военной и социальной истории, затрагивая как минимум первую четверть XX столетия.

Список источников / References

1. Сушко А. В. Историческая основа воспитания гордости за принадлежность к сибирским соединениям в годы Великой Отечественной войны // Наука и военная безопасность. 2024. № 4 (39). С. 70–78. EDN: OSCWSL.
2. Sushko A. V. The historical basis for fostering pride in belonging to the siberian formations during the Great Patriotic War. *Nauka i Voenennaya Bezopasnost'*. 2024;4(39):70–78. EDN: OSCWSL. (In Russ.).
3. Петин Д. И. Круглый стол «Сибирь в истории войн» в Новосибирске // Отечественные архивы. 2024. № 6. С. 124–125. EDN: BEVQCC.
4. Petin D. I. Kruglyy stol «Sibir' v istorii voyn» v Novosibirске. *Otechestvennyye arkhivy*. 2024;6:124–125. EDN: BEVQCC. (In Russ.).
5. Кунжаров Е. М. Офицерский состав 25-го Восточно-Сибирского стрелкового генерал-лейтенанта Кондратенко полка в 1908–1910 годах // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 3 (41). С. 100–102. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-100-102>. EDN: CAJGLC.

Kunzharov E. M. The officers of the 25th East Siberian Rifle Regiment named after Lieutenant-General Kondratenko in 1908-1910. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2020;3(41):100–102. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-100-102>. EDN: CAJGLC. (In Russ.).

4. Никулин Д. О. Социальный состав нижних чинов 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 20. С. 43–50. EDN: YRUUHV.

Nikulin D. O. The Social Structure of the Enlisted Personnel of the 38th Siberian Rifle Reserve Battalion during the Years of the First World War (1914–1917). *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya*. 2017;20:43–50. EDN: YRUUHV. (In Russ.).

5. Гефнер О. В. Моральный облик офицерства русской армии в конце XIX–начале XX в. (на материалах Западной Сибири) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3 (23). С. 91–96. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2019.3.91-96>. EDN: UIIAYZ.

Gefner O. V. The moral appearance of the officer ship of the Russian army at the end of the 19th–beginning of the 20th century (on the materials of the Western Siberia). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2019;3(23):91–96. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2019.3.91-96>. EDN: UIIAYZ. (In Russ.).

6. Новиков П. А. Сибирские стрелки в Первой мировой войне // Известия Алтайского университета. 2008. № 4-3 (60). С. 187–192. EDN: KXMQYJ.

Novikov P. A. Sibirskiye strelki v Pervoy mirovoy voyne. *Izvestiya Altayskogo Universiteta*. 2008;4-3(60):187–192. EDN: KXMQYJ. (In Russ.).

7. Олейников А. В. Позиционная война на севере — 3-я и 5-я Сибирские стрелковые дивизии в наступлении Северного фронта 8–9 июля 1916 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 1 (14). С. 86–81. EDN: VKURER.

Oleinikov A. V. Positional war on the north — 3rd and 5th Siberian rifle divisions in the offensive of the Northern front in July, 8-9, 1916. *Izvestiya Laboratorii Drevnikh Tekhnologiy*. 2015;1(14):86–81. EDN: VKURER. (In Russ.).

8. Каркотко А. Ю. Потери 4-го Сибирского армейского корпуса в Беларуси // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 4 (13). С. 73–90. EDN: VRAVKF.

Karkotko A. Yu. Losses in 4th Siberian military corps in Belarus'. *Izvestiya Laboratorii Drevnikh Tekhnologiy*. 2014;4(13):73–90. EDN: VRAVKF. (In Russ.).

9. Плужников А. Н., Канищев В. В. «...В передовых цепях и подвергаясь явной опасности». Тамбовские дворяне в гвардейских частях Русской Императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2025. № 4. С. 58–67. EDN: FPZGQE.

Pluzhnikov A. N., Kanishchev V. V. «...On the front lines and exposed to clear danger». Tambov noblemen in the guard units of the Russian Imperial Army on the eve of and during World War I. *Voyenno-Istoricheskiy Zhurnal*. 2025;4:58–67. EDN: FPZGQE. (In Russ.).

10. Канищев В. В., Плужников А. Н. Социально-профессиональный портрет офицерского состава академий Российской империи накануне Первой мировой войны: создание и анализ информационного ресурса // Историческая информатика. 2025. № 2 (52). С. 55–75. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2025.2.75021>. EDN: IPRELL.

Kanishchev V. V., Pluzhnikov A. N. Sotsial'no-professional'nyy portret ofitser'skogo sostava akademiy Rossiyskoy imperii nakanune Pervoy mirovoy voyny: sozdaniye i analiz informatsionnogo resursa. *Istoricheskaya Informatika*. 2025;2(52):55–75. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2025.2.75021>. EDN: IPRELL. (In Russ.).

11. Канищев В. В. Социально-профессиональный облик офицеров из Бессарабской губернии в провинциальных гарнизонах Воронежской и Тамбовской губерний накануне Пер-

вой мировой войны // Русин. 2025. № 79. С. 98–115. <https://doi.org/10.17223/18572685/79/4>. EDN: FCINDR.

Kanishchev V. V. The social and professional background of officers from Bessarabia serving in provincial garrisons of Voronezh and Tambov before World War I. *Rusin*. 2025;79:98–115. <https://doi.org/10.17223/18572685/79/4>. EDN: FCINDR. (In Russ.).

12. Машкевич С. В., Петин Д. И., Сушко А. В. Конференция о Гражданской войне на востоке России: международный научный диалог в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 1 (41). С. 175–180. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(1\).175-180](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180). EDN: EDPMOW.

Mashkevich S. V., Petin D. I., Sushko A. V. Conference on the Civil War in Eastern Russia: international scientific dialogue in Omsk. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2024;11(1):175–180. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(1\).175-180](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180). EDN: EDPMOW. (In Russ.).

13. Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1 (39). С. 1–51. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566>. EDN: OZDDBT.

Yumasheva Yu. Yu. Prosopografiya: k voprosu o periodizatsii primeneniya metoda v istoricheskikh issledovaniyakh. *Istoricheskaya Informatika*. 2022;1(39):1–51. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566>. EDN: OZDDBT. (In Russ.).

14. Гребенкин И. Н. Генерал-лейтенант В. А. Альфтан и его воспоминания // Новейшая история России. 2025. Т. 15, № 1. С. 86–104. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.106>. EDN: FSCPRV.

Grebenkin I. N. Lieutenant General V. A. Alfthan and His Memoirs. *Modern History of Russia*. 2025;15(1):86–104. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.106>. EDN: FSCPRV. (In Russ.).

15. Анфертьев И. А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россииведение. Общественные функции гуманитарных наук: сборник трудов конференции. Москва: РГГУ, 2011. С. 319–328. EDN: PDYAWF.

Anfert'yev I. A. Novyye napravleniya v sovremennoy otechestvennoy istoriografii. *Voyenno-istoricheskaya antropologiya: teoreticheskiye i mezhdistsiplinarnyye problemy novoy otrasli istoricheskoy nauki. Teoriya i Metodologiya Gumanitarnogo Znaniya. Rossiyevedeniye. Obshchestvennyye Funktsii Gumanitarnykh Nauk*. Moscow, 2011. P. 319–328. EDN: PDYAWF. (In Russ.).

16. Сенявская Е. С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43. EDN: KGMYGD.

Senyavskaya E. S. Man at war. The thorny path from military history to military anthropology. *The Historical Reporter*. 2018;24:10–43. EDN: KGMYGD. (In Russ.).

17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 408. Оп. 1.

Russian State Military Historical Archive (RSMHA). File: 408/1. (In Russ.).

18. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. RSMHA. File: Print publications/Print publications. (In Russ.).

19. РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф без номера.

RSMHA. File: File of the office for the record of losses in the First World War (officers and soldiers). Case with no number. (In Russ.).

20. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 777.

RSMHA. File: 16196/1/777. (In Russ.).

21. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1190.

RSMHA. File: 16196/1/1190. (In Russ.).

22. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13401.

RSMHA. File: 408/1/13401. (In Russ.).

23. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10968. RSMHA. File: 408/1/10968. (In Russ.).
24. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 757. RSMHA. File: 408/1/757. (In Russ.).
25. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 750. RSMHA. File: 408/1/750. (In Russ.).
26. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13256. RSMHA. File: 408/1/13256. (In Russ.).
27. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 989. RSMHA. File: 408/1/989. (In Russ.).
28. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 222. RSMHA. File: 408/1/222. (In Russ.).
29. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9009. RSMHA. File: 408/1/9009. (In Russ.).
30. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 235. RSMHA. File: 408/1/235. (In Russ.).
31. Офицеры РИА. Новиков Николай Семенович. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Новиков_Николай_Семенович (дата обращения: 29.11.2025).
- Ofitsery RIA. Novikov Nikolay Semenovich. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Новиков_Николай_Семенович (accessed: 29.11.2025). (In Russ.).
32. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10958. RSMHA. File: 408/1/10958. (In Russ.).
33. Офицеры РИА. Перемытов Алексей Макарович. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Перемытов_Алексей_Макарович (дата обращения: 29.11.2025).
- Ofitsery RIA. Peremytov Aleksey Makarovich. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Перемытов_Алексей_Макарович (accessed: 29.11.2025). (In Russ.).
34. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XLI. 1866. URL: https://www.phantastike.com/history/kolavt_polsobrzak_rosimp_sobrvtor_t41_2/djvu/view/ (дата обращения: 29.11.2025).
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Collection 2. Vol. XLI. 1866. URL: https://www.phantastike.com/history/kolavt_polsobrzak_rosimp_sobrvtor_t41_2/djvu/view/ (accessed: 29.11.2025). (In Russ.).
35. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2272. RSMHA. File: 408/1/2272. (In Russ.).
36. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14691. RSMHA. File: 408/1/14691. (In Russ.).
37. Офицеры РИА. Иванов Василий Лукьянович. https://ria1914.info/index.php?title=Иванов_Василий_Лукьянович (дата обращения: 29.11.2025).
- Ofitsery RIA. Ivanov Vasilii Luk'yanovich. https://ria1914.info/index.php?title=Иванов_Василий_Лукьянович (accessed: 29.11.2025). (In Russ.).
38. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14808. RSMHA. File: Printed publications/Printed publications/14808. (In Russ.).
39. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14830. RSMHA. File: Printed publications/Printed publications/14830. (In Russ.).
40. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14831. RSMHA. File: Printed publications/Printed publications/14831. (In Russ.).
41. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14844. RSMHA. File: Printed publications/Printed publications/14844. (In Russ.).
42. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14847. RSMHA. File: Printed publications/Printed publications/14847. (In Russ.).
43. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13002. RSMHA. File: 408/1/13002. (In Russ.).
44. Сураев В. Н. «Нелёгкое служебное движение армейского офицерства». Чинопроизводство и прохождение службы офицерами русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 50–56. EDN: SPWLKD.
- Suryayev V. N. «Nelëgkoye sluzhebnoye dvizheniye armeyskogo ofitserstva». Chinoproizvodstvo i prokhozheniye sluzhby ofitserami russkoy armii nakanune Pervoy mirovoy voyny. *Voyenno-Istoricheskiy Zhurnal*. 2014;9:50–56. EDN: SPWLKD. (In Russ.).
45. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/18>. EDN: IWQMWW.
- Petin D. I., Stelmak M. M., Sushko A. V. «Gold chasers» in Soviet Russia: A collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Tomsk State University Journal*. 2023;486:165–175. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/18>. EDN: IWQMWW. (In Russ.).
46. Петин Д. И. Бывшие офицеры в социальном пространстве западносибирской провинции в 1920-е годы: пример Тары и Тарского уезда (округа) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 50–65. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-6-4>. EDN: ODCGBM.
- Petin D. I. Ex-Officers in the Social Space of the West Siberian Province in the 1920s: The Example of Tara and its District. *Historical Courier*. 2024;6(38):50–65. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-6-4>. EDN: ODCGBM. (In Russ.).
- Информация об авторе:**
КАНИЩЕВ Владимир Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История и философия» Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, г. Тамбов.
SPIN-код: 7833-2282
AuthorID (РИНЦ): 168015
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6271-5245>
e-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru
- Прозрачность финансовой деятельности:** автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 23.04.2026.
- Information about the author:**
KANISHCHEV Vladimir Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov.
SPIN-code: 7833-2282
AuthorID (RSCI): 168015
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6271-5245>
e-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru
- Financial transparency:** the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.
The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 23.04.2026.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ БЫВШИХ КОЛЧАКОВЦЕВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОФИЦЕРСТВА 7-ГО КАМЫШЛОВСКОГО (27-ГО КАМЫШЛОВО-ОРОВАЙСКОГО) ГОРНЫХ СРЕЛКОВ ПОЛКА

И. С. Сильченко¹✉, И. А. Ключ²

¹Технический университет УГМК,
Россия, 624091, г. Верхняя Пышма, пр. Успенский, 3
²Государственный архив административных органов Свердловской области,
Россия, 620000, г. Екатеринбург, ул. Московская, стр. 11

✉ +79022777814@yandex.ru

В исследовании анализируются жизненные стратегии бывших колчаковцев в условиях советской политической системы на примере офицерства 7-го Камышловского (27-го Камышлого-Оровайского) горных стрелков полка. На основе преимущественно неопубликованных источников из фондов государственных и ведомственных архивов реконструированы биографические траектории проживавших в 1920–1940-е гг. на Урале офицеров, выявлены универсальные и регионально-специфические механизмы и критерии их (не) успеха адаптации.

Установлено, что из 189 офицеров полка (по состоянию на 1 ноября 1918 г.) 53 человека подверглись политическим репрессиям, что составляет 35 % от общей численности. Репрессии осуществлялись тремя волнами (1920-е гг., начало 1930-х гг., 1937–1938 гг.) с разной мотивацией и правовыми основаниями. Отдельные бывшие офицеры смогли интегрироваться в советское общество, продолжить военную или гражданскую службу и даже получить государственные награды.

Авторы приходят к выводу, что государство, сформированное в ходе Гражданской войны, нуждалось в компетенциях бывших врагов, но не могло преодолеть подозрительность к их прошлому, и это превратило опыт Гражданской войны в перманентный фактор социального риска.

Ключевые слова: социальная адаптация, историческая антропология, военная антропология, офицерство, Белое движение, советское общество, Екатеринбург, Урал

Для цитирования: Сильченко И. С., Ключ И. А. Социальная адаптация бывших колчаковцев в Советской России на примере представителей офицерства 7-го Камышловского (27-го Камышлого-Оровайского) горных стрелков полка. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 78–85. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-78-85>. EDN: KFEMYV.

© Сильченко И. С., Ключ И. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

SOCIAL ADAPTATION OF FORMER KOLCHAKITES IN SOVIET RUSSIA ON THE EXAMPLE OF OFFICERS OF THE 7th KAMYSHLOV (27th KAMYSHLOVO-OROVAISKY) MOUNTAIN RIFLE REGIMENT

I. S. Sil'chenko¹✉, I. A. Klus²

¹UMMC Technical University, Uspenskiy Ave., 3, Verkhnyaya Pyshma, 624091, Russia
²State Archive of the Administrative Authorities of the Sverdlovsk Region,
Moskovskaya St., bld. 11, Ekaterinburg, 620000, Russia

✉ +79022777814@yandex.ru

The article analyses the life strategies of former Kolchakites in the Soviet political system on the example of officers of the 7th Kamyshlov (27th Kamyshlovo-Orovaisky) Mountain Rifle Regiment. Based on mostly

unpublished sources from state and departmental archives, the paper reconstructs the biographical trajectories of officers who lived in the Urals in the 1920–1940s, and also identifies universal and regionally specific mechanisms and criteria for their (non-) success in adaptation.

The authors established that out of 189 regiment officers (on November 1, 1918), 53 persons were subjected to political repressions, accounting for 35 % of the total. Repressions occurred in three waves (1920s, early 1930s, 1937–1938s) with different motivations and legal grounds. Some former officers managed to integrate into Soviet society, continued military or civilian service and even received state awards.

The authors conclude that the state during the Civil War needed the competencies of its former enemies, but could not overcome suspicion of their past, which turned the Civil War experience into a permanent factor of social risk.

Keywords: social adaptation, historical anthropology, military anthropology, officers, White movement, Soviet society, Ekaterinburg, Ural

For citation: Sil'chenko I. S., Klus I. A. Social adaptation of former Kolchakites in Soviet Russia on the example of officers of the 7th Kamyshlov (27th Kamyshevo-Orovaysky) Mountain Rifle Regiment. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):78–85. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-78-85>. EDN: KFEMYV. (In Russ.).

© Sil'chenko I. S., Klus I. A., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Гражданская война 1917–1922 гг. выступила структурообразующим фактором в процессе формирования советской государственности, став основой механизма конструирования новой идентичности. События Гражданской войны, обладая мощным импульсом, оказывали значительное влияние на социально-политический дискурс на протяжении многих лет после окончания боевых действий, а принадлежность к той или иной стороне конфликта явилась определяющим судьбоносным фактором в жизни миллионов людей. Процесс интеграции в новое советское общество был наиболее болезненным для бывших участников антибольшевистских формирований, которые не только ощущали социальные ограничения, но и опасность для собственной жизни.

В этом контексте особое значение приобретает изучение взаимоотношений между бывшими белыми офицерами и советской властью. Такое исследование позволяет не только понять процессы формирования нового общества, но и проанализировать механизмы адаптации и интеграции различных социальных групп в условиях революционных преобразований.

Проблема адаптации бывших офицеров белых армий к условиям советского социума получила освещение в исследованиях, отражающих региональные аспекты вопроса [1–8]. Отметим здесь успехи омских историков, особенно Д. И. Петина. В частности, в одной из его работ обоснована формула сценария социальной адаптации представителей бывшего офицерства, проживавших в советской Сибири [9].

Также стоит сказать, что в Омске в этом направлении историками ведется и значительная популяризаторская работа. Указанная проблематика не раз становилась темой работы площадок публичной истории [10–12].

Однако Уральский регион, как и Сибирь, применительно к изучению положения бывших белых в Советской России представляет собой самоценную проблему, пока являющуюся лакуной в историографии. Стоит сказать, что для всех властей Урал играл стратегическую роль в годы Граждан-

ской войны. Кроме того, уникальность уральских антибольшевистских формирований заключается в особенностях их комплектования и геополитическом положении между красным центром и белой периферией. Эти факторы обусловили формирование особого типа офицерства в регионе, чьи послевоенные стратегии выживания видятся заслуживающими отдельного просопографического анализа. Взаимосвязанное изучение данных вопросов на примере биографий офицеров 7-го Камышловского (27-го Камышлово-Оровайского) горных стрелков полка белой армии — цель данного исследования.

Стоит отметить, что значительная часть офицеров полка являлась идейными противниками большевизма, что обусловило их участие в Белом движении. После поражения в Гражданской войне они столкнулись с необходимостью существования в условиях политического строя, который они принципиально не принимали. Изучение дальнейших судеб офицеров указанного полка представляет собой репрезентативный пример для анализа сложных и зачастую противоречивых путей адаптации в ситуации полного идеологического неприятия установившегося политического режима.

Источниковой базой исследования послужили неопубликованные документы, хранящиеся в федеральных и региональных фондах, а также в ведомственных архивах. Так, основным источником, позволившим получить сведения о составе 7-го Камышловского (27-го Камышлово-Оровайского) горных стрелков полка, стал фонд 39811 «Штаб 27-го Камышловского горных стрелков полка» Российского государственного военного архива.

В фондах Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО) обнаружены архивные уголовные дела, связанные с рядом офицеров полка. Кроме того, судьбы некоторых военнослужащих удалось уточнить, проанализировав источники из фондов Центрального архива Министерства обороны России и Книги памяти жертв политических репрессий.

В рамках проведенного исследования был задействован комплекс общенаучных и специально-исторических методов, обеспечивших многоуровневый

анализ объекта изучения. Применение аналитической декомпозиции персональных данных позволило осуществить структурное расчленение биографических сведений, тогда как синтетическое обобщение компонентов обеспечило реконструкцию системных закономерностей. Дедуктивный метод, реализованный через движение от эмпирического уровня (изучение единичных биографий) к теоретическому (формулировка генерализирующих выводов), выступил ключевым инструментом верификации гипотез. Обработка массивов количественных данных осуществлялась посредством статистического анализа. Среди специально-исторических методов был использован просопографический подход, который позволил выявить критерии для идентификации лиц со сходными характеристиками. При этом индивидуальные биографии в исследовании являлись важными элементами, позволяющими выявить общие паттерны. С целью сбора и классификации информации о каждом члене группы был применен биографический метод, а с помощью источниковедческого анализа удалось сделать выводы об истинности и полноте используемых источников. Историко-генетический метод способствовал определению тенденций и выявлению влияния одних событий на другие. Нарративный метод обеспечил исследование биографических данных с учетом исторического контекста.

Основная часть

История 27-го Камышлово-Оровайского полка началась 6 августа 1918 г., когда в соответствии с приказом Командующего Сибирской армией и командира 7-го Уральского отдельного корпуса в уездах Пермской губернии началось формирование полков новой 2-й Уральской дивизии горных стрелков. Полкам, получившим названия в соответствии с центрами формирования (Екатеринбургский, Шадринский, Камышловский, Красноуфимский), была присвоена нумерация с 5 до 8 соответственно.

Спешное формирование Сибирской армии на занятых территориях приводило к постоянному изменению наименований, нумерации и структуры частей. Так, уже 19 августа 1918 г. 2-я Уральская дивизия горных стрелков стала 7-й, а входившие в неё полки для унификации получили сквозную общевойсковую нумерацию и превратились в 25-й Екатеринбургский, 26-й Шадринский, 27-й Камышловский и 28-й Ирбитский (вместо Красноуфимского).

Командование формирующимся 27-м Камышловским горным стрелком полком было возложено на полковника М. С. Тарасевича [13, л. 2], что соответствовало практике привлечения опытных кадров из числа офицеров старой армии. Для комплектования личным составом в Екатеринбурге и уезде была проведена мобилизация офицерского корпуса, дополненная добровольным пополнением. К 7 августа 1918 г. в полку числилось 111 офицеров и 3 военных чиновника, сведённых в 3-ю офицерскую роту, которая стала структурной основой (кадровым костяком) соединения [13, л. 1–65].

В оперативно-тактическом отношении полк в летне-осенний период 1918 г. действовал в зоне ответственности Екатеринбургского фронта, участвуя в локальных операциях на подступах к Екатеринбургу, под Режом, Алапаевском. После участия в боях на северном направлении (район Кушвы) соединение было задействовано в стратегически значимых операциях по занятию и удержанию Кунгу-

ра и Уфы [14, с. 109–125]. В начале октября 1918 г. часть была переименована в 27-й Камышлово-Оровайский горных стрелков полк (далее — Камышлово-Оровайский полк) [14, с. 111].

Кульминацией боевой активности полка стало осеннее наступление 1919 г., когда после переброски из Петропавловска к реке Ишим часть осуществила прорыв по Звериноголовскому тракту. Однако к ноябрю 1919 г. под давлением превосходящих сил РККА полк начал организованный отход на территорию Томской губернии. Фактическое существование части прекратилось после перехода через Щегловскую тайгу [14, с. 125], что было обусловлено как потерей управляемости, так и критическим сокращением численности личного состава в условиях дезорганизации Восточного фронта белых войск.

Часть офицерского состава осуществила прорыв в направлении Забайкалья, продолжив участие в вооружённом сопротивлении большевистским формированиям. Основная масса личного состава, однако, оказалась в плену и, пройдя сокращённые процедуры проверки лояльности, была интегрирована в ряды РККА в рамках политики привлечения военных специалистов. После формального завершения полномасштабной Гражданской войны демобилизованные офицеры из числа бывших чинов полка преимущественно выбирали одну из стратегий адаптации: возвращение в места довоенного проживания (большинство), либо добровольную миграцию с целью минимизации рисков политических репрессий в условиях становления советского государственного аппарата.

Согласно документам штатного учета, по состоянию на 1 ноября 1918 г. в Камышлово-Оровайском полку проходили службу 189 офицеров и военных чиновников. Социальный состав офицерского корпуса формировался преимущественно из представителей мещанства, купечества, духовенства, с заметной долей выходцев из семей отставных обер-офицеров и медицинской интеллигенции [13, л. 1–65].

География происхождения личного состава демонстрирует региональную специфику: большая часть офицеров либо являлись уроженцами Екатеринбурга, либо получили образование в учебных заведениях города. При этом биографические данные значительной части офицеров позволяют говорить об их происхождении из населённых пунктов, расположенных в относительной близости от Екатеринбурга [13, л. 1–65]. Этот факт объясняет наибольшую концентрацию именно в фондах ГААОСО архивных уголовных дел, связанных с преследованием советской властью по политическим мотивам бывших офицеров данного полка.

Всего в период 1920–1940-х гг. 53¹ офицера полка подверглись различным репрессиям. Кроме этого, известно о факте гибели одного офицера (капитан Сергей Николаевич Васнецов) весной 1919 г., а также об эмиграции в Маньчжурию трех офицеров (прапорщик Василий Семенович Рязанцев [16], подпоручик Иван Петрович Кулындышев [17, л. 1–2] и поручик Гаврил Григорьевич Обухов [16]). С учетом указанных данных число репрессированных офицеров полка составляет 35 % от общей численности. При этом неполнота архивных данных, утрата документов или их фрагментарность могли стать причиной того, что информация о некоторых представителях офицерского корпуса осталась за пределами исследования.

Тем не менее приведенные статистические данные о доле репрессированных бывших офицеров белой армии, несмотря на возможную незначительную погрешность, отражают общую историческую картину и позволяют сделать выводы о масштабах репрессий в контексте изучаемого периода. Сопоставить эти данные с общероссийскими тенденциями не представляется возможным из-за отсутствия на современном этапе достоверной репрессивной статистики [18, с. 59–60].

Анализ доступных нам архивных уголовных дел в отношении представителей офицерства Камышлово-Оровайского полка позволяет выделить три основных периода политических репрессий бывших белогвардейцев.

Первый период репрессий пришелся на 1920-е гг., при этом основной объем карательных мер был реализован в первой половине десятилетия. На данном этапе советские спецслужбы и административные органы осуществляли оперативную идентификацию и нейтрализацию лиц, связанных с антибольшевистскими движениями.

Второй этап репрессий относится к началу 1930-х гг. Основным фактором, обусловившим преследования, стало выраженное идейное неприятие бывшими военнослужащими политического курса коммунистического государства. Критика касалась таких направлений государственной политики, как сворачивание НЭПа, насильственная коллективизация сельского хозяйства и антирелигиозные кампании. Отношение к индустриализации носило противоречивый характер: признавая её объективную необходимость, офицеры указывали на серьёзные недостатки в планировании и реализации соответствующих программ.

Третий этап репрессий, пришедшийся на 1937–1938 гг., оказался наиболее масштабным и жёстким по своим методам. В соответствии с приказом НКВД № 00447 [19], бывшие белые офицеры были отнесены к одной из ключевых категорий, подлежащих репрессиям. Преследования осуществлялись на основе заранее составленных списков. Основными обвинениями, выдвигавшимися в отношении бывших офицеров (в том числе изучаемого примера отдельно взятого полка белой армии), были участие в контрреволюционной деятельности и ведение антисоветской пропаганды.

Всего в ГААОСО выявлено 24 дела бывших офицеров Камышлово-Оровайского полка на 26 человек (два человека, освобожденные ранее, были повторно арестованы). Из них к началу 1920-х гг. относятся пять дел: Н. И. Абабкова, А. Д. Козлова, И. В. Крутикова, В. А. Крутиховского (полкового священника), А. П. Мишарина.

Четыре дела рассматривались Особым отделом 1-й Армии труда, в то время как дело В. А. Крутиховского находилось в производстве Екатеринбургской Губернской чрезвычайной комиссии. Крутиховский был арестован в июле 1920 г. и осуждён за антисоветскую агитацию. Он содержался в Концлагере № 1 Екатеринбург до декабря 1920 г., когда был освобождён в соответствии с амнистией, приуроченной к третьей годовщине Октябрьской революции [20, л. 564].

Судьба остальных четырёх офицеров сложилась трагически. Все они были приговорены к высшей мере наказания с формулировкой «как враги трудового народа и Советской власти»:

— Н. И. Абабков расстрелян 16 мая 1921 г. за службу в армии А. В. Колчака [21, л. 40–41];

— А. Д. Козлов (прапорщик) — постановление о расстреле утверждено 6 октября 1920 г. [22, л. 31];

— И. В. Крутиков (прапорщик) — приговор приведён в исполнение 15 мая 1920 г. [23, л. 18];

— А. П. Мишарин (прапорщик) — приговорён к высшей мере наказания 5 декабря 1920 г. как «участник боевых действий» против советской власти [24, л. 39].

При анализе репрессивной политики в отношении бывших офицеров Камышлово-Оровайского полка обращает на себя внимание бескомпромиссная позиция Особого отдела 1-й Армии труда. Даже заступничество со стороны военных и партийных органов не оказывало существенного влияния на исход дел. Характерным примером служит дело бывшего прапорщика А. Д. Козлова. За него ходатайствовали командир и заместитель военкома 1-го полка продовольственной дивизии, которые характеризовали его как «незаменимого специалиста в командном отношении» [22, л. 28]. Кроме того, Невьянская организация ВКП(б) представила рекомендации, отмечавшие, что в период антибольшевистского правления в 1918 г. А. Д. Козлов занимал ответственный пост и использовал свое положение для защиты членов семей красноармейцев от репрессий.

Тем не менее на обращении партийной организации сохранилась резолюция о приведении приговора о высшей мере наказания в исполнение [22, л. 30, об. 30]. Подобные приговоры в отношении бывших камышлово-оровайцев были обусловлены крайней ожесточенностью Гражданской войны на Урале, где вооруженное противостояние приобрело особую интенсивность и бескомпромиссность. Новая власть не могла простить своих бывших врагов. Аналогичные процессы наблюдались в тот же исторический период в Крыму после установления контроля Красной армией над полуостровом, что свидетельствует о системном характере репрессивной политики в отношении бывших участников Белого движения.

Репрессии в отношении бывших офицеров Камышлово-Оровайского полка в начале 1930-х гг. осуществлялись в контексте общесоюзной кампании против так называемых «буржуазных специалистов» и участников Белого движения. Согласно изученным материалам, к данному периоду относятся 7 следственных дел. Чаще всего в этот период предъявлялись обвинения во вредительстве, контрреволюционной агитации и участии в контрреволюционных организациях². Более того, отдельным фигурантам дополнительно инкриминировались: подготовка вооруженного восстания, оказание помощи враждебным советской власти группам, диверсионная деятельность³.

Характерно, что приговоры начала 1930-х гг. отличались сравнительной мягкостью по сравнению с репрессивной практикой 1920-х гг. Наиболее строгим наказанием стало назначение 10 лет исправительно-трудовых лагерей В. С. Огарышеву [25, с. 26] и И. М. Тимошину [26, с. 59]. Г. Д. Нелюбин и Г. А. Устюжанин были приговорены к трехлетней высылке в Северный край [27, л. 139] и на Урал [28, л. 68] соответственно. В отношении М. Ф. Красиловой [29, л. 10 об.] дело было прекращено, а А. А. Палферов освобожден без предъявления обвинения [30, л. 5 об.].

Данная судебная практика соответствует общей тенденции изменения репрессивной политики в начале 1930-х гг., когда на смену внесудебным распра-

вам периода Гражданской войны пришли формализованные судебные процедуры, хотя и сохранявшие обвинительный уклон.

Критическое отношение к советской власти и сложности адаптации к новым общественно-политическим условиям нашли отражение в биографии Г. А. Устюжанина. В качестве офицера царской армии он занимал должность заведующего полковыми мастерскими и имел чин поручика в 27-м Камышлово-Оровайском полку [28, л. 10, 10 об.].

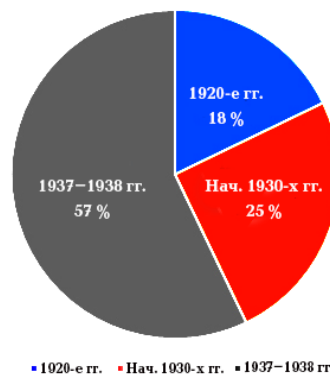
В советский период Г. А. Устюжанин дважды привлекался к уголовной ответственности: в 1921–1923 гг. он отбывал наказание в Сибири как бывший офицер белой армии, а в 1928 г. был осужден за растрату. На момент последнего ареста он являлся лишённым избирательных прав и не состоял на воинском учёте. Сферой его профессиональной деятельности преимущественно было строительство, где он работал в должности техника-проектировщика. Для его трудовой биографии была характерна частая смена места работы, а в характеристиках со стороны руководства преобладали негативные оценки [28, л. 22].

Собственную политическую позицию по отношению к советской власти Г. А. Устюжанин формулировал следующим образом: «Я считал, что единственно правильной формой власти является демократическая (он примыкал к партии эсеров и боролся в годы Гражданской войны за Учредительное собрание. — Прим. авт.), позднее мои убеждения изменились, и я стал сочувствовать политике ВКП(б) и соввласти, будучи несогласным с ней до 1927 г. лишь по религиозному вопросу, ибо я являлся в то время человеком религиозным» [28, л. 26–27]. Данное высказывание свидетельствует об эволюции его взглядов — от неприятия советского строя к формальной лояльности, сопровождавшейся внутренним конфликтом на почве религиозных убеждений.

Третий этап репрессий в отношении бывших офицеров 27-го Камышлово-Оровайского полка характеризуется как наиболее масштабный и жесткий. Хронологически он относится к периоду 1937–1938 гг. Из выявленных архивно-следственных дел 16 были заведены именно в этот период. В их число входят дела М. Ф. Красилова [29, л. 6–8], повторно арестованного 22 августа 1937 г., и А. А. Палферова, арестованного вторично 6 августа 1937 г. [30, л. 3].

Отличительной чертой данной волны стало активное применение обвинений в шпионаже, которые также часто выдвигались в отношении бывших камышлово-оровайцев. Следующим по частоте применения было обвинение в подготовке вооруженного восстания и участии в бандитских формированиях, характерное и для более раннего периода. Однако в 1937–1938 гг. почти наравне с ним стала использоваться статья, подразумевающая активную борьбу против советской власти в период Гражданской войны⁴. Продолжали применяться и обвинения в диверсиях, но с важным дополнением — теперь они формулировались как диверсии против советских работников и учреждений⁵, что ранее в практике по делам офицеров данного полка не фиксировалось. Примечательным является исчезновение из обвинительных заключений статей, связанных с вредительством и оказанием содействия контрреволюционным организациям.

Анализ данных, содержащихся в Книге памяти жертв политических репрессий Свердловской об-

■ 1920-е гг. ■ Нач. 1930-х гг. ■ 1937–1938 гг.

Рис. 1. Процент уголовных дел, заведенных на бывших офицеров полка по периодам (на материалах Государственного архива административных органов Свердловской области)

Fig. 1. Percentage of criminal cases on former officers of the regiment by periods (on materials of the State Archives of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region)

ласти, демонстрирует высокую степень строгости выносившихся приговоров: из 16 подвергнутых следствию бывших офицеров полка 10 человек (В. К. Герц [31, с. 186], П. В. Ермолаев [32, с. 42], Н. П. Казаков [33, с. 18], Г. С. Мурашев [34, с. 343], А. В. Клиньских [35, с. 141], Л. А. Коняев [35, с. 239], Е. Д. Макаров [36, с. 155], П. М. Осинкин [25, с. 56], Л. А. Палферов [25, с. 91], Я. Н. Эдугис [35, с. 293]) были приговорены к высшей мере наказания; 5 человек (Ф. И. Батылин [36, с. 171], М. Ф. Красилов [33, с. 321], А. Г. Кузнецов [33, с. 363], Д. П. Мельников [34, с. 250], Д. А. Ушаков [26, с. 174]) получили сроки в 10 лет исправительно-трудовых лагерей; 1 человек (А. А. Кириленко [37, л. 15, 16]) был освобожден без предъявления обвинения.

Судя по материалам архивных уголовных дел, к 1937 г. бывшие офицеры полка либо приняли существующий государственный строй, либо полностью смирились с ним. К концу 1930-х гг. их возраст составлял 40–50 лет, и для них не существовало альтернативы жизни в рамках сложившихся условий. Это осознание в ряде случаев выражалось в подаче заявлений, жалоб и апелляций в партийные, советские органы всех уровней. Подобные документы отправлялись людьми, твердо верившими в свою невиновность, а их главной задачей являлось прекращение преследований со стороны власти. Тем не менее ни один из 26 офицеров, чьи дела нам доступны, не состоял и не был кандидатом в члены ВКП(б).

На рис. 1 представлено распределение архивных уголовных дел в отношении бывших офицеров полка в различные периоды.

Безусловно, жизненные траектории некоторых офицеров позволили им не только избежать репрессий, но и продолжить активную деятельность, а также нести военную службу в новых социально-политических условиях. В качестве примера можно рассмотреть судьбу бывшего прапорщика, уроженца Нижнетагильского завода Пермской губернии — Аркадия Ивановича Селина. В 1919 г. он был зачислен в ряды РККА и продолжил военную службу. После увольнения переехал в Тамбов. В 1940 г. Селин был повторно призван на военную службу [38, л. 1]. Участвуя в Великой Отечественной войне с января 1942 г., он дослужился до майорского звания. В ходе войны был трижды ранен. В 1944 г. занимал должность заместителя командира

по строевой части 948-го стрелкового полка. Был награждён медалью «За оборону Сталинграда» [39, л. 413], а в 1944 г. за участие в боях в районе Сапун-Горы — орденом Красной Звезды [40, л. 152]. За боевые действия на территории Латвии он был удостоен ордена Красного Знамени [41, л. 281]. Демобилизован в ноябре 1945 г.

Лекарь 27-го Камышлово-Оровайского полка, уроженец Шадринска Михаил Алексеевич Шагов продолжил медицинскую карьеру и получил офтальмологическую специализацию. Переехал в Ленинград, работал в институте им. Гришмана. Участвовал в советско-финской и Великой Отечественной войнах. С 1943 г. воевал в составе 24-го полевого эвакуационного пункта. Получил звание подполковника медицинской службы, орден Красной Звезды и медаль «За оборону Советского Заполярья» [42, л. 223]. В послевоенный период выпустил ряд книг, посвященных профессиональному главному травматизму.

Примечательна судьба полного георгиевского кавалера подпоручика Александра Федоровича Блохина, который в 1920 г. добровольно перешел на сторону большевиков. С лета 1920 г. по март 1921 г. он содержался в концентрационном лагере и тюрьме Ярославля. В конце 1922 г. был отправлен в Екатеринбург. Состоял на особом учете в Объединённом государственном политическом управлении до 1924 г. Работал на винокуренном заводе, затем кондуктором на железной дороге. С 1922 г. состоял в партии, с середины 1930-х гг. — работник торфпредприятия в посёлке Монетный, неподалеку от Свердловска [43].

Выводы

Судьбы офицеров 27-го Камышлово-Оровайского полка служат микроисторической иллюстрацией общегосударственных процессов формирования советской идентичности и государственности, где наследие Гражданской войны играло структурообразующую роль. Выявленный уровень репрессий (35 % от установленной численности офицерского состава на 1 ноября 1918 г. (189 чел.) свидетельствует о масштабах репрессивной политики, которая реализовывалась волнами (1920-е гг., начало 1930-х гг., конец 1930-х гг.), опиравшимися на различную мотивацию, но неизменно использовавшими биографию «бывшего» как основание для преследования.

Вместе с тем высокий процент репрессированных офицеров и разнообразие их жизненных траекторий — от расстрела на раннем этапе до правительственных награждений — обнажают фундаментальный парадокс. Государство, сформированное в ходе Гражданской войны, нуждалось в компетенциях своих недавних врагов для выживания и развития, но не могло преодолеть подозрительность к их прошлому. Данное противоречие обусловило условный и конъюнктурный характер интеграции бывшего офицерского корпуса в советское общество, трансформировав опыт Гражданской войны в перманентный фактор социального риска для миллионов бывших участников конфликта.

Примечания

¹ Статистические данные по полку выведены на основании документов ГААОСО (реквизиты указаны), а также электронной базы данных жертв политических репрессий «Открытый список» [15].

² Ст. 58-7, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

³ Ст. 58-2, 58-4 и 58-9 УК РСФСР.

⁴ Ст. 58-13 УК РСФСР.

⁵ Ст. 58-8 УК РСФСР.

Список источников / References

1. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/18>. EDN: IWQMWV.
2. Уйманов В. Н. Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6. С. 243–251. EDN: PBNQJF.
3. Василевский В. П. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих белой армии // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 27–30. EDN: RELUGV.
4. Казаков Д. Н. Судьбы Вятских офицеров во времена «Красного террора» // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2017. № 1 (34). С. 101–119. EDN: XRUXAV.
5. Петин Д. И. Бывшие офицеры в социальном пространстве западносибирской провинции в 1920-е годы: пример Тары и Тарского уезда (округа) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 50–65. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-6-4>. EDN: ODCGBM.
6. Петин Д. И. Бывшие белые офицеры в учреждениях образования и просвещения Красноярска в первой половине 1920-х гг.: к осмыслению профессиональной роли и историко-антропологического портрета // Сибирский антропологический журнал. 2024. Т. 8, № 4. С. 6–16. EDN: PSRORA.
7. Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования: монография. Челябинск: ЮУрГУ, 2001. 336 с. EDN: XWYEVF.
8. Симонов Д. Г. Белая сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский гос. ун-т, 2010, 610 с. ISBN 978-5-94356-904-3. EDN: QPRBZF.
9. Simonov D. G. Belaya sibirskaya armiya v 1918 godu. Novosibirsk, 2010, 610 p. ISBN 978-5-94356-904-3. EDN: QPRBZF. (In Russ.).

9. Петин Д. И. К вопросу о социальной адаптации бывших офицеров и чиновников белых армий в Омске в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения-2023: материалы XVI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2023. С. 105–110. EDN: CRBLXO.

Petin D. I. K voprosu o sotsial'noy adaptatsii byvshikh ofitserov i chinovnikov belykh armiy v Omske v 1920-e gg. *Omskiye Sotsial'no-Gumanitarnyye Chteniya-2023*. Omsk, 2023. P. 105–110. EDN: CRBLXO. (In Russ.)

10. Мамонтова М. А. Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2023. № 6. С. 120–122. EDN: YOVFGF.

Mamontova M. A. Kruglyy stol v Tsentre izucheniya istorii Grazhdanskoj vojny Istoricheskogo arkhiva Omskoj oblasti. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2023;6:120–122. EDN: YOVFGF. (In Russ.).

11. Машкевич С. В., Петин Д. И., Сушко А. В. Конференция о Гражданской войне на Востоке России: Международный научный диалог в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 1 (41). С. 175–180. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(1\).175-180](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180). EDN: EDPMOW.

Mashkevich S. V., Sushko A. V., Petin D. I. Conference on the Civil War in Eastern Russia: International scientific dialogue in Omsk. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2024;11(1):175–180. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(1\).175-180](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180). EDN: EDPMOW. (In Russ.).

12. Мамонтова М. А., Федотова И. В. Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Сибирский архив. 2025. № 1 (23). С. 64–80. EDN: OHBASC.

Mamontova M. A., Fedotova I. V. Round table at the Center for the Study of the History of the Civil War Historical Archive of the Omsk Region. *Sibirskiy Arkhiv*. 2025;1(23):64–80. EDN: OHBASC. (In Russ.).

13. Российский государственный военный архив. Ф. 39811. Оп. 1. Д. 27.

Russian State Military Archive. File: 39811/1/27. (In Russ.).

14. Кручинин А. М. Российский полк с финским именем. Очерки истории Оровайского полка (1811–1920). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2000. 140 с.

Kruchinin A. M. Rossiyskiy polk s finskim imenem. *Ocherki istorii Orovayskogo polka (1811–1920)*. Ekaterinburg, 2000. 140 p. (In Russ.).

15. Открытый список. База данных жертв политических репрессий. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 25.05.2025).

Otkrytyy spisok. Baza dannyykh zhertv politicheskikh repressiy. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (assessed: 25.05.2025). (In Russ.).

16. Биобиблиографический справочник «Российские эмигранты в Маньчжурии». URL: <https://gakhkk.khabkrai.ru/projects/brem/> (дата обращения: 25.05.2025).

Biobibliograficheskiy spravochnik "Rossiyskiye emigranty v Man'chzhurii". URL: <https://gakhkk.khabkrai.ru/projects/brem/> (assessed: 25.05.2025). (In Russ.).

17. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 25431.

State Archives of Khabarovsk Krai. File: P-830/3/25431. (In Russ.).

18. Тепляков А. Г. К вопросу о достоверности статистики государственных репрессий 1918–1953 гг. // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1, № 4 (26). С. 59–67. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2015-4.2-59-67>. EDN: VIBJVT.

Teplakov A. G. On the question of reliability of the state repression statistics in 1918–1953. *Ideas and Ideals*. 2015;1(4):59–67. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2015-4.2-59-67>. EDN: VIBJVT. (In Russ.).

19. Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и

других антисоветских элементов». 30 июля 1937 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170642> (дата обращения: 25.05.2025).

Operativnyy prikaz NKVD SSSR № 00447 «Ob operatsii po repressirovaniyu byvshikh kulakov, ugolovnikov i drugikh antisovetskikh elementov». 30 iyulya 1937 goda. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170642> (assessed: 25.05.2025). (In Russ.).

20. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 75020.

State Archives of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region (SAABSR). File: P-1/2/75020. (In Russ.).

21. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 78490.

SAABSR. File: P-1/2/78490. (In Russ.).

22. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 72870.

SAABSR. File: P-1/2/72870. (In Russ.).

23. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 73001.

SAABSR. File: P-1/2/73001. (In Russ.).

24. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 78522.

SAABSR. File: P-1/2/78522. (In Russ.).

25. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 6. О-П. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2006. 336 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 6. Ekaterinburg, 2006. 336 p. (In Russ.).

26. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 8. Т-Х. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2010. 382 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 8. Ekaterinburg, 2010. 382 p. (In Russ.).

27. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 77731.

SAABSR. File: P-1/2/77731. (In Russ.).

28. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18293.

SAABSR. File: 1/2/18293. (In Russ.).

29. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 59911.

SAABSR. File: P-1/2/59911. (In Russ.).

30. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 58539.

SAABSR. File: P-1/2/58539. (In Russ.).

31. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 2. В-Д. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2000. 294 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 2. Ekaterinburg, 2000. 294 p. (In Russ.).

32. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 3. Е-И. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2001. 302 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 3. Ekaterinburg, 2001. 302 p. (In Russ.).

33. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 4. К. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2004. 414 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 4. Ekaterinburg, 2004. 414 p. (In Russ.).

34. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 5. Л-Н. Екатеринбург: Типография Екатеринбургской епархии, 2005. 478 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 5. Ekaterinburg, 2005. 478 p. (In Russ.).

35. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 9. Ц-Я. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2012. 406 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 9. Ekaterinburg, 2012. 406 p. (In Russ.).

36. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 1. А-Б. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 1999. 256 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 1. Ekaterinburg, 1999. 256 p. (In Russ.).

37. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 2743.

SAABSR. File: P-1/2/2743. (In Russ.).

38. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 7601. Оп. 126297с. Д. 1.

Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMD RF). File: 7601/126297c/1. (In Russ.).

39. ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9850. Д. 52.

CAMD RF. File: 406/9850/52. (In Russ.).

40. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1119.

CAMD RF. File: 33/690155/1119. (In Russ.).

41. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2739.

CAMD RF. File: 33/687572/2739. (In Russ.).

42. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 44677. Д. 432.

CAMD RF. File: 33/44677/432. (In Russ.).

43. Шабуров В. А. Александр Федорович Блохин — полный кавалер 4-х Георгиевских Солдатских Крестов.

URL: <https://sukharev-y.ru/%D1%88%D0%B0%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B2-%D0%B0-%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D1%85%D0%B8/> (дата обращения: 25.05.2025).

Shaburov V.A. Aleksandr Fedorovich Blokhin — Polnyy Kavaler 4-kh Georgiyevskikh Soldatskikh Krestov. URL: <https://sukharev-y.ru/%D1%88%D0%B0%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B2-%D0%B0-%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D1%85%D0%B8/> (assessed: 25.05.2025). (In Russ.).

Вклад авторов:

И. С. Сильченко. Работа с материалами Российского государственного военного архива, подготовка введения, заключения, основной части научно-справочного аппарата; общая редакция.

И. А. Ключ. Работа с материалами Государственного архива административных органов Свердловской области; подготовка заключения; правка и вычитка текста.

Authors' contribution:

Ivan S. Sil'chenko. Studying materials of the Russian State Military Archive; preparation of the introduction, conclusion and the main part of the scientific reference apparatus; general editing.

Ivan A. Klus. Studying materials of the State Archive of the Administrative Authorities of the Sverdlovsk Region; preparation of the conclusion; proofreading and revision of the article.

Информация об авторах:

СИЛЬЧЕНКО Иван Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Гуманитарные

и естественно-научные дисциплины» Технического университета УТМК, г. Верхняя Пышма.

SPIN-код: 1113-2171

AuthorID (РИНЦ): 923392

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

ResearcherID: AAE-8853-2019

e-mail: +79022777814@yandex.ru

КЛЮС Иван Александрович, магистр истории, главный археограф отдела научно-справочного аппарата, использования и публикации архивных документов Государственного архива административных органов Свердловской области, г. Екатеринбург.

SPIN-код: 1634-5460

AuthorID (РИНЦ): 1215652

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1874-2728>

e-mail: i.klyus@egov66.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 24.04.2026.

Information about the authors:

SIL'CHENKO Ivan Sergeyevich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Humanities and Natural Sciences Department, UMMC Technical University, Verkhnyaya Pyshma.

SPIN-code: 1113-2171

AuthorID (RSCI): 923392

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

ResearcherID: AAE-8853-2019

e-mail: +79022777814@yandex.ru

KLUS Ivan Aleksandrovich, Master of History, Chief Archaeographer of the Scientific and Reference Apparatus, Use and Publication of Archival Documents Department, State Archive of the Administrative authorities of the Sverdlovsk region, Ekaterinburg.

SPIN-code: 1634-5460

AuthorID (RSCI): 1215652

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1874-2728>

e-mail: i.klyus@egov66.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 24.04.2026.

УДК/UDC 141

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-86-94>

EDN: QCKZIW

Научная статья / Original article

ГИЛЕМОРФНЫЙ АНИМАЛИЗМ, ТРАНСПЛАНТАЦИЯ МОЗГА И 'МОЗГИ В БОЧКЕ'

А. А. Осипенко

Тюменский государственный университет, Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

 AlexiusOsipenko@yandex.ru

Анимализм, как теория диахронического тождества личности, утверждает, что единственным необходимым критерием тождества человеческой личности во времени является ее связь с человеческим животным. В свою очередь, противники анимализма на примере многочисленных мысленных экспериментов, из которых наиболее известны кейс о трансплантации мозга и кейс об остаточной личности, показывают, что исходный тезис строгого анимализма, несмотря на всю его метафизическую лаконичность, не может быть принят, поскольку идет вразрез с нашими фундаментальными психологическими интуициями.

Возможное решение предлагает оригинальная вариация анимализма, основанная на метафизике формы и материи Аристотеля и Фомы Аквинского, — гилеморфный анимализм. В качестве необходимого условия сохранности человеческой личности он утверждает ее тождество не просто с биологическим организмом, но с рациональной и чувствующей субстанцией. Рассматриваются основные положения гилеморфного анимализма в вопросах диахронического тождества, а также тому, способен ли гилеморфный анимализм предложить отличное от строго материалистических вариантов анимализма решение мысленных экспериментов о трансплантации мозга и остаточной личности.

По итогам исследования делается вывод, что гилеморфный анимализм, несмотря на использование понятия тождественной человеческой личности субстанции, не дает качественно иного решения кейса о трансплантации мозга, однако позволяет эффективно решить кейс об остаточной личности.

Ключевые слова: анимализм, гилеморфизм, гилеморфический анимализм, диахроническое тождество личности, мысленный эксперимент, пересадка мозга, остаточная личность

Для цитирования: Осипенко А. А. Гилеморфный анимализм, трансплантация мозга и 'мозги в бочке'. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 2. С. 86—94. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-86-94>. EDN: QCKZIW.

© Осипенко А. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

HYLEMORPHIC ANIMALISM, BRAIN TRANSPLANT AND 'BRAINS IN A VAT'

А. А. Osipenko

University of Tyumen, Volodarskogo, St., 6, Tyumen, 625003, Russia

 AlexiusOsipenko@yandex.ru

Animalism, as a theory of diachronic personal identity, asserts that the only necessary criterion for the survival of a human person over time is its connection to the human animal. Opponents of animalism, however, use numerous thought experiments, the most famous of which are the Brain Transplant Case and the Remnant Person Case, to demonstrate that the original thesis of strict animalism, despite all its metaphysical conciseness, cannot be accepted because it contradicts our fundamental psychological intuitions.

A possible solution is offered by an original variation of animalism, based on the hylemorphic metaphysics of form and matter of Aristotle and Thomas Aquinas, — hylemorphic animalism. As a necessary condition for the preservation of the human personality, this view asserts its identity not simply with a biological organism, but with a rational and sentient substance. It examines the basic tenets of hylemorphic animalism regarding diachronic identity, and whether hylemorphic animalism can offer a solution to the brain transplant and remnant person thought experiments that differs from strictly materialistic variants of animalism.

The research concludes that hylemorphic animalism, despite introducing a substance identical to the human person, does not provide a qualitatively different solution to the Brain Transplant Case, but allows for an effective resolution of the Remnant Person Case.

Keywords: animalism, hylomorphism, hylemorphic animalism, diachronic personal identity, thought experiment, brain transplant, remnant person

For citation: Osipenko A. A. Hylemorphic animalism, brain transplant and 'brains in a vat'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):86–94. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-86-94>. EDN: QCKZIW. (In Russ.).

© Osipenko A. A., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Анимализм как онтология личности

В современных дебатах на тему тождества личности анимализм стремительно набирает популярность как перспективная альтернатива теориям, связанным с психологическим подходом. Классический аргумент в пользу анимализма, изложенный Эриком Олсоном, звучит следующим образом [1, p. 325]:

(A1) В вашем кресле сидит человеческое животное.

(A2) Человеческое животное, сидящее в вашем кресле, мыслит.

(A3) Вы — мыслящее существо, сидящее в вашем кресле.

(A4) Единственное мыслящее существо, сидящее в вашем кресле, — это никто иной, как вы.

Следовательно, вы, как и, вероятно, все окружающие вас люди, нумерически тождественны метаболизирующим биологическим объектам, то есть животным. В широком смысле личности необязательно обладать только естественными, биологическими или материальными свойствами. Допустимо существование личностей, не являющихся людьми и обладающих нематериальной природой, — например, ангелов, демонов или призраков, — но ключевое положение, с которым согласны все анималисты: необходимое условие тождества *человеческой личности* (далее — ЧЛ) во времени — это ее тождество с *человеческим животным* (далее — ЧЖ) [1, p. 318–319; 2, p. 518; 3, p. 869; 4, p. 205; 5, p. 131].

Анимализм, привлекательность которого обусловлена его метафизической простотой и научной обоснованностью [5, p. 109; 6; 7, p. 2], способен эффективно решать проблемные для психологического подхода мысленные эксперименты. Например, известную *проблему слишком многих мыслителей* (Too Many Thinkers Problem), описывающую ситуацию, где личность пространственно совпадает с человеческим телом, но при этом существует или действует отдельно от него [8, p. 107–108]. Тем не менее, несмотря на все преимущества, некоторые положения и выводы анимализма подвергаются критике как контринтуитивные, спорные или даже неинтересные¹ [10–15]. Ярким примером анималистической критики может служить мысленный эксперимент с трансплантацией мозга (Brain Transplant Case, далее — BTC) [16, p. 23–24; 17; 18].

В классическом виде эксперимент описывается следующим образом. Пациент X собирается пройти операцию по пересадке своего мозга в здоровое, но лишенное мозга тело Y. Предположим, все условия для проведения данной технически сложной операции соблюдены, операция прошла успешно. Мозг пациента X теперь в новом теле, назовем тело с пересаженным мозгом Y*, а лишенное мозга тело X*, продолжает существование в вегетативном состоянии. При условии, что все наши идеи, эмоции и память возможны благодаря работе мозга, который был пересажен в новое тело, можем ли мы назвать Y* той же самой личностью, что и X до операции? Психологический подход, как и наши интуиции, говорят, что да. Вывод же классического анимализма кардинально иной: личность Y*, несмотря на наличие мозга и психологической преемственности, является тождественной не пациенту X до операции, а организму с ранее отсутствующим мозгом — Y, всего лишь обладающему теперь ложными воспоминаниями о жизни X. Лишенный же мозга X* тождественен X до операции, как то же самое ЧЖ [1, p. 330–331].

Данный вывод для многих, несомненно, покажется странным. В конце концов, если кто-нибудь из наших близких пройдет подобную операцию, мы скорее признаем в его качестве новое тело с мозгом и памятью, а не вегетативного донора. Формально аргумент против анимализма в рамках BTC можно записать следующим образом:

(BTC1) Анимализм утверждает, что ЧЛ = ЧЖ.

(BTC2) В ходе трансплантации мозга ЧЛ 'уходит' вслед за мозгом, а ЧЖ остаются на местах.

(BTC3) Следовательно, утверждение, что ЧЛ = ЧЖ ложно.

(BTC4) Следовательно, анимализм ложен.

Другим возражением анимализму служит кейс с процедурой так называемого 'обстругивания', постепенного удаления органов человеческого животного до тех пор, пока не останется один только мозг (Remnant Person Case, далее — RPC). Кейс выглядит следующим образом. Пациенту X в ходе операции постепенно удалили все органы его тела, в том числе необходимые для жизни, вроде сердца, печени, легких и т. д., оставив только головной мозг. При этом допустим, что мозг X, будучи помещен в специальный резервуар с раствором, продолжает

функционировать. Как и в случае с ВТС, личность пациента *X*, его идеи, эмоции и память, содержатся в мозге, который после операции пребывает в резервуаре. Можем ли мы тогда утверждать, что исходная личность *X* до операции тождественна 'мозгам в бочке'? [19]. Классический анимализм снова ответит, что нет, поскольку личность *X* тождественна ЧЖ, которое в ходе операции прекратило существование. Несмотря на то, что 'мозг в бочке' продолжает функционировать (т. е. производить и содержать в себе идеи, эмоции и память *X*), мы не можем назвать изолированный орган животного самостоятельным животным по тем же причинам, по которым мы не можем утверждать, что часть обладает равным целому онтологическим статусом (мозг — не животное, а орган животного, и сам мозг никогда животным не был)². Аргумент против анимализма рамках RPC может быть формально записан следующим образом:

(RPC1) Анимализм утверждает, что ЧЛ = ЧЖ.

(RPC2) В ходе 'обстругивания' ЧЛ выживает как 'мозг в бочке', тогда как ЧЖ погибает.

(RPC3) Следовательно, утверждение, что ЧЛ = ЧЖ, ложно.

(ВТС4) Следовательно, анимализм — ложен.

Примеры с ВТС и RPC показывают, как наши интуиции о достаточности мозга для выживания ЧЛ могут быть серьезным основанием не принимать выводы анимализма о тождестве ЧЛ и ЧЖ. По этой причине сторонники анимализма активно разбирают и комментируют данные кейсы с целью защитить исходные тезисы (A1) — (A4).

Гилеморфизм и тождество человеческих животных во времени

Несмотря на наличие среди сторонников анимализма общего консенсуса в отношении онтологии ЧЛ в виде признания тезиса о том, что мы являемся ЧЖ, современный анимализм включает в себя множество фракций³. Одной из таких фракций является *гилеморфный анимализм* (далее — ГМА), разрабатываемый на основе метафизики формы и материи Аристотеля и Фомы Аквинского. Сторонники гилеморфизма (далее — ГМ) [28–34] утверждают в качестве основных условий сохранения личности во времени как базовое для классического анимализма тождество ЧЛ и ЧЖ, так и тождество с рациональной субстанцией. Согласно ГМА, возможность ЧЛ поддерживать свое существование во времени обусловлено не только физической материей или биологическим телом, но и ее уникальным нематериальным компонентом — субстанциональной формой или душой: «Наше существование во времени [persistence] как животных требует существования души, а наша душа является источником и объяснением того, что мы обладаем разумом» [27, р. 80].

Основой ГМА служит метафизика ГМ, в соответствии с которой все конкретные индивидуальные целостности конституируются двумя фундаментальными онтологическими принципами — материей и формой. Ключевые положения ГМ можно выразить следующим образом:

(ГМ1) Материя (*то, из чего*) — это физическое вещество, из которого состоят объекты физического мира.

(ГМ2) Форма (*то, что*) — это принцип, на основе которого физические объекты принимают свою организацию.

(ГМ3) Субстанция — это фундаментальная, независимая сущность конкретных вещей, воз-

никающая вследствие актуализации материей формы.

(ГМ4) Рассматриваемые сами по себе, до объединения в субстанцию, материя и форма обладают *потенциальным*, а не *актуальным* модусом бытия [34, с. 76].

(ГМ5) Материя и форма в процессе объединения изменяют модальность бытия с потенциальной на актуальную, образуя организованную индивидуальную целостность, или субстанцию⁴.

(ГМ6) Материя и форма являются тем, что придает вещи ее организованную индивидуальную целостность и позволяет ей существовать и изменяться⁵.

(ГМ7) Каждый организм может обладать одной и только одной субстанциональной формой⁶.

(ГМ8) Существуют только субстанции и части субстанций.

(ГМ9) То, что не является самостоятельной субстанцией, с необходимостью является частью другой субстанции.

(ГМ10) Если какая-либо материальная часть перестает составлять субстанцию, она перестает быть тем, чем она была, когда составляла ее исходное вещество, и, следовательно, теряет все свойства и возможности, связанные с принадлежностью к данной субстанции [39, р. 55].

(ГМ11) Субстанция не эмерджентна, то есть не является отдельным эффектом или сущностью, производной и отличной от формальных и материальных причин⁷.

Ключевые положения ГМ позволяют определить животных в ГМА как «единые психосоматические целостности», где «актуализация, идентичность и условия существования материальных частей животного определяются его субстанциональной формой» [41, р. 13]. Особенность человеческого животного заключается в том, что оно обладает душой и телом, способным передавать душе чувственные данные, — объединяясь, душа и тело формируют индивидуальную субстанцию человека, тождественную ЧЛ. Выразим ключевые положения ГМА в следующих утверждениях:

(ГМА1) Человек = рациональное животное.

(ГМА2) Человек обладает как телесными (corporeal), так и не-телесными (non-corporeal) свойствами [33, р. 97].

(ГМА3) ЧЛ = индивидуальная субстанция рационального характера.

(ГМА4) ЧЛ — это *все и только те* вещи, принадлежащие к виду, представители которого естественным образом обладают рациональностью и чувственностью.

(ГМА5) Принадлежность к этому виду подразумевает тождество с животным⁸ [27, р. 79].

В рамках ГМ возможны разные взгляды на критерии диахронического тождества субстанций. Выбор конкретного взгляда зависит от того, например, является ли необходимым критерием тождества структурная целостность материальных конституент или только неизменность субстанциональной формы [5, р. 107; 43, р. 263–265]. Джеймс Руни, излагая более консервативный вариант гилеморфизма, рассматривает тождество субстанции *S* во времени с функциональной точки зрения:

(S1) *S* в *t+1* = *S* в *t*, если субстанциональная форма *S* в *t+1* = субстанциональная форма *S* в *t*.

(S2) *S* в *t+1* имеет физические части, выполняющие те же основные функции, что и физические части *S* в *t*.

(S3) В $t+1$ каждая физическая часть вещества, существовавшего в t и составлявшего S , должна иметь по меньшей мере один физически измеримый компонент, который также был компонентом вещества, составлявшего S в t .

Субстанция тождественна до тех пор, пока обладает той же физической структурой, способной актуализировать свойства неизменной субстанциональной формы [44, р. 65]. Претерпеваемые субстанцией на протяжении всего срока своего существования изменения физических конститuent (например, рост и выпадение волос или клеток кожи) без нарушения самой структуры, не является основанием для нарушения тождества субстанции. Однако таковым основанием является полная потеря или замена всей физической составляющей субстанции [28, р. 136].

На основе описанной выше гилеморфной онтологии ЧЛ и критериев тождества субстанции Фома Аквинского (в версии Руни) сформулируем критерии тождества ЧЛ во времени следующим образом:

(ЧЛ1) ЧЛ в $t+1$ = ЧЛ в t , если субстанциональная форма (душа) ЧЛ в $t+1$ = субстанциональная форма ЧЛ в t .

(ЧЛ2) ЧЛ в $t+1$ имеет физические части, выполняющие те же основные функции (рациональность и чувственность), что и физические части ЧЛ в t .

(ЧЛ3) В $t+1$ каждая физическая часть ЧЛ, существующей в момент времени t , должна иметь по меньшей мере один физически измеримый компонент, который также был компонентом ЧЛ в t .

Таким образом, тождество отдельно взятой личности во времени возможно до тех пор, пока она обладает подходящей материальной основой для актуализации душой присущих человеку, как представителю вида, свойств 'быть чувствующим' и 'быть рациональным'. Как и с прочими формами анимализма, условия тождества личности как индивидуальной субстанции во времени связаны не с ее психологическими, когнитивными или феноменальными характеристиками, но с сохранностью животного как гилеморфного композита формы и тела [5, р. 128; 33, р. 91].

Гилеморфный анимализм и мысленные эксперименты с нашим мозгом

Вернемся к нашим проблемным для анимализма кейсам — BTC и RPC. Как мы уже упоминали выше, они могут служить иллюстрациями контринтуитивности тезисов анимализма о тождестве ЧЛ и ЧЖ (особенно в его классических версиях, наподобие консервативного биологического подхода Олсона). Способен ли ГМА предложить отличное от своих более физикалистски настроенных союзников по лагерю решение для BTC и RPC? На первый взгляд существование субстанции и неизменной субстанциональной формы способны стать перспективным, пусть и не очень элегантным, объяснением возможности ЧЛ избежать смерти [29, р. 203–204]. Однако в случае, когда жизнедеятельность организма не прекращалась, как в эксперименте с мозговым имплантом или с 'обстругиванием', все на самом деле не так однозначно.

Начнем с рассмотрения BTC. Может ли удаление мозга во время операции по пересадке повлечь за собой 'перенос' субстанции X на мозг? Согласно утверждениям (ГМ7)–(ГМ9), органы X могут рассматриваться нами только как части субстанции X , а не как обладающие особым онтологическим статусом сущности. При этом мозг — это лишь один

из множества необходимых для поддержания жизни X органов наряду с легкими, сердцем, почками и печенью. Успешное удаление или замена сердца, печени, почек легких или мозга, не приводящее к биологической смерти X не может считаться достаточным основанием для нарушения композиционного единства. В результате удаления мозга организм X^* жив и метаболизирует, он сохраняет свою субстанциональную форму, удовлетворяя условие (ЧЛ1), и не нарушает критериев тождества (ЧЛ2) и (ЧЛ3). Таким образом, субстанция X^* = субстанция X , или ЧЛ X^* = ЧЛ X .

Можно возразить, что необходимое условие бытия человеком согласно (ГМА1) и (ГМА5) — тождество с рациональным и чувствующим животным [27, р. 77–78]. В рамках мысленного эксперимента мы допустили, что в широком смысле X^* продолжает животную жизнь: он дышит и метаболизирует, однако не актуализирует высшие психические функции — мышление, память и т. д. Отсутствие мозга, возможно, не лишает X^* свойства 'быть чувствующим', однако лишает его свойства 'быть рациональным', что приводит к тому, что X^* прекращает быть ЧЖ и становится другой, не-человеческой субстанцией [27, р. 86]. На это можно ответить следующим образом: рациональность человека — это *необходимое* свойство его субстанциональной формы (ГМА4). По определению формы в (ГМ2) утверждается, что именно благодаря душе возможно развитие организма от наиболее простейших стадий в сторону большей реализации своих естественных свойств (от зиготы до взрослой особи): «каждая часть человека и каждая часть животного должны получать акт своего существования и видовую принадлежность от души как от своей истинной формы» [45]. Так понимаемая рациональность сущностно и неустранимо принадлежит человеку как представителю вида, естественным образом обладающего чувственностью и рациональностью. Еще не успевшие сформировать необходимые для мышления органы человеческие эмбрионы или потерявшие такие органы в результате автокатастроф взрослые люди, не имеют возможности для актуализации душой свойства 'быть рациональным'. Тем не менее, как представители вида *Homo Sapiens*, они остаются сущностно рациональными и воспринимаются нами как ЧЖ: «При определении характерных свойств и причинно-следственных связей чего-либо необходимо рассматривать типичный случай (paradigm case), то есть каково это существо в своем зрелом и нормальном состоянии» [33, р. 91], где «что-либо может перестать обладать своими характерными чертами или перестать выполнять свои характерные действия, оставаясь при этом тем, для чего эти черты и действия характерны» [29, р. 207]. В этом случае, изъятие мозга не противоречит утверждениям (ЧЛ1)–(ЧЛ3) и не будет достаточным условием распада субстанции.

Другой важный вопрос: может ли человеческий мозг вне тела быть субстанцией, тождественной субстанции X^* или X ? По условиям мысленного эксперимента X^* — это пусть и лишенный мозга, но живой организм, в котором продолжают протекать процессы метаболизма. Соответственно, X^* с необходимостью обладает актуализирующей процессы жизнедеятельности душой и является субстанцией, тождественной субстанции X . В таком случае изъятый мозг — это независимая от X^* субстанция, согласно утверждению (ГМ10), не обладающая свойствами 'быть чувствующей' и 'быть

рациональной'. Эти свойства с необходимостью присущи только человеческому животному X . Но тогда, согласно (ГМ9), бывшие части субстанции не являются нумерически тождественными исходной субстанции даже в случае наличия между ними качественного тождества.

Стоит здесь остановиться и подробнее рассмотреть, почему по нашему мнению в рамках ГМ и ГМА изъятый мозг (до тех пор, пока живет его тело-донор) не может считаться рациональной сущностью. Начнем с определения рациональности. Допустим, 'быть рациональным' — это то же самое, что обладать возможностью формировать, анализировать, сопоставлять и перерабатывать мысли. Иными словами, 'быть рациональным' = мыслить. Такое определение рациональности, возможно, приведет нас к утверждению о том, что мыслит именно мозг, поскольку только благодаря его функционированию человеку доступны какие-либо мыслительные процессы. Соответственно, именно мозг является рациональным, в то время как человек без мозга таковым не является. Тем не менее, с точки зрения ГМ и ГМА, это не так. Чтобы это продемонстрировать, проведем аналогию между способностью мыслить и способностью видеть.

Многие, я думаю, могут согласиться с утверждением, что наши глаза видят не сами по себе и не сами для себя, — видит человек благодаря глазам. Используя терминологию ГМ и ГМА, мы можем утверждать, что глаза — это орган, позволяющий актуализировать 'способность видения' (power of seeing) человеческой души [41, р. 15–16]. А поскольку любой целостный организм обладает одной и только одной субстанциональной формой, 'способность видения' присуща человеку именно как самостоятельной субстанции, а не его глазам [41, р. 12–13]. Предположим, например, что в результате аварии зрячий человек X лишился глаз. Это приводит к тому, что X теряет возможность актуализировать 'способность видения', однако это не значит, что он утратил, как представитель вида естественным образом предрасположенный к зрению, соответствующей способности или свойства своей души. Просто эта способность или свойство души из *актуального* станет *потенциальным*. Установи мы на место утерянных глаз должным образом работающие глазные импланты, и возможность видеть для X как выражение 'способностей' его души снова станет актуальной. Поэтому ни утрата, ни приобретение глаз, как акциденциальных материальных частей, сущностным образом не сказывается на свойствах и способностях нематериальной души X .

Для иллюстрации способностей субстанциональной формы возьмем вид, естественным образом лишенный возможности 'видения'. Например, дождевых червей. Насколько мы знаем, субстанциональная форма червей не подразумевает наличия способности видеть, в связи с чем дождевые черви лишены возможности 'видения' и не обладают соответствующими органами. Даже если у нас получится внедрить в тело дождевого червя глазные импланты из примера выше, они попросту не будут работать, так как им будет нечему передавать 'способность видения'. Хотя, если мы возьмем животных, у которых все же есть глаза, но атрофированные в процессе эволюции (например, кротов и землероек), и заменим глаза на работающие импланты, то, возможно, их зрение вернется благодаря до сих пор 'спящим' способностям их субстанциональной формы.

Сказанное нами выше о 'способности видения' будет справедливо и для человеческого мышления. Мозг, как и ранее глаза, — это не более чем подходящий ретранслятор 'способности мышления' (power of thinking или psychological powers) человеческой души, функционирующий должным образом только до тех пор, пока существует активирующие его способности души. Лишенный же этих способностей мозг становится просто 'комком материи' (heap of matter, далее — НОМ). Таким образом, в ГМ и ГМА рациональность — это не внутренний психологический процесс одного или нескольких органов, а свойство субстанциональной формы или нематериальной души человека⁹.

Рассмотрим теперь онтологический статус изъятых из X мозга с позиции критериев тождества (ЧЛ1) — (ЧЛ3):

t — момент времени до изъятия мозга X .

$t+1$ — момент времени после изъятия мозга X .

(Возражение 1) Мозг X в $t+1$ не обладает тождественной с X в t субстанциональной формой.

Так как мозг X в $t+1$ — это отдельная от X субстанция, а не ее часть, то, в строгом смысле, мозг X в $t+1$ больше не может именоваться 'органом X ' и становится НОМ. Акциденциальная форма изъятых мозга — 'комком походящей на мозг материи' (heap of brain-looking matter), субстанциональная же форма X — рациональное животное. Следовательно, X в $t+1 \neq$ НОМ. Мозг X в $t+1$ — это просто артефакт, то есть совокупность акциденциальных форм без полноценной субстанциональной формы, что также делает его нетождественным X в $t+1$.

(Возражение 2) Мозг X в $t+1$ не имеет физические части, выполняющие те же основные функции, что и физические части X в t ;

(Возражение 3) Мозг X в $t+1$ не имеет по меньшей мере одного физически измеримого компонента, который также был компонентом X в t .

Ответ на возражения 1 и 2 можем объединить. Физические части мозга X — это не физические части субстанции X , поскольку они являются конституентами НОМ, то есть такого артефакта, как 'комком походящей на мозг материи'. Так, физические части мозга X актуализируют свойства формы, отличные от свойств формы, актуализированных физическими частями субстанции X . Другими словами, поскольку мозг X в $t+1$ больше не орган X , его функционирование актуализирует уже не душа X (т. е. субстанциональная форма 'рациональное животное'), а форма НОМ (т. е. акциденциальная форма 'комком походящей на мозг материи').

На основе всего вышесказанного мы утверждаем, что до тех пор, пока жив организм-донор, его мозг не может являться самостоятельной или тождественной X рациональной субстанцией. Однако, прежде чем делать окончательный вывод о том, насколько успешно ГМА преодолевает ВТС, стоит кратко рассмотреть также и реципиента мозга — Y . Согласно условиям эксперимента Y , как и X , — живой (хотя и безмозглый) организм, представляющий вида *Homo Sapiens*, соответственно, он также обладает субстанциональной формой и является субстанцией, лишенной возможности актуализации мышления и высших психических функций. Предположим, вопреки размышлениям выше и (ГМ8) — (ГМ10), что X после операции перестал быть ЧЖ, а изъятый мозг — это рациональная субстанция, тождественная X до операции. Что произойдет с Y в $t+1$ при пересадке в его тело мозга X ? На мой взгляд, возможны два варианта развития событий.

Первый вариант: Субстанция мозга X , бывшего до операции здоровым взрослым человеком с памятью, эмоциями, идеями и прочими атрибутами психологической личности, вытесняет или заменяет субстанцию Y как 'неполноценную'. Однако наличие памяти не может считаться преимуществом одной субстанции над другой, поскольку это противоречит основным положениям анимализма и ГМА о том, что психологические и когнитивные процессы не могут являться критериями тождества во времени для ЧЛ, которая тождественна ЧЖ. Возражение усиливается, если мы допустим, что Y не был рожден без мозга, а лишился его в ходе аварии, до которой существовал как человек с возможностями к актуализации душой высших психических функций. И если субстанции, даже в случае отсутствия у них мозга, благодаря душе способны быть носителями ЧЛ [29, р. 203–204; 33, р. 88–89; 46, р. 485–486], то у нас нет оснований считать, что тело Y^* выживает именно как ЧЛ X , а не ЧЛ Y . Также, поскольку согласно (ГМ8)–(ГМ10), существуют только субстанции и их части, а Y и X — это самостоятельные субстанции, то при объединении одна из них с необходимостью должна поменять модальный статус 'быть субстанцией' на статус 'быть частью субстанции', чтобы не нарушить условия утверждения (ГМ7) [47, с. 163].

Второй вариант: субстанция X и субстанция Y начинают сосуществовать в Y^* посредством пересадки в тело Y мозга, содержащего в себе ЧЛ X . Это сразу же приводит к конфликту с положениями (ГМ7) и (ГМА3), поскольку предполагает сосуществование в одном организме двух субстанций, не говоря о том, что приводит к проблеме многих мыслителей. Так, ЧЛ Y в Y^* обретает мозг, позволяющий актуализировать свойство рациональности (и происходит возникновение новой психологической личности/возвращение психологической личности до аварии), а мозг X обретает тело, позволяющее актуализировать свойства чувственности (что приводит к возникновению ЧЛ X в Y^*). Кому же из двух ЧЛ, X или Y тогда будет тождественно ЧЖ Y^* ?

Подводя итог, проанализированный нами с позиции ГМА кейс ВТС показывает: изъятый во время операции мозг — это самостоятельная, а не нумерически тождественная донору мозга субстанция [5, р. 126]. Единственным возможным решением, допускающим что мозг X после операции = X до операции, будет ранее упоминаемое утверждение, что лишенное мозга тело X^* претерпело такие изменения субстанционального характера, что больше не может считаться рациональным животным. В таком случае мозг X действительно 'наследует в правах' ЧЛ X как его последняя функционирующая физическая часть и носитель той же субстанциональной формы, и может быть нами назван рациональной и чувствующей (пусть хотя бы и потенциально) субстанцией или тождественной X сущностью. Однако в кейсе ВТС X^* жив и, даже без возможности актуализации, из-за отсутствия подходящего органа-ретранслятора, естественным и необходимым образом обладает свойством рациональности (формально присущим естественным и необходимым образом каждому ЧЖ) [44, р. 27]. По этой причине ГМА не дает качественно отличного от классического анимализма ответа о статусе личности в рамках ВТС¹⁰. Однако, возможно, преимущество ГМА проявится в кейсах, где происходит не образование новых агрегатов и субстанций,

а 'перенос' субстанции на отдельные части, как, например, в RPC. Напомним, что в рамках кейса RPC физические части X удаляются до тех пор, пока не останется только один орган — головной мозг. Для полноты исследования мы рассмотрим как постепенную (например, в начале X удаляют конечности, затем внутренние органы, скелет и т. д.), так и моментальную ампутацию всех физических частей X без биологической смерти головного мозга:

t — момент времени до начала операции.

$t+1$ — момент времени, когда от X остаются только 'мозги в бочке'.

(ЧЛ1) ЧЛ в $t+1$ = ЧЛ в t , если субстанциональная форма (душа) ЧЛ в $t+1$ = субстанциональная форма ЧЛ в t .

Постепенная ампутация: по условиям эксперимента в t и в $t+1$, а также в каждый момент времени между t и $t+1$, ЧЖ X не прекращало биологической жизни. Поскольку процессы жизнедеятельности возможны только благодаря актуализирующей их в материи субстанциональной форме, X с необходимостью обладал душой как на протяжении всей операции, так и будучи 'мозгами в бочке'. Соответственно, душа X в $t+1$ = душа X в t .

Моментальная ампутация: по условиям эксперимента в t и в $t+1$ ЧЖ X не прекращало биологической жизни. Поскольку процессы жизнедеятельности возможны только благодаря актуализирующей их субстанциональной форме, X с необходимостью обладает душой будучи 'мозгами в бочке'. Соответственно, душа X в $t+1$ = душа X в t .

(ЧЛ2) ЧЛ в $t+1$ имеет физические части, выполняющие те же основные функции (рациональность и чувственность), что и физические части ЧЛ в t .

Постепенная ампутация: согласно принципу слабой дополнительной (Weak Supplementation Principle), если объект x имеет собственную часть y , то у x должна быть и другая собственная часть z , не пересекающаяся с y . Иными словами, если целое имеет часть y , то с необходимостью должна существовать и другая часть, или 'остаток', — z . Постепенная ампутация, или 'обстругивание', ЧЖ X подразумевает, что X состоит из частей, которые можно удалять. Соответственно, в $t+1$ существует по меньшей мере одна физическая часть X , выполняющая функции X .

Моментальная ампутация: по аналогии с ранее рассмотренным кейсом ВТС, где лишенный мозга X^* терял возможность актуализировать свойство души 'быть рациональным', оставаясь тем не менее естественным образом предрасположенным быть рациональным как организм, сама возможность возникновения, существования и развития которого была обусловлена его субстанциональной формой («каждая часть человека и каждая часть животного должны получать акт своего существования и видовую принадлежность от души как от своей истинной формы» [45]). В RPC лишенный тела и нервных окончаний X теряет возможность актуализировать свойство 'быть чувствующим', оставаясь *сущностным и естественным образом предрасположенным быть чувствующим*: «Поскольку мы — разумные животные, отсутствие наших животных, телесных способностей неизбежно является крайне серьезной утратой. Тем не менее, поскольку мы — разумные животные, а рациональность по своей сути бестелесна, даже смерть не является концом человеческого бытия, вопреки предположениям материалиста» [33, р. 95].

(ЧЛЗ). В $t+1$ каждая физическая часть ЧЛ, существовавшего в момент времени t , должна иметь по меньшей мере один физически измеримый компонент, который также был компонентом ЧЛ в t .

Постепенная ампутация: в t , а также в $t+1$ с необходимостью (по условиям кейса) должен присутствовать физически измеримый компонент X , а именно — его головной мозг. Головной мозг существует как компонент X в t , поскольку в нем X здоровый взрослый человек, и как компонент в $t+1$, будучи 'мозгами в бочке'.

Моментальная ампутация: в t , а также в $t+1$ существует по меньшей мере один физически измеримый компонент X — головной мозг.

Таким образом в RPC, в отличие от BTC, все критерии тождества (ЧЛ1) — (ЧЛЗ) соблюдены, и мы имеем не другую, а «ту же самую субстанцию в радикально поврежденном или неполном состоянии» [33, р. 94]. И если мы также допустим, что из клеток 'мозгов в бочке' X возможно восстановление, 'наращивание' всех потерянных в ходе ампутации физических компонентов до тех пор, пока X не станет снова здоровым и полноценным ЧЖ, то все восстановленные органы будут считаться частями субстанции X как акциденции, наличие или отсутствие которых не влияет на диахроническое тождество самой субстанции X .

Изучение того, как ГМА подходит к решению BTC и RPC позволяет нам выявить его преимущества, из которых, вероятно, ключевое — возможность сторонников гилеморфной метафизики ответить на для многих животрепещущий вопрос: возможно ли выживание ЧЛ в радикально поврежденном состоянии или даже в случае полной утраты тела? Ответ: да, возможно, поскольку каждая ЧЛ обладает вечной нематериальной душой, которую не затрагивают изменения материального характера, и благодаря которой для ЧЛ становятся возможны и восстановление из состояния 'мозгов в бочке', и воскрешение, и жизнь после смерти. Этим классический анимализм похвастаться не может. Однако стоит вместе с этим признать, что существование в строгом смысле физически неизмеримой нематериальной субстанциональной формы или души, с ее неизмеримыми свойствами и силами, является серьезным онтологическим обременением. Причем принятие такого рода обременения, как мы показали на примере с BTC, порою влечет за собой достаточно контринтуитивные следствия. Например, когда сторонникам ГМА приходится прибегать к таким понятиям, как актуальность и потенциальность и/или субстанции и акциденции, чтобы объяснить, почему в случае непрерывности биологического существования X его мозг — это нетождественная ему сущность, а 'радикального повреждения' или 'обстругивания' X — тождественная. Тем самым ГМА теряет то, что выгодным образом отличает анимализм как теорию диахронического тождества личности от других подходов — метафизическую простоту.

Заключение

Метафизика ГМ, основанная на трудах Аристотеля и Фомы Аквинского, позволяет ГМА эффективно решать многие проблемные для анимализма мысленные эксперименты, иллюстрирующие ситуации, когда человеческая личность почти полностью теряет свою материальную составляющую, например, как в кейсе с 'мозгами в бочке'. Однако главное преимущество ГМА, его богатый и хорошо

проработанный понятийный аппарат, может при определенных условиях рассматриваться как его основной недостаток. Вводя в оборот такие понятия, как потенциальная и актуальная материя, форма, рациональная субстанция и т. д., ГМА рискует потерять то, чем привлекателен анималистический подход, — свою метафизическую простоту. Несмотря на все достоинства метафизики ГМ, выводы, предлагаемые ГМА в рамках ответа на центральный для критики анимализма кейс BTC, не выходят за рамки стандартных выводов других форм анимализма. По этой причине кажется нецелесообразным отдавать предпочтение метафизически перегруженному ГМА перед другими, более профизикалистски настроенными формами анимализма. Несмотря на все вышесказанное, стоит еще раз отметить, что ГМА — это одна из самых оригинальных форм современного анимализма; и дальнейшая разработка принципов ГМА может стать отличным дополнением для теоретической и аргументационной базы анимализма.

Благодарности / Acknowledgments

Выражаю благодарность Андрею Викторовичу Нехаеву за предоставленные комментарии к статье, а также интересную дискуссию о гилеморфизме, позволившую дополнить данное исследование.

I would like to thank Andrei V. Nekhaev for his comments on this article, as well as for an interesting discussion about Hylomorphism, which allowed me to supplement the research.

Примечания

¹ Полезную таксономию возражений и контраргументов против анимализма см. [9].

² Мы могли бы допустить, что ЧЖ 'помещается' в мозге как 'brain-sized animal' или 'diminished material animal' [5; 13, р. 285–287; 20, р. 41–42], однако такое допущение подвергается активной критике [например, см.: 21, р. 21; 22, р. 81–83; 23].

³ Общее представление об актуальном разнообразии существующих анималистических теорий можно составить из их приблизительной типологии [24, с. 96; также см.: 2; 25; 26].

⁴ Потенциальная материя, или *prime matter*, еще не актуализированная в субстанции, не обладает иными свойствами, кроме возможности однажды актуализироваться в субстанции благодаря форме. Уже актуализированная в субстанции материя называется вторичной материей, или *secondary matter* [33, р. 90].

⁵ Именно форма, в случае живых существ именуемая душой, обеспечивает организационную уникальность материального композита конкретной сущности и ее частей (акциденций), актуализируя в материи различные функции, в том числе питания, роста, ощущения и, в случае человека, мышления [5, р. 107]. Исчезновение и распад субстанции, возможный в случае затронувших организм кардинальных изменений, снова приводит к изменению модальных статусов материи и формы и к возникновению новых самостоятельных субстанций. О том, возможно ли выживание ЧЛ при распаде композиционного единства материи и формы, см. [35–37]. Например, в результате прекращения биологических функций и смерти организма X его тело перестает быть частью X или 'телом X ' и становится новой самостоятельной субстанцией — 'труп X ' (или, точнее, совокупностью акциденций без субстанциональной формы [33, р. 90; 38, р. 161]). При этом бывшие части субстанций, получившие статус самостоятельной субстанции, могут обладать свойствами, схожими со свойствами первоначальной субстанции. Например, живой

Сократ и 'свежий' труп Сократа обладают многими общими свойствами — цветом кожи, физической комплекцией и т. д. [39, p. 59–60]. Однако это тождество носит не нумерический, а качественный акциденционный характер [40, p. 322], где часть бывшей субстанции — это качественно (или акциденционно) приближенная, но самостоятельная субстанция.

⁶ Вместе с этим организм может обладать и множеством акциденционных форм. Акциденционные формы или акциденции — это несущественные (non-essential), пространственные и/или временные характеристики (например, цвет, размер, форма, положение в пространстве, количество и т. п.), которые изменяют субстанцию без изменения ее сущностной (essential) природы.

⁷ Субстанция объединена с ее внутренними формальными и материальными причинами и зависит от них, обладает как формальными свойствами, обусловленными организацией или интеграцией в организованную сущность, так и материальными свойствами, обусловленными материей, независимо от ее интеграции в организованную сущность [41, p. 31].

⁸ Стоит отметить важное мереологическое преимущество ГМ и ГМА над классическими формами анимализма, которое возникает из утверждения тождества ЧЛ с рациональной субстанцией. ГМ и ГМА допускают возникновение новых субстанций из одного композита, что позволяет без особых затруднений решать кейсы, когда две нумерически разные личности возникают из одного источника. Например, кейс с возникновением близнецов из одной зиготы [5; 28–31, также см.: 42, p. 145].

⁹ Что, кстати, объясняет, почему в рамках томизма прекращение жизненных функций материального тела не является препятствием для обретения ЧЛ вечной жизни или воскрешения из мертвых.

¹⁰ Помимо этого, тождество X и изъятых мозга как субстанции прямо нарушает так называемый принцип *только x и y* (Only x and y principle) Гарольда Нуна, согласно которому тождество x и y не может зависеть от факта существования или несуществования какого-то третьего объекта z [48, p. 127].

Список источников / References

- Olson E. T. An Argument for Animalism // *Personal Identity* / Eds. R. Martin, J. Barresi. Oxford: Blackwell, 2003. P. 318–334.
- Thornton A. K. Varieties of Animalism. *Philosophy Compass*. 2016;11(9):515–526. <https://doi.org/10.1111/phc3.12340>.
- Bailey A. M. Animalism. *Philosophy Compass*. 2015;10(12):867–883. <https://doi.org/10.1111/phc3.12263>.
- Johansson J. What is Animalism? *Ratio*. 2007;20(2):194–205. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9329.2007.00357.x>.
- Rooney J. D. Hylomorphism and Persons in Odd Situations. *Scientia et Fides*. 2025;13(2):105–134. <https://doi.org/10.12775/SetF.2025.018>.
- Steward H. Paul Snowdon on Animalism // *The Brains Blog*. URL: <https://philosophyofbrains.com/2025/07/10/helen-steward-paul-snowdon-on-animalism.aspx> (accessed: 24.12.2025).
- Hermida M. Thought Experiments, Sentience, and Animalism. *Synthese*. 2023;202(148):1–23. <https://doi.org/10.1007/s11229-023-04349-2>.
- Hershenov D. B. The Death of a Person. *The Journal of Medicine and Philosophy*. 2006;31(2):107–120. <https://doi.org/10.1080/03605310600588657>.
- Snowdon P. F. Objections to Animalism // *On Human Persons* / Ed. K. Petrus. Frankfurt: Ontos Verlag, 2003. P. 47–66.
- Bailey A. M., Thornton A. K., Elswyk P. Why Animalism Matters. *Philosophical Studies*. 2021;178(9):2929–2942. <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01593-x>.
- Duncan M. Animalism is Either False or Uninteresting (Perhaps Both). *American Philosophical Quarterly*. 2021;58(2):187–200. <https://doi.org/10.2307/48614005>.

12. Duncan M. Animalists on the Run. *Inquiry*. 2024;67(10):3835–3845. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2022.2074877>.

13. Campbell T., McMahan J. Animalism and the Varieties of Conjoined Twinning. *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2010;31(4):285–301. <https://doi.org/10.1007/s11017-010-9150-0>.

14. Reid M. D. A Case in which Two Persons exist in One Animal // *Animalism: New Essays on Persons, Animals, and Identity* / Eds. S. Blatti, P. F. Snowdon. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 253–265.

15. Markosian N. Three Problems for Olson's Account of Personal Identity. *Abstracta*. 2008;4(S1):16–22. <https://doi.org/10.24338/abs-2008.295>.

16. Shoemaker S. Self-Knowledge and Self-Identity. Ithaca: Cornell University Press, 1963. 264 p.

17. Парфит Д. Тождество личности / пер. с англ. Р. А. Кочнева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 94–107. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107>. EDN: WECIAV.

Parfit D. Personal Identity / trans. from Engl. R. L. Kochnev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019;4(2):94–107. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107>. EDN: WECIAV. (In Russ.).

18. Williams B. The Self and the Future. *The Philosophical Review*. 1970;79(2):161–180. <https://doi.org/10.2307/2183946>.

19. Johnston M. Remnant Persons: Animalism's Undoing // *Animalism: New Essays on Persons, Animals, and Identity* / Eds. S. Blatti, P. F. Snowdon. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 89–127.

20. Gillett C. Brains, Neuroscience, and Animalism: On the Implications of Thinking Brains. *The Southern Journal of Philosophy*. 2014;52(S1):41–52. <https://doi.org/10.1111/sjp.12071>.

21. Hershenov D. B. Thinking Animals or Thinking Brains? *Acta Analytica*. 2021;36(1):11–24. <https://doi.org/10.1007/s12136-020-00432-2>.

22. Olson E. T. What are we? A Study in Personal Ontology. Oxford: Oxford University Press, 2007. 250 p.

23. Johnston M. "Human Beings" Revisited: My Body is not an Animal // *Oxford Studies in Metaphysics* / Ed. D. W. Zimmerman. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 33–74.

24. Нехаев А. В. Почему так важно быть мертвым? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 90–107. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-3-90-107>. EDN: QBNMSK.

Nekhaev A. V. Why does so matter to be a Dead Person? *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021;6(3):90–107. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-3-90-107>. (In Russ.).

25. Thornton A. K. Animals Now and Then. 2018. (PhD. Dissertation). URL: <https://baylor-ir.tdl.org/server/api/core/bitstreams/983b73ad-3bd6-4ff4-9854-16822cf6468d/content> (accessed: 24.12.2025).

26. Bailey A. M., Elswyk P. Generic Animalism. *The Journal of Philosophy*. 2021;118(8):405–429. <https://doi.org/10.5840/jphil2021118829>.

27. Toner P. Hylemorphic Animalism. *Philosophical Studies*. 2011;155(1):65–81. <https://doi.org/10.1007/s11098-010-9522-3>.

28. Rooney J. D. Hylomorphism and Diachronic Identity: A Thomistic Approach. 2017. (PhD. Dissertation). URL: <https://www.jstor.org/stable/community.38760839> (accessed: 24.12.2025).

29. Thornton A. K. Disembodied Animals. *American Philosophical Quarterly*. 2019;56(2):203–217. <https://doi.org/10.2307/48570838>.

30. Стамп Э. Аквинат / пер. с англ. Г. В. Вдовиной. Москва: Языки славянской культуры, 2013. 352 с.

Stump E. Aquinas / trans. from Engl. G. V. Vdovina. Moscow, 2013. 352 p. (In Russ.).

31. Stump E. Non-Cartesian Substance Dualism and Materialism without Reductionism. *Faith and Philosophy*. 1995;12(4):505–531. <https://doi.org/10.5840/faithphil199512430>.
32. Oderberg D. S. Hylomorphic Dualism. *Social Philosophy and Policy*. 2005;22(2):70–99. <https://doi.org/10.1017/S0265052505052040>.
33. Feser E. Aquinas on the Human Soul // *The Blackwell Companion to Substance Dualism* / Eds. J. J. Loose, A. J. L. Menuge, J. P. Moreland. Oxford: Wiley Blackwell, 2018. P. 88–101.
34. Гаспаров И. Г. Как душа могла бы быть формой тела? Аристотелевско-схоластический подход к вопросу о метафизической природе человеческой личности // *Философский журнал*. 2021. Т. 14, № 4. P. 65–81. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-4-65-81>. EDN: FPXDPY.
- Gasparov I. G. How Soul could be the Form of Body? An Aristotelian-Scholastic Approach to the Question of the Metaphysical Nature of the Human Person. *Philosophy Journal*. 2021;14(4):65–81. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-4-65-81>. EDN: FPXDPY. (In Russ.).
35. Oderberg D. S. Survivalism, Corruptionism and Mereology. *European Journal for Philosophy of Religion*. 2012;4(4):1–26. <https://doi.org/10.24204/ejpr.v4i4.257>.
36. Hauser C. Persons, Souls, and Life After Death // *Neo-Aristotelian Metaphysics and the Theology of Nature* / Eds. W. Simpson, R. Koons, J. Orr. New York: Routledge, 2021. P. 245–266.
37. Toner P. On Hylomorphism and Personal Identity. *European Journal of Philosophy*. 2011;19(3):454–473. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0378.2009.00381.x>.
38. Stump E. Resurrection, Reassembly, and Reconstitution: Aquinas on the Soul // *Die menschliche Seele: Brauchen wir den Dualismus?* / Red. B. Niederberger, E. Runggaldier. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 151–172.
39. Rooney J. D. The Problem of Thomistic Parts. *Dialectica*. 2023;77(1):45–73. <https://doi.org/10.48106/dial.v77.i1.03>.
40. Rea M. C. Sameness without Identity: An Aristotelian Solution to the Problem of Material Constitution. *Ratio*. 1998;11(3):316–328. <https://doi.org/10.1111/1467-9329.00073>.
41. De Haan D. D. Hylomorphic Animalism, Emergentism, and the Challenge of the New Mechanist Philosophy of Neuroscience. *Scientia et Fides*. 2017;5(2):9–38. <https://doi.org/10.12775/SetF.2017.025>.
42. Oderberg D. S. Coincidence under a Sortal. *The Philosophical Review*. 1996;105(2):145–171. <https://doi.org/10.2307/2185716>.
43. Yates D. Hylomorphism, or Something Near Enough // *Rethinking Emergence* / Eds. D. Yates, A. Bryant. Oxford: Oxford University Press, 2026. P. 263–293.
44. Shewmon D. A. The Metaphysics of Brain Death, Persistent Vegetative State, and Dementia. *The Thomist: A Speculative Quarterly Review*. 1985;49(1):24–80. <https://doi.org/10.1353/tho.1985.0040>.
45. Thomas Aquinas. *The Soul* / trans. from Lat. J. P. Rowan. St. Louis: B. Herder Book Co.; London: Queen Square, 1949. 291 p. URL: <https://isidore.co/aquinas/english/QDdeAnima.htm> (accessed: 22.03.2026).
46. Hershenov D. B. A Hylomorphic Account of Personal Identity Thought Experiments. *American Catholic Philosophical Quarterly*. 2008;82(3):481–502. <https://doi.org/10.5840/acpq.200882332>.
47. Гаспаров И. Г. "Аристотелевские решения" проблемы "Материальной конструкции" // *Schole*. 2017. Vol. 11, № 1. С. 144–165. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2017.11.4524>. EDN: YNKMBT.
- Gasparov I. G. "Aristotelian" Solutions to the Problem of "Material Constitution". *Schole*. 2017;11(1):144–165. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2017.11.4524>. EDN: YNKMBT. (In Russ.).
48. Noonan H. W. *Personal Identity*. London: Routledge, 2003. 236 p.

Информация об авторе:

ОСИПЕНКО Алексей Алексеевич, аспирант кафедры «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7330-6605> e-mail: AlexiusOsipenko@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 28.04.2026; принята к публикации 06.05.2026.

Information about the author:

OSIPENKO Aleksey Alekseyevich, Postgraduate of the Philosophy, Media, and Journalism Department, University of Tyumen, Tyumen. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7330-6605> e-mail: AlexiusOsipenko@yandex.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 09.04.2026; approved after reviewing 28.04.2026; accepted for publication 06.05.2026.

УДК/UDC 168.5

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-95-106>

EDN: CRZGCV

Научная статья / Original article

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ МАТЕМАТИКИ БАДЬЮ

Р. Брассье

Американский университет Бейрута, Бейрут, Ливан

Перевод с английского

З. М. Неустроев

Тюменский государственный университет, Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

 z.neustroev.sas@gmail.com

Статья посвящена анализу основных положений ранних работ Алена Бадью, в которых автор, опираясь на собственное прочтение Луи Альтюссера, Гастона Башляра, Жоржа Кангилема и других представителей французской эпистемологии, разрабатывает понятие материалистической эпистемологии математики. Исследуются пересечения и расхождения с традицией аналитической эпистемологии, представленной в лицах Рудольфа Карнапа и Уилларда Куайна, итогом которых становится бадьюанский концепт модели и историчности математического производства.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, модель, математика, теория множеств, Бадью, Альтюссер, Карнап, Куайн

Для цитирования: Брассье Р. Материалистическая эпистемология математики Бадью = Brassier R. Badiou's Materialist Epistemology of Mathematics / пер. с англ. З. М. Неустроева. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 2. С. 95–106. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-95-106>. EDN: CRZGCV.

© Неустроев З. М., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

BADIOU'S MATERIALIST EPISTEMOLOGY OF MATHEMATICS

R. Brassier

American University of Beirut, Beirut, Lebanon

Translated from English

Z. M. Neustroev

University of Tyumen, Volodarskogo, St., 6, Tyumen, 625003, Russia

 z.neustroev.sas@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the main points of Alain Badiou's early works, in which the author, relying on his own reading of Louis Althusser, Gaston Bachelard, Georges Canguilhem and other representatives of French epistemology, develops the notion of a materialist epistemology of mathematics. The intersections and divergences with the tradition of analytic epistemology, represented in the persons of Rudolf Carnap and Willard Quine, are explored, culminating in the Badiou's concept of model and historicity of mathematical production.

Keywords: epistemology, philosophy of science, model, mathematics, set theory, Badiou, Althusser, Carnap, Quine

For citation: Brassier R. Badiou's Materialist Epistemology of Mathematics / trans. from Engl. by Z. M. Neustroev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):95–106. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-95-106>. EDN: CRZGCV. (In Russ.).

© Neustroev Z. M., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

С первого дня мы находим себя
на поприще науки.
Мы не реконструируем ее с нуля.
Мы не основываем ее.
Ален Бадью, *Le Concept de modèle*¹ [1, p. 42]

В науке нет и не может быть никаких
кризисов,
ибо наука есть чистое утверждение различий.
Ален Бадью, *Marque et manque*² [2, p. 165]

I. Введение

В работах Бадью математика всегда занимала привилегированное положение в качестве парадигмы науки и 'научности' в целом. Это было неизменным начиная с одной из его первых заметных философских интервенций, статьи 1966 г. *Le (Re) Commencement du matérialisme dialectique*³ [7], примечательной тем, что она предвещает его последующую одержимость (наблюдаемую во всей карьере) отношениями между теорией множеств и теорией категорий; заканчивая последней, в которой Бадью наконец устанавливает прочную связь между этими двумя разделами математики, утверждая, что доктрина бытия, изложенная через теорию множеств в *L'Être et l'Événement* (1988 г.) [8], требует дополнения в виде доктрины явления, привлекающей теорию категорий, — этим и занимается Бадью в своей книге *Logiques des mondes* [9]. Две цитаты, разделенные более чем тридцатью годами, свидетельствуют о той непоколебимой приверженности Бадью парадигматическому научному статусу математики. Первая — из вышеупомянутой статьи 1966 года: «В конечном счете в физике, фундаментальной биологии и т. д. математика не выступает чем-то, что подчиняется и служит способом выражения, напротив, она носит первичный и *производительный* характер» [7, p. 464]. Мы попытаемся объяснить, что означает для Бадью этот примат математической 'производительности', рассматрив его первые попытки разработать 'материалистическую эпистемологию' математики в книге *Le Concept de modèle*⁴ (1969 г.) [11]. Но для начала приведем вторую цитату из интервью с Питером Холвардом 1998 года: «В конечном счете физика, то есть теория материи, является математической. Она математична, потому что, будучи теорией самых объективированных слоев представленного [presented], она ухватывает бытие-как-бытие через свою математичность» [12, p. 127]. В последнем утверждении заключен аргумент об отношении между математической онтологией и естественными науками, имплицитно содержащийся (но так и не представленный в явном виде) в самой амбициозной на сегодняшний день работе Бадью — *L'Être et l'Événement*. Подводя краткий итог, можно сказать следующее: для Бадью аксиоматическая теория множеств — на-

ука о бытии как чистой множественности, наука о представлении представления (а не о том, *что* представлено); иными словами, наука, гарантирующая доступ к представленной реальности [9, p. 7–27]. Таким образом, аксиоматизация теории множеств Цермело-Френкеля не только представляет фундаментальную инфраструктуру, к которой может быть редуцирована вся математика, но и является гарантом доступа математических наук к реальности. Отсюда следует, что для Бадью 'научность' науки прямо пропорциональна ее математизации: наука 'научна' ровно в той мере, в какой она математична. И наоборот, чем меньше наука зависит от математической формализации, тем менее она научна. Отсюда у Бадью и кивки одобрения в сторону физики и его пресловутое презрение к биологии, «этому дикому эмпиризму, маскирующемуся под науку» [13, p. 16]. Но разве утверждение о том, что математика дает наукам предельный горизонт научности, не является неопровержимым доказательством упрямой приверженности Бадью к нереконструированной (если не сказать анахроничной) 'платонистской' и 'фундаменталистской' концепции науки, которая отдает предпочтение 'идеальному' и 'априорному' математическому царству научности перед 'эмпирическими' и 'материальными' измерениями науки, и пытается доступ к реальности последних обосновать в первом⁵?

Однако, как мы позже увидим, именно этот фундаментализм, равно как и все подобные различия между априорным и апостериорным, идеальным и реальным, формальным и материальным, Бадью и стремится подорвать средствами материалистической эпистемологии математики, предложенной в *Le Concept de modèle*. Проводимая Бадью материалистическая критика идеологической подструктуры, которая неявно [tacitly] управляет вышеупомянутым континуумом различий (формальное/материальное, идеальное/реальное, априорное/апостериорное), общим для эмпиризма и идеализма (по сути, для Бадью идеализм — лишь одна из *вариаций* эмпиризма), дает ключ к пониманию всех его последующих — и на первый взгляд поразительно эксцентричных — заявлений от имени привилегированного статуса математики в книге *L'Être et l'Événement*. Если из работ Бадью трудно извлечь 'философию математики', соответствующую стандартам одноименной академической субдисциплины, или сделать некоторые его философские тезисы понятными для споров, определяющих область, известную нам как 'философия науки' (например, реализм против инструментализма, анализ и редукционизм, природа индукции, статус научного закона, вывод к наилучшему объяснению и т. д.), то это не только потому, что математика выступает у Бадью в качестве *синекдохи* науки, но и потому, что его платонический материализм бросает вызов

тем эмпиристским доксам (прежде всего, различию между 'формальными' и 'материальными' науками), которые именно из-за своей не подвергавшейся анализу, но конституирующей роли во всех этих спорах, характеризующих 'философию науки', просочились в ее часть, называемую 'философия математики'⁶. В этой связи нам кажется показательным противопоставление материалистической критики Бадью того, что он считает идеологическим различием между 'реальным' и 'идеальным', характерным для эмпиризма и идеализма, и знаменитым куайновским внутриэмпиристским подрывом различия аналитического/синтетического.

В самом начале *Le Concept de modèle* Бадью, ссылаясь на Альтюссера, как бы напоминает нам, что «говорить о науке [*la science*] в единственном числе — это идеологический симптом»⁷ [1, р. 12]. Существуют только науки во множественном числе. Однако синекдохический по отношению к наукам статус математики, похоже, рождает некоторый парадокс: все, что Бадью хочет сказать о 'науках', зашифровано в его высказываниях об одной из них — математике. Как Бадью может примерить свой материализм, настаивающий на нередуцируемой множественности наук, с платонизмом, приписывающим математике парадигматический статус? Ответ заключается в том, как Бадью понимает платонизм — это именно то, что снимает эмпиристское различие между мыслью и объектом⁸. Математика — это не просто формалистская игра, произвольное манипулирование бессмысленными по своей сути символами, и не квазисверхъестественная мистерия, проводимая избранным жречеством, которому открывается лучший вид на трансцендентное царство вечных объектов. Уникальность математики как парадигмы науки заключается скорее в образцовом характере ее автономной *производительности*. Как мы увидим, для Бадью математическая производительность (а следовательно, и научная производительность) заключается в расщеплении или дифференцировании материала обозначений [notational material], на основе которого она и работает. Наука — это производство стратифицированных различий. Мы постараемся устранить кажущееся противоречие между тем, что Бадью приписывает математике синекдохический статус по отношению к наукам, и тем, что он настаивает на сущностной множественности последних, показав, что для Бадью математика — не априорная формальная наука, обеспечивающая доступ эмпирических наук к реальности, а парадигматическая инстанция производительной экспериментальной практики. Это и есть материалистическое измерение платонизма Бадью.

II. Формальное и эмпирическое

В *Le Concept de modèle* Бадью работает под эгидой двух фундаментальных различий:

(1) Альтюссериянское различие между 'историческим материализмом', понимаемым как марксистская наука об *истории*, и 'диалектическим материализмом', понимаемым как *философский* аналог последней⁹.

(2) Его собственное различие между идеологическими *понятиями*, философскими *категориями* и научными *концептами*.

Философия, характеризующаяся реактивными и/или паразитическими отношением к научным инновациям, с одной стороны, и рабством к доминирующим идеологическим интересам —

с другой, определяется как практика 'невозможных отношений' между наукой и идеологией [1, р. 62]. По большей части философия служит идеологической оберткой науки: философские категории указывают на 'несуществующие' объекты, в которых по-разному сочетаются концепты и понятия¹⁰. Имея опору на марксистскую науку об истории, задача материалистической философии (как полной противоположности 'философии материи', которая лишь синтезирует несуществующую категорию 'материи' через понятийную обертку физико-биологических концептов) состоит в разоблачении и критике реакционных идеологий, заложенных в различных 'философизациях' науки, а также в замене их на материалистические категории, способные встать на службу революционной идеологии (ведь философия, согласно знаменитому лозунгу Альтюссера, — это 'классовая борьба в теории')¹¹. В *Le Concept de modèle* Бадью ставит перед собой цель изолировать научное, то есть логико-математическое, понятие модели от его понятийной обертки в виде категорий буржуазной эпистемологии, центральным в которой является различие между 'формальным' и 'эмпирическим', и построить категорию модели, соответствующую материалистической истории наук.

Начнем с краткого изложения критики буржуазной эпистемологии, выдвинутой Бадью. Идеологические формации структурированы как непрерывные комбинации вариаций на основе различия, принцип которого предполагается сериями, которыми он управляет, но никогда не дается в них напрямую [1, р. 12]. Характерной особенностью этих формаций является то, что их понятийные вариации не могут исследовать или легитимировать собственный основополагающий принцип. Нетематизированный вариационный принцип, ставший во главу буржуазной эпистемологии, — это понятийное различие между теоретической формой и эмпирической реальностью: наука — формальная репрезентация ее же собственного объекта, независимо от того, описывается ли данная репрезентация в терминах 'присутствия'¹² объекта, как в случае эмпиризма, или в терминах антериорности формального аппарата, то есть математического кода, посредством которого объект репрезентирован, как в случае формализма (Бадью, похоже, здесь имеет в виду именно структурализм). Но в любом случае, настаивает Бадью, необходимо держать в голове, что «эмпиризм и формализм не имеют здесь никакой другой функции, кроме как быть терминами, образующими эту пару. Буржуазная эпистемология — это не эмпиризм и не формализм, а набор понятий, с помощью которых сначала обозначается их различие, а затем — их соотношение» [1, р. 9]. Таким образом, материалистическая критика буржуазной эпистемологии для начала должна выявить скрытую тему, характерной структурой которой является дифференциальное соотношение между двумя противоположными терминами, управляющими идеологическим континуумом понятийных вариаций. Канонический вариант этой темы Бадью обнаруживает в противостоянии Карнапа и Куайна по вопросу о статусе различия между формальными и эмпирическими науками. В *Логических основаниях единства науки* [19] Карнап начинает с различия между формальными и эмпирическими науками, а затем переходит к поиску правил редукции, управляющих преобразованием терминов одной эмпирической науки в другую. Карнап утверж-

дает, что биологические термины преобразуются в физические: физика образует достаточное основание для редукции биологии¹³. Таким образом, язык науки может быть унифицирован, коль скоро 'физикалистский' язык обеспечивает универсальную основу редукции для всех эмпирических наук. В итоге проект Карнапа — и в целом логико-эмпирический подход к проблеме единства науки — завершается вопросом об отношениях между фундаментально 'физикалистским' языком эмпирической науки и 'искусственными' языками формальных наук; иными словами, вопросом об отношениях между синтетическими утверждениями первой и аналитическими утверждениями второй. Но это, как нам известно, именно то различие, которое Куайн ставит под вопрос в известной работе 1951 года — *Две догмы эмпиризма* [20]. Согласно Куайну, понятие 'аналитичности' не выдерживает критического проверки: она опирается на понятие 'синонимии', то есть 'тождественности значения', которое, в свою очередь, предполагает прозрачное (в теоретическом смысле) изложение интенционального измерения 'значения'. Куайн подвергает сомнению интеллигибельность первого и возможность второго. Если понятие языкового 'экстенционала' или референции еще можно сделать логически прозрачным, то 'интенция', понимаемая как нозматическая сущность, привязанная к языковому знаку нозматическим намерением, — это просто «то, чем становится [аристотелевская] сущность, когда ее разводят с объектом референции и сочетают со словом» [20, с. 26]. Подобная сомнительная метафизическая доктрина ('„идея“ идеи') не может служить надежным основанием для понятия аналитичности. Более того, продолжает Куайн, догма аналитического/синтетического различия неразрывна с другой эмпирицистской догмой — догмой редукционизма, которая отчетливо проявляется в вере Карнапа в возможность разложения истинности научных утверждений на формальный или лингвистический компонент, с одной стороны, и фактический или эмпирический — с другой. Куайн, в противовес Карнапу, настаивает на внутренне целостном характере концептуальной схемы, называемой 'наукой', и утверждает, что в ней невозможно отделить роль языка (т. е. концептуальной конвенции) от роли опыта (эмпирических данных):

Вся совокупность наших так называемых знаний или убеждений, начиная от самых случайных фактов географии и истории и заканчивая глубочайшими законами атомной физики или даже чистой математики и логики, — это сооружение, созданное человеком, которое только краями соприкасается с опытом. <...> Но поле в целом так не определено своими пограничными условиями, опытом, что есть достаточно широкий выбор относительно того, какие высказывания следует переоценить в свете любого единичного противоречащего опыта. Никакой отдельный опыт не связан с какими-то отдельными высказываниями внутри поля, кроме как косвенно, из соображений равновесия, влияющего на поле как целое [20, с. 44–45].

Таким образом, обнаруживая тот факт, что научная теория недостаточно детерминируется эмпирическими данными, Куайн отказывается от того, что Дональд Дэвидсон впоследствии критиковал как 'третью' и окончательную догму эмпиризма: дуализм концептуальной схемы и эмпирического содержания¹⁴ [21]. Устраняя различие аналитиче-

ского/синтетического на эмпирических основаниях, Куайн отвергает позитивистские 'двойные стандарты' Карнапа в отношении научных гипотез, с одной стороны, и онтологических вопросов — с другой [20, с. 47–48]. Невозможно провести четкую и жесткую разделительную линию так, чтобы отделить научное выдвижение гипотез от онтологических спекуляций. В сочетании с куайновской доктриной неопределенности перевода, утверждающей, что референция непостижима, если она не релятивизирована по отношению к конкретной семантической системе координат, и доктриной онтологической относительности, настаивающей на том, что «быть — значит быть значением переменной», этот дуализм схемы/содержания подводит Куайна к эпистемологическому релятивизму, согласно которому разница между гомеровскими богами и протонами — вопрос степени, а не вида: «Оба вида сущностей входят в нашу концепцию только в качестве культурных постулатов» [20, с. 46]. Все превосходство мифа о физических объектах над мифом о гомеровских богах сводится лишь к вопросу их полезности:

Как эмпирик, я, в конечном счете, продолжаю считать концептуальную схему науки инструментом для предсказания будущего опыта в свете опыта прошлого. <...> Миф о физических объектах эпистемологически лучше большинства других тем, что он доказал большую эффективность, чем другие мифы, в качестве инструмента для разработки управляемой структуры в потоке опыта [20, с. 46].

Прагматизм, стало быть, оказывается истиной куайновского эмпиризма. Куайн предлагает заменить логический эмпиризм Карнапа прагматизмом, обнажающим точку, в которой эмпиризм не может не признать свое конститутивное подчинение идеологическим императивам, статус которых проблематизировать он не в состоянии. Если Куайн не видит необходимости в том, чтобы философия занялась исследованием механизма концептуальной корреляции, посредством которого 'культурное постулирование' якобы подгоняется под 'эмпирическую полезность', то это происходит лишь потому, что предполагаемая прозрачность этого механизма показывает, как эмпиризм обуславливается набором идеологических норм, структура которых им не воспринимается. Таким образом, противостояние Карнапа и Куайна остается внутренним для эмпирической проблематики, структурированной вокруг различия между фактом и формой, которое ни тот, ни другой не могут себе позволить поставить под сомнение. В этом отношении смелый посыл Куайна различия между аналитическим синтетическим затуманивает и тем самым закрепляет различие между формальным и эмпирическим, которое лежит в его основе. Куайн только отрицает различие, которое Карнап пытается редуцировать: «Если для дискурса Карнапа эта редукция существенна, то в случае Куайна важно лишь обоснование утверждения, что нет никакой необходимости редуцировать то, что можно с легкостью отрицать» [1, р. 11]. Отрицание Куайна удобно тем, что оно оставляет нетронутым эмпирическое, пусть даже эмпирически и неосязаемое, условие возможности. Куайну, как отмечает Бадью, все равно говорить, ли о том, что эмпирическое является измерением формального, или о том, что формальное является измерением эмпирического. Куайновская натурализация эпистемологии и его доктрина взаимного

сдерживании [reciprocal containment] эпистемологии и онтологии подразумевают, что философское исследование научной репрезентации мира должно осуществляться внутри онтологической структуры самой науки. Как станет ясно из раздела III, логический эмпиризм апроприирует научное (т. е. логико-математическое) понятие модели, но перекодирует его в терминах формального/эмпирического различия так, что уже не формальное моделирует эмпирическое (как в банальном эмпиризме), а эмпирическое моделирует формальное (как у Карнапа). Натурализация эпистемологии Куайном и его подрыв различия аналитического/синтетического показывает один из способов преодоления дихотомии формального/эмпирического без отказа от эмпиризма: путем фундирования формального моделирования эмпирического в эмпирическом моделировании формального. Иначе говоря, предлагая в качестве конечного горизонта натурализованной эпистемологии построение научной модели для способности науки конструировать модели. У Бадью, в *Le Concept de modèle*, написанной в конце 1960-х гг., примером этой стратегии является сцепка кибернетики и эмпиризма, а именно — интеграция исследований ИИ в куайновскую программу натурализованной эпистемологии¹⁵. Цель такой сцепки состоит в объяснении конгруэнтности мира и его научной репрезентации путем разработки научной теории самой репрезентации. Научное моделирование реальности объясняется через нейровычислительные процессы, составную часть науки: научная репрезентация интегрируется в науку репрезентации (которая, в свою очередь, является репрезентацией науки) [например, см.: 22, 23]. Таким образом, в этой удивительной мимикрии эмпиризма под змией абсолютного знания, поглощающего собственный хвост, натурализованная эпистемология пытается очертить добродетельный круг — в нем соответствие факта и формы объясняется через петлю, в которой репрезентация обосновывается фактом, а факт объясняется репрезентацией. Как пишет Бадью: «Если наука — это имитационное ремесло [artisanat], то ремесленная копия имитация этого ремесла, по сути, и есть Абсолютное Знание» [1, р. 21]. Идеологическое развертывание категории модели, стало быть, позволяет эмпиризму двигаться от позитивизма к прагматистской версии абсолютного идеализма.

Но для Бадью этот прагматический идеализм и сопутствующая ему эмпирицистская репрезентация репрезентации все еще завязаны на идеологических доксах, которые (несмотря на рефлексивность последних) они ухватить не в состоянии. Идеализация науки как имитационного ремесла заслоняет реальность науки как процесса когнитивного производства — процесса, который, по мнению Бадью, следует понимать не как противостояние формальных операций и существующей эмпирической реальности, а как теоретическую практику, разрабатывающую демонстрацию и доказательства внутри определенной исторической материальности, структурная специфика которой сама по себе является объектом науки — исторического материализма. Только в свете последнего эпистемология может подступиться к отношениям между наукой и ее неизбежной идеологической репрезентацией, не сваливаясь в историзм (который для Бадью является одним из вариантов эмпиризма). Более того, прагматическое использование категории модели устраняет различие между когнитивным производ-

ством и техническим регулированием конкретных процессов. Примером такого устранения может служить экономика, где использование моделей заключается в том, чтобы выдавать собственную техническую зависимость от условий производства за неподвластную времени необходимость определенного типа экономики, преимущества которой и призваны иллюстрировать эти модели. И здесь, настаивает Бадью, задача материалистической эпистемологии состоит в том, чтобы сбросить покров с репрезентативной идеализации науки в качестве имитативного ремесла, придя к пониманию автономии научной практики по отношению к ее идеологической репрезентации, признав ее конститутивную, но не-эмпирическую историчность.

В конечном счете всякая вариация на фундаментальную тему эмпиризма, в основе которой лежит различие между фактом и формой, сталкивается с проблемой артикуляции единства этого различия. Вульгарный эмпиризм рассматривает единство дуализма в рамках вопроса о воспроизводстве модели или функциональной симуляции реальности. Таким образом, для преодоления разрыва между предположительно инертной непрозрачностью эмпирического факта, с одной стороны, и активным конструированием теоретической формы — с другой, используется внешнее отношение аналогового сходства. Разумеется, здесь точная природа столь желаемого 'сходства', 'симуляции' или 'воспроизводства' остается расплывчатой и неоднозначной. Однако для прагматического идеализма, во главе которого стоит Куайн, единство различия может обнаружиться путем устранения разрыва, замены конгруэнтности на взаимные пресуппозиции, вытеснения 'сходства' и 'симуляции' в пользу изоморфии, а также осуществления двойной артикуляции факта и формы. Перестав быть инертной и пассивной, структура эмпирического порождает форму репрезентации, которая давала бы ей самой объяснение. Здесь эволюционная эпистемология и, в конечном счете, естественная история выступают точкой опоры для обоснования связи между эмпирическим фактом и теоретической формой.

Как мы увидим в разделе IV, позиция Бадью в *Le Concept de modèle* обнаруживает как удивительные параллели, так и глубокие расхождения с позицией Куайна. Подобно Куайну, Бадью настаивает на зависимости философии от науки и на имманентной автономии научного мышления. Так же, как и Куайн, он отказывается от обращения к трансцендентному по отношению к науке философскому фундаментализму. Но, в отличие от Куайна, Бадью не желает иметь дело с натурализмом, а потому отказывается реинтегрировать науки (например, математику) в широкий эволюционный, биологический нарратив о развитии когнитивных способностей человека. Для Бадью нередуцируемое многообразие научных практик таит в себе прерывистые историчности, остающиеся имманентными каждой из них; историчности, которые не могут быть перепоглощены всеобъемлющим биоэволюционным нарративом о 'наукообразующих' [science-forming] способностях человеческого организма. В этой связи, несмотря на вполне справедливое презрение к псевдо-'тотализирующим' эволюционным нарративам, и даже невзирая на то, что жизнеспособные эволюционные объяснения математических наук (возможно, наиболее впечатляющего проявления человеческих когнитивных способностей) остаются довольно отдаленной перспективой,

очевидный отказ Бадью признавать какую-либо посредническую связь между естественной историей и наукой истории выдает его чересчур идеологическую антипатию к биологии, — так, будто бы вопреки вкладам Дарвина, биология все еще никак не может разделаться с рудиментами своего аристотелевского происхождения, чтобы даже неортодоксальный платоник оказался в состоянии ее переваривать. Но какой бы неаппетитной ни казалась Бадью перспектива натурализованной эпистемологии в ее прагматистско-идеалистическом изводе, если отбросить трансцендентализм, как и поступает Бадью, становится не совсем ясным, как примерить автономию наук (в качестве дискретных регистров когнитивного производства) с безоговорочным презрением к единственному научному дискурсу, выступающему посредником между естественным и когнитивным производствами, или *physis* и *praxis*. Разве Дарвин не отменил эту апелляцию к абсолютному (теологическому) расщеплению между двумя принципиально разными видами истории: естественной и культурной историей, гилетической и ноэтической историей?

III. Концепт модели

В этом разделе я постараюсь воспроизвести скрупулезную реконструкцию математического концепта модели, предпринятую Бадью. Поскольку я не располагаю должными компетенциями, я не буду выносить каких-либо оценочных суждений относительно того, как Бадью обращается с математическими деталями, и ограничусь лишь кратким их изложением; собственную оценку философских претензий Бадью я оставляю для раздела IV, где я сфокусируюсь на исторической материальности математической производительности, о которой Бадью заводит речь в свете научной теории моделирования, изложенной ниже.

Синтаксис и семантика

Идея Бадью о различии между категорией и концептом модели дает ключ к пониманию того, как логическому эмпиризму удастся эффективно перекодировать различие между синтаксическими и семантическими измерениями логико-математических систем в терминах различия между формальной и эмпирической наукой. В данной формальной системе набор правил, определяющих различие между правильными и неправильными комбинациями символов, а также то, как выражения должны формироваться, связываться и друг из друга выводиться, определяет синтаксический элемент системы. Правила вывода или синтаксис формальной системы позволяют из исходного набора аксиом выводить полноценные теоремы. Однако не все корректно построенные выражения в системе могут быть теоремами, в противном случае любое выражение было бы допустимым, а правила вывода были бы избыточными. Так что должна существовать хотя бы одна теорема, которая не выводилась бы из аксиом через правила вывода. Это формальное требование необходимо для существования непротиворечивой системы¹⁶. Более того, чтобы убедиться в том, что синтаксическая конструкция не является совершенно произвольной и формальная система действительно выражает конкретную дедуктивную структуру, необходимо установить отношения соответствия между выражениями системы и выражениями, принадлежащими к четко определенной области 'объектов'. Очевидно, что ни аналогии, ни сходства недостаточно,

чтобы эти отношения определить; необходимы четкие правила соответствия. Все, что связано с этими правилами, будет иметь отношение к семантике или интерпретации системы. Принимая во внимание такую характеристику семантики, 'значение' имеет чисто экстенциональный характер: говорить о семантике или значении системы — значит, говорить о различных ее интерпретациях, подчиняющихся этим правилам соответствия. Определив правила семантического соответствия для системы, мы получаем основное требование для построения концепта модели. Заключается оно в том, что всякое выводимое выражение (или теорема) системы должно быть связано с 'истинным' выражением в структуре, которая служит областью ее интерпретации. Бадью подчеркивает, что использование термина 'истинный' в этом логико-математическом контексте не имеет никакой идейно-философской нагрузки; он определяется в терминах функционального разделения, навязанного формальным механизмом, который неизменно различает два класса высказываний: 'истинные' (или 'доказуемые', или любые другие эквивалентные научные валентности) высказывания, с одной стороны; 'ложные' (или 'недоказуемые' и т.д.) высказывания — с другой. Если для всякого выводимого выражения в системе можно поставить в соответствие 'истинное' утверждение в области интерпретаций, то последняя, в сущности, становится моделью формальной системы. Обратное же утверждение звучит значительно сильнее: если каждому истинному утверждению в модели соответствует выводимое выражение в системе, то можно сказать система является 'полной' для данной конкретной модели¹⁷. Фактически, существует целый спектр семантических свойств, которые можно изучать с помощью математики: таким образом можно эффективно каталогизировать свойства научного понятия 'модель' [1, р. 24–25].

Логический эмпиризм переносит эту концепцию в эпистемологию, описывая чисто математическое или 'формальное' измерение науки как ее синтаксический элемент, а ее экспериментальный или 'материальный' аспект — как семантическую интерпретацию ее формального измерения. Если, как утверждается, формальное/теоретическое измерение науки регулируется требованием непротиворечивости, то ее эмпирический/экспериментальный аспект требует изучения конкретных моделей. Экспериментальный аппарат выступает одновременно и инструментом для построения таких моделей, и областью, где применяются правила соответствия между формальными вычислениями и реальными измерениями [1, р. 25].

Выбор научной теории, таким образом, ограничивается, с одной стороны, экспериментальной моделью и правилами соответствия, а с другой — системой и ее синтаксическими правилами. Так, например, у Карнапа, в *Значении и необходимости* [25] наука структурируется взаимодействием между ограничениями синтаксического вывода и точностью семантической интерпретации. Но для Карнапа, в отличие от вульгарной эпистемологии, именно эмпирическое выступает в качестве модели синтаксического ремесла, а не наоборот. Вульгарная эпистемологическая категория вынуждена полагаться на паратеоретическое понятие 'подобия', тогда как логический эмпиризм предоставляет соответствующие эпистемологические критерии, регулирующие отношения между формальным и эмпирическим аспектами науки, с точки зрения доказуемых те-

оретических свойств, вроде полноты синтаксиса, по отношению к данной модели. Как бы то ни было, далее мы увидим, почему этого все же недостаточно, чтобы счесть апроприацию концепта модели легитимной.

Система и структура

Для создания концепта модели должны быть выполнены следующие три условия: (1) формальная система, состоящая из (конечного) набора символов (логические операторы, индивидуальные константы $[a, b, c \dots]$, предикаты $[P, Q, R \dots]$, индивидуальные переменные $[x, y, z \dots]$) + правила формирования + правила вывода + список аксиом; (2) структура, формирующая область интерпретации для системы, которая определяется как непустое множество V , состоящее из набора индивидуальных элементов и подмножеств + два дополнительных знака 'True' ('истина') и 'False' ('ложь'); (3) функция соответствия ζ , отображающая индивидуальные константы системы на некоторый элемент V , а предикативные константы — на некоторое подмножество V .

В связи с вышесказанным следует сделать три важных замечания. Во-первых, использование понятия множества здесь является абсолютно решающим. Расплывчатое понятие 'область объектов' заражено двусмысленностью и эмпиризмом. Концепт модели может быть артикулирован научно, только если понятие области интерпретации оформляется в терминах математического концепта множества. Научный статус 'семантики' и, следовательно, концепта 'модели' зависит от того, что было изначально установлено в существующем разделе математики, так что правила, которым подчиняется интерпретация формальной математической системы, формулируются внутри (неформального) раздела математики как таковой.

Во-вторых, условие, гласящее, что набор формальных символов, входящих в систему, должен быть конечным, предполагает, что он является счетным, то есть его возможно пронумеровать с помощью натуральных целых чисел. Это еще одно необходимое требование для построения концепта модели. Каждое корректно сформированное выражение системы должно состоять из счетного или, в случае подавляющего большинства систем, конечного ряда далее неразложимых символов. Условием научной теории моделей является то, что формальный язык системы не должен быть непрерывным. Подобно тому, как обращение к теории множеств оказалось необходимым для научной характеристики семантики, в концепции синтаксиса неизбежно обращение к математике целых чисел (и к рекурсивной арифметике, в частности). Развертывание научного концепта модели с необходимостью предполагает существование (или 'валидность') этих математических практик. Это проясняет одно из замечаний Бадью, послужившее нам первым эпиграфом для статьи: «С первого дня мы находим себя на порошке науки. Мы не реконструируем ее с нуля. Мы не основываем ее» [1, p. 42].

В-третьих, важно отметить различие между логическими и математическими аксиомами внутри синтаксиса системы. Логическая аксиома — это аксиома, функционирование которой зависит исключительно от входящих в нее логических связей; ее функционирование не меняется при замене содержащихся в ней фиксированных констант (индивидуальных или предикативных). Математическая аксиома — это аксиома, которая выделяет [singularizes], по меньшей мере, одну из входящих в нее фик-

сированных констант, отделяя ее как минимум от других констант; так что, на ней сказывается их замена.

С учетом этих условий построение концепта модели происходит следующим образом. Вооружившись теоретико-множественными ресурсами структуры и функцией соответствия ζ , мы можем определить валидность/невалидность корректно сформированного выражения системы относительно данной структуры. Затем мы специфицируем условия, при которых определенная структура становится моделью системы; сделать мы это можем, установив связь между синтаксической выводимостью (т. е. фактом, что выражение A является теоремой системы) и семантической валидностью (т. е. фактом, что A справедливо для структуры, или для определенного типа структуры, или для всякой структуры в принципе). 'Замкнутый экземпляр' выражения A — это выражение вида $A(a/x)(b/y)(c/z)$, в котором все свободные переменные A заменяются на константы. Тогда можно выдвинуть следующее определение 'валидности': выражение A в системе является валидным для структуры, если для каждого замкнутого экземпляра A' из A выполняется $A' = \text{True}$ для этой структуры. Или более конкретно, замкнутое выражение A валидно, если $A = \text{True}$, поскольку оно не содержит других замкнутых экземпляров, кроме самого себя (исключает возможность подстановки)¹⁸ [1, p. 41]. Далее, мы можем использовать это определение валидности, чтобы показать, что при условии валидности самих аксиом системы все теоремы этой системы также валидны. По сути, поскольку вывод начинается с аксиом, а в остальном не содержит ничего, кроме самих аксиом или выражений, полученных из других выражений методом вывода, то, если аксиомы валидны, каждое выражение, используемое в выводе, также является валидным. Таким образом, функция соответствия ζ , поддерживающая процедуру исчисления, позволяет, опираясь на синтаксический концепт выводимого утверждения (теоремы), вывести семантический концепт валидного-для-структуры утверждения. Именно это и позволяет Бадью выдвинуть следующее определение модели: «Структура является моделью формальной системы, если все аксиомы этой системы валидны для этой структуры» [1, p. 44].

Логическое и математическое

Различие между логическими и математическими аксиомами семантически характеризуются по областям их действия: если логические аксиомы валидны для любой структуры, то математические — исключительно для определенных структур. Стало быть, с семантической точки зрения логика эквивалентна 'системности' структуры как таковой, а математика — теории типов структуры [1, p. 44–45]. Но это отнюдь не значит, что логика обладает некоторым 'транс-историческим' статусом в качестве условия возможности математической рациональности *per se*; или что она всегда-уже дана как условие, а не результат истории разума. Дабы преодолеть данную дихотомию между логическим трансцендентализмом и историческим релятивизмом, Бадью предлагает рассматривать логику как двойную артикуляцию между синтаксической системой и семантической структурой. Эта оппозиция между историчностью и априорностью преодолевается через отношения взаимной пресуппозиции между логической практикой, присущей каждому семантическому доказательству, и эксперименталь-

ным построением конкретных логических систем. Таким образом, 'транс-историчность' логики может быть научно объяснена в терминах экспериментального свойства, согласно которому логическая система, все аксиомы которой являются также логическими, не содержит семантических указаний на свои модели. Поскольку любая структура является моделью для такой системы, концепт модели для нее на уровне логики ничем не отличается от концепта структуры. Соответственно, именно математические аксиомы приостанавливают семантическую неразличимость логической структуры, создавая структурный разрыв между синтаксической системой и семантической структурой, — разрыв, на месте которого и возникает концепт модели. Тем самым концепт логики не выходит за рамки математики и не поглощает ее; он остается неотделимым от пары, которую с ней же и образует. Противопоставление логического и математического — это синтаксическое удвоение семантического различия между структурой и моделью. Имея две структуры, различие которых заключается в том, что одна из них служит моделью для данной формальной системы, а другая — нет, становится возможным классифицировать аксиомы системы на логические и математические. Первые указывают на единство системы и структуры, вторые — на их различие [1, р. 47–48]. Таким образом, «модель — это математически конструируемый концепт дифференцирующей силы логико-математической системы» [1, р. 52].

Эксперименты и доказательства

Двойное употребление термина 'математика' в приведенной выше формулировке указывает на то, что средства математического производства, а именно сцепка эксперимента и доказательства, сами по себе являются результатом математического производства. Эта двойная артикуляция не может быть перенесена за пределы математики либо воспроизведена в отношениях между формальной теорией и ее (якобы) материальным воплощением. Таким образом, учитывая, что построение концепта модели на каждом шагу зависит от двойной артикуляции между двумя конкретными разделами математики, а именно — рекурсивной арифметикой и теорией множеств, ошибочно было бы утверждать, как это делают некоторые философы, что концепт модели отражает отношение формальной мысли к ее (эмпирической/материальной) 'внешней стороне'. Внесистемные (структурные) записи [inscriptions] могут лишь обеспечить область интерпретации для того, что находятся в системе; причиной тому служит факт наличия математической оболочки, которая подчиняет первые последнему. Синтаксис — это арифметическая дисциплина, семантика — теоретико-множественная [1, р. 55].

Теория записывающих аппаратов, рассматриваемых как математические объекты, имеет арифметический характер. Она позволяет упорядочить и индуктивно пронумеровать экспериментальную структуру [set-up]; вычислить ее мощность и сложность через работу над структурой записей, которые система может допускать/не допускать. Напротив, теория использования этих аппаратов как некоторых экспериментальных операций занимается классификацией областей математического материала, которые должны быть обработаны данным аппаратом; это главная цель концепта структуры, сконструированного самой всеобъемлющей мате-

матической теорией, созданной на сегодняшний день — теорией множеств¹⁹ [1, р. 55–56].

Единственное основание для этого единства-различия, которым могут быть описаны отношения синтаксиса и семантики, лежит во внутриматематическом отношении между арифметическим и теоретико-множественным материалом. Любая попытка вынести концепт модели за пределы математической области рушит эту необходимую связь, а потому не может считаться легитимной. В этом отношении предпринимая логическим эмпиризмом попытка перевести математический концепт в эпистемологию вдвойне нелегитимна. Во-первых, потому что он пытается теоретизировать науку в целом, опираясь на различие между синтаксисом и семантикой, которое, в сущности, является всего лишь идеологическим искажением регионального и внутриматематического различия между рекурсивной арифметикой и теорией множеств. Во-вторых, потому что его концепция эмпирических фактов как моделей для формальных теорий — лишь *analogon* внутриматематического соответствия между системой и структурой; эта концепция не фиксирует важнейшее отношение, в котором моделирование формальной системы представляет собой средство для экспериментирования и, в конечном счете, преобразования строгости или универсальности данной системы. Вечный труд внутриматематического преобразования становится непроизводительным [inoperative] лишь в тех случаях, когда предполагаемая область интерпретации еще не является математической и, следовательно, семантически задаваемой как нечто способное соответствовать синтаксическому аппарату.

Таким образом, вопреки идеологической апроприации теории моделирования, научная практика движется не от формальной теории к конкретной модели, не от системы к структуре, а от структуры к системе, от модели к теории и обратно в непрерывном диалектическом взаимодействии. Историческая реальность математического производства ставит перед нами задачу проверки модели через теорию, а не теории через модель. Проблема, с которой сталкивается реальная математическая практика, в отличие от ее эпистемологической идеализации, заключается в процессе спецификации формальной теории, моделируемой историческим множеством структур, а также в определении соответствующей синтаксической записи — то есть формальной теории — для данного типа структуры. В этом и заключается проблема математической формализации. Проти «семантика и является экспериментальным протоколом» [1, р. 48], то, настаивает Бадью, отнюдь не потому, что модель является экспериментальной реализацией формальной системы, а потому, что, напротив, это структура, представляющая собой концептуальное доказательство, экспериментальная верификация которого осуществляется посредством записи в формальном синтаксисе. Формальная система ретроспективно конституируется как экспериментальный момент, как материальная связь верификации после концептуального доказательства, артикулированного в модели. Таким образом, формализованные синтаксисы — это материализованные теории; средства математического производства, вроде радиолампы или ускорителя частиц в физике: «Именно потому, что сам он является материализованной теорией, математическим результатом, формальный аппарат способен участвовать в процесс производства

математического знания, — в процессе, в котором концепт модели указывает не на нечто внешнее, что необходимо формализовать, а на математический материал, подлежащий проверке» [1, р. 58]. Эта система формализует через доказательство, осуществляющее которое позволяет модель. Формализация проходит через экспериментальную верификацию концептуального доказательства, предоставляемого моделью. Последняя дает материал для испытаний, вписывая его в формальную систему:

Философская категория эффективной процедуры — того, что четко высчитывается с помощью ряда недвусмысленных манипуляций со знаками, — лежит в самом сердце математической эпистемологии. Связано это с тем, что данная категория дистиллирует в себе экспериментальный аспект математики, то есть материальность ее записей [inscriptions], монтаж нотаций. <...> Математическое доказательство испытывается [s'irrouve] через подчиненную правилам открытость записей. В математике запись представляет собой не что иное, как сам момент верификации [1, р. 34].

Таким образом, формальная система дает нам инструмент экспериментальной записи, необходимый для верификации концептуального доказательства, разворачивающегося в структуре модели; однако эта верификация, в свою очередь, сама становится средством формализации. Доказательство и формализация неразрывно связаны между собой материальной диалектикой взаимных пресуппозиций. Именно эта диалектика — наряду с механизмом записывания, от которого она зависит, — ложится в основание утверждений Бадью об исторической материальности математического производства.

IV. Историчность математического производства

Реконструкция Бадью концепта модели обеспечивает фундамент для построения категории модели, призванной принять участие в диалектико-материалистическом прочтении историчности научной практики. Бадью четко задает структуру аргумента: не может быть и речи об использовании концепта модели в качестве основания для теории историчности математики — это было бы равносильно откровенной идеологической апроприации научного концепта; скорее речь идет о разворачивании материалистической категории модели на основе теории историчности математической науки, что уже подразумевается в том, как Бадью критикует понятие историчности концепта модели.

'Материальность' математической практики следует понимать не как аналог некоей несуществующей философской категории 'материи', а скорее в качестве чего-то, что указывает на записываемое производство различий. Эта мысль о материальности записей является, если можно так выразиться, эзотерическим подтекстом материалистической эпистемологии науки Бадью. Его приходится реконструировать, опираясь на различные эллиптические намеки, разбросанные по всему *Le Concept de modèle* и более позднему тексту (1967–1969 гг.), выдающейся статье *Marque et manque: à propos du zéro*²⁰ [2]. В ее заключении Бадью пишет: «Наука — это настоящий архи-театр письма: следы, перечеркнутые следы, следы следов; движение, в котором нет ни малейшего шанса на рецентрацию мерзотной фигуры Человека — знака ничто» [2, р. 164]. То, что Бадью постоянно делает акцент на матери-

альности логико-математических записей в ранних эпистемологических работах, по-видимому, может говорить о критическом соединении лакановских тезисов об агентности буквы и заявлений Деррида о диссеминаторной силе архи-письма. Логико-математическая запись преодолевает метафизический примат лингвистического означающего при помощи «стратифицированной множественности» [2, р. 164] дифференциальных следов, которые «ни один порядок означающего охватить не может» [2, р. 163]; она распыляет присутствие объекта — «ни вещь, ни объект не обладают существованием здесь в большей степени, чем их бесследное исчезание, исключение» [2, р. 156] — и расщепляет единство субъекта:

Нет никакого предмета науки. Обладающая бесчисленным количеством страт, регулирующая собственные транзистии, наука — чистое пространство, без оборотной стороны, без знака или места того, что она безвозвратно исключает. Она есть отбрасывание, но отбрасывание ничего, а потому ее можно назвать психозом отсутствующего субъекта²¹, а следовательно, и каждого; полностью универсальный, всеобщий бред — остается лишь поместить себя в него, дабы стать никем, анонимно рассеявшись в иерархии порядков. Наука — Внешнее без слепых пятен [2, р. 162].

Здесь мы сталкиваемся со всеми важнейшими чертами платонического материализма Бадью: научное мышление располагается вовне, за пределами идеологической репрезентации; не потому, что субъект располагает некоторым интуитивным доступом к царству трансцендентных объектов, но, напротив, потому, что неумолимо механическая 'подчиненная-правилам прозрачность' логико-математической записи расщепляет устойчивость объекта и целостность субъекта в этой бесконечно стратифицированной множественности научного дискурса. Имманентная автономия научного дискурса, его не-репрезентативный характер, является следствием его машинной природы, поскольку «формальная система — это математическая машина, машина для математического производства, расположенная внутри него самого» [1, р. 54]. Но средства математического производства сами по себе производятся; математическая машина или инструмент также являются математическим продуктом, результатом: без рекурсивной арифметики не существовало бы формальных систем, а без теории множеств — строгих экспериментальных протоколов для таких систем.

Однако именно потому, что такое научное воспроизводство средств производства таит в себе конститутивную историчность, самовоспроизводство науки по своей природе дифференцировано. Вернее, именно изначально дифференциальный (диалектический) характер научного воспроизводства порождает его историчность. Вечная диалектика доказательств и экспериментов — двигатель научной истории. Научное воспроизводство самодифференцируется из-за способа, которым сама наука осуществляет вмешательство в детерминированную эпистемологическую конъюнктуру посредством формального эксперимента. Так, например, доказав непротиворечивость модели аксиоматической теории множеств (с аксиомой выбора и континуум-гипотезой), Гёдель демонстрирует, что две эти аксиомы могут быть интегрированы в формальную теорию без какого-либо ущерба для ее целостно-

сти. Тем самым он предоставляет математической практике концептуальный карт-бланш: «Действуя таким образом, [эксперимент Гёделя] трансформирует не теорию, а статус теории в историческом процессе производства знаний» [1, р. 64]. Рассматривать математическую конфигурацию, вписанную в историю этой науки, как модель формальной системы, — значит определить ее специфику, выводя ее за пределы узких спонтанных иллюзий, порожаемых ее производством, и перенести в более широкое математическое пространство, образованное различными моделями данной системы. Следовательно, экспериментальный аппарат — это сцепление практик. Двойная артикуляция формального эксперимента и концептуального доказательства становится движущей силой собственных эпистемических интервенций науки внутри детерминированных исторических конфигураций. В истории науки экспериментальное преобразование практики, осуществляемое через детерминированный формальный аппарат, ретроспективно присваивает предшествующим примерам практики статус модели. Напротив, концептуальная историчность, то есть 'производительная' ценность формализма, проистекает как из его зависимости от теории (в качестве инструмента), так и из того, что он располагает моделями, то есть интегрирован в условия производства и воспроизводства знания; как утверждает Бадью, «[такова] практическая гарантия формальных структур [set-up]» [1, р. 67].

Таким образом, для Бадью материалистическая категория модели намечает ретроспективную каузальность формализма по отношению к его научной истории, которая объединяет объект (модель) и его использование (систему). Историчность формализма заключается в 'предвосхищающей' [anticipatory] интеллигибельности того, что он ретроспективно учреждает в качестве собственной модели [1, р. 67]. В конечном счете фундаментальная эпистемологическая проблема кроется не в природе репрезентативного отношения между моделью и чем-то конкретным, или между формальным и моделью; скорее, «проблема заключается в истории формализации» [1, р. 68]. Предложенная Бадью материалистическая категория модели обозначает сеть ретроактивных действий и предвосхищений, из которых соткана история формализации; история ее предвосхищающих сокращений [cuts] и ретроспективных реконфигураций [1, р. 68]. Историчность научного (вос)производства конституируется этой дифференциальной сетью эпистемических сокращений и реконфигураций. Стало быть, нет никакой необходимости прибегать к эмпирически произвольным, паратеоретическим 'сменам парадигм', чтобы объяснить структурные разрывы, которыми так пестрит история науки. Разрыв уже изначально заложен в имманентных концептуальных механизмах научной практики, поскольку «наука — это именно то, что постоянно отрывается [cutting] от собственного отображения в репрезентативном пространстве [т. е. идеологии]» [2, р. 165]. Это ключ к пониманию второго нашего эпиграфа: «В науке нет и не может быть никаких кризисов, ибо наука есть чистое утверждение различий» [2, р. 165].

В противовес натурализму, 'науку', внутри которой Бадью рекомендует основать мышление, несмотря на одиозные увлечения трансцендентализма, нельзя путать с ее эмпирической репрезентацией, нельзя смешивать с окружающим научным мирозрением, диффузным идеологическим дистил-

лятом, синтезированным из различных научных дисциплин (такова, например, конструкция корабля Нейрата); скорее, это совершенно автономный, непрерывно самодифференцирующийся режим теоретической практики, определяемый исторической сцепкой между концептуальным доказательством и формальным экспериментом.

Примечания

¹ Здесь важно отметить, что в том контексте, в котором пишет Бадью (т. е. в контексте, заданном работами Альтюссера, Башляра и Кангилема), 'эпистемология' означает 'теорию науки', а не 'теорию знания', как принято считать в англо-американской академической философии. Согласно последней, эпистемология по преимуществу занимается проблемами природы, рациональности, веры, истины, скептицизма и т. д. — проблемами, философский размах которых значительно шире самой 'философии науки'. Таким образом, вопрос о том, 'как наука репрезентирует мир', подменяется на более широкую проблематику, касающуюся природы эпистемического отношения между разумом и миром. Но для Бадью, равно как и для Альтюссера, Башляра и Кангилема, эти вопросы не могут быть предметом эпистемологии, ибо они вплетены в эмпирические предрассудки репрезентационизма, которые лишь препятствуют верному философскому пониманию научной теории и практики. Можно предположить, что дальнейшее исследование концептуальных развилочек, что таит в себе это, казалось бы, тривиальное и номинальное различие, поможет объяснить фундаментальное философское расхождение между проблемами пост-башлярской 'эпистемологии' во Франции и англо-американской 'философии науки'.

² Данная статья Бадью на самом деле датируется январем 1967 г., хотя опубликована была только в 1969 г.

³ Эта ранняя статья, формально представляющая собой обзор трех работ (книги Альтюссера *Pour Marx* [3], его статьи *Matérialisme dialectique et matérialisme historique* [4] и двухтомника Lire "*Le Capital*" [5, 6] за авторством Альтюссера, Балибара, Эстабле, Машери и Рансьера), является не только критическим обзором альтюссеровского проекта, но и очень мощной самостоятельной философской интервенцией.

⁴ Введение к этой работе см. в разделе 'Логика явления' в сборнике работ Бадью [10, р. 163–231].

⁵ Даниэл Смит в работе *Badiou and Deleuze on the Ontology of Mathematics* [14] предлагает довольно утонченный вариант подобной критики, попутно возражая бадьюанскому прочтению Жюль Делёза. Смит детально развивает делёзовское различие между 'королевской' и 'малой' (или 'кочевой') наукой, выявляя весьма показательный контраст между 'аксиоматизирующими' и 'проблематизирующими' тенденциями в математической практике. Далее он использует это различие как интерпретационную оптику, через которую он намеревается исправить ошибки, допущенные Бадью в прочтении Делёза; он критикует первого за использование исключительно 'роялистской' концепции науки и 'аксиоматической' математики. Однако, несмотря на то, что различие между аксиоматикой и проблематикой — отчасти уходящее корнями в труды Альберта Лаутмана — имеет, безусловно, большое философское значение, сомнительно все же, что его можно использовать для защиты Делёза от Бадью в том виде, в котором это пытаются сделать Смит. Невольно возникает подозрение, что различие между 'проблематикой' и 'аксиоматикой', равно как и различие между 'малой' и 'королевской' наукой, на котором оно основано, является лишь повторением (а не независимым концептуальным обоснованием) делёзовского различия между интенсивной и экстенсивной множественностью (или открытой и закрытой, гладкой и рифленой, виртуальной и реальной и т. д.); фундаментального различия, вокруг которого строится вся философия Делёза, но необходимость которого Бадью — независимо от очевидных неточностей в его прочтении Делёза — безусловно, вправе поставить под сомнение. Разговор

о проблематике в противовес аксиоматике, служащий в качестве обоснования необходимости различия интенсивных и экстенсивных множественностей, окажется бесполезным, если выяснится, что первое различие является всего лишь переутверждением второго.

⁶ По-видимому, у нас действительно есть веские основания утверждать, что 'философия науки' в том виде, в котором мы ее знаем, была порождена вполне определенной философской доктриной: логическим эмпиризмом. Так, в своей части антологии *The Philosophy of Science* Ричард Бойд пишет: «Почти все работы, фундаментальные или прикладные, в англоязычной философии науки в нынешнем [двадцатом] веке были либо созданы в рамках традиции логического эмпиризма, либо написаны как ответ на нее. Можно с полным правом утверждать, что философия науки как академическая дисциплина, по сути, является детищем логических эмпириков и (производным образом) философских споров, которые они вызвали» [15, р. 3].

⁷ Работа *Le Concept de modèle* возникла в качестве вклада Бадью в цикл семинаров 'Курс философии для ученых', организованных Альтюссером в Высшей нормальной школе в 1967–1968 учебном году. Первые четыре лекции Альтюссера из этого цикла, на которые здесь ссылается Бадью, имели заглавие *Philosophie et philosophie spontanée des savants*; найти их можно в сборнике *Philosophy and the Spontaneous Philosophy of the Scientists and Other Essays* [16]. Пятая лекция Альтюссера из того же цикла была озаглавлена *Du côté de la philosophie* и опубликована посмертно во втором томе его *Écrits philosophiques et politiques* [17, р. 265–308; возможно, Бадью также ссылается на отрывок, который встречается на странице 277. — Прим. Р. Б.].

⁸ Здесь мы видим пример того, как тезис, который с самого начала занимал центральное положение в работах Бадью, не выходит на поверхность вплоть до самых поздних текстов. Так, только в статье 1998 г. *Platonisme et ontologie mathématique* [18] Бадью объясняет, как его концепция платонизма подырает фундаментальное различие между мышлением и объектом, которое в гуссерлевской феноменологии получило лишь более уточненную характеристику в терминах соотношения между 'ноззисом' и 'ноэмой'.

⁹ Характеристика исторического материализма как 'науки' об истории, безусловно, спорно, особенно в свете предложенного Бадью отождествления математики и научности; более того, я полагаю, что он больше не придерживается такой точки зрения, но я не стану ее здесь оспаривать. Как бы то ни было, тот факт, что Бадью делает акцент на специфическом режиме концептуальной 'производительности', обнаруживаемый в математической практике, очевидно, определенным образом связан с ключевой ролью производительности в историческом материализме.

¹⁰ Бадью приводит три примера: платоновская категория 'идеального числа', указывающая на несуществующее 'соответствие' между арифметическими концептами и иерархическими морально-политическими понятиями; кантовские категории 'пространства' и 'времени', объединяющие ньютоновские концепты с понятиями, относящимися к человеческим способностям; сартровская категория 'Истории', объединяющая марксистские концепты с метафизически-моральными понятиями, вроде темпоральности, свободы и так далее. Что касается второго из примеров, следует отметить, что Бадью здесь использует термин 'категория' в смысле, совершенно отличном от кантовского, и прекрасно понимает, что для Канта пространство и время — это 'формы интуиции', а отнюдь не 'категории'.

¹¹ Как мы в дальнейшем увидим, истинным философским показателем 'материальности' в этой цепке исторического и диалектического материализма является 'производительность' данной теоретической практики. Как пишет Бадью: «Реальность эпистемологического материализма, который я и пытаюсь здесь представить, совершенно неотделима от эффективной практики науки» [1, р. 29].

¹² Использование здесь термина 'присутствие', возможно, является аллюзией на работы Деррида, с которыми Бадью, безусловно, к тому моменту был уже знаком [например, см.: 7, р. 445]; одно из возможных прочтений заключается в том, что деконструкция логоцентризма может быть использована в качестве одного из элементов критики эмпиристской эпистемологии.

¹³ Карнап очень скрупулезно разбирает различие между унификацией, выражаемой в терминах логической сводимости понятий (против которой он ничего не имеет), и унификацией, понимаемой как выведение законов одной науки (например, биологии) из законов другой (например, физики); по этому поводу он высказывается следующим образом: «... существует общий язык, которому принадлежат как биологические, так и физические законы, поэтому они могут логически сравниваться и связываться. Мы можем спросить, совместим или нет определенный биологический закон с системой физических законов и выводим он из них или же нет. Но ответы на эти вопросы нельзя вывести из сводимости терминов. На современном этапе развития науки определенно невозможно вывести биологические законы из физических. Некоторые философы считают, что такое выведение невозможно никогда ввиду самой природы двух областей. Но предпринимавшиеся попытки доказательства последнего тезиса определенно неудовлетворительны» [19, с. 38].

¹⁴ Хотя здесь я не могу этого сделать, было бы полезным сопоставить и противопоставить критику Дэвидсоном куайновского дуализма схемы/содержания с критикой эмпиризма Бадью. Несмотря на кажущуюся общую антипатию к эмпиризму, определение последнего у Бадью значительно шире, чем у Дэвидсона, и у меня есть некоторые подозрения, что работы последнего все же показались бы Бадью слишком эмпирическими.

¹⁵ Сцепка, которая породила когнитивную науку, самым выдающимся современным представителем которой является, пожалуй, Дэниел Деннет.

¹⁶ Бадью подробно рассматривает это фундаментальное формальное требование в приложении *Le Concept de modèle* [1, р. 69–90].

¹⁷ В знаменитой теореме 1931 г. Гёдель доказал неполноту формальной системы арифметики, то есть формальной системы, которая может быть смоделирована с помощью 'классической' или рекурсивной арифметики, показав, что модель системы содержит истинное утверждение, для которого нет соответствующей выводимой теоремы внутри самой системы. Таким образом, система может быть непротиворечивой, но неполной, или полной, но противоречивой, но она не может быть одновременно непротиворечивой и полной [подробнее см.: 24].

¹⁸ «Заметим, что эта процедура построена с помощью рекурсии по 'длине' выражений, то есть по числу составляющих ее символов. Мы начинаем с элементарных выражений типа $P(a)$, которые непосредственно оцениваются в рамках структуры, исследуя возможную принадлежность семантического 'репрезентатива' a к подмножеству универсума, представленному в P . Затем мы налаживаем процедуру, которая позволяет оценить выражение A на основе (предположительно полученной) оценки более коротких выражений, содержащихся в A или в его замкнутых экземплярах. Таким образом, оценка $\sim V$ осуществляется на основе оценки B , а оценка $(Ex)B$ — на основе $B(a/x)$ и т. д. Уверенность в том, что эти правила гарантируют существование оценки для выражения любой длины, равносильна признанию правомерности вычислений над целыми числами через рекурсию (в данном случае над числом символов, входящих в состав выражения)» [1, р. 41–42].

¹⁹ Примечательно, что Бадью упоминает здесь также и теорию категорий как потенциального конкурента теории множеств в смысле всеохватывающей всеобщности.

²⁰ См. выше примечание 2. Среди множества выдающихся особенностей этого текста нельзя не отметить глубокий со-

держательный анализ теоремы Гёделя о неполноте, а также пронзительную критику некоторых популярных философских интерпретаций его работы.

²¹ Аллюзия на заявление Жака-Алена Миллера о том, что «каждая наука структурирована как психоз» их его статьи *L'Action de la structure* [26].

Список источников / References

1. Badiou A. Le concept de modèle: introduction à une épistémologie matérialiste des mathématiques. Paris: Maspero, 1969. 95 p. (In Fr.).
2. Badiou A. Marque et manque: à propos du zéro. *Cahier pour l'analyse*. 1969;10:150–173. (In Fr.).
3. Althusser L. Pour Marx. Paris: Maspero, 1965. 258 p. (In Fr.).
4. Althusser L. Matérialisme historique et matérialisme dialectique. *Cahiers marxistes-léninistes*. 1966;11:90–122. (In Fr.).
5. Althusser L., Rancière J., Macherey P. Lire "Le Capital". T. 1. Paris: Maspero, 1965. 257 p. (In Fr.).
6. Althusser L., Balibar É., Estabiet R. Lire "Le Capital". T. 2. Paris: Maspero, 1965. 405 p. (In Fr.).
7. Badiou A. Le (Re)Commencement du matérialisme dialectique. *Critique*. 1967;23(240):438–467. (In Fr.).
8. Badiou A. L'Être et l'Événement. Paris: Seuil, 1988. 576 p. (In Fr.).
9. Badiou A. Logiques des mondes. L'Être et l'Événement, 2. Paris: Seuil, 2005. 638 p. (In Fr.).
10. Badiou A. Logics of Appearance / trans. from Fr. R. Brassier, A. Toscano // Theoretical Writings / Eds. R. Brassier, A. Toscano. London: Continuum, 2004. P. 163–231. (In Fr.).
11. Badiou A. Le Concept de modèle: introduction à une épistémologie matérialiste des mathématiques. Paris: Maspero, 1969. 95 p. (In Fr.).
12. Badiou A., Hallward P. Politics and Philosophy: An Interview with Alain Badiou. *Angelaki*. 1998;3(3):113–133. <https://doi.org/10.1080/09697259808572002>.
13. Badiou A. Mathematics and Philosophy: The Grand Style and the Little Style / trans. from Fr. R. Brassier, A. Toscano // Theoretical Writings / Eds. R. Brassier, A. Toscano. London: Continuum, 2004. P. 3–21.
14. Smith D. Badiou and Deleuze on the Ontology of Mathematics // Think Again: Alain Badiou and the Future of Philosophy / Ed. P. Hallward. London: Continuum, 2004. P. 77–93.
15. Boyd R. Confirmation, Semantics, and the Interpretation of Scientific Theories // The Philosophy of Science / Eds. R. Boyd, P. Gasper, J. D. Trout. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. P. 3–35.
16. Althusser L. Philosophy and the Spontaneous Philosophy of the Scientists (1967) / trans. from Fr. B. Brewster, J. H. Kavanagh, T. E. Lewis, G. Lock, W. Montag // Philosophy and the Spontaneous Philosophy of the Scientists and Other Essays / Ed. G. Elliott. London: Verso, 1990. P. 69–144.
17. Althusser L. Écrits philosophiques et politiques. T. II. Paris: Stoct/IMEC, 1997. 624 p. (In Fr.).
18. Badiou A. Platonism and Mathematical Ontology / trans. from Fr. R. Brassier, A. Toscano // Theoretical Writings / Eds. R. Brassier, A. Toscano. London: Continuum, 2004. P. 49–58.
19. Карнап Р. Логические основания единства науки / пер. с англ. С. Г. Сычёвой // Язык, истина, существование. Томск: Издательство Томского университета, 2002. С. 23–41.
- Carnap R. Logical Foundations of the Unity of Science / trans. from Engl. S. G. Sycheva. *Language, Truth, Existence*. Tomsk, 2002. P. 23–41. (In Russ.).
20. Куайн У. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. Томск: Издательство Томского университета, 2003. С. 24–48.

Quine W. Two Dogmas of Empiricism // From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays / trans. from Engl. V. A. Ladov, V. A. Surovtsev. Tomsk, 2003. P. 24–48. (In Russ.).

21. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Исследования истины и интерпретации / пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской [и др.]. Москва: Практикс, 2003. С. 258–277.

Davidson D. On the very Idea of a Conceptual Scheme // Enquiries into Truth and Interpretation / trans. from Engl. A. A. Veretennikov, T. A. Dmitriyev, M. A. Dmitrovskaya [et al.]. Moscow, 2003. P. 258–277. (In Russ.).

22. Churchland P. A Neurocomputational Perspective: The Nature of Mind and the Structure of Science. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 321 p.

23. Changeux J.-P. The Physiology of Truth: Neuroscience and Human Knowledge / trans. from Fr. M. B. DeBevoise. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2002. 324 p.

24. Gödel K. On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems // Frege and Gödel: Two Fundamental Texts in Mathematical Logic / Ed. J. Van Heijenoort. Cambridge, MA: Harvard UP, 1970. P. 87–107.

25. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / пер. с англ. Н. В. Воробьева. Москва: Издательство иностранной литературы, 1959. 384 с.

Carnap R. Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic / trans. from Engl. N. V. Vorobyev. Moscow, 1959. 384 p. (In Russ.).

26. Miller J.-A. L'Action de la structure. *Cahiers pour l'analyse*. 1968;9:93–105. (In Fr.).

Информация о переводчике:

НЕУСТРОЕВ Захар Максимович, студент Школы перспективных исследований (SAS) Тюменского государственного университета, г. Тюмень.
Адрес для переписки: z.neustroev.sas@gmail.com

Источник перевода: Brassier R. Badiou's Materialist Epistemology of Mathematics. *Angelaki*. 2005;10(2): 135–150. <https://doi.org/10.1080/09697250500417357>.
Ссылка на полный текст: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09697250500417357>

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 31.06.2024; принята к публикации 13.05.2026.

Information about the translator:

NEUSTROEV Zakhar Maksimovich, Student of the School of Advanced Studies (SAS), University of Tyumen, Tyumen.
e-mail: z.neustroev.sas@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 31.06.2024; accepted for publication 13.05.2026.

ПЕРВЕРСИЯ И АУТИЗМ: ГУМАНИЗМ МЕЖДУ ФУКО И ЛАРЮЭЛЕМ

З. М. Неустроев

Тюменский государственный университет, Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

 z.neustroev.sas@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ гуманистических проектов Мишеля Фуко и Франсуа Ларюэля. Рассматриваются генеалогия и ключевые положения фукольдianского антигуманизма и не-гуманизма Ларюэля.

Автор показывает, как антигуманизм первого, несмотря на проворачиваемую им критику метафизики, впадает в «перверсивную» структуру: полагает, будто знает, что нужно Другому (человеку), и тем самым навязывает новую форму отчуждения. Ларюэль, напротив, предлагает не-гуманизм, основанный на радикальной имманентности «ординарного человека», который черпает знание о себе из самого себя, минуя философских посредников. Ключевое различие между подходами проводится по линии психоаналитического определения перверсии (Фуко) и аутизма (Ларюэль): пока первый вязнет в этически несогласованных отношениях с субъектом, второй утверждает самодостаточное аксиоматическое одиночество человека. Автор также демонстрирует, как избираемая мыслителем методология увязывается с его представлениями о человеческом.

В конечном счете вопрос о гуманизме предстает диагностическим ключом к ядру философской теории и практики, их различающих механизмов, продуктом которых становится онтологическое и эпистемологическое рассечение субъекта философского знания.

Ключевые слова: гуманизм, не-философия, перверсия, аутизм, ординарный человек, Хайдеггер, Фуко, Ларюэль

Для цитирования: Неустроев З. М. Перверсия и аутизм: гуманизм между Фуко и Ларюэлем. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 2. С. 107–112. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-107-112>. EDN: ICKEPJ.

© Неустроев З. М., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

PEVERSION AND AUTISM: HUMANISM BETWEEN FOUCAULT AND LARUELLE

Z. M. Neustroev

University of Tyumen, Volodarskogo, St., 6, Tyumen, 625003, Russia

 z.neustroev.sas@gmail.com

The article presents a comparative analysis of the humanistic projects of Michel Foucault and Francois Laruelle. It examines the genealogy and key tenets of Foucauldian anti-humanism and Laruelle's non-humanism.

The author shows how Foucault's anti-humanism, despite its critique of metaphysics, falls into a "perverse" structure: it presumes to know what the Other needs and thereby imposes a new form of alienation. Laruelle, on the contrary, proposes a non-humanism based on the radical immanence of the "ordinary man," that derives knowledge of himself from himself, bypassing philosophical intermediaries. The key distinction between the two approaches is considered along the psychoanalytic lines of perversion (Foucault) and autism (Laruelle): whereas the former becomes entangled in ethically discordant relations with the subject, the latter affirms the self-sufficient, axiomatic solitude of man. The author also demonstrates how the methodology chosen by each thinker is intrinsically linked to their conceptions of the human.

As a result, the question of humanism emerges as a diagnostic key to the very core of philosophical theory and practice, to their differentiating mechanisms, the product of which is an ontological and epistemological incision of the subject of philosophical knowledge.

Keywords: humanism, non-philosophy, perversion, autism, ordinary man, Heidegger, Foucault, Laruelle

For citation: Neustroev Z. M. Perversion and Autism: Humanism between Foucault and Laruelle. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):107–112. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-107-112>. EDN: ICPEPJ. (In Russ.).

© Neustroev Z. M., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ему всего хватает, не нужна даже философия.
Франсуа Ларюэль, *A Biography of Ordinary Man*
[1, p. 9]

Пожалуй, одна из самых значимых работ Мишеля Фуко (как минимум, по вопросу исследования гуманизма) — изданные в 1966 г. *Les Mots et les Choses / Слова и вещи* [2; рус. пер.: 3]. Фуко совершает довольно радикальный, но, тем не менее, закономерный жест, диагностируя ‘смерть человека’ в западноевропейском культурном слое. При этом, само собой разумеется, речь идет вовсе не о ‘смерти’ сингулярного индивида (к тому моменту эта идея уже успела порядком приесться в традиции, к которой принадлежал и сам Фуко), а о ‘низвержении’ человека с пьедестала культуры в той эпистемологической точке, в которой оказались гуманитарные науки к середине XX века. Важно отметить, что анализ философа не сваливается в прескриптивное и догматичное указание на должные траектории развития гуманистической философии. Фуко скорее занимает дескриптивную позицию, обрисовывая текущее положение дел в свете отнюдь не критическом [3, с. 444]. Решение же считать ли нехватку критического элемента в работе Фуко недостатком или преимуществом в данном случае остается за читателем.

Поворотным в вопросе гуманизма текстом стал хайдеггеровский ответ Жану-Полу Сартру, представленный в 1946 г. в *Письме о гуманизме*. Мартин Хайдеггер в своем ответе предлагает основательную критику возрождающихся во Франции гуманистических настроений, которые крепко запутались в паутине метафизики. Существо человека — *humanitas* — всякий раз вытесняется из метафизического опыта гуманизма. Его бытийный исток оказывается за скобками, а потому, считает Хайдеггер, гуманизм не только остается в рамках онто-теологического строения, но и редуцирует человека до *animalitas*. Парадоксальным образом гуманизм человека недооценивает. Далее Хайдеггер, конечно же, выдвигает положение, согласно которому мышление об истине бытия — это мышление о *humanitas* на службе этого самого бытия. Он убежден, что отношение между человеком и его бытийным существом могут определяться как соседство, забота, послушание или служба, но точно не как нечто такое, что вторит строю метафизики [4, с. 197]. Хайдеггер выступает против гуманизма ‘странного рода’: гуманизма, далекого от бытия, а потому далекого и от человека.

Мы знаем, что вопрос о человеке если и не занимал центральное место в истории философии, то во всяком случае периодически оказывался предметом споров. Далеко за примерами ходить не придется — Хайдеггер запускает целую волну антигуманистических импликаций. В 1972 г. в работе *Поля философии* Жак Деррида вплотную подсту-

пается к аналитике хайдеггеровской критики метафизического гуманизма. Деррида замечает, что то, во имя чего Хайдеггер низвергает гуманизм, а именно мышлению о бытии и его истине, — мысль человека о человеке [5, с. 159]. Неподалеку расположился расщепленный субъект Лакана, который ретируется с позиции гуманистического единства человеческого существа. Кроме того, нам хорошо известен случай Жюль Делеза, ставящего под вопрос жесткие структуры древовидной метафизичности, которые, само собой, не способны ухватить ризоматический опыт проживания того, что с некоторой осторожностью можно назвать ‘реальностью’. Так, в *Тысяче плато* Жюль Делез и Феликс Гваттари проводят различие между двумя линиями жизни в новеллистическом повествовании: (1) «жесткая, или молярная, линия сегментации, и совсем не мертвая, ибо захватывает и пронизывает нашу жизнь и <...> сметает ее» [6, с. 321]; (2) «линия гибкой, или молекулярной, сегментации, где сегменты подобны квантам детерриторизации» [6, с. 322]. Это же критическое различающее прочтение распространяется и на опыт гуманистических философий. В конечном счете философия второй половины XX в. водит хоровод рефлексии вокруг вопроса о человеке в попытке подвести нас к какой-то такой форме мышления о человеческом существе, которая удовлетворяла бы ими же заданным критериям. В некотором роде антигуманизм становится общим местом, с которого должно начинаться мышление о человеке и бытии.

Особенное место в этом ряду занимает Фуко. Пока магистральной тенденцией оставалась попытка низвергнуть человека, то есть укрепить существующую традицию ‘расчеловечивания’ гуманитарных наук, Фуко предлагает посмотреть на современного субъекта как на нечто такое, что сцепляет эмпирическое и трансцендентальное. Иными словами, человек конституируется расколом надвое: с одной стороны, мы говорим о теле с набором механизмов ощущений, с другой — о познании, детерминированном историческими, социальными и экономическими условиями, и истории этого познания. Последнее, согласно Фуко, смахивает на трансцендентальную диалектику форм познания [3, с. 410–411]. При этом здесь дело мы имеем с одновременным слиянием и расщеплением двух составляющих человеческой природы, остающихся при этом автономными по отношению друг к другу [7, p. 291].

Итак, предлагая прочтение человека в качестве эпистемического дуплета, Фуко принимает участие в параде философского антигуманизма [7, p. 293]. Особенной чертой фукольдиданской мысли здесь может послужить разве что умелое балансирование между прескриптивным и дескриптивным мышлением. Тем не менее замешательств в тексте Фуко от этого никак не меньше. В порочном круге

перетекания эмпирического в трансцендентальное и назад эмпирическая доля всякий раз оказывается тяжелее, весомее; эмпирическое восприятие становится главной детерминантой в дуплете субъективности, а трансцендентальное обретает статус 'квази' [8, р. 134–135]. По большому счету, за что Фуко боролся, на то и напоролся — результат его расширенного комментария к вопросу о гуманизме прямо противоположен изначальному стремлению философа. В случае Фуко мы сталкиваемся с этим перевесом эмпирического над эпистемическим, который схематично повторяет интенции, с критики которых Фуко и начинает свою критику [8, р. 134]. Философ-археолог по неизвестной причине решил дальше поверхности не двигаться. Гуманистическое, слишком гуманистическое — и, тем не менее, недостаточно гуманное.

В этом смысле провальные попытки антигуманизма отдают перверсивностью. Мы знаем, что если и есть что-то такое, с чем перверсивная структура крепко сцеплена, то это вопрос этики. Вопрос этот занимает центральное место в психоанализе перверсий по той простой причине, что основополагающим компонентом всякого перверсивного акта является субъективность другого [9, с. 57]. Главная нужда перверта — закон, который в некотором смысле позволит ему получать столь желаемое наслаждение. Сержио Бенвенуто перверсию нарекает 'гетеродистонией', дистонией желания другого [9, с. 60]. Скажем, перверсивный акт мазохизма требует участия женщины — она будет бить и унижать мазохиста, но наслаждение при этом будет располагаться исключительно на стороне перверта. Как предельно точно замечает Бенвенуто, в кабинете аналитика от перверта обычно звучит нечто вроде: «Я наслаждаюсь, но другой не получает наслаждения от моего способа это делать» [9, с. 60]. Иными словами, в основе перверсии лежит этическая несогласованность в том, что для наслаждения субъекта необходимым оказывается другой, который, помимо прочего, участвовать в этой цепочке никакого желания не имеет. Не стоит забывать, что высказывание перверсивного субъекта на уровне речи может быть сформулировано как 'да, но' — закон есть, но огибать его в общем-то никто не запрещает. Интерсубъективные отношения перверта обречены на неудачу вследствие поражающей убежденности в знании того, что требуется для наслаждения Другого. Само собой, на деле знанием этим он не располагает.

То, что мы собираемся предложить, обнаружив некие пересечения между модальностью перверта и способом течения антигуманистической мысли, — это не попытка набросить некую схему-ознающее на *n*-ый подход к вопросу о гуманизме (занятие, разумеется, контрпродуктивное). Скорее, наша задача — по знаменитому выражению Жака Лакана, «проникнуть в суть безумия» [10, с. 120] и попытаться найти из него выход методами, недоступными внутренним средствам философии.

Интересно, что эта повсеместная медиализация дискурса начинается именно с Фуко. И если нам хорошо известны вопросы о соотношении у Фуко медицины и власти, то положение о фукольдианской медиализации философии до сих пор оставалось в тени. Недавно опубликованный курс 1966–1967 гг. *Le discours philosophique* открывается главой под названием 'Le diagnostic'. В ней Фуко утверждает, что исконная задача философии — интерпретировать и исцелять [11, р. 13]. В условиях совре-

менности же требуется постановка такого диагноза, который не сошел бы за интерпретацию и при этом не поддавался бы лечению. И эта задача, согласно Фуко, нечто такое, что философию заставило востепениться, 'помолодеть' [11, р. 16]. Наблюдая за процессом философской диагностики, мы можем с некоторой осторожностью сказать, что требование, перед которым оказывается нынешняя философия (т. е. не-излечивающая не-интерпретация), — это требование к созданию неразрывной сцепки теории-практики (интерпретации-лечения). В этом же медицинском русле оказывается понятие 'дуализа' у Франсуа Ларюзля (речь о нем пойдет ниже), несущее в себе определенную форму перформативного анализа философских дуализмов [12, р. 181–188]. Мы осмелимся высказать предположение о том, что данный мотив теории-практики становится общим местом, глобальным запросом современности. Так, например, Петер Слотердайк в своем эссе *Никчемный человек возвращается* говорит ровно о той же самой необходимости погрузить теорию и практику друг в друга, прорвав схему существующего бинаризма, используя то, что сам философ называет «медитацией, или дьюаной (dhyana)» [13, с. 504]. В результате после такого перерождения (или омоложения) философии предстоит иметь дело с комбинаторикой трех измерений: «с теоретической медитацией на практике, практической теорией медитации, теорией практической медитации и так далее» [13, с. 504]. Таким образом, текущее положение дел так или иначе вынуждает нас говорить об определенном дискурсивном единстве теорий и практик, осуществление которого может происходить через медиализацию и попутное подцепление, например, психоаналитической методологии.

Итак, вернемся к рассмотрению перверсии (анти)-гуманизма. Общий хоровод критики гуманистической философии грезит по особой пересборке человека, которой якобы надлежит 'очеловечить', или привести в человеческий вид, те характеристики, которыми субъекта наделяли философии гуманизма. Иначе говоря, самопровозглашенные анти-гуманисты без зазрения совести верят, что они располагают знанием о том, что другому (в данном случае — человеку) требуется. Естественно, подобно перверту, философ в попытке наградить человечество постметафизическим наслаждением, наслаждение доставляет лишь себе. С некоторой осторожностью, вслед за Бенвенуто, мы могли бы назвать такое положение вещей *гетеродистонией (анти)-гуманизмов*. Тем не менее мы вряд ли сможем сказать, что философ (в отличие от перверта на кушетке) испытывает особенную фрустрацию, вызванную сложившимся этическим неравновесием. И все же закон о нечеловечности метафизического гуманизма успешно им огибается. Хайдеггер, Делез, Фуко, Деррида и другие, несмотря на то, что предоставляют бесспорно справедливую критику предшествующего им мышления о человеке (т. е. признают закон о негуманности гуманизмов), умудряются этот закон обойти и, сами того не зная, выдвигают новую вариацию тоталитарного означивания человеческого существа, будь то мышление о бытии и его истине, деконструкция этого мышления, линия молекулярной сегментации и становления или расщепленный субъект. Да, гуманизм не срабатывает, но что если...

Здесь-то и вступает в игру проект Ларюзля: не-философия сослагательных наклонений не терпит.

Всякий раз, когда субъект, так или иначе ознакомленный с мыслью Ларюэля, оказывается перед требованием эту мысль в сжатом виде изложить, он впадает в замешательство. И это замешательство не лишено основания. В самом деле, осуществить некий абрис того, что не-философия предлагает, — дело не праздное по ряду причин. Скажем, свою лепту вносит сложная периодизация не-философской мысли Ларюэля, особенности синтаксической модели не-философа, а также увесистая цепь взаимовлияний самых разных областей исследования (от психоанализа и Алена Бадью до квантовой физики и экологии), понимание которых в данном случае может послужить 'лакмусовой бумажкой', порогом вхождения в аксиоматику не-философии. Безусловно, в этой точке и возникают споры о противоречивости ларюэлевского предприятия, которое, с одной стороны, он выдвигает идею о 'демократизации' философии, а с другой — оставляет за собственным знанием долю эзотеричности. Погружаться в эту проблематику в ходе нашего рассуждения было бы опрометчиво, однако с уверенностью можно сказать одно: никакого введения (в привычном смысле этого слова) в не-философию быть не может [14, р. 35].

И все же, дабы дальнейшее изложение не рассыпалось в попытке обойти то, что лежит в ядре не-философии, попробуем обозначить некую зарисовку той карты, что стала путеводителем Ларюэля. В основании не-философского проекта Ларюэля лежит гипотеза о том, что ключевая операция философии — трансценденция, производство различия. Именно тут речь заходит о философском *Решении*. Философия начинается с принятия *Решения* относительно того, что Ларюэль называет *Реальным*. В попытках описать это *Реальное*, философия производит трансцендентность. Структура философского решения — формальный синтаксис, регулирующий возможности самого философствования. Философия в этом ключе характеризуется рефлексивностью и зеркальностью, то есть интенциональность в данном случае по преимуществу круговая. Философское осмысление мира становится предлогом для бесконечной самоинтерпретации философии, абсолютная зеркальность которой порождает бесконечные интерпретации, — такова норма философской практики мышления. Само зеркальное мышление философии не может допустить полагание радикальной имманентности, и это именно то, что приводит не-философию в действие. Не-философия — это преобразование зеркального сопротивления имманентности в форму не-зеркального мышления.

Схожий механизм прослеживается и в тех операциях, которые Ларюэль проводит над гуманизмом. Под лозунгом 'науки о человеке' не-философия вступает в баталии против философии, которая, по большому счету, если и говорит о человеке, то говорит о нем в ключе антропологическом. Если попытаться уже сейчас ухватиться за направление мысли, заданное Ларюэлем, то нам станет ясно, что антропомышление философии может говорить о слишком-человеческом или сверхчеловеческом, но путь к человеку ей заказан [15, р. 39–40]. Иными словами, единственный человек, о котором философии приходится заводить речь, — человек, облепленный приставками, человек 'закавыченный'. С неизбежностью философия в попытке человека осмыслить будет пристегивать его к неким 'высестоящим' концептам: к миру, к другим, к бессоз-

нательному и так далее. Человек *tout court*, о котором философии знание недоступно, — ординарный (обыденный, *ordinaire*) человек, который знание о себе извлекает исключительно из себя самого, то есть делает это без посредников в виде культуры, философии, истории или психологии. Именно это свойство позволяет Ларюэлю назвать такого человека неотчуждаемым. В философском гуманизме же царит радикальное отчуждение: человек философии — это *homo ex machina*, антроподоид, функция которого сводится к бытию-винтиком в философской машине [1, р. 7]. В первом приближении кажется, что уже здесь не-философскому анализу гуманизмов удастся выскользнуть из перверсивного отчуждения-«закавычивания» человека, ведь в демократическом измерении ординарный человек избирает себя из собственного *Одного*, из этой радикальной имманенции, в обход *Разума* и *Желания*.

Вслед за Ларюэлем уместно говорить о том сдвоенном жесте, с которого для философии начинается гуманизм. На первом такте гуманизации философия разделяет [ординарного] человека надвое, на втором — склеивает его назад таким образом, чтобы сингулярное и универсальное в нем стали неделимы [16, р. 106]. Эта склейка как раз и становится местом, в котором гуманизация обращается в метафизику, онто-теологию. Как справедливо отмечает Ларюэль, гуманизм — то, что философия думает о человеке, а не то, что человек думает сам (о себе) [16, р. 106]. Иначе говоря, философия играет с карикатурными образами, тенями, которые отбрасывает ординарный человек, стараясь при этом 'загустить' тени так, чтобы они сошли за него самого. Она галлюцинирует индивидом [15, р. 39].

Таким образом, не-философия предлагает не-гуманизм, подвешивающий философию, дабы затем интегрировать ее в свой научный аппарат в качестве одного из метаязыков [16, р. 110]. Вопрос не в том, чтобы гуманизм низвергнуть, а в том, чтобы извлекать из множества гуманизмов нечто такое, что может встать на службу ординарному человеку. И, тем не менее, нам придется расстаться с установленным Фуко гуманистическим дуализмом эмпирического и трансцендентального, равно как и со всяким процессом различия, ибо не-гуманизм оперирует исключительно в трансцендентальной унилатеральности, прежде-философии, с данным-без-данности. Неотчуждаемое штудирование философских отчуждений — так мысль человека о самом себе приводится в действие.

Не меньший интерес представляет и то, как сам Ларюэль обходится с ординарным человеком, отталкиваясь от этого критического подхода. Пока философия, ничтоже сумняшеся, 'героически' пытается спуститься до человека и разглядеть его в микроскоп, не-философия вытягивает человека (назад) в зону равенства, приподнимает его. Не-философия — кандидат от и для человека. Отношения между мышлением и ординарным человеком, впрочем, не так уж просты — Ларюэль их описывает через форклязию [7, р. 300]. Происходит это отбрасывание в силу того, что основание ординарности пролегает в *Одном*, а не в бытии (как то было ранее) [15, р. 46]. Одно, которое, помимо всего прочего, не является склейкой или единением (разве что объединенным-без-единения), оказывается недоступным для философии за истечением срока давности. Радикальная имманенция *Одного* — это *Реальное*, с которым не-философия находится на короткой ноге. Помыслить *Одно* не представля-

ется возможным, но в общем-то нам это и не нужно — не-философия мыслит вместе с *Одним*, в соответствии с ним. Нет никакой необходимости прощупываться к имманентному *Реальному*, по которому грезит Делез, можно мыслить с ним уже здесь. Таким образом, человек служит основанием философии, а не наоборот [15, р. 46]. Намечая эту линию, Ларюэль совершенно справедливо приходит к выводу о том, что ординарный человек не сваливается в нехватку: ему всего достаточно, потребности нет даже в философии [15, р. 48]. Он *о-существляет* сам себя, он ничего не должен Истории, Биологии, Государству или Философии; ординарный человек — это самодостаточное *Одиночество*. В тексте *Une science rigoureuse de l'homme* Ларюэль пишет: «Я [ординарный человек] не могу быть поставлен под вопрос: <...> сущность моя не обнаруживается в моем существовании или вопрошании, я нащупываю эту сущность, прежде чем возникает вопрос. Я — начало моей жизни и мысли. <...> Да, вопрос Бытия имеет место быть, но Одно под вопрос не ставится» [15, р. 48–49].

Одно в оптике не-философии не является Единством, скорее это радикальное тождество, которое находится в оппозиции с философиями различия (им была посвящена одна из ранних работ Ларюэля). Так, например, один из параграфов его *Principes de la non-philosophie* имеет говорящее заглавие 'От повторения различия к перформированию тождества: possibiliзация и перформация' [12, р. 181–185]. И если мы все же остаемся верны нашей изначальной 'диагностической' траектории, то не мешало бы понять, какая именно структура позволяет этому тождеству образоваться. Ординарный человек (*Одно*, *Реальное*, радикальная имманенция), настоящий на тождестве, в некотором смысле становится продолжением фихтианского положения Я=Я. Как совершенно справедливо было отмечено Александром Галлоуэем, будучи верным учеником Фихте, Ларюэль занимает позицию аутизма [17, с. 137]. И этого не чурается сам Ларюэль, охотно признающий, что его аутистическая тропа смахивает на «частицу, проходящую сквозь гору» [17, с. 137]. Именно это позволяет Ларюэлю заявлять о том, что его проект противостоит прежде всего той клетке мысли, в которую нас невольно заковали греки; клетка эта до сих пор цела, только замок теперь проходит под видом различия (*а/е*)ния. Не-философия срывает его и позволяет предстать перед публикой ординарному человеку, человеку-аксиоме без лица и качеств, невыразимому ученому *Одиночества* [15, р. 51].

Разумеется, не-гуманизм Ларюэля нельзя назвать 'пунктом назначения' гуманистических проектов; скорее мысль не-философии предстает 'архимедовой точкой', из которой открывается вид на то, что всякий раз оказывалось за фасадом. Иными словами, методология ларюэлевского 'не-', обнажая конститутивные элементы и процессы, пролегающие в самом основании философской мысли, может стать фундаментом критического подхода к различным поворотам и тропам (не)-философии, включая самого Ларюэля¹. Джереми Смит, резюмируя свою диссертацию, посвященную демократическому измерению не-философии, отмечает, что наиболее последовательный ход не-философа — «делать нечто вместе с Ларюэлем, но никак не делать то, что делает он, не пытаться превзойти или переларюэлить его» [19, р. 194]. Стало быть, не-философия — это не конец философии, гуманизма

или психоанализа; это приглашение к реконструкции просевшего фундамента, вместо бесконечной пересборки надстроенного. В этом смысле не-гуманизм находит определенные пересечения с дигонийским способом интерпретации в прочтении Резы Негарестани, а именно с тем, как последний подвергает материал критической (но избирательной) мутации, реинжинирует его, а затем интегрирует в него некоторые элементы современной оптики, на которую сам интерпретатор смотрит, очевидно, под определенным углом, с искажением [20, р. 2]. Таким образом, по Джону О'Малорке, Ларюэль констатирует, что «философское совершенство пало, а вместе с ним пал и совершенный человек; <...> в конечном итоге не имеет значения, пали ли люди или не-люди: важно лишь то, как они приземлились» [14, р. 289].

Примечание

¹ Примерами могут послужить проекты 'учеников' этого не-философа — анти-философия Жюль Греле и европанализ Сержа Вальдиночи [подробнее см.: 18].

Список источников / References

1. Laruelle F. A Biography of Ordinary Man: On Authorities and Minorities. Malden, MA: Polity, 2018. 260 p.
2. Foucault M. Les Mots et les Choses: Une archéologie des sciences humaines. Paris: Gallimard, 1966. 320 p. (In Fr.).
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. Санкт-Петербург: А-сэд, 1994. 487 с.
4. Foucault M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences / trans. from Fr. V. P. Vizgin, N. S. Avtonomova. Saint Petersburg, 1994. 487 p. (In Russ.).
4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. с нем. В. В. Библихина // Время и бытие. Москва: Республика, 1993. С. 192–220.
5. Heidegger M. Letter on Humanism / trans. from Germ. V. V. Bibikhin // Vremya i bytiye. Moscow, 1993. P. 192–220. (In Russ.).
5. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Ю. Краlechкина. Москва: Академический Проект, 2012. 376 с.
6. Derrida J. Margins of Philosophy / trans. from Fr. D. Yu. Kralechkin. Moscow, 2012. 376 p. (In Russ.).
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. 895 с.
7. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia / trans. from Fr. I. Svirskiy. Ekaterinburg; Moscow, 2010. 895 p. (In Russ.).
7. Sutherland T., Patsoura E. Human-in-the-last-instance? The Concept of "Man" Between Foucault and Laruelle. *Parrhesia*. 2015;24:285–311.
8. Han-Pile B. The "Death of Man": Foucault and Anti-Humanism // Foucault and Philosophy / Eds. T. O'Leary, C. Falzon. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. P. 118–142.
9. Бенвенуто С. Перверсии. Сексуальность, этика, психоанализ / пер. с англ. Е. Маркевич. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2016. 280 с.
9. Benvenuto S. What Are Perversions? Sexuality, Ethics, Psychoanalysis / trans. from Engl. E. Markevich. Saint Petersburg, 2016. 280 p. (In Russ.).
10. Лакан Ж. Психозы (Семинар, Книга III (1955/56)) / пер. с фр. А. Черноглазова. Москва: Гнозис, Логос, 2014. 432 с.
10. Lacan J. The Psychoses: 1955–1956 / trans. from Fr. A. Chernoglazov. Moscow, 2014. 432 p. (In Russ.).
11. Foucault M. Le discours philosophique. Paris: Seuil, 2023. 320 p.

12. Laruelle F. Principles of Non-Philosophy / trans. from Fr. N. Rubczak, A. P. Smith. London: A&C Black, 2013. 340 p.
13. Слотердайк П. Никчемный человек возвращается, или Конец одного алиби / пер. с нем. Е. Аккерманн // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология / сост. Д. Уффельманн, К. Шрамм. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 475–506.
- Sloterdijk P. Nikchemnyy chelovek vozvrashchayetsya, ili konets odnogo alibi / trans. from Germ. E. Akkermann. *Nemetskoye filosofskoye literaturovedeniye nashikh dney: Antologiya* / Comps. D. Uffelman, K. Shramm. Saint Petersburg, 2001. P. 475–506. (In Russ.).
14. Ó Maoilearca J. All Thoughts Are Equal: Laruelle and Nonhuman Philosophy. London: University of Minnesota Press. 375 p.
15. Laruelle F. A Rigorous Science of Man / trans. from Fr. R. Mackay // From Decision to Heresy: Experiments in Non-Standard Thought. Falmouth: Urbanomic Press; New York: Sequence Press, 2012. P. 33–73.
16. Laruelle F. *Théorie des étrangers: science des hommes, démocratie, non-psychanalyse*. Paris: Kimé, 1995. 328 p.
17. Галлоуэй А. Р. Аутизм разума / пер. с англ. З. М. Неустроева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 132–140. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-2-132-140>. EDN: AZSDXH.
- Galloway A. R. The Autism of Reason / trans. from Engl. Z. M. Neustroev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024;9(2):132–140. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-2-132-140>. EDN: AZSDXH. (In Russ.).
18. Narciso A. Giving an Identity: Coordinates of Invention. Heresy and Dissidence among Non-Philosophers. *Identities*. 2018;15(1–2):118–56. <https://doi.org/10.51151/IDENTITIES.V15I1-2.341>.
19. Smith J. R. The Cave and the Stars: On the People and Democracy of Non-Philosophy. 2023. (PhD Thesis). URL: <https://uwo.scholaris.ca/items/909efd92-4a9f-4dac-984e-5277433c12ff> (accessed: 28.04.2026).
20. Negarestani R. *Intelligence and Spirit*. Falmouth: Urbanomic Press; New York: Sequence Press, 2018. 579 p.
-
- Информация об авторе:**
НЕУСТРОЕВ Захар Максимович, студент Школы перспективных исследований (SAS) Тюменского государственного университета, г. Тюмень.
e-mail: z.neustroev.sas@gmail.com
- Прозрачность финансовой деятельности:** автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 30.06.2024; принята к публикации 06.05.2026.
- Information about the author:**
NEUSTROEV Zakhar Maksimovich, Student of the School of Advanced Studies (SAS), University of Tyumen, Tyumen.
e-mail: z.neustroev.sas@gmail.com
- Financial transparency:** the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.
The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 30.06.2024; accepted for publication 06.05.2026.

УДК/UDC 123.1+343.241

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-113-117>

EDN: IXLVHH

Научная статья / Original article

ВРЕМЯ И НАКАЗАНИЕ

К. Нью

Университет Гонконга, Гонконг, Китай

Перевод с английского

А. В. Нехаев Омский государственный технический университет,
Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира, 11 avnehaev@omgtu.ru

В статье рассматриваются моральные основания практики преднаказания, наказания за преступление до момента его совершения. Вопреки интуиции, нет ничего неправильного в том, чтобы наказать кого-либо до того, как он совершит преступление, если только можно было знать точно либо быть уверенным вне всяких разумных сомнений, что он намеревается и действительно совершит в будущем данное преступление.

Ключевые слова: преступление, наказание, ответственность, вина, возмездие, сдерживание

Для цитирования: Нью К. Время и наказание = New C. Time and punishment / пер. с англ. А. В. Нехаева. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 2. С. 113–117. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-113-117>. EDN: IXLVHH.

© Hexaev A. B., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

TIME AND PUNISHMENT

C. New

University of Hong Kong, Hong Kong, China

Translated from English

A. V. Nekhaev

Omsk State Technical University, Mira Ave., 11, Omsk, 644050, Russia

 avnehaev@omgtu.ru

The article examines the moral groundings of the prepunishment practice, punishment for a crime before the crime is committed. Contrary to intuitions, there would not be anything wrong with punishing someone before he committed a crime, if only we could know exactly or be sure beyond reasonable doubt that he intended to and would in fact commit it.

Keywords: crime, punishment, responsibility, guilt, retribution, deterrence

For citation: New C. Time and punishment / trans. from Engl. by A. V. Nekhaev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):113–117. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-113-117>. EDN: IXLVHH. (In Russ.).

© Nekhaev A. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ибо человек, который *собирается* совершить преступление, еще не сделал ничего такого, что заслуживает наказания. Энтони Аппиа [1, р. 194].

I. У нас есть сильная интуиция о том, что неправильно наказывать человека за преступление, которого он не совершал. Действительно, принципиальная возможность исключения таких наказаний, часто считается критерием любой адекватной теории наказания. Наказание человека за преступление, которого он не совершал, легко отождествить с наказанием невиновного, и, несомненно, отчасти именно поэтому мы обычно не задаемся вопросом — как мы можем быть оправданы в наказании невиновного? Тем не менее я считаю, что подобное отождествление вводит в заблуждение, и я собираюсь представить пример, который, кажется, подрывает наши интуитивные представления о наказании. Если данный пример обоснован, то он позволяет предположить, что в нашем моральном мышлении есть место для понятия преднаказания, и что только эпистемические, а не моральные ограничения мешают нам применять его на практике. Под 'преднаказанием' имеется в виду наказание за преступление до его совершения; 'постнаказание' используется для обозначения наказания после совершения преступления. Рассматриваемый пример оставляет открытой возможность для 'синх-наказания' — наказания во время совершения преступления¹. Я не буду обсуждать его в явном виде, но полагаю, что все доводы в пользу преднаказания могут быть приведены *mutatis mutandis* и в пользу синхнаказания.

II. Вот мой пример. Бен, любитель философии и сотрудник дорожно-патрульной службы штата Аляски, и Эдджи, эксцентричный крючковор и автолихач, оба знают, что Эдджи намеревается, будет намереваться и в конечном итоге осуществит свое намерение превысить скорость на отдаленном, не патрулируемом, но оборудованном радаром участке Wilderness One² в 10:31 завтра утром. Они знают это в силу (a) интроспективной осведомленности Эдджи о его собственных намерениях; (b) неинтроспективной осведомленности Бена и Эдджи о намерениях, характере, способностях и ресурсах Эдджи (можно предположить, что она также включает в себя сложные нейрофизиологические данные); (c) осведомленности Бена и Эдджи о состоянии Wilderness One, автомобиля Эдджи и неспособности полицейских штата Аляски выследить Эдджи или добраться до столь отдаленного места правонарушения³ раньше, чем пройдет пара часов после его совершения. Эдджи, оставаясь вне зоны досягаемости, связывается с Беном по радиации со следующим предложением: если Бен выпишет штраф с фиксированной суммой за это правонарушение до его совершения, Эдджи заплатит штраф прежде, чем его совершит; если же Бен выпишет штраф только после совершения правонарушения, Эдджи покинет штат и избежит уплаты штрафа. И Эдджи, и Бен знают, что Эдджи говорит правду, в силу тех же самых условий, по которым они знают, что он собирается совершить данное правонарушение. После некоторых размышлений Бен решает выписать штраф, вписав в него завтрашнее число как дату правонарушения. Он доставляет извещение о штрафе по ближайшему адресу Эдджи, после чего жена Эдджи передает чек на оплату штрафа, который тот оставил у нее заранее в запечатанном конверте.

Чек немедленно обналичивается, и уже на следующий день ровно в 10:31 утра Эдджи превышает скорость на Wilderness One в точности так, как было указано в извещении о штрафе.

Какие возражения (помимо тех, что вытекают из действующего законодательства) можно выдвинуть против этого примера преднаказания? Одно из возражений может заключаться в том, что описанные мной события вовсе не являются примером преднаказания, а скорее отсрочкой наказания за другое правонарушение. Можно предположить, что Эдджи был наказан за незаконное действие, состав которого заключается в планировании превысить скорость, и соответственно наказание назначается после совершения этого правонарушения. Но это не так; в моем примере подчеркивается, что правонарушение Эдджи состоит в *превышении скорости в 10:31 завтра утром*, а не в сегодняшнем *планировании превысить скорость в 10:31 завтра утром*. Если бы последнее правонарушение имело место, то, вероятнее всего, можно было бы как отсрочить наказание Эдджи за планирование превышения скорости, так и наказать его за фактическое превышение скорости. Однако несомненно то, что в моем примере Эдджи наказывается именно за завтрашнее превышение ограничения скорости, а не за сегодняшнее планирование превысить данное ограничение завтра утром.

Возможно, кто-то возразит, что в описанном мною примере Бен и Эдджи обладают не знанием, а лишь рациональным убеждением относительно будущих действий Эдджи. Это возражение опирается на скептицизм, который многие из нас не разделяют, и я не буду его здесь обсуждать. Даже если мы признаем, что состояние Бена и Эдджи выражает не знание, а только рациональное убеждение, Бен все равно (как я буду доказывать в разделе III) будет оправдан в том, чтобы принять предложение Эдджи о преднаказании. Ведь убеждение Бена, несомненно, основано на свидетельствах, которые ставят вне разумных сомнений факт о том, что Эдджи совершит преступление, а свидетельства вне разумных сомнений — это все, что мы требуем, когда признаем кого-то виновным и налагаем на него наказание. Поэтому, хотя я и продолжаю говорить о *знании*, скептик может мысленно заменить его *рациональным убеждением*, такая замена не затрагивает основной тезис, который я защищаю, — что преднаказание иногда бывает оправданной процедурой.

Те, кто согласен с тем, что состояние Бена и Эдджи действительно выражает знание, могут тем не менее возразить, что в действительности оно никогда не возникает. Но это не имеет значения. Я не утверждаю, что кто-либо когда-нибудь будет обладать таким знанием, а лишь утверждаю, что было бы вполне разумным допустить подобного рода возможность. Некоторые, вероятно, возмущаются ее оспаривать, предполагая, что мой пример должен быть непоследовательным в том или ином отношении. Однако мне не известно ни одного аргумента, который доказывал бы принципиальную невозможность знания о будущих действиях агентов. Поэтому я думаю, что данное возражение в лучшем случае недоказуемо, и мы имеем предварительные основания считать мой пример последовательным.

Все эти возражения носят эпистемический характер. Рассмотрим теперь, дает ли моральные основания для отказа от моего примера какая-либо

из основных теорий наказания. Ретрибутивисты считают, что наказание оправдано не каким-либо сдерживающим эффектом, которое оно может иметь, а тем фактом, что преступник в некотором роде заслуживает страданий за свое преступление. И хотя в этой точке зрения нет ничего такого, что предписывало бы ему страдать *после*, а не *до* совершения преступления, ретрибутивисты могут тем не менее утверждать, что все мы придерживаемся или обязаны придерживаться принципа, согласно которому было бы неправильным наказывать невиновного человека; и наказание Эдджи до совершения им соответствующего преступного деяния открыто нарушает данный принцип, поскольку мы наказываем его в тот момент, пока он невиновен. В ответ на это Бен мог бы указать, что нам следует различать две формы данного принципа. Первая форма заключается в том, что неправильно наказывать человека за преступление, которое он *никогда не совершит*, вторая — что неправильно наказывать человека за преступление, которое, как всем известно, он *намеревается совершить и совершит* после своего наказания. Бен мог бы утверждать, что мы обязаны поддерживать именно первую форму данного принципа, а не вторую, поскольку она в принципе не содержит морально значимых свидетельств наказания невиновных. И в самом деле, в моем примере, если бы мы поддержали вторую форму ретрибутивного принципа, то сознательно позволили бы Эдджи совершить преступление и остаться безнаказанным, что сами же ретрибутивисты сочли бы чем-то морально недопустимым.

Здесь на ум приходит одна аналогия, хотя и не во всем точная. Мы обязаны оплачивать купленные нами товары: если мы не платим за них после доставки, значит, — должны платить до нее. Почему не должно быть так же и с наказанием? Мы обязаны платить за свои преступления, утверждает ретрибутивист. Отлично, тогда если мы не платим за свои преступления после их совершения, мы обязаны платить до их совершения. Все, что нам требуется, чтобы все участники процесса наказания точно знали, что наказываемый заслуживает своего наказания; и в моем примере это условие, несомненно, было соблюдено. Тем же, кто настаивает на том, что человек не *становится* виновным и тем самым заслуживающим наказания до тех пор, пока он фактически не находится в процессе совершения преступления (либо уже полностью его совершил?), Бен мог бы ответить, что это просто предрассудок, который придает ненадлежащее моральное значение незначительному временному факту, либо что правдоподобность такой позиции зависит от предположения, что мы на самом деле не *знаем* точно, что преступление будет совершено до тех пор, пока оно фактически не будет совершено (и в этом случае мы никогда не можем знать, *будет* ли оно совершено), однако такое предположение *ex hypothesi* не верно для рассматриваемого мной примера. Если всем участникам коммерческой сделки известно, что покупатель заберет товар, то у продавца нет особых оснований предпочесть отсрочку платежа предоплате. Аналогичным образом, если всем участникам процесса наказания известно, что Эдджи намеревается, будет продолжать намереваться и в конечном итоге осуществит свое намерение нарушить действующее ограничение скорости, у нас не должно быть оснований предпочесть постнаказание преднаказанию. Скорее

в рассматриваемом примере у нас есть основание для отказа от такого предпочтения из-за фактической невозможности постнаказания. Разве ретрибутивная теория показывает, что Бен ошибается?

Кто-то может попытаться возразить, что мы наказываем Эдджи потому, что он *собирается* стать виновным, а не потому, что он уже *стал* таковым. Но разве это *возражение*? Если бы все заинтересованные лица знали, что завтра пройдет тайфун и что ответственный синоптик намеревался, продолжал намереваться и, в конечном итоге, осуществил бы свое намерение не выпустить предупреждение о тайфуне в положенное время, вряд ли они стали бы много раздумывать о том, следует ли его понизить в должности прямо сейчас, не ожидая, пока наступит (или пройдет) положенное время, — особенно если бы они также знали, что не смогут понизить его в должности после тайфуна. Почему же тогда, мог бы спросить Бен, мы должны раздумывать над преднаказанием Эдджи? Трудно сказать, что на это могли бы ответить ретрибутивисты.

На первый взгляд может показаться, что сторонники теории сдерживания способны без особого труда отвергнуть мой пример. У них может возникнуть искушение утверждать, что неправильно преднаказывать Эдджи, потому что *ex hypothesi* не удержит его от совершения будущего преступления, за которое он сейчас наказывается. Но у Бена уже есть готовый ответ. Он мог бы заметить, что то же самое верно и в отношении постнаказания, которое, очевидно, не сдерживает преступников от совершения ими преступлений, за которые они впоследствии были наказаны. И в случае преднаказания, и в случае постнаказания налагаемое наказание может сдерживать потенциальных преступников, равно как и фактических преступников от совершения *других* преступлений в будущем. В примере с преднаказанием Эдджи сторонники теории сдерживания находятся не в лучшем положении, чем ретрибутивисты. Разумеется, если мы изменим соответствующим образом этот пример, предположив, скажем, что конец света наступит сразу же после правонарушения Эдджи, тогда у сторонников теории сдерживания появится основание для отказа от преднаказания, недоступное ретрибутивистам. Ведь тогда *ex hypothesi* никакой сдерживающий эффект от преднаказания не был бы достигнут. Однако сам по себе в своей исходной форме пример не дает сторонникам теории сдерживания такой возможности.

Размышляя над коммерческой аналогией Бена, кто-то может возразить, что преднаказание, по видимому, включает в себя безусловно ошибочную идею о том, что после того, как преступник был наказан, он имеет *право* совершить свое преступление, подобно тому, как человек, внесший предоплату за свой товар, имеет право его забрать. Но подобные размышления были бы заблуждением из-за характера самой аналогии, которая, как я уже говорил, не является точной. Покупатель действительно имеет право на свой товар, потому что это часть неявного или явного договора, который он заключил с продавцом. Между преступником и властями такого договора не существует. Для преступления характерно то, что преступник не имеет права его совершать. Мой пример говорит нам, что Эдджи совершит преступление, и из этого мы можем сделать только один вывод: никто не помешает ему совершить его. Но из факта, что Эдджи уже

был наказан, нельзя сделать вывод о том, что у него есть *право* на совершение преступления.

Этот ответ может вызвать еще одно возражение. Если ничто из наших действий не помешает Эдджи совершить преступление, то можно сказать, что он не является подходящим объектом для какого-либо наказания, ни до, ни после; должно быть наш Эдджи просто психопат, не поддающийся влиянию. Но такое возражение тоже ошибочно. Вполне возможно, что человек, которого нельзя удерживать какими-либо средствами либо отговорить от совершения преступления, не является подходящим объектом для наказания. Однако у нас нет оснований полагать, что Эдджи является таким человеком. Мы знаем только то, что его в *действительности не удастся* удержать или отговорить, а не то, что это в принципе невозможно. Может существовать любое число вполне разумных доводов, которые не удержат его от превышения скорости на Wilderness One, и в рассматриваемом примере мы вправе предположить, что Эдджи такой же человек, как и большинство из нас, — он тот, кто хочет что-то сделать, способен это сделать, и не имеет для этого никаких помех; он вовсе не психопат, не поддающийся влиянию, а такой же подходящий объект для наказания, как и все остальные.

III. Мы рассматривали один конкретный пример, в котором преднаказание представляется оправданным. Но есть ли какие-то ограничения того, как далеко мы можем зайти в подобного рода практике наказания? Кажется, что одно из них будет связано со смертной казнью. Если бы преступлением Эдджи было не превышение скорости на Wilderness One, а, например, убийство одинокого туриста топором, и если бы за убийство полагалась смертная казнь, то было бы невозможно одновременно знать, что он совершит такое убийство, и назначить ему смертную казнь в качестве преднаказания, поскольку казнь предотвратила бы совершение преступления, за которое он должен быть казнен. На первый взгляд, это наводит на мысль, что способность предвидения парадоксальным образом может *помешать* нам назначить Эдджи смертную казнь. Но, конечно же, это не так. Если мы знаем, что он совершит данное убийство, из этого следует, что мы не казним его прежде, чем он это сделает; наша неспособность казнить Эдджи будет вызвана его дьявольской хитростью и неувимостью, некомпетентностью полиции, коррупцией в суде либо какими-то другими причинами. Наше знание о том, что он совершит данное убийство, влечет за собой то, что мы не казним его заранее, но оно не является *причиной* нашей неспособности его казнить.

Другим ограничением может стать период, в течение которого мы готовы санкционировать преднаказание, что-то вроде существующего в юрисдикциях ограничения на период, в рамках которого мы санкционируем постнаказание. Преступник может быть очень стар или очень молод, или промежуток времени между его наказанием и преступлением может быть слишком долгим, или он может быть очень болен; и эти соображения могут заставить нас отказываться от преднаказания в определенный период, так же как они могут заставить нас отказаться от постнаказания. В этом отношении преднаказание и постнаказание идентичны.

Впрочем, есть одно ограничение, в котором мы должны быть готовыми зайти дальше, чем позволяет исходная форма рассматриваемого примера. (При этом мы удовлетворим скептиков, которые со-

мневаются, действительно ли Бен и Эдджи *знают*, что последний сделает завтра утром.) Мы постулировали, что все участники процесса преднаказания должны *знать*, что преступление было задумано и будет совершено. Но не является ли данное требование слишком строгим? В конце концов, для практики постнаказания требуется не *знание* того, что обвиняемый совершил преступление, а лишь доказательство *вне разумных сомнений*. Предположим, что мы аналогичным образом ослабили бы требование и для практики преднаказания: достаточно просто не иметь разумных сомнений в том, что обвиняемый совершит в будущем определенное преступление. Тогда, конечно же, может получиться, что мы несправедливо наказали человека, пусть даже и из лучших побуждений; более того, исправить несправедливость будет невозможно, поскольку он мог умереть в период времени между назначением ему наказания и установлением факта его невиновности. Но ведь это также и опасность для наших практик постнаказания; поэтому, если мы принимаем риск в одном случае, было бы непоследовательным не принимать его в другом.

IV. По общему признанию, преднаказание является странным понятием, но не тем, которое явным образом исключается эпистемическими или логическими соображениями или какой-либо из основных теорий наказания. Здесь уместно напомнить об обратной причинности — идее, которая на первый взгляд кажется абсурдной, но которую нельзя сразу же исключить из рассмотрения ни на основе логических соображений, ни на основе существующих теорий причинности. В обоих случаях у нас есть возможность сделать такие странные понятия доступными для понимания. Разумеется, в настоящий момент времени мы не способны удовлетворить и, вероятно, никогда не будем способны удовлетворить необходимое для преднаказания эпистемическое условие. Но вопрос в том, только ли отсутствие способности предвидения удерживает нас от подобной практики, или есть какое-то более глубокое, моральное возражение против этого? Мое собственное предположение заключается в том, что никакого более глубокого морального возражения для практики преднаказания нет*.

Примечания переводчика

¹ В переводе сохранены авторские термины 'преднаказание' (prepunishment), 'синхнаказание' (syncpunishment) и 'постнаказание' (postpunishment). Возможными аналогами могли бы стать 'наказание-до', 'наказание-во-время' и 'наказание-после'.

² Термин 'Wilderness' применяется жителями штата Аляска для обозначения неосвоенных местностей и территорий дикой природы, включая зоны многочисленных национальных парков.

³ В примере использован термин 'misdemeanour', которым в некоторых правовых системах общего права (США, Австралия, Новой Зеландии и др.) обозначается особая категория 'мелких' преступных деяний. Как правило, они подлежат менее строгому наказанию (обычно в виде денежных штрафов или общественных работ), чем серьезные уголовные преступления, но более строгому, чем административные правонарушения.

* Комментарии участников семинара кафедры философии Гонконгского университета, на котором эта статья впервые была представлена для обсуждения, а также замечания редактора *Analysis* были для автора крайне полезны и помогли прояснить некоторые рассматриваемые в ней вопросы.

1. Appiah A. *Necessary Questions: An Introduction to Philosophy*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1989. 240 p.

Информация о переводчике:

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень.
SPIN-код: 5844-9381
AuthorID (РИНЦ): 394939
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1358-743X>
AuthorID (SCOPUS): 57211853279
ResearcherID: M-7208-2016
e-mail: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

New C. Time and Punishment. *Analysis*. 1992;42(1):35–40. <https://doi.org/10.1093/analysis/52.1.35>.
Ссылка на полный текст эссе: <https://academic.oup.com/analysis/article-abstract/52/1/35/144633?redirectedFrom=fulltext>

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в пред-

ставленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 29.04.2026.

Information about the translator:

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy, Media, and Journalism Department, University of Tyumen, Tyumen.
SPIN-code: 5844-9381
AuthorID (RSCI): 394939
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1358-743X>
AuthorID (SCOPUS): 57211853279
ResearcherID: M-7208-2016
e-mail: avnehaev@omgtu.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 29.04.2026.

УДК/UDC 81:1

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-118-123>

EDN: SRMJWT

Научная статья / Original article

ФРИДРИХ ВАЙСМАН (1896–1959): СТРАНСТВУЮЩИЙ ФИЛОСОФ

В. В. Оглезнев

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

ogleznev82@mail.ru

Статья посвящена переоценке места Фридриха Вайсмана в истории аналитической философии XX в. Показывается, что устойчивая репутация Вайсмана лишь как популяризатора идей Витгенштейна не позволяет рассматривать его как самостоятельного мыслителя, сыгравшего заметную роль не только в истории Венского кружка, но и в формировании оксфордской философии обыденного языка.

Особое внимание уделяется оксфордскому периоду его творчества, в котором две ключевые идеи Вайсмана — 'открытая текстура' и 'языковые слои' — окончательно оформляются в теорию многоуровневой структуры языка. Рассматривается значение тезиса об открытой текстуре как одного из оснований лингвистического антиредукционизма Вайсмана и прослеживается его дальнейшее влияние на аналитическую философию права и когнитивную психологию. Анализ концепции языковых слоев позволяет показать, каким образом Вайсман приходит к представлению о различии логик, способов верификации и смыслов истины в разных концептуальных областях. Отдельно подчеркивается значение его англоязычных текстов оксфордского периода, в которых теоретическая оригинальность сочетается с особой манерой философского письма.

В итоге Вайсман предстает как оригинальный философ языка, чье интеллектуальное наследие заслуживает более точной историко-философской оценки.

Ключевые слова: Фридрих Вайсман, аналитическая философия, открытая текстура, языковые слои, многоуровневая структура языка, лингвистический антиредукционизм

Для цитирования: Оглезнев В. В. Фридрих Вайсман (1896–1959): странствующий философ. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 2. С. 118–123. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-118-123>. EDN: SRMJWT.

© Оглезнев В. В., 2026
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

FRIEDRICH WAISMANN (1896–1959): WANDERING PHILOSOPHER

V. V. Ogleznev

National Research Tomsk State University, Lenina Ave., 36, Tomsk, 634050, Russia

ogleznev82@mail.ru

The article proposes the reassessment of Friedrich Waismann's place in the history of twentieth-century analytic philosophy. It argues that his long-standing reputation as a mere expositor of Wittgenstein's ideas has obscured his role as an independent thinker who made an important contribution to the Vienna Circle and to the emergence of Oxford ordinary language philosophy.

Special emphasis is placed on the Oxford period of his work, in which Waismann's two key ideas — 'open texture' and 'language strata' — take final shape in his theory of many-level structure of language. The paper examines the notion of open texture as one of the foundations of Waismann's linguistic anti-

reductionism and traces its later influence on analytic jurisprudence and cognitive psychology. It also analyses his conception of language strata in order to show how Waismann reached the view that different conceptual domains involve different logics, standards of verification and senses of truth. Special attention is also paid to his English-language writings of the Oxford period, where theoretical originality is combined with a distinctive philosophical style.

Thus, the article presents Waismann as an original philosopher of language, whose legacy calls for a more precise historical and systematic assessment.

Keywords: Friedrich Waismann, analytic philosophy, open texture, language strata, many-level structure of language, linguistic anti-reductionism

For citation: Ogleznev V. V. Friedrich Waismann (1896–1959): Wandering philosopher. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):118–123. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-118-123>. EDN: SRMJWT. (In Russ.).

© Ogleznev V. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Фридрих Вайсман остается, пожалуй, одной из наиболее незаслуженно обделенных вниманием фигур не только среди представителей Венского кружка, но и в аналитической традиции в целом. Оценка его вклада в развитие аналитической философии XX в. до сих пор остается недостаточно проясненной и во многом неоднозначной. Такое положение дел трудно признать удовлетворительным как с точки зрения истории философии, так и с точки зрения генеалогии самой аналитической традиции. Между тем Вайсман сыграл существенную роль не только в формировании Венского кружка, организации его работы и содержательно-го наполнения его заседаний, но и в распространении и популяризации его ключевых идей. Поэтому 130-летие со дня рождения этого неординарного австрийского философа — уместный повод воздать должное его интеллектуальному наследию и вновь поставить вопрос о подлинном месте Вайсмана в истории философии XX в.

Одной из причин такой недооценки является то, что отношение к Вайсману во многом определяется его репутацией популяризатора идей Людвига Витгенштейна, прежде всего связанных с изменением образа языка, где картина однозначного соответствия формального языка, сконструированного согласно принятой онтологии, меняется на анализ языка в практике его употребления. И хотя имя Вайсмана нередко упоминается рядом с именами Витгенштейна и Шлика, ему почти всегда отводится роль второго плана, которая сводится, как выразился Энтони Куинтон, к роли 'человека-блокнота' (*human notebook*) [1, р. x] или, по словам Брайана Макгиннеса, 'секретаря' (*amanuensis*) [2, р. 10] Шлика и Витгенштейна. В результате создается впечатление, будто перед нами не самостоятельный мыслитель, развивающий собственную философскую систему, а человек, зависимый от расположения и влияния своих более именитых коллег. И это впечатление не вполне обманчиво. Вайсман действительно долгое время оставался в тени других представителей Венского кружка то ли из-за своей «склонности к восхищению авторитетами» [2, р. 9], на что прямо указывает Макгиннес, то ли из-за своей «врожденной отрешенности» [3, р. 308], о которой говорит Стюарт Гэмпшир. Как бы то ни было, его вполне заслуженное место в своеобразном пантеоне аналитической философии оставалось незанятым до тех пор, пока в 1940 г. он не переехал в Оксфорд.

После смерти Шлика в 1936 г. и под давлением политических обстоятельств Вайсман принял решение покинуть Венский университет и искать работу за пределами Австрии. Осенью 1937 г. он получил приглашение прочитать курс лекций в Кембридже. Это приглашение, возможно, было косвенно связано с тем, что Витгенштейн к тому времени покинул Кембридж, а освободившиеся средства университета решил предложить Вайсману [2, р. 12]. Но по разным причинам дела в Кембридже у Вайсмана не пошли, и поэтому многие друзья и коллеги настойчиво советовали ему перебраться в Оксфорд, где его перспективы казались более благоприятными. Так он в итоге и сделал. В осеннем семестре 1939 г. ему представилась возможность прочитать там курс лекций; тогда же он получил гранты от оксфордских колледжей *All Souls* и *Magdalen*. И в феврале 1940 г. Вайсман окончательно обосновался в Оксфорде, где будет жить до конца своих дней. Однако и здесь начало не задалось. Будучи отнесенным к категории 'подданных вражеского государства' (*enemy aliens*), 22 июля 1940 г. он был интернирован в Пейгнтоне (Девон) — в одном из лагерей для иностранцев, временно созданных британским правительством в начале Второй мировой войны, где провел почти два с половиной месяца. На протяжении последующих пяти лет Вайсман едва сводил концы с концами, получая лишь крайне скромные средства как беженец — от *Society for the Protection of Science and Learning* и *Society of Refugee Scholars*. Удержаться на плаву помогали анонимные пожертвования коллег и друзей, а также временная преподавательская должность, которую удавалось финансировать за счет средств, высвободившихся после смерти Робина Джорджа Колингууда, занимавшего в Оксфорде должность профессора метафизической философии до 9 января 1943 г., и за счет зарплаты Гилберта Райла на время его военной службы (1940–1945). В 1945 г. Вайсман все же получил должность университетского лектора (*lector*) по философии математики, в 1950 г. — должность старшего преподавателя (*reader*), а в 1955 г. — старшего преподавателя по философии науки.

Талант Вайсмана как самостоятельного ученого и блестящего преподавателя в полной мере раскрылся именно в Оксфорде. Его лекции и доклады, по свидетельствам коллег и студентов, пользовались большой популярностью, отличаясь строгостью аргументации и утонченным стилем изложения, и по-

степенно превратились в источник постоянного интеллектуального вдохновения. И хотя 'философия обыденного языка' в Оксфорде прочно ассоциировалась с именами Джона Остина и Гилберта Райла, переход к ней от логического эмпиризма произошел не без участия Вайсмана [4, р. ххii]. В частности, он заметно повлиял на Стюарта Гэмпира и Герберта Харта — представителей, так сказать, 'второго поколения' оксфордских философов обыденного языка. Таким образом, подобно Витгенштейну, он оказался причастен к обоим главным направлениям аналитической философии середины XX века. В знак признания его поздних работ и вклада в развитие науки в июле 1955 г. Вайсман был избран членом Британской академии.

И хотя при жизни он опубликовал сравнительно немного, основные (если можно так выразиться) его работы были опубликованы посмертно. Окончательный текст *Logik, Sprache, Philosophie*, уничтоженный во время бомбежки голландского издательства *van Stockum and Zoon*, был восстановлен по ранним черновикам и опубликован лишь в 1976 г. Английский перевод, гранки которого Вайсман сам тщательно правил с 1939 г., появился в 1965 г. под названием *The Principles of Linguistic Philosophy* [5]. «Оба издания, — пишет Гордон Бейкер, — почти не вызвали интереса в Англии: в лучшем случае их воспринимали как интерпретацию *Философских исследований* Витгенштейна, а в худшем — как присвоение или плагиат его идей» [4, р. ххii]. Книга *Lectures on the Philosophy of Mathematics* [6] была восстановлена в 1982 г. по его конспектам и рукописям при подготовке к лекциям в Оксфорде 1950-х гг.. Wille und Motiv вышла в 1988 г. (английский перевод *Will and Motive* — в 1994 г. [7]). В 2011 г. под редакцией Брайана Макгиннеса были опубликованы несколько рукописей (на английском) Вайсмана о причинности [8, 9]. В 1968 г. под редакцией Рома Харрэ был опубликован сборник статей Вайсмана *How I See Philosophy* [10], а в 1977 г. под редакцией Брайана Макгиннеса — сборник *Philosophical Papers* [11].

Именно оксфордский период (1940–1959) стал для Вайсмана наиболее плодотворным. И хотя он, возможно, до конца своих дней в известном смысле оставался витгенштейнианцем, особенно важно то, каким образом он перерабатывал и переосмыслил идеи, источником которых была философия Витгенштейна, и которые, в конечном счете, оформились в его собственную философско-лингвистическую концепцию — теорию многоуровневых языковых структур. Вот почему, по справедливому замечанию Куинтона, «Вайсмана нельзя считать лишь временным и удобным посредником между Витгенштейном и читающей философской аудиторией» [1, р. хii]. Примечательно, что в основании концепции Вайсмана, над развитием которой он работал начиная с 1940-х гг., лежат его собственные идеи, прежде всего 'открытая текстура' (*open texture*) естественного языка и 'языковые слои' (*language strata*, или *Satzsysteme*, как он их называл). Именно они объединяют его англоязычные тексты, написанные в последние двадцать лет жизни. Поэтому стоит ненадолго на них остановиться.

Изначально тезис об 'открытой текстуре'¹ эмпирических понятий был сформулирован Вайсманом как контраргумент против феноменалистской программы сведения высказываний о материальных объектах к высказываниям о чувственно данных, и шире — против верификационизма как такового.

Неудовлетворенность методом верификации, который понимался и как критерий фактической истинности, и как критерий научной осмысленности высказываний, то есть предполагал сводимость значения высказывания к способу его эмпирической проверки, привела Вайсмана к важному выводу, что «неполнота верификации коренится в неполноте определения используемых понятий, а неполнота определения — в неполноте эмпирического описания» [12, р. 126]. Иными словами, невозможность дать исчерпывающее определение используемым понятиям, а значит, и заранее описать все ситуации их корректного применения, объясняется тем, что сами эти понятия обладают открытой текстурой. В этом смысле тезис об 'открытой текстуре' становится одним из ключевых оснований его лингвистического антиредукционизма [13].

Хотя анализ Вайсмана был направлен преимущественно на эмпирические понятия, эпистемологический потенциал этой идеи вскоре обнаружился и за пределами физикалистского дискурса — прежде всего в аналитической философии права и когнитивной психологии. Благодаря Герберту Харту, распространившему идею открытой текстуры на юридический язык, она получила вторую жизнь и прочно закрепилась в качестве одного из методологических принципов анализа правовых понятий [13, с. 112]. Со временем концепция открытой текстуры правовых понятий оказалась настолько продуктивной, что стала самостоятельным предметом исследования и получила новые, порой весьма далекие от исходного вайсмановского понимания, интерпретации. В частности, есть основания полагать, что хартовская трактовка открытой текстуры повлияла на формирование теории семантических прототипов, разрабатывавшейся когнитивным психологом Элеонорой Рош [14] в 1970-х г., где центральное место занимает понятие 'прототипа', понимаемого как наиболее репрезентативного элемента категории, концентрирующего в себе ее типичные признаки. И здесь ключевым становится сходство как используемой терминологии, так и разделяемых методологических установок. Харт, анализируя неопределенность значения правовых понятий, выделял его ядерный и полутеневой элементы (*core meaning* и *penumbral meaning* соответственно), тогда как в теории семантических прототипов используется такие близкие по смыслу выражения, как центральное значение (*central meaning*) понятия и его периферийное значение (*peripheral meaning*). Обе теории, кроме того, разделяют восходящий к Витгенштейну и Вайсману взгляд на нескрываемость и размытость границ понятий, на непрерывность и контингентность в определении вещей и их именовании, что в обоих случаях делает проблему неопределенности неизбежной [15].

Второй идеей, которой Вайсман был увлечен в оксфордский период, была идея 'языковых слоев'. Он разрабатывал концепцию языка, который можно как бы 'разложить на уровни': «Язык кажется разделенным на слои провалами, через которые мы можем перепрыгнуть, но через которые мы не можем навести мосты с помощью логических процедур» [16, с. 229].

Согласно Вайсману, каждый языковой слой обладает собственной логикой [17, р. 110–111]: высказывания могут быть истинными в разных смыслах, верифицироваться в разных смыслах, быть полными или неполными в разных смыслах; более того, сама логика способна изменяться вме-

сте с типом высказывания. Это предполагает объединение в одном слое всех тех высказываний, которые являются однородными, то есть логически ведут себя одинаково. А поскольку в разных слоях действуют разные логики, то понятие истины также будет различаться: истинность высказывания о субъективном впечатлении отличается от истинности высказывания о материальном объекте, а последняя, в свою очередь, — от истинности физического закона. Соответственно, различаются и способы верификации таких высказываний, потому что сложный характер отношений между слоями не позволяет свести высказывания одного слоя к высказываниям другого. Все это, по мысли Вайсмана, ведет к новой картине языка, естественным образом разделенного на слои, или уровни [18].

Его концепция языковых слоев, то есть концептуальных областей, каждая из которых обладает собственной внутренней связностью, или логикой, тогда как на границах с другими, смежными областями обнаруживаются лишь слабые, 'критериальные' формы связи, может рассматриваться как значимое развитие витгенштейновского взгляда на язык как на множество бесчисленных и лишь относительно самостоятельных языковых игр [1, р. xiii; 19, р. 7]. Все же это вполне самостоятельная идея Вайсмана, которая, по воспоминаниям его родственников, «приносила удовлетворение ему самому и находила поддержку у коллег и студентов» [20, р. 21]. И именно она легла в основу его теории многоуровневой структуры языка и статей, посвященных ее систематическому изложению начиная с 1940-х гг.

Отдельного внимания заслуживает и манера философского письма Вайсмана, особенно отчетливо проявившаяся в его англоязычных текстах. Она, с одной стороны, создает определенные сложности при переводе, а с другой — впечатляет своей образной насыщенностью, стилистической тонкостью и философской глубиной.

Отличительной чертой его стиля выступает редкое сочетание аналитической ясности и почти литературной выразительности. Даже при обсуждении сугубо философских вопросов Вайсман придерживается свободного, но дисциплинированного рассуждения. Строгость аргументации у него нередко сопровождается яркими метафорами, иронией и легкими отступлениями от темы. В этом он похож скорее на эссеиста или даже писателя модернистской прозы, нежели на академического философа. Он может изящно превратить абстрактное в осязаемое, оживить мысль парадоксами, афоризмами и даже шутками. Например, в одной из статей он пишет: «Язык — это инструмент, который, по мере необходимости, должен гнуться под задачу. Упорствовать в том, чтобы сохранять язык в его существующем виде, — значит приходить к филистерству, которое настаивает на почитании клише и, в конце концов, делает хакари живой мысли» [21, р. 113]. Или же в другой статье: «Трудность философии состоит в том, как сказать не больше того, что действительно знаешь» [22, р. 151]. Он, действительно, может легко перейти от анализа логических связей 'и' и 'или' к живым образам о реках, потоках, языковых ловушках, от строгой критики кантовских категорий к ироничным замечаниям о 'шляпе фокусника, именуемой трансцендентальным аргументом' [12, р. 135]. В этом смысле его ни на кого непохожий стиль можно назвать одновременно аналитическим и поэтическим. Эта двуслойность является как

будто продолжением его идеи 'языковых слоев', где под ясностью, логической и почти дидактической строгостью скрывается более сложный слой — игра ассоциаций, внимание к смысловым оттенкам слов, к так называемой языковой 'ауре': «Слово, — пишет Вайсман, — имеет не только значение, но и нечто иное, трудно поддающееся описанию, — атмосферу, смутный ореол или ауру, сотканную из всех тех бесчисленных тропов и оборотов речи, которым оно может послужить или в которые оно органично вплетается» [22, р. 160].

Однако данная манера письма не может объясняться исключительно индивидуальным предпочтением автора, определенное влияние на нее оказала и внешняя среда. В эмиграции Вайсман постоянно и остро ощущал дискомфорт: его английский всегда казался ему несовершенным, недостаточно 'своим'. По мнению Макгиннеса, «его идиомы и произношение, всегда чуть неточные, сам его английский язык свидетельствовал о его глубоком отчуждении» [2, р. 9]. Или вот что по этому поводу пишет Кунтонтон:

Временами его произношение было просто не разобрать, но оно всегда было запоминающе своеобразным. Слово *word* у него неизменно превращалось в *vürd*, утверждения о закономерностях природы назывались *kozal loce*. Впечатленный сложностью английских идиоматических выражений, он постоянно носил с собой блокнот, чтобы фиксировать новые примеры их многообразия [1, р. xii].

Аналогичное наблюдение приводит Гэмшир:

Переход от немецкого языка к английскому оказался для него тяжелее и мучительнее, чем для кого-либо из тех, кого я знал в подобных обстоятельствах. Это было связано не только с самим языком, но и с его исключительной чувствительностью к стилю. <...> Его всегда заботило, чтобы каждое слово производило точное, сильное и неожиданное впечатление. С трогательной тщательностью он читал Вирджинию Вульф, изучал эссе Пирсолла Смита об английских словах и искал для своих мыслей форму, которая могла бы им соответствовать, хотя прекрасно понимал, что мысли эти пришли издалека и английскому языку оказались чуждыми [3, р. 316].

Действительно, Вайсман, проявляя, пожалуй, чрезмерно высокую чувствительность к языку, неизменно стремился тщательно выверять лексику и синтаксис и добиваться предельной точности изложения. Это не редко придавало его англоязычным текстам легкий налет искусственной торжественности и даже помпезности (не случайно Макгиннес характеризовал некоторые вайсмановские выражения как «обаятельные идиолексемы» [2, р. 12]). Однако эту особенность следует понимать не только как черту индивидуального стиля. Его временами напыщенный, местами подчеркнuto 'чужой' английский, как и настойчивое стремление овладеть им в совершенстве, может рассматриваться как экзистенциальная метафора эмиграции.

Именно в такой языковой и интеллектуальной перспективе следует читать англоязычные работы Фридриха Вайсмана, написанные в оксфордский период жизни (1940 — 1959), где с различной степенью полноты представлены как основные положения его теории многоуровневых языковых структур, так и характерный для него способ философского рассуждения, в которых аналитическая точность соче-

тается с обостренным вниманием к выразительным возможностям языка.

Примечание

¹ Синонимом выражения *open texture* является выражение *the porosity of concept* — буквальный перевод немецкого *die Porosität der Begriffe*. По-русски его точнее было бы передавать как 'пористость понятия', то есть как его рыхлость или, в более специальном смысле, как семантическая нестабильность, поскольку именно такой перевод в наибольшей степени соответствует содержанию этого термина. Само выражение *open texture*, по словам Вайсмана, было ему предложено Уильямом Нилом [12, р. 121]. Ради сохранения лингвистической преемственности здесь используется калька английского варианта — 'открытая текстура'.

Список источников / References

1. Quinton A. Introduction // Friedrich Waismann: Philosophical Papers / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1976. P. ix–xix.
2. McGuinness B. Waismann: The Wandering Scholar // Friedrich Waismann — Causality and Logical Positivism / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: Springer, 2011. P. 9–16.
3. Hampshire S. Friedrich Waismann (1896–1959). *Proceedings of the British Academy*. 1960;46:308–317.
4. Baker G. Preface // The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle. Ludwig Wittgenstein and Friedrich Waismann / Ed. G. Baker. London and New York: Routledge, 2003. P. xvi–xlvi.
5. Waismann F. The Principles of Linguistic Philosophy / Ed. R. Harré. London: Macmillan; New York: St Martin's, 1965. 422 p.
6. Waismann F. Lectures on the Philosophy of Mathematics / Ed. W. Grassl. Amsterdam: Rodopi, 1982. 174 p.
7. Waismann F. Will and Motive // Ethics and the Will: Essays / Eds. B. McGuinness, J. Schulte. Dordrecht: Springer, 1994. P. 53–137.
8. Waismann F. The Decline and Fall of Causality // Friedrich Waismann — Causality and Logical Positivism / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: Springer, 2011. P. 53–90.
9. Waismann F. Causality // Friedrich Waismann — Causality and Logical Positivism / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: Springer, 2011. P. 91–184.
10. Waismann F. How I See Philosophy / Ed. R. Harré. London: Palgrave Macmillan, 1968. 260 p.
11. Waismann F. Philosophical Papers / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1976. 190 p.
12. Waismann F. Symposium: Verifiability. *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1945;19(1):119–150. <https://doi.org/10.1093/aristoteliansupp/19.1.101>.
13. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» эмпирических понятий и лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайсмана // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 113–125. <https://doi.org/10.5840/eps201956353>. EDN: SFPLEO.
14. Rosch E. Natural Categories. *Cognitive Psychology*. 1973;4(3):328–350. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(73\)90017-0](https://doi.org/10.1016/0010-0285(73)90017-0).
15. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» правовых понятий и теория семантических прототипов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 94–98. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/11>. EDN: WXCZTB.
16. Оглезнев В. В. The "Open Texture" of Legal Concepts and the Semantic Prototype Theory. *Tomsk State University Journal*.

2020;452:94–98. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/11>. EDN: WXCZTB. (In Russ.).

16. Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка / пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 219–230. <https://doi.org/10.5840/eps201855478>. EDN: YVKCVF.

Waismann F. The Many-Level-Structure of Language / trans. from Engl. V. V. Ogveznev, V. A. Surovtsev. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;55(4):219–230. <https://doi.org/10.5840/eps201855478>. EDN: YVKCVF. (In Russ.).

17. Waismann F. Language Strata // How I See Philosophy / Ed. R. Harré. London: Palgrave Macmillan, 1968. P. 102–121.

18. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблемах редукционизма // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 206–218. <https://doi.org/10.5840/eps201855477>. EDN: YVKCUX.

Ogveznev V. V., Surovtsev V. A. Friedrich Waismann on the Many-Level-Structure of Language and Problems of Reductionism. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;55(4):206–218. <https://doi.org/10.5840/eps201855477>. EDN: YVKCUX. (In Russ.).

19. Makovec D. Waismann's Rocky Strata // Friedrich Waismann: The Open Texture of Analytic Philosophy / Eds. D. Makovec, S. Shapiro. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–25.

20. Lieberman M., Lieberman H. Tributes to and Impressions of Friedrich Waismann // Friedrich Waismann — Causality and Logical Positivism / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: Springer, 2011. P. 19–23.

21. Waismann F. The Resources of Language // The Importance of Language / Ed. M. Black. Ithaca, London: Cornell University Press, 1962. P. 107–120.

22. Waismann F. The Linguistic Technique // Philosophical Papers / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1976. P. 150–165. https://doi.org/10.1007/978-94-010-1144-0_12.

Информация об авторе:

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск; ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.
SPIN-код: 3701-0936
AuthorID (РИНЦ): 539601
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0287-6543>
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019
e-mail: ogleznev82@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 02.05.2026; принята к публикации 07.05.2026.

Information about the author:

OGLEZNEV Vitaly Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the History of Philosophy and Logic Department, National Research Tomsk State

University, Tomsk; Leading Researcher, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai.
SPIN-code: 3701-0936
AuthorID (RSCI): 539601
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0287-6543>
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019
e-mail: ogleznev82@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 09.04.2026; approved after reviewing 02.05.2026; accepted for publication 07.05.2026.

УДК/UDC 81:1

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-124-132>

EDN: XUHLCR

Научная статья/Original article

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА*

Ф. Вайсман

Нью Колледж, Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского

В. В. Оглезнев

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

 ogleznev82@mail.ru

В статье критически рассматривается 'лингвистический подход' в философии, ограничивающий исследование анализом словоупотребления. Утверждается, что язык не всегда адекватно отражает реальность и скрывает как рациональные, так и иррациональные элементы. Показывается, что философ должен выявлять глубинные основания, выходящие за пределы лексикографического анализа, и формировать новые категории для описания опыта. Особое внимание уделяется анализу идиом, метафор и научных понятий.

Ключевые слова: лингвистическая философия, язык и реальность, идиомы, метафора, категории, адекватность языка, философия науки

Для цитирования: Вайсман Ф. Лингвистическая техника = Waismann F. The Linguistic Technique / пер. с англ. В. В. Оглезнева. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 124–132. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-124-132>. EDN: XUHLCR.

© Оглезнев В. В., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE LINGUISTIC TECHNIQUE*

F. Waismann

New College, Oxford University, Oxford, UK

Translated from English

V. V. Ogleznev

National Research Tomsk State University, Lenina Ave., 36, Tomsk, 634050, Russia

 ogleznev82@mail.ru

This article critically examines the 'linguistic approach' in philosophy, which limits research to the analysis of word usage. It argues that language does not always adequately reflect reality and conceals both rational and irrational elements. It demonstrates that philosophers must identify underlying foundations that go beyond lexicographic analysis and develop new categories to describe experience. Particular attention is paid to the analysis of idioms, metaphors, and scientific concepts.

Keywords: linguistic philosophy, language and reality, idioms, metaphor, categories, adequacy of language, philosophy of science

For citation: Waismann F. The Linguistic Technique / trans. from Engl. by V. V. Ogleznev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):124–132. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-124-132>. EDN: XUHLCR. (In Russ.).

© Оглезнев В. В., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

«Мы анализируем не феномен (например, мышление), а понятие (например, мышления), а стало быть, употребление слова» [1, с. 201|§383]. В этом, вкратце, и состоит лингвистический подход. Мои возражения против него следующие: (1) Чтобы увидеть, как слово употребляется, и прежде всего — 'правильно' ли оно употреблено в том или ином конкретном случае, необходимо представить хотя бы некоторые ситуации, где его применение было бы уместным, а для этого нам придется обратиться к самому феномену (например, к мышлению). Одно от другого неотделимо. (2) Анализ употребления слов, каким бы важным он ни был, не всегда позволяет нам продвинуться достаточно далеко. Язык в своем употреблении порой (впрочем, не слишком часто) таит намеки на нечто, что не выносится прямо на поверхность; особенно в случаях, когда речь идет об идиоматическом выражении — прихотливым, произвольным, подчас совершенно непредсказуемым. Оно на что-то указывает, — но указывать еще не значит устанавливать сам предмет или точку зрения на него. Философ должен добраться до того *рационального основания*, которое он (справедливо или нет) ощущает за таким словоупотреблением. Так, современные логики испытали громадный подъем, когда уловили в обыденном употреблении слов 'не', 'и', 'или', 'если' очертания ясной и стройной рациональной схемы и извлекли из этого идею истинностной функции. Это был шаг созидательный, далеко выходящий за пределы простого фиксирования или анализа словоупотребления. Сюда же относятся и удачные находки, вроде различения 'глаголов задачи' и 'глаголов достижений' (Аристотель, Райл¹), избавившие философию от немалых головных болей. И здесь речь идет о проникновении к скрытой идее, объясняющей, почему употребление таково, каково оно есть, и делающей его прозрачным для понимания. Эта рациональная основа никогда не лежит на поверхности: она так глубока, что требует необыкновенной проницательности, чтобы разглядеть ее и извлечь на свет, сделав видимой для всех. Потому-то в философии и возможны открытия — чего никак не признает простой лексикограф. (3) Но даже если признать, что некое слово, скажем, 'достоверный' и 'истинный', или 'верить' и 'знать', действительно употребляется именно так, а не иначе, это вовсе не *обязывает* нас придерживаться такого употребления. Ведь если мы взглянем пристальнее, то обнаружим весьма значительные различия, скрытые под поверхностью, различия, из-за которых язык перестает удовлетворять нас в его нынешнем виде — настолько, что мы, пожалуй, предпочтем иной способ его употребления. Одного лишь фиксирования факта того, 'как люди говорят', явно недостаточно. Лингвистический подход, в конце концов, держится на предположении, что обыденный язык *адекватен*, — предположении, в истинности которого я сильно сомневаюсь. Но чтобы увидеть, адекватен ли язык и, если нет, то в чем именно загвоздка, придется обратиться к самим фактам. Напомню вам о нескольких очевидных случаях.

Считается, что намерения нередко остаются полусформулированными или вовсе не сформулированными, и что, облачая их в слова, мы тем самым делаем их определенными. Это замечание верное и весьма проницательное, однако не основанное на реальном опыте употребления языка. Если взглянуть шире, можно, пожалуй, согласиться с Жан-

Полем Сартром, что «в своей речи мы всегда говорим больше, чем намеревались сказать». (Кстати, именно в этом и состоит трудность философии: как сказать не больше того, что действительно знаешь.) Слова будто бы живут своей собственной жизнью, и поставить их жизнь под наш полный контроль — дело весьма непростое. Это заметит любой, кто посмотрит к идиоматической речи, к 'жизни и духу языка', как говорил Уолтер Лэндор², с ее своеобразными, эксцентричными, порой даже нелогичными оборотами, с ее образными выражениями, смысл которых невозможно вывести из значений составляющих их слов. К примеру, до сих пор остается неясным, даже для специалистов, почему в английском говорят *grass widow* («травяная вдова»), а в немецком — *Strohwitwe* («соломенная вдова»)³. Однако не этот любопытный аспект идиомы я хочу подчеркнуть. Есть и другой, более злобедный. Как заметил Логан Пирсолл Смит⁴: «Выразительность неуместных оборотов... словно свидетельствует о том, что в человеческом уме таится некая нелепость, склонность к нелогичному и абсурдному, нежелание подчиняться разуму — и эта стихия время от времени вырывается наружу, находя себе выход в идиоматической речи».

Как это согласуется с тем, что ранее было сказано о существовании некоего рационального принципа, скрывающегося под поверхностными явлениями? Быть может, никак; и если так, то в человеческой речи, по-видимому, сталкиваются две противоположные силы: одна указывает на действие чего-то разумного, а другая — на бунтующую, лукавую, блуждающую, словно в тумане, стихию (притягательность абсурда). В конце концов, язык создан по образу человека и столь же противоречив, как и он сам. Я все более склоняюсь к убеждению, что в языке действительно есть двойственная природа: напряжение между рациональным и иррациональным, даже антилогическим элементом, который, кажется, получает удовольствие, нарушая законы грамматики и логики, — такое же напряжение, как и в нашем поведении, когда сталкиваются 'разумные' причины и мотивы, желания, склонности, побуждения, приобретенные привычки, внезапные 'иррациональные' порывы и многое другое из того, что на нас влияет. Достаточно упомянуть один знаменательный факт: если бы существовал человеческий язык со строго выверенными грамматическими правилами, без этих 'нелогичных' оборотов, которыми наша речь нередко любит баловаться, без этих случайных отклонений от проторенного пути, без этих искрящихся очагов живого, — он показался бы нам мертвым, как лунный пейзаж, бесплодной пустыней разума и правильности. Разве это не показательно? Однако, по счастью, в языке есть союз разумного и неразумного. Зачем я это упоминаю, станет ясно позднее.

К слову, об адекватности: возьмем выражение 'поток сознания'. Нетрудно вообразить себе интеллектуальную жизнь, текущую подобно ручью. Но стоит мне прислушаться к самой фразе, и я ощущаю неловкость. Образ потока как будто не вполне подходит: ведь, конечно же, не все в нашей душевной жизни пребывает в беспрестанном течении. Напротив, когда внимание сосредоточено на одной мысли, скажем, на какой-то задаче или затруднении, никакого течения нет — есть лишь это одна вещь, проблема, которая возвышается и заполняет все поле сознания. И, право, ничего особенно 'текучего' я не нахожу и в том, чтобы уловить остроту

шутки, рассматривать философский аргумент или искать в нем уязвимые места. Пир разума — это не поток души. Ощущение того, что мы переживаем нечто текучее, куда вероятнее возникает тогда, когда приходится слушать необычайно скучную лекцию, к примеру, рассеянно пялясь на муху (или же в один из тех редких философских моментов, когда вдруг пытаешься ухватить текучее мгновение, задержать его, будто насадить на булавку жука для неспешного разглядывания, — но в итоге остаешься с пустыми руками и кислой миной на лице). Что же до скачков внимания, то они еще меньше вписываются в образ потока. Уильям Джеймс использовал крайне неудачную метафору, уподобив сознание 'реке' или 'потоку' с 'субстантивными' и 'транзитивными' частями, причем последние он толковал исходя из ложного представления о работе языка. (Подобно тому, как есть 'ощущение синего' и 'ощущение холода', он полагал, что существуют 'ощущение *и*' или 'ощущение *если*', составляющие значения этих слов; только уловить их, дескать, нельзя, они слишком скоротечны и неуловимы.) Неудивительно, что была сказана уйма пустяков и о Джеймсе Джойсе⁵, и особенно о Вирджинии Вульф⁶, и о 'романе потока сознания' в целом, который, как утверждается, ярко изображает процесс мышления с его спутанными краями ассоциативных связей, — утверждение, на мой взгляд, ошибочное: ведь все, даже невнятное и безымянное, там превращается в слова и тем самым искажает картину сознательной жизни. Если бы язык, как многим представляется, был чем-то вроде Верховного суда, решения которого не подлежат обжалованию, мне пришлось бы сказать: «Вот вам доказательство: само существование этой фразы и ее хождение в речи есть достаточное свидетельство того, что сознание по самой своей природе есть поток». Удивительно легкий способ исследовать реальность, попросту игнорируя ее! Но (и в этом вся моя мысль) мы ведь не рабы, чтобы смиренно покоряться власти существующего словоупотребления. В данном случае между метафорой и истиной существует, безусловно, некоторое напряжение. Так что, критикуя уместность этого выражения, я не придаю ни малейшего значения действительному употреблению английского; я лишь пытаюсь взглянуть на сами явления свежим взглядом и увидеть, насколько язык совпадает с фактами.

Есть и другая причина, по которой это выражение иногда кажется столь уместным, и связана она с представлением, будто все находится в потоке. Допустим, я смотрю на стоящий передо мной комод; ничего не происходит, по крайней мере, в обычном смысле, все вокруг остается прежним; и все же я странным образом сознаю, что, будучи предельно внимательным, я все время испытываю какое-то изменение, что даже когда я пристально вглядываюсь в комод, мысль все же как будто отстает на шаг, и слова никак не поспевают за ускользающим опытом. Именно это, полагаю, и побуждало некоторых философов начинать философию с некоего невнятного звука, как бы указывающего на ускользающий фокус внимания, не поддающийся членораздельному выражению. В такие моменты *может* показаться, что опыт действительно течет как поток.

До сих пор я говорил об адекватности языка, которую, как я надеюсь показать, совершенно ошибочно принимали как нечто само собой разумеющееся большинство приверженцев лингвистического подхода. Но действительно ли язык адекват-

тен — это можно обсудить, обратившись к другому примеру. Парадоксальным образом бывают случаи, когда ни одно из выражений — ни 'реальное', ни 'нереальное' или 'кажущееся', ни 'существующее', ни 'несуществующее' — не подходит. Примером может служить замедление хода движущихся часов. Некоторыми склонными к мистике людьми оно было воспринято как подтверждение древней идеи, что время 'иллюзорно', 'субъективно', 'нереально'. Другие же настаивали, что время течет равномерно и вовсе не зависит от поведения часов или приборов. С первой точки зрения, замедление часов есть 'видимость', некий фокус природы. Но ничто не может быть дальше от истины. В случае с фокусником вы, как говорится, 'попались на удочку', но если бы присмотрелись внимательнее, то заметили бы, как именно он это делает. Но здесь все иначе. Как бы ни были тщательны наблюдатели, какие бы часы ни брались для эксперимента и как бы хорошо они ни были синхронизированы вначале, результат всегда один и тот же. В этом смысле ничего 'иллюзорного' в замедлении нет. Что же до слова 'субъективный', то оно навевает мысль, будто эксперимент зависит от особенностей склада, вкусов или темперамента наблюдателя, хотя его можно провести вообще без участия человека (например, с помощью самопишущих приборов) и все равно получить тот же результат. Так называемая 'относительность времени' касается лишь нового, ранее неизвестного свойства часов: зависимости их хода от состояния движения. Движущиеся часы идут медленнее, чем находящиеся в покое, — таков итог дела.

Но если замедление не 'кажущееся', значит ли это, что оно реально? Является ли оно, скажем, следствием движения? Для Хендрика Лоренца и других ведущих физиков того времени Земля действительно двигалась сквозь эфир, но действие этого движения — 'эфирного ветра' — должно было компенсироваться укорочением рычагов приборов, предназначенных для обнаружения движения, и соответствующим замедлением часов. С этой точки зрения происходят два процесса, и оба они реальные: (1) движение сквозь эфир и (2) сжатие тел по линии движения вместе с замедлением часов. Они соотносятся между собой как причина и следствие. Если бы не некое таинственное вмешательство в приборы, движение Земли можно было бы легко обнаружить. Но поскольку два процесса настолько тонко сбалансированы и уравновешивают друг друга, никаких следов движения найти невозможно. Все выглядит так, словно сама природа возмужала злым умыслом сорвать любые попытки ученых проложить путь в этом бескрайнем океане эфира. Именно здесь и проявляется сила 'принципа верификации'. Размышляя об этом, мы понимаем, что говорить о движении сквозь эфир или о сжатии и замедлении измерительных стержней и часов можно лишь в том случае, если у нас есть метод (или хотя бы возможность указать его) с помощью которого в любом конкретном случае можно решить, находится ли нечто в таком движении и подвергается ли оно сжатию или замедлению. При отсутствии подобной процедуры мы попросту обманываем себя, когда думаем, что можем приписать ясный смысл подобным утверждениям, каким бы убедительным он нам ни казался из-за их внешней грамматической формы. Когда же сама мысль о эфирном дрейфе отвергается, как принципиально непостижимая, а не просто недоступная техниче-

скими средствами, тогда и весь наш взгляд на вещи неизбежно меняется.

Вернемся к нашему вопросу: является ли замедление часов следствием движения? Чтобы так сказать, нужно предположить, будто замедление — это реальный процесс. Представьте, что ваши часы отстают, вы несете их часовщику, и он говорит вам, что внутрь попала песчинка. В этом случае с часами действительно что-то произошло: песчинка увеличила трение, и ход часов замедлился. Но действует ли движение на часы подобным образом? Повреждаются ли они при движении так, что начинают показывать неправильное время? Разумеется, нет; с идущими часами ничего не 'случается', что могло бы их замедлить, это видно уже из того, что одни и те же часы для одного наблюдателя идут медленнее, а для другого — нет. Если это так, то было бы естественным сказать, что часы 'кажутся' или 'выглядят' замедлившимися. Но тогда спросят: если это только 'кажимость', то в чем же истина? Что же 'на самом деле' происходит? Ответа здесь нет; и нет потому, что сам вопрос выражен в неправильных терминах. Часы *действительно* идут медленнее, но только в относительном смысле — с точки зрения той системы отсчета, которую мы произвольно выбираем. В этом-то и все отличие от часов с песчинкой: там песчинка — это не некий 'относительный песок', она там либо есть, либо ее нет; в случае же, если она там есть, она-то и является причиной замедления хода часов. Однако спрашивать аналогичным образом: «Находятся ли эти часы в движении или нет?», — не уточнив при этом *относительно чего*, попросту бессмысленно. Поскольку 'абсолютного движения' не существует, то есть нет никакого движения относительно пустого пространства (или эфира), его нельзя описывать как причину чего-либо, а значит, и как причину замедления часов. Если же понимать движение в относительном смысле, тогда поиск причины замедления часов в их движении относительно каких-то других часов приводит к парадоксу: в силу полной симметрии их отношений с тем же успехом можно сказать, что именно вторые часы отстают от первых. Понятие замедления столь же относительно, как и понятие движения. Одно и то же тело одновременно находится и не находится в движении — все зависит от выбранной системы отсчета. И то же самое с отставанием часов. Сводить замедление к дихотомии 'реальное или кажущееся' — все равно что насильно втискивать его в прокрустово ложе. На деле же замедление ни реально, ни нереально, ни факт, ни фикция, ни существующее, ни несуществующее. Все эти категории, выкристаллизовавшиеся из обыденной речи, оказываются неспособными справиться с подобной ситуацией.

То же самое справедливо и для движущегося стержня и его сжатия; и, рискуя наскучить, аналогию я могу продолжить. Подобно тому как линкор сжимается между винтами, толкающими его вперед, и морем, которое его удерживает, так, по мысли Лоренца, материальный стержень оказывается сжатым в результате своего движения через эфир. Идея эта крайне неприятная — особенно если учесть, что, достигнув достаточной скорости, стержень должен был бы совершенно сплюснуться, превратившись в 'ширину и высоту без длины', то есть в свое двумерное поперечное сечение. Кажется, будто бы с движущимся стержнем должно произойти нечто по-настоящему устрашающее.

Альберт Эйнштейн, исходя из двух общих принципов, установленных экспериментальным путем, пришел к тем же формулам, что и Лоренц, но без всяких *ad hoc* гипотез. Математический анализ показывает, что, если его предположения верны, движущиеся тела и часы ведут себя так, *как если бы* на них действовала некая искажающая и замедляющая сила. Но смысл, придаваемый этим формулам, теперь совершенно иной. С исчезновением идеи эфирного дрейфа исчезает и мысль о причинном действии движения как о какой-то призрачной силе, способной сжимать тела, замедлять ход часов или устраивать другие проделки: и сжатие, и замедление оказываются всего лишь следствием 'логики измерения', если воспользоваться этим удобным выражением.

И еще одно слово о понятии 'реальное', прежде чем оставить этот вопрос. Допустим, нечто называется 'реальным', и все наблюдатели с этим согласны, например, что два стержня соприкасаются. Реально ли тогда сжатие? Для наблюдателя на земле стержень сжат, для движущегося вместе с ним — нет. В данном смысле оно не реально. Иными словами, если 'реальным' мы называем то, существование чего можно установить экспериментально, тогда сжатие *действительно* реально. Хотя в этом мало утешения: ведь длина стержня *l* при движении, в зависимости от положения наблюдателя (совершенно произвольного), может оказаться *любой* между 0 и *l* — либо даже сразу *всеми* значениями. Называть столь неопределенное явление 'реальным' значит противоречить самому смыслу слова. Следовательно, и это определение не подходит. Описывать сжатие как 'реальное' или 'кажущееся' — значит описывать его неправильно. Так адекватен ли язык?

Подлинная антитеза, лежащая в основе всего этого обсуждения, — это противопоставление 'относительного' и 'абсолютного'. Чисто пространственная дистанция между двумя событиями относительно выбранной системы отсчета, так же, как и чисто временная дистанция, является относительной. Через три года после первой статьи Эйнштейна, в 1908 году, Герман Минковский сделал открытие огромного значения. Если рассматривать все происходящее в обычном пространстве и времени как своего рода 'точки', расположенные в четырехмерном 'пространстве событий', то расстояние между любыми двумя событиями в этом пространстве обладает замечательным свойством — оно 'инвариантно', то есть остается одинаковым для всех возможных систем отсчета. Иными словами, хотя наблюдатели и будут расходиться во мнениях относительно (чисто) пространственных и (чисто) временных интервалов, существует нечто, в чем они сходятся, — нечто ни пространственное, ни временное, недоступное нашей интуиции: 'интервал' между двумя событиями (куда длина и длительность входят, так сказать, на равных правах). Более того, математическая сторона теории относительности обнаруживает полную симметрию между пространственными и временными координатами, указывая на их своего рода глубинное единство. («Что за чепуха!» — проворчал бы философ, — «Время есть время, пространство есть пространство, и никакое открытие этого не изменит».) Таким образом, хотя Эйнштейн установил относительность длины, длительности и ряда других физических понятий (таких как 'одновременность' или 'форма'), Минковский открыл 'абсолютный' мир, стоящий за

всем этим, — поэтому развитие данного аспекта современной физики можно подытожить формулой: 'от относительного к абсолютному'.

При таком взгляде изменения, которым подвергаются (или, как кажется, подвергаются) мерные стержни и часы, предстают в новом свете. Математически формулы Лоренца — Эйнштейна описывают лишь поворот системы координат в четырехмерном пространстве-времени, так что эти странные изменения, которые переживают стержни и часы, соответствуют всего лишь изменениям перспективы. Точно так же, как предмет при движении кажется наблюдателю сжатым, хотя сам он никак не меняется, четырехмерная сущность (например, интервал) остается неизменной, хотя ее перспективы, или, лучше сказать, ее проекции на обычное пространство и время меняются. Иными словами, интервал может быть разложен бесчисленными способами на 'пространство-подобную' и 'время-подобную' составляющие, каждая из которых отвечает определенному способу измерения пространственной и временной дистанции.

С этой точки зрения становится ясным, почему на старые вопросы — «Реальное или нереальное?», «Факт или не факт?» — невозможно дать ответ. Это невозможно потому, что новые категории, более адекватные недавно открытым фактам, разрезают старые. 'Реальность' и 'видимость' — это неподходящие категории; их применение в данном случае порождает лишь путаницу. Здесь уместны иные категории — 'относительное' и 'абсолютное'.

Каждый, кто взглянет на ситуацию непредвзято, согласится, что мы сталкиваемся здесь с совершенно новым явлением — более или менее сознательным формированием учеными новых категорий, новых способов мышления и описания. Возьмем, к примеру, 'абсолютное' в смысле 'инвариантного': разумеется, это не 'естественная' категория, выведенная из форм обывденного языка. Напротив, это одна из тех смелых конструкций, столь характерных для науки, где удивительным образом соединяются воображение редкостной силы, трезвость суждений и математическая точность. И именно эти понятия — 'относительное' и 'абсолютное' — в значительной мере преобразили всю нашу картину мира. Для таких прорывов требуется вовсе не здравый смысл, а скорее 'нездравый'. Несомненно, если бы Эйнштейн или Минковский доверились здравому смыслу, они на каждом шагу увязали бы в его сетях, оказавшись пленниками форм языка — самого воплощения здравого смысла, — и никогда бы не смогли пробиться к радикально новому способу видения мира. А ведь именно это иногда и требуется: покинуть избитые колеи мышления.

Здесь мы выходим еще на один аспект — опасности, неизбежно возникающие, когда язык воспринимается буквально, когда он принимается за чистую монету. Разочарование приходит только через горький опыт. Достаточно вспомнить бесчисленные аналогии, столь естественные для языка, и головоломки, к которым они приводят в философии, наподобие той, с которой столкнулся св. Августин, рассуждая о времени. То, что в своем наивном, произвольном употреблении составляет дыхание языка, становится смертельной угрозой для ясного мышления. И я имею в виду не столько образный строй выражений, сколько куда более тонкий обман, скрытый в том, что понятия преподносятся нам в форме устойчивых грамматических

категорий. Метафору можно отнести или распознать; но грамматические категории пронизывают само мышление.

Это наводит на мысль о вопросе, которого я могу коснуться лишь мимоходом, — каким образом формы языка влияют на мышление. Возьмем, к примеру, случай, когда идея выражается в форме существительного. Это сразу побуждает нас инстинктивно искать нечто, что этим словом обозначено, подобно тому, как за именем всегда стоит конкретный человек. Насколько силен этот порыв искать объект, соответствующий существительному, можно видеть хотя бы из некоторых направлений научной мысли, которые время от времени завладевали умами. Так, силу долго представляли как некую реально существующую сущность, тянущуюся во мраке и готовую сорваться, подобно сжатой пружине, пока люди вроде Густава Кирхгофа и Генриха Герца не показали, что можно построить всю механику, обходясь без понятия силы и связанных с ним трудностей. Аналогичным образом теплу и энергии приписывались свойства вещества — во многом, как можно подозревать, именно потому, что они появлялись в языке в виде существительных. Точно так же, как и 'электрической жидкости', о которой так много говорили во времена Бенджамина Франклина. Правда, были и иные основания: открытие закона сохранения энергии — того, что ее нельзя ни уничтожить, ни увеличить, что ее количество остается постоянным, — сильно поспособствовало взгляду, будто за любыми изменениями скрывается нечто тождественное самому себе, но лишь меняющее свои формы. С этой точки зрения физика предстает не чем иным, как наукой об энергии и ее преобразованиях в новые формы. Возникновение подобной картины мира, несмотря на все ее изъяны (впоследствии она была отвергнута), можно понять лишь учитывая, насколько она пленяла воображение, открывая заманчивую перспективу объяснять все явления природы через некую основополагающую субстанцию и ее изменяющиеся формы. И разве не подобные идеи, лишь частично прикрытые другими, были тем, что привело к предположению о наличии в каждом горячем теле особого 'духа', который вместе с огнем улетучивается, — флогистона?

Возьмем пример попроще. Отчасти сама характеристика пламени, но отчасти и сам язык создают впечатление, будто это — 'вещь' (притом еще и 'живая'). Ведь совершенно естественным было бы сказать, что пламя нужно 'питать', что оно 'выпускает языки' или 'облизывает', что оно 'пожирает' тело и 'умирает'. (А если бы в нашем языке существовал глагол, а не существительное, было бы нам столь же естественным воспринимать его именно так?) И более того, неужели действительно столь несущественно, что в языке есть такие существительные, как 'душа', 'сознание', 'дух', 'я', 'совесть' (полуперсонифицированная как внутренний голос-наставник), 'гений' (с налетом 'демонической одержимости'), рядом с такими словами, как 'голод', 'молния', 'гром', 'дождь', 'ветер', 'ярость', 'судьба', 'время' и т. п.? Все они, в большей или меньшей степени, навязывают толкование в терминах субстанции или движущего начала. (См. Шелли⁷ о вдохновении, Кольриджа⁸ о воображении, Йейтса⁹ об эмоции.) Даже в глаголе 'существовать' слышится легкий оттенок активности, словно сама глагольная форма уже изменила наше восприятие. (См. Хайдеггера о *Huemo* [Nichts].) В этой связи стоит напомнить

и то, что, по мнению Готлоба Фреге, логика занимается исследованием таких вещей, как 'и-ность', 'или-ность', 'если-ность' и т. п., словно это некие сверхчувственные объекты, каждый со строго определенными свойствами. Но разве пошли бы философы, выросшие в языке совсем иного склада, где функции существительного куда менее развиты, по тем же путям мышления? И разве пришли бы они к той же картине мира?

Рассмотрим другие языки, например греческий или немецкий, — там, где благодаря грамматическому роду и, следовательно, легкости, с которой существительные сочетаются с местоимениями 'он', 'она', 'оно', совершенно естественно ожидать, что олицетворяющая и мифотворческая сила будет куда более живой, или, по меньшей мере, ждущей своего пробуждения. Ведь там, где день и ночь, небо и земля именуются 'он', 'она', 'оно', мифическое будет уже всегда под рукой. Так что Фридрих Шеллинг, в конце концов, был не так уж неправ, сравнивая язык с 'выцветшей мифологией'. Слово в таком языке имеет не только значение, но и нечто иное, трудно поддающееся описанию, — атмосферу, смутный ореол или ауру, сотканную из всех тех бесчисленных тропов и оборотов речи, которым оно может послужить или в которые оно органично вплетается. Эту ауру, столь важную для восприятия слов и вместе с тем столь ускользающую, при переводе уловить невозможно. Так, слово 'солнце' является показательным примером: в немецких сказках оно всегда персонифицируется в образе старухи — в силу своего женского рода; для англоговорящего же такое представление совершенно неестественно. По причинам иного рода французский оборот '*le roi soleil*'¹⁰ невозможно передать на английский так, чтобы сохранить естественность этого образа и вместе с ним его ауру. Еще более показательный пример — существительное '*logos*': именно его мужской род был далеко не последним фактором, подготовившим почву для позднеэллинистической интерпретации Сына Божьего. Однако этот аспект, сколь бы важным он ни был, постоянно ускользает из поля зрения при любом анализе 'значения'.

Все мое исследование можно было бы посвятить тому, как некоторые слова, заимствованные из повседневной жизни, обретают метафизический вес. Например: 'Логос', 'Реальность', 'Необходимость', или 'Воля' [*Wille*], 'становление' [*Werden*], 'Жизненный порыв' [*élan vital*], 'тревога' [*Angst*] — термины, имеющие тривиальное применение в обычной речи, но впоследствии вознесенные и наделенные метафизическим статусом. Отсюда и знакомость их склонность балансировать между тривиальностью и новым смыслом, насыщенным глубиной и таинственностью.

Наш предмет, однако, — наука. И здесь следует сказать, что не только части речи — существительное, глагол и т. п. — но и грамматические формы в более широком смысле оказывали на мысль влияние как направляющее, так и сдерживающее. Так, кажется банальностью утверждать, что предикат должен приписывать свойство 'чему-то'. Все это верно, пока мы остаемся в пределах обыденного языка. Но если свет мыслится как совокупность колебаний, следует ли отсюда, что это непременно должны быть колебания 'чего-то'? И все же власть грамматических форм над нашим сознанием так велика, что мы почти неотвратимо склонны к подобному выводу, каким бы обманчивым он ни был. Кажется, именно лорд Солсбери определил эфир

как именительный падеж глагола 'колебаться', тем самым метко обнажив языковую иллюзию, лежащую в основе всей этой концепции. На этом фоне наука предстает в немалой степени как борьба за освобождение от форм, навязанных ей вербальным языком.

До сих пор нас занимало влияние некоторых лингвистических категорий на мышление. Но стоит упомянуть и другой смысл слова 'категория', который приобрел огромное значение в философии. В этом смысле категории (оставим в стороне аристотелевскую точку зрения как менее существенную для настоящей темы) мыслились в качестве предельных форм бытия и мышления. Не будучи лишь лингвистическими, их не следует путать с 'таблицей классификации всех называемых вещей', как это делал Джон Стюарт Милль¹¹ (или, говоря современным языком, с 'логическими типами'). Ключевая мысль здесь иная. Категории — это такие понятия, без которых невозможно упорядоченное единство опыта или постижимая картина мира. Их сила — в их функции: они упорядочивают представления, вносят единство в хаос несвязанных наблюдений, словно то, что мы видим и слышим, есть лишь аморфная масса, нуждающаяся в оформлении с помощью определенных форм мысли, таких как субстанция и причинность. Так, по крайней мере, считали Иммануил Кант и близкие к нему философы. Правы ли они или нет, ясно одно: категории отнюдь не предназначались для роли классифицирующих ярлыков. Теория типов¹², хотя и имеет отдельные точки соприкосновения с категориями, преследует совершенно иные цели: не объяснять опыт, а предотвращать антиномии в логике классов.

Категории же в этом новом смысле (как понятия, необходимые для единства опыта) обладали особым притяжением для философов. Иначе чем же еще можно объяснить их постоянное обращение к этой теме? Возможно, причиной служила ошибочная вера не только в 'правильность', но и в универсальность обыденного языка — и это нигде не проявляется столь явно, как в доверии к применимости категорий в этом новом смысле. Они ведь были выведены (хотя и не вполне ясно как) из таблицы форм суждения, а те, в свою очередь, абстрагированы из обыденного языка — из употребления таких слов, как 'все', 'некоторые', 'если', 'или', 'есть', 'может быть', 'должно быть'. В этом свете 'критическая философия' обнаруживает себя, в конечном счете, как плод еще более глубокого заблуждения — как результат совершенно некритического доверия обыденному языку.

Язык ведь является своего рода ваятелем: он не только высекает отдельные факты из некоего недифференцированного полнокровного целого, но и все наше восприятие этих фактов окрашивает своими способами выражения — тысячами тончайших оттенков. До известной степени язык навязывает нам свои формы восприятия мира. Более того, причуя нас видеть тождественное и различное, вещь и ее свойства, причину и следствие, язык истолковывает мир за нас и придает ему определенную понятность. Все это есть следствие скрепляющих и застывающих форм языка, а также наличия словаря, пригодного для описания, к примеру, причинных связей. В этом месте Кант допустил роковую ошибку: он абсолютизировал формы языка (или, вернее, некоторые из них), объявив их *априорными*, то есть *необходимыми* условиями всякого возможного

опыта. Эти формы, категории, стали рассматриваться как матрицы разума, — или, точнее, лишь нашего человеческого разума, — и потому были окружены особым почтением. (Впрочем, кантовская таблица далеко не полна: там отсутствуют ключевые понятия вроде 'равенства' и 'подобия', 'непрерывности' и 'дискретности', 'конечности' и 'бесконечности', 'вероятности', не говоря уже о других изъянах.) Формы языка (в кантовском или в более широком смысле) действительно работали при описании и отчасти при истолковании явлений внешнего мира. В результате то доверие, которое они заслужили в пределах своего применения, было перенесено и на области, где их уже нельзя было подвергнуть никаким практическим проверкам, — фактически на все сущее. Так возникла философская установка, согласно которой пространство, время и категории каким-то таинственным образом должны быть запечатлены во всем, что только может стать предметом опыта; и потому все, что бы ни стало частью нашего опыта, должно быть выстроенным по вполне определенному образцу. Иными словами, сами факты природы обязаны подчиняться тем законам, которые философ усмотрел в строении мышления или языка.

Многие последователи Канта впали, таким образом, в суеверное отношение к категориям: их стали мыслить как существующие независимо от реального мира и представлять в виде железных — нет, сверхтвердых — оков, в которые навсегда заковано наше мышление. Примером такой безоглядной веры в силу категорий служит утверждение: «Каждое событие имеет причину». Подобное высказывание считалось выражением 'идеальной' или *априорной* истины, которую никакое эмпирическое исследование не может поколебать, ибо она, как утверждалось, основана на 'формах разума'. Следовательно, она должна быть универсальной не только в чувственном мире, но и во всех сферах бытия, и даже в микромире. Эта наивная вера умерла примерно в 1926 году. Понятие субстанции постигла та же участь.

Оглядываясь назад, понимаем, что здесь сходятся две ошибки. Первая из них — собственно кантовская — в том, чтобы проецировать определенные формы языка на реальность; эффект от этого примерно тот же, что и от оптического обмана: мы напрягаем зрение, пытаясь разглядеть то, что на самом деле лишь выгравировано на стеклах наших очков. Вторая — вера в то, что формы обыденного языка, выработанные в практической жизни, окажутся пригодны за пределами своей исходной области применения. Но для этого нет никаких гарантий. Напротив, с появлением новых способов мышления в физике становится очевидно, что наука превосходит все формы вербального языка так же, как превосходит и обыденное мышление.

Совсем иным является другой вопрос, который немало занимал философов: «Что такое рациональное решение?». Было ли, например, рациональным поступком то, что Христофор Колумб, проведя несколько недель в плавании на запад, продолжал свой курс, несмотря на угрозу мятежа и опасность остаться без пищи и воды? Трудность здесь в том, как принимать решение при отсутствии достаточно полных сведений о последствиях возможных альтернативных действий. Итак, как же решать? Главная проблема в том, как взвесить доводы 'за' и 'против', если все они заражены неопределенностью. В последнее время математика попыталась постро-

ить теорию 'рационального выбора' применительно к ситуациям подобного рода. Она выросла из попыток применить общие принципы 'рационального' поведения к играм, основанным на чистой случайности, где в ход идут теория вероятностей и статистические выводы. Можно ли перенести эту теорию на наш вопрос? Ответ зависит от ряда предположений. Прежде всего, необходимо связать с возможным исходом некоторую долю 'удовлетворения' — величину, которая может быть как положительной, так и отрицательной. Но ведь удовлетворение, страдание, риск есть как раз то, что не поддается строгому сравнению, тем более измерению. Дело в том, что такое измерение становится возможным, если принять определенные постулаты. Исходя из этого, даже если Колумб не имел ни малейшего представления о вероятности близости суши, перед ним все равно открывалось несколько линий поведения: он мог бы следовать принципу 'недостаточного основания', принципу 'представь себе наилучший исход' или принципу 'представь себе наихудший исход' (иначе называемому 'минимакс', так как оно сводится к минимизации максимального риска). Если приписать определенные числовые значения для доли 'удовлетворения' возможным последствиям его решения (например, 'перспективе славы', 'перспективе смерти', 'перспективе славы и смерти'), то в первом и третьем случае рационально было бы повернуть назад, а во втором — продолжать путь. Однако, если выбрать другой набор чисел (который можно счесть более реалистичным), результат меняется. При таких предположениях разумнее было бы продолжать путь, независимо от того, какой из трех принципов применяется. Иначе говоря, одно и то же решение может показаться 'рациональным', если исходить из одних предположений, и 'нерациональным', если исходить из других. В применении подобной теории мы сталкиваемся, таким образом, с двойной неопределенностью: во-первых, из-за произвольности чисел, приписанных последствиям (повернуть назад или продолжить путь при наличии или отсутствии суши); во-вторых, из-за того, что существует как минимум три принципа, каждый из которых в какой-то мере имеет основания претендовать на статус 'рационального'. Последнее замечание может показаться странным: неужели нет *одного* принципа, воплощающего саму идею 'рациональности'? Долгое время этот вопрос оставался спорным. Предпринимались попытки вывести логические парадоксы, которые позволили бы устранить один или другой принцип, но все они потерпели неудачу. Однако в этом тоже есть своя польза: ошибаясь и терпя неудачу, ты начинаешь размышлять. Так было и с поисками *такого* 'рационального' принципа. Напротив, утверждалось даже, что разумной может быть 'смешанная' или 'случайная' стратегия, суть которой в том, чтобы предоставить случаю право сыграть роль в принятии решения. Это напоминает древний и по многим причинам почтенный обычай — пересчитывать пуговицы, когда стоишь перед трудным выбором. Более того, можно привести примеры, где такая стратегия (внешне выглядящая как полная противоположность рациональной) приносит лучшие результаты, чем любая 'чистая' стратегия. Одно ее очевидное преимущество, важное для военачальников, состоит в том, что ее невозможно разгадать. Вернемся, однако, к Колумбу. Был ли его поступок 'рациональным' или нет, в конечном счете зависит от предположений, положенных в основу всего рас-

чета. Поскольку ни одно из них нельзя доказать как правильное, да и даже как самое естественное, вопрос не может получить окончательного решения. Уже на первом шаге мы сталкиваемся с неразрешимой проблемой.

Вывод таков: в конкретной ситуации может оказаться невозможным определить, что рационально, а что нет. И этот вывод достигается вовсе не путем анализа употребления языка, а в результате применения математической теории, которая сама по себе лежит вне пределов лингвистического анализа. Я, разумеется, не хочу сказать, что язык на этом этапе вовсе не имеет значения: к нему неизбежно придется обратиться хотя бы при обсуждении рациональности самих принципов. Но и тогда он лишь скользит по поверхности проблемы, оставляя само решение за соображениями совершенно иного рода.

Примечания переводчика

* Данное эссе написано на английском языке, очевидно, после публикации *Философских исследований* Людвиг Витгенштейна в 1953 году.

¹ Это известное различие 'task/achievement verbs' детально обсуждается в *Понятии сознания* Гилберта Райла [2, с. 140–156]. В самом общем виде он его характеризует следующим образом: «Первое большое различие в логической силе глаголов задачи и соответствующих глаголов достижения состоит в том, что с помощью глагола достижения мы утверждаем, что достигнуто некоторое положение дел, а не только осуществлялась (если вообще осуществлялась) направленная на это деятельность» [2, с. 153]. Подробнее об этом различии и его значении для лингвистического анализа, в частности, для наших способов употребления 'глаголов восприятия', см. [3–5].

² Уолтер Лэндор (30.01.1775/17.09.1864) — английский поэт XIX века.

³ Обе идиомы обозначают женщину, временно оставшуюся без мужа (из-за командировки, разлуки и пр.); образы 'травы' и 'соломы' носят в них чисто условный характер и не объясняются значениями слов.

⁴ Логан Пирсолл Смит (18.10.1865/2.03.1946) — американский эссеист и литературный критик британского происхождения.

⁵ Джеймс Джойс (2.02.1882/13.01.1941) — ирландский писатель, автор всемирно известного модернистского романа *Улисс* и экспериментального романа *Поминки по Финнегану*.

⁶ Вирджиния Вулф (25.01.1882/28.03.1941) — английская писательница и литературный критик, долгое время была в составе Блумсберийского кружка, объединявшего ряд видных английских интеллектуалов первой трети XX века.

⁷ Перси Шелли (4.08.1792/8.07.1822) — английский поэт-романтик и писатель.

⁸ Сэмюэл Кольридж (21.10.1772/25.07.1834) — английский поэт-романтик и литературный критик.

⁹ Уильям Йейтс (13.06.1865/28.01.1939) — ирландский поэт, писатель и драматург.

¹⁰ *Le Roi Soleil* (фр. 'Король-Солнце') — прозвище французского короля Людовика XIV (5.09.1638/1.09.1715).

¹¹ Имеется в виду третья глава из *Системы логики* [6, с. 90–108], в которой разбирается аристотелевский список категорий (οὐσία, ποσόν, ποῖον, πρὸς τί, ποιεῖν, πάσχειν, ποῦ, πότε, κεῖσθαι, ἔχειν). Милль считал, что список изначально задумывался как таблица классификации всех поддающихся именованию вещей, и поэтому критиковал его как несовершенный в одних отношениях и избыточный — в других.

¹² Подразумевается теория типов Бертрانا Рассела, впервые предложенная им в *The Principles of Mathematics* [7, p. 523–528].

Список источников / References

1. Витгенштейн Л. Философские исследования: в 2 ч. Ч. 1. Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. Москва: Гнозис, 1994. С. 75–320.

Wittgenstein L. Filosofskiye issledovaniya. In 2 parts. Part 1. Filosofskiye raboty / trans. from Germ. M. S. Kozlova, Yu. A. Aseyev. Moscow, 1994. P. 75–320. (In Russ.).

2. Райл Г. Понятие сознания / пер. с англ. Е. Крупениной, В. Селиверстова, Д. Симонова, З. Сокулер. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.

Ryle G. Ponyatiye soznaniya / trans. from Engl. E. Krupenina, V. Seliverstov, D. Simonov, Z. Sokuler. Moscow, 1999. 408 p. (In Russ.).

3. Scheffler I. On Ryle's Theory of Propositional Knowledge. *Journal of Philosophy*. 1968;65(22):725–732. <https://doi.org/10.2307/2023981>.

4. Kremer M. A Capacity to Get Things Right: Gilbert Ryle on Knowledge. *European Journal of Philosophy*. 2017;25(1):25–46. <https://doi.org/10.1111/ejop.12150>.

5. Kalis A. Ryle's Logical Geography of Perception Verbs. *Grazer Philosophische Studien*. 2024;101(2):141–159. <https://doi.org/10.1163/18756735-00000220>.

6. Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. В. К. Финна. Москва: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.

Mill J. S. Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy: Izlozhenie principov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya / trans. from Engl. V. K. Finn. Moscow, 2011. 832 p. (In Russ.).

7. Russell B. The Principles of Mathematics. Vol. I. Cambridge: at the University Press, 1903. 534 p.

Информация о переводчике:

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск; ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

SPIN-код: 3701-0936

AuthorID (РИНЦ): 539601

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0287-6543>

AuthorID (SCOPUS): 56307954100

ResearcherID: X-2616-2019

e-mail: ogleznev82@mail.ru

Источник перевода: Waismann F. The Linguistic Technique. Philosophical Papers. Ed. by B. McGuinness. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1977. P. 150–165. https://doi.org/10.1007/978-94-010-1144-0_12.

Ссылка на полный текст эссе: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-010-1144-0_12

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 29.04.2026.

Information about the translator:

OGLEZNEV Vitaliy Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the History of

Philosophy and Logic Department, National Research
Tomsk State University, Tomsk; Leading Researcher,
Gorno-Altai State University, Gorno-Altai.
SPIN-code: 3701-0936
AuthorID (RSCI): 539601
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0287-6543>
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019

e-mail: ogleznev82@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial
interest in the presented materials or methods. There is
no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.
The article was submitted 17.09.2025; approved
after reviewing 23.01.2026; accepted for publication
29.04.2026.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА

М. И. Ахмедова

Азербайджанский технологический университет,
Азербайджан, AZ2011, г. Гянджа, пр. Шаха Исмаила Хатаи, 103

 matanat.axmedova74@gmail.com

Статья посвящена анализу индустриального наследия как ключевого фактора, определяющего особенности и ограничения постиндустриального развития национальной экономики.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли традиционного промышленного потенциала в условиях структурных сдвигов, цифровизации и перехода к экономике знаний. Целью работы является выявление проблем и возможностей интеграции индустриального наследия в современные модели экономического роста. В рамках исследования решаются задачи систематизации теоретических подходов, анализа институциональных и технологических барьеров, а также оценки потенциала адаптации промышленных отраслей к постиндустриальным условиям.

В отличие от существующих работ, акцентирующих внимание преимущественно на проблемах деиндустриализации, данное исследование предлагает авторский подход, рассматривающий индустриальное наследие не как тормоз, а как ресурс инновационного и устойчивого развития. Полученные результаты расширяют научные представления о трансформации национальной экономики и могут быть использованы при формировании долгосрочной экономической политики.

Ключевые слова: индустриальное наследие, национальная экономика, структурные трансформации, деиндустриализация, инновационный рост, экономическая модернизация, промышленная политика

Для цитирования: Ахмедова М. И. Индустриальное наследие и проблемы постиндустриального развития национальной экономики Азербайджана. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 133–139. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-133-139>. EDN: SMEYRY.

© Ахмедова М. И., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

INDUSTRIAL HERITAGE AND PROBLEMS OF POST-INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY OF AZERBAIJAN

M. I. Ahmadova

Azerbaijan Technological University,
Shah Ismayil Khatai Ave., 103, Ganja, AZ2011, Azerbaijan

 matanat.axmedova74@gmail.com

This article examines the role of industrial heritage in shaping the trajectories of post-industrial development of the national economy. The relevance of the study is determined by the growing contradiction between the structural legacy of industrialization and the requirements of the knowledge-based, innovation-driven economy. The purpose of the research is to identify key problems, risks, and opportunities associated with

the transformation of industrial heritage under post-industrial conditions. The study addresses the tasks of conceptualizing industrial heritage as an economic category, analyzing structural and institutional barriers to transformation, and assessing its potential contribution to sustainable economic growth. The research is based on a systematic and comparative analysis of theoretical approaches and empirical findings related to industrial transformation and post-industrial development. The results demonstrate that industrial heritage has a dual impact on economic dynamics. When preserved in its outdated form, it may hinder structural flexibility and innovation. However, under conditions of technological modernization, institutional adaptation, and effective industrial policy, industrial heritage can become a significant resource for innovation, regional development, and competitiveness.

The article proposes an integrative approach that overcomes the traditional opposition between industrial and post-industrial development models. It is argued that the strategic use of existing industrial potential, combined with investments in human capital and innovation infrastructure, contributes to balanced structural transformation. The findings expand the understanding of post-industrial development mechanisms and may be used in designing long-term national economic and industrial modernization strategies.

Keywords: industrial heritage, national economy, structural transformations, deindustrialization, innovative growth, economic modernization, industrial policy

For citation: Ahmadova M. I. Industrial heritage and problems of post-industrial development of the national economy of Azerbaijan. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):133–139. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-133-139>. EDN: CMEYRY.

© Ahmadova M. I., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

В условиях глобальных экономических трансформаций и ускоренного технологического развития проблема соотношения индустриального наследия и постиндустриального развития приобретает особую научную и практическую значимость. Национальные экономики, прошедшие этап интенсивной индустриализации, сегодня сталкиваются с необходимостью адаптации сложившихся производственных структур к новым требованиям цифровой экономики, инновационного роста и устойчивого развития [1, с. 163, 187]. Индустриальное наследие выступает не только как совокупность материальных активов и производственных мощностей, но и как институциональный, кадровый и технологический опыт, накопленный в процессе длительного промышленного развития.

Переход к постиндустриальной модели хозяйствования, основанной на доминировании сферы услуг, знаний и высоких технологий, нередко сопровождается процессами деиндустриализации, утратой производственного потенциала и ростом структурных диспропорций [2, с. 28]. На рис. 1 показана условная классификация постиндустриальной модели национальной экономики Азербайджана.

Для многих стран данные процессы приводят к снижению конкурентоспособности, усилению регионального неравенства и социальной напряженности. В связи с чем особую актуальность приобретает научный поиск сбалансированных подходов, позволяющих не только преодолеть негативные последствия постиндустриальных преобразований, но и обеспечить эффективное использование индустриального наследия в новых экономических условиях.

Современные исследования в области экономического развития демонстрируют неоднозначность трактовки роли индустриального прошлого [1, с. 212]. С одной стороны, устаревшие производственные фонды, технологическая инерционность и высокая ресурсоемкость традиционных отраслей рассматриваются как факторы, сдерживающие ин-

новационное развитие. С другой стороны, именно индустриальная база во многих случаях становится фундаментом для формирования высокотехнологичных кластеров, развития обрабатывающей промышленности нового поколения и интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Указанное противоречие определяет необходимость комплексного анализа индустриального наследия с учетом институциональных, технологических и социально-экономических аспектов [3].

Особое значение в данном контексте приобретает государственная экономическая политика, направленная на модернизацию промышленного сектора и стимулирование инноваций. Выбор стратегических приоритетов между сохранением традиционных отраслей и поддержкой новых секторов экономики требует глубокого научного обоснования [4, с. 82]. Недостаточно изученным остается вопрос о механизмах трансформации индустриального наследия в источник постиндустриального роста, а также о рисках, возникающих при игнорировании исторически сложившейся структуры национальной экономики.

Настоящее исследование обусловлено положением о том, что индустриальное наследие не следует рассматривать исключительно как реликт прошлого или препятствие для развития. Напротив, при наличии эффективных институциональных условий и целенаправленной политики оно способно стать важным ресурсом для формирования устойчивой, диверсифицированной и конкурентоспособной национальной экономики [1, с. 341; 5].

Цель исследования

Целью исследования является анализ индустриального наследия как ключевого фактора, определяющего траектории и ограничения постиндустриального развития национальной экономики Азербайджана, а также выявление механизмов его интеграции в современные модели инновационного роста. Для достижения поставленной цели в работе были определены следующие задачи:

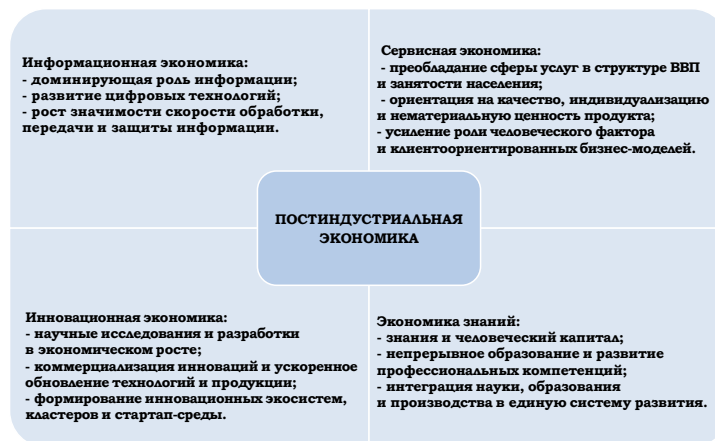

Рис. 1. Классификация постиндустриальной модели национальной экономики Азербайджана
Fig. 1. Classification of the post-industrial model of the national economy of Azerbaijan

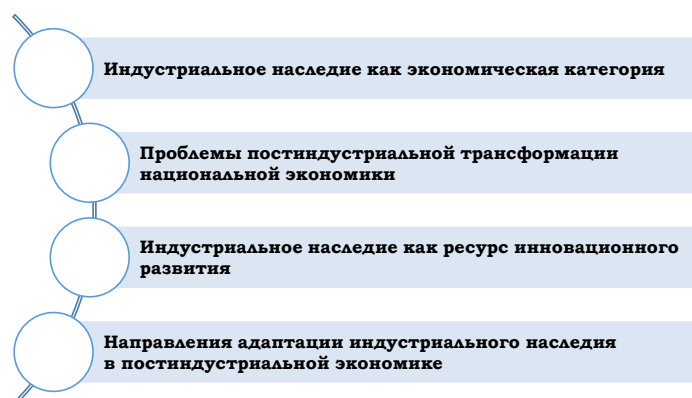

Рис. 2. Основные понятия осознания перехода постиндустриального развития национальной экономики Азербайджана
Fig. 2. Basic concepts of understanding the transition to post-industrial development of the national economy of Azerbaijan

— систематизировать теоретические подходы к определению роли индустриального прошлого в современной экономике;

— проанализировать текущее состояние промышленного потенциала и выявить институциональные и технологические барьеры трансформации;

— провести количественную и качественную оценку структурных сдвигов в экономике Азербайджана;

— обосновать авторский подход к рассмотрению индустриального наследия не как инерционного тормоза, а как стратегического ресурса устойчивого развития.

Основная часть

Сущность постиндустриальной экономики заключается в переходе от массового производства товаров к приоритетному развитию сферы услуг, технологий и человеческого капитала. Постиндустриальный процесс не означает исчезновения промышленности, а ведет ее к трансформации в наукоемкую и ресурсосберегающую форму, где управление знаниями играет более важную роль, чем владение материальными активами. На рис. 2 показаны основные понятия подобного перехода.

Нынешние реалии перехода Азербайджана к постиндустриальному развитию базируются на осознании необходимости глубокой трансформации

экономической модели от сырьевой зависимости к высокотехнологичной и инновационной системе [6]. Рассмотрим эти понятия по отдельности.

1. Индустриальное наследие как экономическая категория.

Индустриальное наследие представляет собой сложный и многомерный феномен, включающий материальные производственные активы, технологические компетенции, инфраструктуру, а также институциональные и кадровые ресурсы, сформированные в процессе индустриального развития. В экономическом контексте оно не сводится исключительно к устаревшим основным фондам, а отражает исторически сложившуюся структуру национального хозяйства, систему производственных связей и управленческих практик [7]. Указанная совокупность факторов определяет стартовые условия перехода экономики к постиндустриальной стадии развития.

С теоретической точки зрения индустриальное наследие может рассматриваться как фактор экономической инерции, так и долгосрочного роста. Классические и неоклассические подходы акцентируют внимание на негативных эффектах структурной жесткости и низкой адаптивности традиционных отраслей. В то же время современные институциональные и эволюционные теории подчеркивают значимость накопленных производственных знаний и технологических траекторий, которые при соот-

Таблица 1. Структурные проблемы и вызовы постиндустриального перехода
Table 1. Structural problems and challenges of the post-industrial transition

Проблема	Текущий статус (к началу 2026 г.)	Статистический контекст
Низкая инновационность	94-е место в мире	Позиция в Global Innovation Index (GII) 2025
Инвестиционный спад	– 5,7 %	Снижение общего объема инвестиций в основной капитал в 2025 г.
Экологическая нагрузка	Высокая	Недостаток очистных сооружений и загрязнение почв в старых промзонах
Зависимость бюджета	75 % доходов	Доля поступлений от нефти и газа в госбюджет остается доминирующей

Источник / Source: [9]

ветствующей модернизации способны обеспечить устойчивое развитие.

Характеризуя состояние индустриального наследия Азербайджана на современном этапе, следует отметить его неоднородность. С одной стороны, нефтегазовый комплекс обладает развитой инфраструктурой и высокой степенью интеграции в глобальные цепочки. С другой стороны, значительная часть активов обрабатывающей промышленности (в частности, в Гянджинском и Сумгайтском регионах) представлена предприятиями с высокой степенью износа основных фондов (до 50–60 %) и технологической инерционностью. Это наследие требует не просто консервации, а ревитализации через создание на базе старых промзон современных технопарков и бизнес-инкубаторов, что позволит использовать накопленный кадровый потенциал в новых условиях.

2. Проблемы постиндустриальной трансформации национальной экономики.

Постиндустриальное развитие сопровождается глубинными структурными изменениями, затрагивающими отраслевую структуру, рынок труда и механизмы создания добавленной стоимости. Одной из ключевых проблем является несоответствие между унаследованной индустриальной базой и требованиями экономики знаний, ориентированной на инновации, цифровые технологии и высокий уровень человеческого капитала. В результате формируются структурные дисбалансы, выражающиеся в снижении эффективности промышленного сектора и росте зависимости от импорта высокотехнологичной продукции [8].

Дополнительным вызовом становится процесс деиндустриализации, который в ряде случаев носит преждевременный характер. Сокращение промышленного производства без адекватной замены его высокотехнологичными секторами услуг приводит к замедлению экономического роста и снижению уровня занятости. Особенно уязвимыми оказываются регионы с высокой концентрацией традиционных отраслей, где утрата индустриального потенциала усиливает социально-экономическую дифференциацию и региональное неравенство.

Анализ динамики ключевых показателей свидетельствует о структурном напряжении в экономике. Данные за 2025 г. демонстрируют снижение объема инвестиций в основной капитал на 5,7 %, что в сочетании с доминирующей долей нефтегазовых доходов в бюджете (75 %) создает риски для своевременной модернизации производства. При этом позиция Азербайджана в Global Innovation Index (94-е место) указывает на разрыв между имеющейся материальной базой и эффективностью ее использования в инновационных процессах. Снижение инвестиционной активности в традицион-

ных секторах без адекватного роста в высокотехнологичных сегментах может привести к углублению технологического отставания.

В табл. 1 представлены структурные проблемы и вызовы постиндустриального перехода.

3. Индустриальное наследие как ресурс инновационного развития.

Сравнительный анализ процессов трансформации в различных секторах экономики Азербайджана показывает полярные результаты. Если в добывающей промышленности индустриальное наследие стало фундаментом для внедрения цифровых систем управления (Digital Oilfield), то в легкой и пищевой промышленности наблюдается затяжной адаптационный период. В отличие от добывающего сектора, где накопленный капитал позволяет проводить быструю технологическую диффузию, традиционные обрабатывающие отрасли сталкиваются с дефицитом долгосрочных инвестиций, что требует дифференцированного подхода в рамках государственной промышленной политики.

Несмотря на существующие ограничения, индустриальное наследие обладает значительным потенциалом для формирования инновационных моделей развития [10]. Производственная инфраструктура, инженерные школы и технологические компетенции могут служить основой для создания промышленных кластеров, развития наукоемких производств и интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. В данном контексте ключевую роль играет технологическая модернизация, направленная на обновление основных фондов и внедрение цифровых решений.

Особое значение приобретает институциональная среда, обеспечивающая трансформацию индустриального наследия в источник постиндустриального роста [2, с. 26; 4, с. 84]. Эффективная промышленная политика, поддержка исследований и разработок, а также стимулирование кооперации между промышленностью, наукой и образовательными учреждениями создают условия для синергетического эффекта [11]. Такой подход позволяет преодолеть противопоставление между индустриальным прошлым и постиндустриальным будущим, рассматривая их как взаимодополняющие элементы экономического развития [12].

В табл. 2 указаны стратегические ориентиры развития национальной экономики Азербайджана.

Необходимо также отметить, что индустриальное наследие (в основном нефтегазовый сектор) по-прежнему является фундаментом экономики, обеспечивая ресурсы для постиндустриального маневра. Поэтому именно сейчас происходит переход от экстенсивного использования ресурсов к интенсивному внедрению технологий. Настоящее время в этом смысле можно считать «точкой перегиба».

Таблица 2. Стратегические ориентиры развития национальной экономики Азербайджана
Table 2. Strategic guidelines for the development of the national economy of Azerbaijan

Направление	Цели на 2026–2030 гг.	Ожидаемый результат
Диверсификация	Снижение не нефтяного дефицита	Доведение дефицита до 13 % ВВП к 2029 г.
Урбанизация	2026 г. — год градостроительства	Модернизация городской инфраструктуры и переход к Smart City
Цифровизация	Государственная программа развития статистики	Переход на полностью цифровой сбор и анализ данных к 2030 г.

4. Направления адаптации индустриального наследия в постиндустриальной экономике.

Адаптация индустриального наследия требует реализации комплексных стратегий, ориентированных на долгосрочную структурную модернизацию [4, с. 81]. К числу приоритетных направлений относятся диверсификация промышленного производства, развитие высокотехнологичных сегментов обрабатывающей промышленности и повышение энерго- и ресурсной эффективности. Не менее важным является инвестирование в человеческий капитал, обеспечивающее переобучение кадров и формирование новых профессиональных компетенций.

В условиях постиндустриального развития возрастает роль государства как координатора структурных преобразований. Формирование благоприятной инвестиционной среды, поддержка инновационных проектов и учет региональных особенностей индустриального наследия позволяют снизить риски трансформационного периода [13]. Таким образом, индустриальное наследие при целенаправленном управлении способно стать не препятствием, а основой для устойчивого и конкурентоспособного развития национальной экономики.

Цифровизация выступает не только как самостоятельный сектор, но и как катализатор трансформации индустриального наследия. Внедрение технологий «Интернета вещей» (IoT) и систем анализа Big Data в традиционные производственные циклы позволяет конвертировать материальные активы прошлого в гибкие интеллектуальные системы. Для Азербайджана это означает возможность перехода к «умному производству» без полной ликвидации существующих мощностей, что повышает ресурсную эффективность и снижает экологическую нагрузку, отмеченную в табл. 1.

В научной литературе проблема соотношения индустриального наследия и постиндустриального развития остается предметом активных дискуссий. Существенные расхождения во взглядах исследователей связаны прежде всего с оценкой роли традиционного промышленного сектора в современных экономических условиях. Часть авторов рассматривает индустриальное наследие как фактор структурной инерции, препятствующий переходу к экономике знаний и замедляющий инновационные процессы. С этой позиции акцент делается на необходимость ускоренной деиндустриализации и перераспределения ресурсов в пользу сектора услуг и цифровых технологий.

В то же время альтернативный подход, получивший широкое распространение в последние годы, подчеркивает стратегическую значимость промышленной базы для обеспечения устойчивого экономического роста [14]. Сторонники данной точки зрения указывают, что отказ от индустриального наследия без его глубокой модернизации может привести к утрате технологического суверенитета,

снижению экспортного потенциала и росту зависимости от внешних рынков [15]. В рамках указанной концепции промышленность рассматривается как основа для развития высокотехнологичных отраслей и инновационных экосистем [16].

Дискуссионным остается и вопрос роли государства в управлении трансформацией индустриального наследия. Одни исследователи выступают за минимизацию государственного вмешательства, полагая, что рыночные механизмы способны самостоятельно определить перспективные направления структурных изменений. Другие, напротив, аргументируют необходимость активной промышленной политики, направленной на поддержку стратегических отраслей, развитие человеческого капитала и стимулирование научно-технического прогресса [17]. Практика многих стран свидетельствует о том, что именно сочетание рыночных инструментов и целенаправленного государственного регулирования обеспечивает наибольшую эффективность постиндустриальных преобразований.

В контексте проведенного исследования обосновывается позиция, согласно которой индустриальное наследие не следует однозначно интерпретировать как ограничение постиндустриального развития. Полученные выводы подтверждают, что при наличии институциональной поддержки и инновационной ориентации индустриальное наследие может трансформироваться в важный ресурс экономической модернизации.

Таким образом, дискуссия смещается от противопоставления индустриального и постиндустриального этапов к поиску моделей их интеграции в рамках долгосрочной стратегии развития национальной экономики [18].

В ходе проведенного исследования установлено, что индустриальное наследие оказывает комплексное и неоднозначное влияние на постиндустриальное развитие национальной экономики. Полученные результаты показывают, что традиционный промышленный сектор, при сохранении устаревших технологических и институциональных характеристик, действительно может выступать фактором структурной инерции и снижать темпы экономического роста. Вместе с тем выявлено, что при целенаправленной модернизации индустриальное наследие способно трансформироваться в источник инновационного развития и повышения конкурентоспособности экономики [19].

Анализ теоретических подходов и практических примеров позволил выделить ключевые условия эффективной интеграции индустриального наследия в постиндустриальную модель развития. К ним относятся обновление производственных фондов на основе цифровых и ресурсосберегающих технологий, развитие человеческого капитала и формирование институциональной среды, стимулирующей инновационную активность [20]. Установлено, что

страны и регионы, ориентированные на сочетание промышленной модернизации и развития экономики знаний, демонстрируют более устойчивые показатели социально-экономического развития [21].

Теоретический анализ и сопоставление региональных данных позволяют сделать вывод, что стихийная деиндустриализация без адаптации наследия несет в себе риски усиления региональных диспропорций. В регионах с высокой концентрацией традиционных производств сохранение технологического консерватизма или полный отказ от промышленной базы без создания альтернативных высокопроизводительных секторов может привести к снижению востребованности накопленных профессиональных компетенций и росту структурной безработицы. Таким образом, преемственность в развитии является необходимым условием социальной стабильности постиндустриального перехода.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Индустриальное наследие является значимым фактором, определяющим стартовые условия и траектории постиндустриального развития национальной экономики. Оно оказывает влияние на структурную устойчивость и конкурентоспособность национальной экономики.

2. Постиндустриальная трансформация, сопровождаемая неконтролируемой деиндустриализацией, приводит к утрате производственного и технологического потенциала, что негативно отражается на долгосрочном экономическом росте и социально-экономической стабильности.

3. Результаты исследования подтверждают, что индустриальное наследие при целенаправленной технологической и институциональной модернизации может выступать ресурсом инновационного и устойчивого развития, а не барьером экономических преобразований.

4. Ключевую роль в адаптации индустриального наследия играют государственная промышленная и инновационная политика, развитие человеческого капитала и формирование эффективной институциональной среды.

5. Интеграция индустриального и постиндустриального подходов в рамках долгосрочной стратегии развития национальной экономики позволяет снизить структурные риски и обеспечить сбалансированный переход к экономике знаний.

6. Для повышения эффективности государственной политики рекомендуется:

— внедрение механизмов стимулирования ревитализации промышленных зон через налоговые преференции для ИТ-компаний, размещающихся на территории старых предприятий;

— разработка целевых программ переобучения (reskilling) кадров индустриального сектора для работы в условиях цифровой экономики;

— усиление координации между университетами и промышленными кластерами для коммерциализации накопленных инженерных знаний.

Список источников / References

1. Сулейманов Э., Рахманов Ф., Годжаева Э. Экономика Азербайджана. Велико-Тырново: Университетское издательство имени святых Кирилла и Мефодия, 2021. 420 с. ISBN 978-619-203-244-4.

Suleymanov E., Rahmanov F., Gojayeve E. Economy of Azerbaijan. Veliko Tirnovo, 2021. 420 p. ISBN 978-619-203-244-4. (In Russ.).

2. Бакеев Д. Б. Роль функциональных маркетинговых стратегий в развитии организации // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 71–77. EDN: USGHMG.

Baykayev D. B. Rol' funktsional'nykh marketingovykh strategiy v razvitii organizatsii. *Vestnik Nauki*. 2024;12(81):71–77. EDN: USGHMG. (In Russ.).

3. Алиева Р. В. Промышленная политика Азербайджана в современных условиях // *Ekonomickiy Trendy*. 2017. № 4. С. 7–19. EDN: YTRCWD.

Aliyeva R. Industrial policy of Azerbaijan in modern conditions. *Ekonomické Trendy*. 2017;2:7–19. EDN: YTRCWD. (In Russ.).

4. Мамедов Д. Ф., Гусейнов Ю. Р., Ахмедова М. И. [и др.]. Стратегия управления современными технопарками: информационное взаимодействие университета и общества // *Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности*. 2025. № 5 (419). С. 79–89. https://doi.org/10.47367/0021-3497_2025_5_79. EDN: FSZFDH.

Mamedov J. F., Huseynov Y. R., Ahmadova M. I. [et al.]. Management strategy of modern technology park: Information interaction between university and society. *Textile Industry Technology*. 2025;5(419):79–89. https://doi.org/10.47367/0021-3497_2025_5_79. EDN: FSZFDH. (In Russ.).

5. Suleymanov E., Rakhmanov F. Diversification of economy the Republics Azerbaijan on base sustainable development of non-oil sector <https://doi.org/10.36880/C10.02038>. URL: <https://congress.avekon.org/?p=/conf/10/paperdetail&id=2038> (accessed: 22.01.2025).

6. Гусейнов А. Г. Пути совершенствования инновационной деятельности в нефтяной промышленности Азербайджана // *Инновации*. 2011. № 7 (153). С. 44–47. EDN: PDUKGF.

Huseynov A. G. The ways of improvement of innovative activity in oil industrial sphere of Azerbaijan. *Innovatsii*. 2011;7(153):44–47. EDN: PDUKGF. (In Russ.).

7. Əhmədova M., Məmmədova Q., Əsgərov A. Loggəstəgk gədarəetmə: məlləg gətərsadəyyatın tərəkəb həssəsəg. *Gənovasiyalı iqtisadiyyat və menecment məcmuəsi*. 2025;2:10–16. (In Azer.).

8. Алиев Ш. Т. Важность применения новых экономических инструментов в экономике Азербайджана // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2009. № 12 (45). С. 80–84. EDN: KHONH.

Aliyev Sh. T. Vazhnost' primeneniya novykh ekonomicheskikh instrumentov v ekonomike Azerbaydzhana. *Natsional'nyye Interesy: Prioritety i Bezopasnost'*. 2009;12(45):80–84. EDN: KHONH. (In Russ.).

9. Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. URL: <https://www.stat.gov.az/> (accessed: 22.01.2025). (In Azer.).

10. Кундиус В. А., Журавлев И. Д. Моделирование и оптимизация бизнес-процессов в управлении организацией // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2020. № 11-2. С. 77–81. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10928>. EDN: ITDEEP.

Kundius V. A., Zhuravlev I. D. Modeling and optimization of business processes in organization management. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2020;11-2:77–81. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10928>. EDN: ITDEEP. (In Russ.).

11. Raupova N. D. Ways of effective development of innovative activities at production enterprises of the republic of Uzbekistan. *EPRA International Journal of Research and Development*. 2020;5(10):30–31. <https://doi.org/10.36713/epra5255>. (In Engl.).

12. Губадова А. А. Г. Влияние развития не нефтяного сектора на экономику Азербайджана // *Российское предпринимательство*. 2017. Т. 18, № 12. С. 1861–1866. <https://doi.org/10.18334/rp.18.12.38015>. EDN: YUBTIH.

Gubadova A. A. The impact of the development of the non-oil sector on the economy of Azerbaijan. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017;18(12):1861–1866. <https://doi.org/10.18334/rp.18.12.38015>. EDN: YUBTIH. (In Russ.).

13. Караев Б. И. Инновационные подходы к развитию МСБ в ненефтяных отраслях экономики Азербайджана. URL: <https://timjurnal.az/uploads/2025/03/burxan-karayev.pdf> (дата обращения: 22.01.2025).

Karayev B. I. Innovative approaches to the development of SMEs in the non-oil sectors of the economy of Azerbaijan. URL: <https://timjurnal.az/uploads/2025/03/burxan-karayev.pdf> (accessed: 22.01.2025). (In Russ.).

14. Aliyev Sh. Priorities for strengthening Azerbaijan's economic security and sovereignty in the context of sustainable development. *Science, Education and Innovations in the Context of Modern Problems*. 2025;2(8):420–446. <https://doi.org/10.56334/sei/8.2.29>. EDN: LVFNRI.

15. Мамедова Х. Ф., Мамедов Ф. А., Ахмедова М. И. [и др.]. Совершенствование внешнеэкономических связей Азербайджана в сфере текстильного производства // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2025. № 3 (417). С. 87–94. https://doi.org/10.47367/0021-3497_2025_3_87. EDN: OERPFS.

Mamedova Kh. F., Mamedov F. A., Ahmadova M. I. [et al.]. Improvement of foreign economic relations of Azerbaijan in textile production. *Textile Industry Technology*. 2025;3(417):87–94. https://doi.org/10.47367/0021-3497_2025_3_87. EDN: OERPFS. (In Russ.).

16. Васильева Н. И., Мусиева Д. М. Основные тренды современных международных экономических отношений в условиях рецессии мирохозяйственного устройства // Вестник Московского университета. Серия 27. «Глобалистика и геополитика». 2024. № 2. С. 20–39. <https://doi.org/10.56429/2414489420244822039>. EDN: OEXFGW.

Vasilyeva N. I., Musieva J. M. Main trends of modern international economic relations in conditions of recession of the world economic order. *Bulletin of Moscow University. Series 27. "Global Studies and Geopolitics"*. 2024;2:20–39. <https://doi.org/10.56429/2414489420244822039>. EDN: OEXFGW. (In Russ.).

17. Рахмани Ф. П. Механизмы применения инновационной стратегии в развитии промышленных предприятий Азербайджана // Audit. 2020. № 4 (30). С. 81–94.

Rahmani F. P. Mechanisms of application of the innovative strategy in the development of Azerbaijan industrial enterprises. *Audit*. 2020;4(30):81–94. (In Russ.).

18. Мамедов З. Ф., Велиев Э. Н., Вейсов Е. Н. Оценка национального банковского сектора Азербайджана: становление и развитие // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8, № 1. С. 85–98. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-9>. EDN: KFZKXG.

Mammadov Z. F., Valiev E. N., Veysov E. N. Assessment of the national banking sector of Azerbaijan: formation and development. *Research Result. Economic Research*. 2022;8(1):85–98. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-9>. EDN: KFZKXG. (In Russ.).

19. Строкатов Д. А. Новации в методологии расчета индекса глобальной конкурентоспособности // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1 (17). С. 45–59. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2019-1-45-59>. EDN: YZCKTR.

Strokatov D. A. Innovations in the structure and methodology of calculation of the global competitiveness index. *International Trade and Trade Policy*. 2019;1(17):45–59. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2019-1-45-59>. EDN: YZCKTR. (In Russ.).

20. Митрофанова Е. А., Митрофанова А. Е. Методические основы управления в сфере инклюзивного высшего образования // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 2 (20). С. 78–84. EDN: XSRAFF.

Mitrofanova E. A., Mitrofanova A. E. Methodological foundations of management in the field of inclusive higher education. *Surgut State University Journal*. 2018;2(20):78–84. EDN: XSRAFF. (In Russ.).

21. Седалищев В. В. Среднее положение отраслей экономики Азербайджана в цепочках добавленной стоимости // Вестник Евразийской науки. 2025. № 5 (17). С. 1–11. EDN: KYCJAY.

Sedalishchev V. V. Average position of Azerbaijan's economic sectors within global value chains // The Eurasian Scientific Journal. 2025;5(17):1–11. EDN: KYCJAY. (In Russ.).

Информация об авторе:

АХМЕДОВА Метанет Исраил кызы, кандидат технических наук, доцент кафедры «Управление» Азербайджанского технологического университета, г. Гянджа.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4655-1662>

AuthorID (SCOPUS): 58570033800

e-mail: matanat.axmedova74@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 28.04.2026.

Information about the author:

AHMADOVA Metanet Israil, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Management Department, Azerbaijan Technological University, Ganja.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4655-1662>

AuthorID (SCOPUS): 58570033800

e-mail: matanat.axmedova74@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 29.01.2026.; approved after reviewing 02.04.2026; accepted for publication 28.04.2026.

МЕДИЦИНСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ: ОСОБЕННОСТИ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Н. А. Панова, О. В. Кублашвили

Московский политехнический университет,
Россия, 107023, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38

ovkublashvili@gmail.com

Современный рынок медицинских информационных систем стремительно развивается, предлагая широкий спектр решений для автоматизации и цифровизации работы лечебных учреждений.

Оптимизация работы врачей, скорость и качество обслуживания пациентов, степень удовлетворенности работой клиники в значительной степени зависят от использования подходящей медицинской информационной системы. Часто руководство медицинского учреждения сталкивается с проблемой выбора медицинской информационной системы, удовлетворяющей требованиям врачей, пациентов и соответствующей возможностям клиники. Многие существующие системы полностью не удовлетворяют всем необходимым критериям, возникают сложности с выбором, оценкой эффективности систем, интеграцией с другими системами клиники и обучением персонала. Для решения указанных задач и оптимизации выбора медицинских информационных систем было проведено исследование, которое направлено на изучение особенностей и функциональных возможностей существующих на российском рынке систем, а также их анализ по нескольким показателям.

В результате были определены ключевые критерии и отмечено, что выбор оптимальной медицинской информационной системы требует учета функциональности системы, стоимости ее покупки и внедрения, удобства использования, возможности интеграции с другими системами, а также соответствия требованиям законодательства, потребностям медицинского учреждения и необходимости обеспечения высокого качества оказания медицинских услуг.

Ключевые слова: медицинские информационные системы, ИТ-решения в медицине, электронная медицинская карта, цифровизация здравоохранения, рекомендательная система, ИИ-помощники в медицинской информационной системе, система поддержки принятия врачебных решений

Для цитирования: Панова Н. А., Кублашвили О. В. Медицинские информационные системы: особенности и сравнительный анализ. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 140–152. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-140-152>. EDN: BJBSEW.

© Панова Н. А., Кублашвили О. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

MEDICAL INFORMATION SYSTEMS: FEATURES AND COMPARATIVE ANALYSIS

N. A. Panova, O. V. Kublashvili

Moscow Polytechnic University, Bolshaya Semyonovskaya St., 38, Moscow, 107023, Russia

ovkublashvili@gmail.com

The modern medical information systems market is rapidly developing, offering a wide range of solutions for automation and digitalization of medical institutions.

The optimization of work, the speed and quality of patient care and the degree of satisfaction with the clinic's work largely depend on the use of a suitable medical information system. The management of a medical institution has the problem of choosing the medical information system that meets the requirements of doctors, patients and with the appropriate clinic capabilities. Many existing systems do not fully meet all the necessary criteria and difficulties with choosing, evaluation of system effectiveness, integration with

other clinic systems and staff training. The authors conduct the research and analysis of the features and functionality of existing systems on the Russian medical market for the optimization of choice of medical information systems.

As a result, the authors identify key criteria and highlight that choosing the optimal medical information system requires considering of some factors, such as the functionality of the system, the cost of its purchase and implementation, the usability, the integration with other systems, as well as the compliance with legal requirements, the needs of a medical institution and the need to ensure high quality of medical services.

Keywords: medical information systems, IT solutions in medicine, electronic medical records, digitalization of healthcare, recommendation system, AI assistants in the medical information system, decision support systems

For citation: Panova N. A., Kublashvili O. V. Medical information systems: Features and comparative analysis. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):140–152. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-140-152>. EDN: BJBSEW.

© Panova N. A., Kublashvili O. V., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Одна из важнейших задач в медицине — своевременно и грамотно поставленный пациенту диагноз и оценка возможных вариантов лечения для каждого пациента. Однако при решении данной задачи врачи часто сталкиваются с нехваткой времени или знаний в конкретной предметной области. Для решения проблемы существуют разные способы, однако в современных условиях цифровизации хорошим выходом может стать создание прототипа медицинской рекомендательной системы, которая может в кратчайшие сроки проанализировать ситуацию, найти необходимые данные и обеспечить обоснованность принимаемых решений. Через нее врач сможет получать быстрый доступ к справочникам и методическим руководствам, вариантам диагностики, исследований и лечения пациентов.

В настоящее время существуют несколько медицинских рекомендательных систем, однако ни одна из них не покрывает полностью потребности врачей.

Целью исследования является изучение особенностей и функциональных возможностей существующих на российском рынке медицинских информационных систем (МИС), проведение сравнительного анализа МИС по нескольким показателям и изучение современных инструментов искусственного интеллекта (ИИ), встраиваемых в МИС, для обеспечения возможности обоснованного выбора подходящих систем медицинскими учреждениями, а также для учета выявленных требований, критериев, особенностей при разработке новых и обновления работающих МИС.

Для достижения цели данного исследования был поставлен и решен ряд задач: проанализировать предметную область и определить актуальность и значимость разработки и внедрения МИС; представить алгоритм выбора медицинской системы; провести обзор и сравнительный анализ существующих информационных систем в области медицины для определения особенностей и возможностей их применения и дальнейшего развития; представить и обосновать критерии для сравнительного анализа МИС и провести сравнительный анализ

существующих на рынке медицинских информационных систем, выявить их достоинства, недостатки и проблемы; проанализировать необходимость интеграции современных ИИ-инструментов в МИС (системы поддержки принятия врачебных решений, рекомендательные модули, виртуальные помощники, чат-боты) и провести их сравнительный анализ; провести сравнительный анализ интерфейсов медицинских информационных систем; выявить основные этические, организационные и юридические аспекты использования МИС.

Основная часть

Развитие современных информационно-коммуникационных технологий в медицине способствует значительному прогрессу в ряде ключевых областей. Так, важными событиями стали завершение в 2024 г. национального проекта «Здравоохранение» и его продолжение в новом проекте — «Продолжительная и активная жизнь», целью которого является увеличение продолжительности жизни в России до 78 лет к 2030 г. [1].

Для достижения поставленных в национальном проекте целей необходимо трансформировать работу медицинских учреждений, так как увеличивается объем информации, количество коммуникаций, скорость принятия решений, возрастает нагрузка на врачей и другой медицинский персонал, поэтому необходимо повышать качество оказания медицинской помощи при увеличении скорости взаимодействия врачей и пациентов. В настоящее время реализуется стратегическое направление до 2030 г. в области цифровой трансформации здравоохранения: создание цифровых двойников пациентов, внедрение ИИ и дистанционный мониторинг здоровья.

Однако в здравоохранении сохраняется серьезная проблема дефицита кадров, наблюдается отток медицинских работников из государственных клиник в частные¹ [2]. Дефицит персонала среднего и высшего звена затрудняет получение населением полноценного медицинского обеспечения, так как увеличение нагрузки на оставшихся специалистов приводит к нехватке времени, уделяемому каждому пациенту, и повышает риск врачебных ошибок [3].

¹ Алмазов А. А., Бирюкова А. И., Власов В. В. [и др.]. Российское здравоохранение: перспективы развития. Москва: Высшая школа экономики. 2024. 60 с. EDN: WBQEHW.

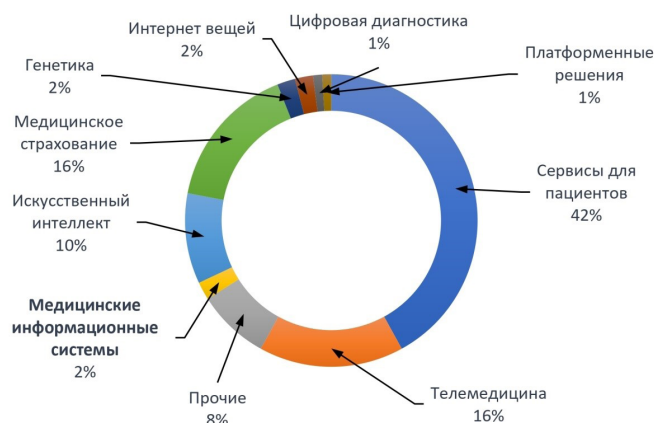

Рис. 1. Инвестиции в российское цифровое здравоохранение в 2014–2025 гг., в том числе в разработку медицинских информационных систем
Fig. 1. Investments in Russian digital healthcare in 2014–2025, including the development of medical information systems

Газета «Коммерсантъ» опубликовала статистику на территории РФ о наиболее распространенных врачебных ошибках, по которым 70 % происходили в связи с ненадлежащими диагностикой и лечением [4].

Важнейшим инструментом цифровой трансформации российского здравоохранения стали медицинские информационные системы, предназначенные для повышения качества оказания медицинской помощи и увеличения эффективности работы клиник. МИС — это специализированное программное обеспечение (интегрированная или комплексная информационная система), предназначенное для автоматизации лечебно-диагностического процесса и сопутствующей медицинской деятельности медицинской организации [5].

МИС предназначены для обеспечения информационной поддержки процессов оказания медицинской помощи, управления медицинской организации, взаимодействия с другими медицинскими организациями и пациентами, включая предоставление возможности записи пациента на прием к врачу, информационного наполнения личного кабинета пациента, выдачи пациенту электронных копий медицинских документов и обмена информацией с централизованными региональными и федеральными информационными ресурсами.

В России первые МИС появились в 1990-х гг., а масштабное внедрение государственной системы началось с 2011 г., которое продолжается и по сей день. На сегодня в стране функционируют более 250 систем, из которых 40 % успешно работают более десяти лет, что подтверждает их востребованность и эффективность. Основными потребителями МИС являются государственные (муниципальные) городские поликлиники или стационары. На них приходится 55,9 % от всех внедрений МИС, тогда как коммерческие клиники остаются в меньшинстве (7,8 %) из-за своей узкой специализации. Особое место занимает Единая медицинская информационно-аналитическая система, разработанная Департаментом информационных технологий г. Москвы, однако её популярность на данный момент ограничивается преимущественно столичным регионом.

Подобные инициативы свидетельствуют о значительном интересе государства и частных организаций к цифровизации сферы здравоохранения,

что подтверждает объем вложений в этот сектор за последние годы. Инвестиции в российское цифровое здравоохранение в 2014–2025 гг., в том числе в разработку медицинских информационных систем, представлены на рис. 1 [6].

Несмотря на значительные объемы финансирования, успешное внедрение и эффективное использование таких систем требуют тщательного подхода к выбору подходящего программного продукта. Процесс выбора представляет собой последовательность действий (рис. 2), включающую следующие этапы:

1. *Определение целей и требований.* В качестве целей внедрения МИС может быть повышение эффективности работы и снижение нагрузки на персонал, повышение качества и скорости обслуживания пациентов, снижение затрат, обеспечение информационной поддержки врачей, пациентов, оперативности принятия управленческих решений, создание информационной базы для научных исследований, внедрение новых цифровых инструментов и обеспечение поддержки принятия врачебных решений. Также необходимо сформулировать перечень функциональных характеристик, которыми должна обладать система, и определить требования и ограничения медицинского учреждения. При этом рекомендуют учитывать размер, специализацию и стратегию медицинской организации.

2. *Анализ бюджета.* Определяются затраты на разработку, внедрение и техническое обслуживание МИС, составляется бюджет с учетом финансовых возможностей медицинского учреждения.

3. *Анализ существующих процессов в медицинской организации.* Детальное изучение текущего состояния всех процессов в учреждении, выявление узких мест и возможностей для улучшения.

4. *Выбор критериев оценки МИС.* Разработка критериев оценки, в ходе которой определяются ключевые показатели, по которым и будет проводиться оценка МИС. Ключевыми показателями могут быть функциональные возможности, интеграция МИС с имеющейся инфраструктурой, уровень затрат на эксплуатацию и надежность защиты данных.

5. *Исследование рынка разработчиков и поставщиков.* Сбор информации о компаниях-разработчиках медицинских информационных систем, составление перечня возможных поставщиков МИС.

Рис. 2. Процесс выбора медицинской информационной системы
Fig. 2. Process of choosing a medical information system

Таблица 1. Сравнение медицинских информационных систем по стоимости внедрения
Table 1. Comparison of medical information systems by implementation costs

Группы МИС по стоимости	Описание	Примеры
Бюджетные МИС	Системы с низкой стоимостью эксплуатации. Такие системы обычно имеют ограниченную функциональность и достаточны для создания базового образа небольшой клиники или кабинета	Меддок: оплата только за каждую запись пациента. DentalPRO: оптимальная стоимость для стоматологических клиник. Клиентикс CRM: доступная аренда облачной версии
МИС средней стоимости	Категория, предусматривающая расширенный функционал и возможность использования во всех медицинских учреждениях. Цена умеренная, но зависит от объема используемой рабочей силы и количества пользователей	Медидея: бесплатное внедрение и обучение, множество модулей и отчетов. MEDODS: быстрая настройка и запуск, низкая стоимость владения. Medesk: можно подключить дополнительные модули при необходимости
Дорогостоящие МИС	Высококачественные и многофункциональные системы, предназначенные для крупных медицинских клиник. Обычно требуют значительных инвестиций в оборудование и техническую поддержку	Инфоклиника: полноценное покрытие всех нужд клиники, высокая стоимость внедрения и сопровождения. 1С-Бит: широкий спектр функциональных возможностей, высокие затраты на лицензию и техническое обслуживание

6. *Оценка предложений поставщиков.* Сравнительный анализ представленных информационных систем. Предложения ранжируются по степени соответствия заданным критериям, цене, анализируется надежность и репутация партнера, изучается опыт внедрения системы в других клиниках. Цена МИС является одним из важных и решающих факторов при принятии решения о приобретении и внедрении конкретной системы в медицинскую организацию (табл. 1).

7. *Тестирование выбранных вариантов МИС.* Пробное использование выбранных систем, тестирование функционала и эргономики интерфейсов. Собираются отзывы медицинских работников, пациентов и других пользователей, участвующих в тестировании системы.

8. *Принятие решения о выборе МИС.* Оценка возможного эффекта от внедрения конкретной МИС и принятие окончательного решения о выборе поставщика и системы.

9. *Установка и настройка системы.* Проверка работоспособности основных модулей.

10. *Организация обучения персонала.* Разработка программы подготовки сотрудников к работе с новой МИС и проведение обучающих занятий.

11. *Контроль эффективности внедрения.* Мониторинг работы установленной системы, устранение возникающих проблем.

Таким образом, представленный алгоритм обеспечивает систематический подход к выбору и интеграции оптимальной МИС, способствующей повышению уровня организации и управления лечебно-диагностическим процессом в учреждениях здравоохранения.

При выборе МИС необходимо ориентироваться на ключевые показатели, одним из которых является функционал системы. Основные критерии сравнения функциональных возможностей медицинских информационных систем указаны в табл. 2.

Таблица 2. Критерии сравнения медицинских информационных систем
Table 2. Criteria for comparing medical information systems

№	Критерий	Определение
1	Интеграция с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения, лабораториями и т. д.	Способность МИС автоматически обмениваться данными с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения, лабораторными, диагностическими и другими внешними сервисами, что обеспечивает полноту и актуальность медицинской информации
2	Электронная медицинская карта	Поддержка ведения полной истории болезни пациента в электронном виде, включая протоколы консультаций, результаты исследований, назначения и т. д.
3	Доступ пациента к МИС	Наличие онлайн-сервиса, позволяющего пациенту просматривать свою медицинскую информацию, записываться на прием и получать результаты анализов и лабораторно-инструментальных исследований [7]
4	Обратная связь с пациентами	Возможность оставить отзыв о полученной медицинской помощи и оценить качество сервиса
5	Рекомендательный блок	Наличие модуля, предоставляющего врачу персонализированные рекомендации на основе введенных данных и клинических протоколов

При выборе МИС важно учитывать не только основные, но и дополнительные функции. Это связано с тем, что современные МИС — это сложные информационные системы, которые должны обеспечивать безопасность и удобство использования, возможность интеграции с новыми программными модулями, аналитическими системами и подходить под специфику медицинской организации. В качестве дополнительных функций для проведения сравнительного анализа МИС предложено использовать еще несколько критериев: наличие системы поддержки принятия врачебных решений, платежных систем и модуля аналитики с возможностью получения отчетов и анализа показателей деятельности медицинских учреждений. Сравнение МИС по основным и дополнительным критериям представлено в табл. 3.

Выбор основных критериев для сравнения МИС осуществлялся в соответствии с приказом Минздрава России от 24.12.2018 № 911н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций». Дополнительные критерии для сравнения выбирались на основе анализа научных работ, отзывов пользователей МИС и рекомендаций экспертов. Ряд авторов предлагали использовать в качестве дополнительных критериев оценку совокупной цены МИС, включающую цены приобретения, адаптации, внедрения и эксплуатации, а также качество, удобство пользовательского интерфейса, поддержку импорта и экспорта данных, распространенность, технические характеристики, функциональность и возможность интеграции [8–10].

При выборе МИС также можно ориентироваться на размещение — локальное или облачное. Локальная МИС, которая может дорабатываться под особенности клиники и работать без интернета, обеспечивает полный контроль над данными и сервером, но требует установки, обслуживания и техподдержки, отличается сложностью масштабирования и больше подходит крупным медицинским учреждениям с собственным ИТ-отделом. Облачная МИС, которая может быть запущена за несколько часов, обеспечивает доступ с любого устройства

при гибкой системе оплаты, не требует установки, но требует стабильного интернета, ежемесячной оплаты и надежного провайдера (у которого находится контроль над медицинскими и другими данными). Указанная МИС больше подходит для небольших новых клиник или для тех, кто хочет снизить ИТ-нагрузку на свое учреждение. Интеграция современных цифровых инструментов позволит сделать использование локальной или облачной МИС ещё более эффективным инструментом для современных клиник.

Одним из направлений использования цифровых инструментов для дальнейшего развития здравоохранения является интеграция рекомендательных систем, которые помогают пациентам поддерживать здоровый образ жизни или на основе анализа больших данных и клинических рекомендаций помогают медикам выбирать оптимальные диагностические и терапевтические стратегии. Они выполняют роль цифровых помощников, поддерживающих врачей или пациентов на всех этапах лечебно-диагностического процесса. Их архитектура адаптирована под специфику медицинской деятельности, где критически важны точность, прозрачность и учет контекста принятия решений.

Рекомендательные системы в медицине разделяются по своей целевой аудитории: для пациентов такие системы могут выступать в роли персональных консультантов по профилактике заболеваний, напоминая о приеме лекарств или предлагая коррекцию образа жизни, но для врачей их функционал принципиально иной — они работают как системы поддержки принятия врачебных решений (СППВР), предоставляя упрощенный доступ к клиническим протоколам, анализируя аналогичные случаи проблем со здоровьем и предлагая варианты диагностики и лечения.

СППВР классифицируются по функциональному назначению:

1. Информационно-справочные — доступ к клинической информации, связанной с пациентом, и различаются по функционалу:

- справочно-библиотечные системы;
- электронные медицинские карты;
- интегральный анамнез;
- автоматизация врачебных назначений;
- автоматический контроль требований нормативно-правовых актов;

Таблица 3. Функциональные возможности МИС
Table 3. Functionality of medical information systems

	Ident	Yclients	Medical apps	Mila	32top	ИС:Медицина. Стоматологическая клиника	МеА Ангел-С	Medesk	Archi Med +	Инфо-клиника. RU	Клиентские CRM	Medods	МеА-Лок	Med-idea	SQNS (Клиника Онлайн)	Reporvatio	Med-mis	МеА-охват	МеА-офис	МеА-кей
СППВР	-	-	-	+	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Интеграции с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения, лабораториями и т. д.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	- / +	- / +	- / +
Отчетность/Анализ показателей деятельности	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	- / +	-
ЭМК	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Доступ пациента к МИС / Личный кабинет пациента	-	+	+	+	-	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Обратная связь от пациента	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Прием платежей	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+
Рекомендательный блок	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

- автоматический контроль «клинического минимума»;
- автоматическая поддержка клинических руководств;
- автоматический контроль критериев качества медицинской помощи.

Такие системы могут, например, мгновенно выделять пациентов, требующих повторного обследования, или сигнализировать о необходимости коррекции дозировки препаратов.

2. Консультативные (интеллектуальные) — гипотезы решений на основе анализа данных; имитируют или моделируют суждения врача. Интеллектуальные системы используют алгоритмы машинного обучения для генерации гипотез: от прогнозирования рисков осложнений до персонализации терапии на основе историй болезней.

3. Консультативно-информационные — сочетают в себе два предыдущих вида [11]. Как результат, такие гибридные системы не только предоставляют доступ к актуальной научной литературе, но и предлагают решения, основанные на данных из реестров пациентов. Например, при диагностике редкого заболевания система может одновременно выдать ссылку на руководство по лечению и предложить схему терапии, проверенную в аналогичных клинических случаях. Такая гибкость критически важна в условиях постоянного обновления медицинских знаний и ограниченного времени врачей на анализ информации.

Поддерживаемые врачебные решения можно разделить на диагностические и прогностические (клинических событий с целью их профилактики и эффективности лечения пациентов).

Задача диагностики в интеллектуальных СППВР обычно решается применением методов машинного обучения «с учителем», задача прогнозирования — как методами «с учителем», так и «без учителя» (Data Mining) [12, 13].

Однако успех таких систем зависит от качества исходных данных и их интеграции с существующими МИС, что остаётся вызовом для российского здравоохранения.

Большинство рассмотренных систем ориентированы на автоматизацию учёта, расписаний, документооборота, интеграцию с лабораториями, CRM и управление бизнес-процессами клиники. В описаниях решений нет упоминаний о наличии модуля, который бы анализировал данные о состоянии пациента и подбирал рекомендации в соответствии с клиническими протоколами.

Исключением служит система Mila, в которой реализованы элементы СППВР, которые могут предоставлять индивидуальные рекомендации врачу, однако это не столько полноценный рекомендательный блок, сколько инструменты для анализа и структурирования данных пациента.

Таким образом, рекомендательные системы, поддерживающие врачебные решения, пока редко реализуются в современных МИС. Это свидетельствует о том, что российский рынок медицинских информационных систем пока недостаточно насыщен решениями, которые помогают медицинским работникам ориентироваться в клинических рекомендациях, интегрируя их непосредственно в рабочий процесс.

В настоящее время рекомендательный блок — полезная и востребованная функция, практически отсутствующая в большинстве существующих МИС.

Однако в некоторых МИС реализуется инструмент «ИИ-помощники». В 2025 г. технологии искусственного интеллекта и машинного обучения достигли значительных успехов в области обработки и анализа медицинских данных. Алгоритмы способны автоматически анализировать снимки рентгенографии, компьютерной томографии и магнитно-резонансной томографии, отделять здоровые структуры от очагов поражения, сокращая время подготовки снимков на 70 %, способны оценить риск осложнений, обнаруживать начальные симптомы болезней и предлагать врачам наиболее вероятные варианты диагноза и схемы лечения. Также ИИ-помощники могут анализировать лабораторные и клинические данные в реальном времени, формируя комплексные отчёты для врача, а облачные платформы с ИИ позволяют экспертам дистанционно оценивать случаи экстренной помощи, где нет профильных специалистов.

Существуют виртуальные помощники на базе ИИ, которые могут обрабатывать запросы пациентов, проводить первичный скрининг и координировать консультации с врачами. В качестве примера можно привести разработанный в России бот «Склифосовский GPT» для Telegram. Он работает на основе ИИ, расспрашивает человека о симптомах болезни, задаёт уточняющие вопросы, определяет заболевание, а также может давать рекомендации и записывать человека к врачу [14].

Среди ИИ-помощников также можно выделить MedAI Connect, DoctorBot и CareLink 360. Интеллектуальная медицинская платформа MedAI Connect на основе ИИ предоставляет услуги для проведения дистанционных видеоконсультаций и для телемедицины, прогнозированию риска развития различных болезней с помощью анализа данных пациентов и выявления предикторов заболеваний, услуги по предоставлению медицинской справочной информации для врачей.

Интеллектуальная система DoctorBot представляет собой чат-бот, который может проводить диагностику заболеваний на основе жалоб пациентов, симптомов, уточняющих вопросов и результатов лабораторных исследований. При этом пациент может получить перечень возможных диагнозов с их вероятностной оценкой. Система использует алгоритмы машинного обучения, в автоматическом режиме извлекает информацию из научных медицинских источников и самообучается.

Система мониторинга CareLink 360 представляет собой интеллектуального помощника и может использоваться пожилыми людьми и пациентами с хроническими заболеваниями. С помощью этого инструмента возможно собирать и анализировать информацию о состоянии здоровья пациента, можно напоминать о необходимости приема лекарств и посещения клиники, совершать видеозвонки, а также настроить своевременную передачу информации о пациенте его родственникам или (и) врачу.

Следовательно, внедрение ИИ-помощников может способствовать снижению диагностических ошибок и пропущенных заболеваний, ускорять постановку диагноза и начало лечения, оптимизировать время работы врачей и обеспечивать доступ к диагностике в удалённых и малых клиниках. Врачи отмечают, что общение с ботом нельзя считать медицинской консультацией, а все рекомендации нужно обязательно обсуждать с врачом.

Сравнительный анализ трех ИИ-помощников представлен в табл. 4.

Таблица 4. Сравнительный анализ ИИ-помощников
Table 4. Comparative analysis of AI assistants

Критерии	Названия ИИ-помощников		
	AIDA	Webiomed	Panacea
Интеграция с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения	Возможна	Возможна	Возможна
Функциональность	Предлагает диагностику на основе симптомов, рекомендации по лечению, управление записями пациентов и анализ медицинских данных	Фокусируется на анализе данных пациентов, предсказательной аналитике и поддержке принятия врачебных решений	Включает функции диагностики, рекомендации по лечению, а также возможность общения с пациентами и ведения медицинской документации
Интеграция с МИС	Используется в Единой медицинской информационно-аналитической системе. Хорошо интегрируется с различными медицинскими системами	Используется в 14-ти МИС. Обеспечивает интеграцию с системами управления данными и другими медицинскими приложениями	Используется в 4-х МИС. Имеет возможности интеграции, но может требовать дополнительных настроек для работы с некоторыми системами
Интерфейс пользователя	Имеет интуитивно понятный интерфейс с четкой навигацией	Интерфейс может быть сложнее для новых пользователей, но предлагает множество функций для опытных врачей	Удобный и простой интерфейс, который позволяет быстро находить нужные функции и информацию
Точность	Высокая точность диагностики, поддерживается данными клинических исследований	Обладает хорошей точностью, особенно в предсказательной аналитике, но требует постоянного обновления данных	Точность на уровне, сопоставимом с другими помощниками, но может варьироваться в зависимости от качества введенных данных
Поддержка	Круглосуточная техническая поддержка, доступная через различные каналы, включая телефон и электронную почту	Поддержка через электронную почту и онлайн-чат, но время ответа может варьироваться	Техническая поддержка через телефон и электронную почту с акцентом на быстрое решение проблем
Обучение	Предоставляет разнообразные обучающие материалы, включая видеоуроки, вебинары и документацию, что помогает врачам быстро освоить систему	Обучающие материалы доступны, но могут быть менее обширными по сравнению с AIDA. Вебинары и семинары проводятся, но не так часто	Обучающие материалы включают руководства и видео, но могут быть менее детализированными, чем у AIDA. Также проводятся обучающие сессии для новых пользователей

Однако, несмотря на перспективы, внедрение ИИ-помощников сопряжено с этическими, организационными и юридическими аспектами. Важно сохранить роль врача как главного субъекта принятия решений, используя системы в качестве инструмента для снижения когнитивной нагрузки, а не замены профессионального суждения. Параллельно требуется усиление мер по защите медицинских данных и стандартизации интерфейсов для интеграции с региональными МИС. Успешные кейсы, такие как использование рекомендательных алгоритмов для поиска противовирусных препаратов, демонстрируют, что даже универсальные методы могут быть адаптированы для решения специфических задач здравоохранения при условии глубокой предметной экспертизы [15–17]. Основные этические проблемы внедрения искусственного интеллекта в МИС связаны с ограниченностью данных об эффективности и надёжности ИИ-систем, с риском нанесения вреда пациентам вследствие ошибок и неточностей в рекомендациях, генерируемых ИИ, а также со сложностью интерпретации рекомендаций и решений, принимаемых самообу-

чающимися алгоритмами, способными к модификации на основе новых данных. Также эксперты отмечают риски, связанные с добросовестностью разработчиков в вопросах полноты и качества обучающих выборок, или вопросы распределения ответственности между разработчиками, врачами и медицинскими учреждениями, если ИИ допускает ошибки. Существуют угрозы кибербезопасности, включая возможный несанкционированный доступ к алгоритмам и персональным данным пациентов, риск снижения взаимодействия между врачами и пациентами и др. [18]

В связи с необходимостью обеспечения безопасного и этичного использования ИИ в здравоохранении в 2025 г. был утвержден Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья (Версия 2.1), целью которого является «этичное, безопасное и эффективное развитие и использование ИИ на благо общества, развитие здравоохранения, а также предотвращение применения ИИ во вред в настоящем и будущем, с гармонизацией Кодекса с международными соглашениями и международным правом» [19].

Таблица 5. Сравнительный анализ пользовательских интерфейсов медицинских информационных систем
Table 5. Comparative analysis of user interfaces of medical information systems

Критерии оценки	Название МИС	Ident	Yclients	Medical apps	Mila	32top	1С:Медицина. Стоматологическая клиника	MeA Антел-С	Medesk	Archi Med +	Информатика. RU	Клиентские CRM	Methods	MeA Лок	Med-idea	SQNS (Клиника Онлайн)	MeA-охват	MeA-офис	MeA-кей
1. Удобство использования		4	5	3	4	3	4	4	5	3	4	5	3	4	4	5	3	4	4
2. Интуитивная навигация		4	5	3	4	3	4	4	5	3	4	5	3	4	4	5	3	4	4
3. Эстетика дизайна		3	4	4	5	3	3	3	4	4	3	5	3	4	5	4	3	4	3
4. Доступность функций		5	5	4	4	4	5	5	5	4	4	5	4	4	5	5	4	4	4
5. Адаптивность (мобильная версия)		4	5	3	4	3	4	4	5	3	4	5	3	4	4	5	3	4	4
Средний балл		4	4,8	3,4	4,2	3,2	4	4	4,8	3,8	3,8	5	3,2	4	4,6	4,8	3,2	4	3,8

Помимо этических и организационных вопросов, требующих решения, существуют юридические аспекты, например, связанные с необходимостью нормативного регулирования применения ИИ, внедрения системы регистрации различных медицинских устройств и изделий с ИИ, защиты персональных данных, определения правосубъектности ИИ и юридической ответственности за рекомендации и решения, принимаемые искусственным интеллектом.

С 2025 г. в России клинические рекомендации становятся обязательными для всех медицинских организаций. Это необходимо для стандартизации процессов диагностики и лечения, повышения качества медицинской помощи и юридической прозрачности [19]. В настоящее время существует единый официальный ресурс Министерства здравоохранения, в котором размещаются официально утвержденные клинические рекомендации, разработанные и утвержденные медицинскими профессиональными некоммерческими организациями Российской Федерации, а также методические руководства, номенклатуры и другие справочные материалы.

Клинические рекомендации представляют собой набор рекомендаций по применению медицинских вмешательств в рамках оказания медицинской помощи пациентам с определенным заболеванием или состоянием. Они содержат информацию по вопросам профилактики, диагностики, лечения и реабилитации пациентов. Рекомендательная система может помочь медицинским работникам получить удобный и быстрый доступ к этой информации, способствуя повышению качества и доступности медицинской помощи.

Для обеспечения интеграции пользовательского интерфейса с серверной частью обычно используются трехуровневые архитектуры: модели с клиентским приложением (интерфейсом), серверным приложением и сервером баз данных.

В рамках исследования были выделены критерии качества пользовательского интерфейса. Таким образом, интерфейс должен:

- 1) обеспечивать врачу доступ к релевантным клиническим рекомендациям на основе введенных данных;
- 2) отображать источники используемых клинических рекомендаций: врач должен понимать, на основании каких данных система предлагает те или иные решения, и иметь возможность самостоятельно посмотреть необходимую информацию;
- 3) быть интуитивно понятным, с минимальным количеством действий для получения нужной информации. Важны логичная навигация, структурированность данных, адаптация под сценарии работы врача;
- 4) предусматривать механизм для врача для сообщения о неактуальности, ошибках или неудобствах в рекомендациях, что способствует постоянному совершенствованию системы [20];
- 5) быть совместимым с электронными медицинскими картами, лабораторными системами и другими инструментами врача, чтобы исключить дублирование ввода данных и повысить эффективность работы.

Показателями качества являются пять юзабилити-метрик, которые оцениваются по пятибалльной шкале [21]:

- 1) удобство использования — насколько просто и быстро пользователь может выполнять основные задачи в интерфейсе;

2) интуитивная навигация — насколько логично и понятно организовано перемещение между разделами и функциональными элементами системы;

3) эстетика дизайна — визуальная привлекательность интерфейса, гармоничность цветовой гаммы, шрифтов, иконок и общего стиля;

4) доступность функций — насколько легко пользователю найти и использовать все необходимые для работы функции;

5) адаптивность — способность интерфейса корректно отображаться и функционировать на различных устройствах.

В соответствии с исследованием Н. В. Козловского предложено оценивать текущее состояние сайта с помощью двух метрик: поведенческой и «отношенческой». «Отношенческая» метрика используется для формирования полной картины мнения пользователей о сервисе, основывается на впечатлениях от взаимодействия с продуктом и рассчитывается, среди прочего, с помощью индекса удовлетворенности клиента. Поведенческая метрика рассчитывается из среднего времени выполнения задач, количества некорректной информации, введенной пользователем, частоты завершения выполнения задачи до конечной фазы и др. [21, 22].

Был проведен сравнительный анализ интерфейсов МИС (табл. 5) на основе интернет-отзывов маркетплейса программ для автоматизации бизнеса A2IS с использованием юзабилити-метрик. Для удобства анализа и оценки качества представленных систем были выявлены ключевые характеристики каждой системы, такие как качество интерфейса, уровень доступности функционала, степень адаптации к современным стандартам дизайна и эргономики, удобство навигации и общие впечатления пользователей.

В результате проведенного анализа были рассмотрены достоинства и направления для дальнейшего совершенствования МИС. Наиболее перспективными выглядят продукты с высоким уровнем адаптивности и современными интерфейсами, такие как Yclients, Клиентикс CRM, МедАнгел-С. Остальные системы требуют различного объема усовершенствования, начиная от незначительных изменений и заканчивая существенными доработками архитектуры и дизайна.

В рамках обзора существующих решений было выявлено, что большинство доступных систем не содержит полноценного рекомендательного блока, который бы эффективно помогал медицинским специалистам в выборе диагноза и назначении дальнейших медицинских мероприятий, сопоставимых с клиническими рекомендациями. Следовательно, необходима разработка специализированного интерфейса, способного интегрировать рекомендации и облегчить врачам принятие решений на основе актуальных данных и стандартов.

Заключение

В ходе исследования был проведен обзор существующих медицинских информационных систем, отражены их особенности, проанализированы существующие на рынке МИС, выявлены их достоинства и недостатки. Также были сформулированы проблемы цифровизации здравоохранения, отмечено, что цифровая трансформация остается стратегическим направлением развития здравоохранения с четко обозначенными ключевыми элементами, целями и ориентирами. Для реализации поставленных целей активно внедряются МИС, которые

предназначены для обеспечения информационной поддержки процессов оказания медицинской помощи, управления медицинской организацией, взаимодействия с другими медицинскими организациями и пациентами, повышения удобства пациентов и качества оказания медицинских услуг.

Было выявлено более 250 МИС, функционирующих на российском рынке, и отмечено, что процесс выбора МИС представляет собой ряд последовательных действий, необходимых для развития организации с учетом оптимального соответствия требованиям учреждения здравоохранения. Каждая клиника имеет уникальные потребности, поэтому выбор МИС должен основываться на конкретных требованиях и целях учреждения. Важным аспектом является способность МИС интегрироваться с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения, что позволяет обмениваться данными и обеспечивать соответствие законодательным нормам.

На следующем этапе исследования были сформулированы основные критерии для сравнения функциональных возможностей МИС — интеграция с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения, лабораториями, другими медицинскими организациями; ведение электронной медицинской карты; обеспечение доступа пациентов к МИС; наличие возможности обратной связи и рекомендательного блока, который обеспечивает функционирование системы поддержки принятия врачебных решений. Была приведена классификация систем поддержки принятия врачебных решений по функциональному назначению, а также проведен сравнительный анализ МИС по цене, функциональным возможностям и интерфейсам.

В результате выявлено, что рекомендательные системы, поддерживающие врачебные решения, пока реализованы только в нескольких МИС. Такие системы имеют большой потенциал для медицинских учреждений и значительно облегчили бы работу врачей, способствовали бы улучшению качества и повышению скорости оказания медицинских услуг, а также позволили бы снизить риск врачебных ошибок. Интерес к разработке рекомендательных систем поддерживается и на государственном уровне. Национальный проект «Новые технологии сохранения здоровья», который реализуется в России в 2025–2030 гг., охватывает, в том числе, современные российские разработки в области ИИ и использование методов машинного обучения в медицине. На данный момент власти уделяют большое внимание разработке систем принятия врачебных решений, интеллектуальных помощников и приложений, использующихся для мониторинга состояния пациента. В статье были рассмотрены встроенные в некоторые МИС ИИ-помощники с различными функциями и приведен их сравнительный анализ. Отмечено, что внедрение ИИ-помощников и СПВР не заменяет квалифицированной врачебной помощи, но может способствовать своевременной и точной постановке диагноза, ускорять и повышать эффективность лечения, оптимизировать работу медицинского персонала.

Таким образом, внедрение современных МИС играет важную роль в процессе цифровой трансформации и повышении эффективности работы медицинских организаций, обеспечивая автоматизацию процессов, улучшение качества и повышение доступности медицинской помощи.

Список источников / References

1. Гончарова О. Ю., Чернушкова К. Г., Потешкина М. А. Российская система здравоохранения: современное состояние и возможные пути совершенствования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 43–50. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-43-50>. EDN: BRHZOP.
2. Goncharova O. Yu., Chernushkova K. G., Poteshkina M. A. The Russian healthcare system: current state and possible ways of improvement. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):43–50. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-43-50>. EDN: BRHZOP. (In Russ.).
3. Канева Д. А., Тарараева Т. Ю., Бреусов А. В., Максименко Л. В. Проблема дефицита врачебных кадров в здравоохранении России: причины и пути решения (литературный обзор) // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024. № 1. С. 747–767. <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2024-1-747-767>. EDN: JOUVCC.
4. Kaneva D. A., Tararaeva T. Yu., Breusov A. V., Maksimenko L. V. The problem of medical staff shortage in health care in Russia: Reasons and solutions (literary review). *Scientific Journal "Current Problems of Health Care and Medical Statistics"*. 2024;1:747–767. <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2024-1-747-767>. EDN: JOUVCC. (In Russ.).
5. Герсонская И. В. Система здравоохранения в России: основные проблемы и возможные пути их решения // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 53–63. EDN: IVIRWG.
6. Gersonskaya I. V. The healthcare system in Russia: the main problems and possible ways to solve them. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;3(473):53–63. EDN: IVIRWG. (In Russ.).
7. Карсанов А. М., Хестанов А. К., Туаева И. Б. [и др.]. Безопасность пациентов как целевой показатель современной медицины // Главный врач Юга России. 2018. № 2 (60). С. 10–13. EDN: YWEMCN.
8. Karsanov A. M., Khestanov A. K., Tuayeva I. B. [et al.]. Safety of patients as a target index of modern medicine. *Glavnyy Vrach Yuga Rossii*. 2018;2(60):10–13. EDN: YWEMCN. (In Russ.).
9. Монаков Д. М., Алтуни Д. В. Медицинские информационные системы: современные реалии и перспективы // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. Т. 8, № 4. С. 46–53. <https://doi.org/10.29188/2712-9217-2022-8-4-46-53>. EDN: ADDKCX.
10. Monakov D. M., Altunin D. V. Medical information systems: modern realities and prospects. *Russian Journal of Telemedicine and E-Health*. 2022;8(4):46–53. <https://doi.org/10.29188/2712-9217-2022-8-4-46-53>. EDN: ADDKCX. (In Russ.).
11. Полянская С. Г., Телятникова Т. В. Цифровизация Российской системы здравоохранения как перспективное направление развития цифровой экономики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13, № 3. С. 113–119. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2024-3-819>. EDN: YOCXTK.
12. Polyanskaya S. G., Telyatnikova T. V. Digitalization of the Russian healthcare system as a promising direction for the development of the digital economy. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2024;13(3):113–119. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2024-3-819>. EDN: YOCXTK. (In Russ.).
13. Приказ Минздрава России от 24.12.2018 № 911н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Prikaz Minzdrava Rossii ot 24.12.2018 № 911n "Ob utverzhdenii Trebovaniy k gosudarstvennym informatsionnym sistemam v sfere zdravookhraneniya sub'yektov Rossiyskoy Federatsii, meditsinskim informatsionnym sistemam meditsinskikh organizatsiy i informatsionnym sistemam farmatsevticheskikh organizatsiy". Available at the ConsultantPlus. (In Russ.).
15. Харитонов А. А., Фатин П. А. Критерии оценки медицинских информационных систем // Врач и информационные технологии. 2008. № 5. С. 15–19. EDN: KBXWFX.
16. Kharitonov A. A., Fatin P. A. Kriterii otsenki meditsinskikh informatsionnykh sistem. *Medical Doctor and Information Technologies*. 2008;5:15–19. EDN: KBXWFX. (In Russ.).
17. Мухин Ю. Ю., Лебедев Г. С. Подходы к параметрической оценке и сопоставлению функций медицинских информационных систем // Информационные и измерительные управляющие системы. 2013. Т. 11, № 10. С. 19–30. EDN: RKVZQF.
18. Mukhin Yu. Yu., Lebedev G. S. Approaches to the evaluation and comparison of parametric functions of health information systems. *Informatsionnyye i Izmeritel'nyye Upravlyayushchiye Sistemy*. 2013;11(10):19–30. EDN: RKVZQF. (In Russ.).
19. Владимирский А. В., Гусев А. В., Шарова Д. Е. [и др.]. Методика оценки уровня зрелости информационной системы для здравоохранения // Врач и информационные технологии. 2022. № 3. С. 68–84. https://doi.org/10.25881/18110193_2022_3_68. EDN: JCTFJL.
20. Vladimirskiy A. V., Gusev A. V., Sharova D. E. [et al.]. Health information system maturity assessment methodology. *Medical Doctor and Information Technologies*. 2022;3:68–84. https://doi.org/10.25881/18110193_2022_3_68. EDN: JCTFJL. (In Russ.).
21. Реброва О. Ю. Жизненный цикл систем поддержки принятия врачебных решений как медицинских технологий // Врач и информационные технологии. 2020. № 1. С. 27–37. <https://doi.org/10.37690/1811-0193-2020-1-27-37>. EDN: CVANJA.
22. Rebrova O. Yu. Life cycle of decision support systems as medical technologies. *Medical Doctor and Information Technologies*. 2020;1:27–37. <https://doi.org/10.37690/1811-0193-2020-1-27-37>. EDN: CVANJA. (In Russ.).
23. Кобринский Б. А. Интеллектуальные рекомендательные системы для медицины: особенности и ограничения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2022. № 3. С. 51–62. <https://doi.org/10.14357/20718594220304>. EDN: HHPFQW.
24. Kobrinskii B. A. Intelligent recommender systems for medicine: peculiarities and limitations. *Artificial Intelligence and Decision Making*. 2022;3:51–62. <https://doi.org/10.14357/20718594220304>. EDN: HHPFQW. (In Russ.).
25. Цурко В. В. Рекомендательные системы в здравоохранении // Управление в медико-биологических и экологических системах. 2019. № 82. С. 61–73. EDN: ZBEFBV.
26. Tsyurko V. V. Recommender systems in the healthcare. *Large-Scale Systems Control*. 2019;82:61–73. EDN: ZBEFBV. (In Russ.).
27. Калинин П. С., Лисицинский С. Г., Орлов Г. М. Исследование применения диалоговых агентов в сфере здравоохранения // Альманах научных работ молодых ученых Университета ИТМО. 2022. Т. 2. С. 270–274. EDN: FENJWF.
28. Kalinin P. S., Lisitsinskiy S. G., Orlov G. M. Issledovaniye primeneniya dialogovykh agentov v sfere zdravookhraneniya. *Al'manakh Nauchnykh Rabot Molodykh Uchenykh Universiteta ITMO*. 2022;2:270–274. EDN: FENJWF. (In Russ.).
29. Ватолин В. М., Сухоруких О. А., Галеева Ж. А. [и др.]. Анализ данных о методиках клинической оценки, указанных в клинических рекомендациях, размещенных на информационном ресурсе Минздрава России «Рубрикатор клинических рекомендаций» // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2018. Т. 11, № 1. С. 56–63. <https://doi.org/10.17749/2070-4909.2018.11.1.056-063>. EDN: XOSHTF.
30. Vatin V. M., Sukhorukikh O. A., Galeeva Zh. A. [et al.]. Methods of clinical assessment from the "Clinical Recommendations" resource of the Ministry of Healthcare of Russia: a systematic review. *PHARMACOECONOMICS. Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology*. 2018;11(1):56–

63. <https://doi.org/10.17749/2070-4909.2018.11.1.056-063>. EDN: XOSHTF. (In Russ.).

16. Sosnina E. A., Sosnin S., Nikitina A. A. [et al.]. Recommender systems in antiviral drug discovery. *ACS Omega*. 2020;5(25):15039–15051. <https://doi.org/10.1021/acsomega.0c00857>.

17. Поторочина В. Д., Лекомцева М. А. Этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в здравоохранении // Вестник науки. 2025. № 9 (90). С. 468–475. EDN: DDPXIG.

Potorochina V. D., Lekomtseva M. A. Ethical and legal aspects of the use of artificial intelligence in healthcare. *Bulletin of Science*. 2025;9(90):468–475. EDN: DDPXIG. (In Russ.).

18. Королева Ю. И., Хохлов А. Л., Артемова О. Р. [и др.]. Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья в Российской Федерации // Врач и информационные технологии. 2025. Т. 2. С. 98–106. https://doi.org/10.25881/18110193_2025_2_98. EDN: IVOOYJ.

Koroleva J. I., Khokhlov A. L., Artemova O. R. [et al.]. Code of ethics for the use of artificial intelligence in the Russian Federation healthcare. *Medical Doctor and Information Technologies*. 2025;2:98–106. https://doi.org/10.25881/18110193_2025_2_98. EDN: IVOOYJ. (In Russ.).

19. Ледовских Ю. А., Тишкина С. Н., Пирова Г. И. [и др.]. Принципы разработки стандартов медицинской помощи на основе клинических рекомендаций // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2023. Т. 16, № 1. С. 5–16. <https://doi.org/10.17749/2070-4909/farmakoeconomika.2022.160>. EDN: HFSVYK.

Ledovskikh Yu. A., Tishkina S. N., Pirova G. I. [et al.]. Principles of medical care standards development based on clinical guidelines. *PHARMACOECONOMICS. Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology*. 2023;16(1):5–16. <https://doi.org/10.17749/2070-4909/farmakoeconomika.2022.160>. EDN: HFSVYK. (In Russ.).

20. Урбанович М. В., Ковалева К. А. Принципы разработки пользовательских интерфейсов // Современные инновации, системы и технологии. 2023. Т. 3, № 4. С. 363–374. <https://doi.org/10.47813/2782-2818-2023-3-4-0363-0374>. EDN: UKSRSC.

Urbanovich M. V., Kovaleva K. A. Principles of user interface design. *Modern Innovations, Systems and Technologies*. 2023;3(4):363–374. <https://doi.org/10.47813/2782-2818-2023-3-4-0363-0374>. EDN: UKSRSC. (In Russ.).

21. Курмангулов А. А., Стрельников С. С., Россомехина О. М. [и др.]. Оценка эргономичности сайтов медицинских организаций с позиции пользовательского опыта (UX) // Вестник УГМУ. 2024. № 3. С. 37–47. EDN: JYHNZT.

Kurmangulov A. A., Strelnikov S. S., Rossomakhina O. M. Assessment of ergonomics of medical organizations' websites from the point of user experience (UX). *USMU Medical Bulletin*. 2024;3:37–47. EDN: JYHNZT. (In Russ.).

22. Фатхинурова И. Ф. Исследование рынка автоматизированных информационных систем в сфере здравоохранения // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 65–72. EDN: KAEFPB.

Fatkhinurova I. F. Issledovaniye rynka avtomatizirovannykh informatsionnykh sistem v sfere zdravookhraneniya. *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye*. 2021;35:65–72. EDN: KAEFPB. (In Russ.).

Вклад авторов:

Н. А. Панова. Целевая установка, выбор критериев для сравнения функциональных возможностей и интерфейсов медицинских информационных систем, проведение анализа медицинских информационных систем и виртуальных помощников, написание начального варианта статьи, редактирование текста статьи, подготовка визуальных материалов исследования, формулирование выводов.

О. В. Кублашвили. Анализ литературы, формулировка задач исследования, обоснование методологии исследования, выявление особенностей медицинских информационных систем, работа с законодательными и нормативными документами, редактирование текста статьи.

Authors' contribution:

Nataliia A. Panova. Objective setting, selection of criteria for comparing the functionality and interfaces of medical information systems, analysis of medical information systems and virtual assistants, writing the initial version of the article, editing the text of the article, preparation of the visual material, formulation of conclusions.

Oksana V. Kublashvili. Literature analysis, formulation of research objectives, substantiation of research methodology, identification of features of medical information systems, study of legislative and regulatory documents, editing the text of the article.

Информация об авторах:

ПАНОВА Наталия Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Информатика и информационные технологии» Московского политехнического университета, г. Москва.

SPIN-код: 9707-8711

AuthorID (РИНЦ): 404026

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7752-8263>

AuthorID (SCOPUS): 58859281500

ResearcherID: HOH-4689-2023

e-mail: panova_natasha@mail.ru

КУБЛАШВИЛИ Оксана Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Технология и управление качеством в полиграфическом и упаковочном производстве» Московского политехнического университета, г. Москва.

SPIN-код: 8254-6381

AuthorID (РИНЦ): 358175

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7502-0562>

AuthorID (SCOPUS): 57218906428

ResearcherID: O-1183-2015

e-mail: ovkublashvili@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 04.05.2026; принята к публикации 12.05.2026.

Information about the authors:

PANOVA Nataliia Alekseevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Computer Science and Information Technology Department, Moscow Polytechnic University, Moscow. SPIN-code: 9707-8711

AuthorID (RSCI): 404026

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7752-8263>

AuthorID (SCOPUS): 58859281500

ResearcherID: HOH-4689-2023

e-mail: panova_natasha@mail.ru

KUBLASHVILI Oksana Vyacheslavovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Technology and Quality Management

in Printing and Packaging Production Department,
Moscow Polytechnic University, Moscow.
SPIN-code: 8254-6381
AuthorID (RSCI): 358175
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7502-0562>
AuthorID (SCOPUS): 57218906428
ResearcherID: O-1183-2015
e-mail: ovkublashvili@gmail.com

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 04.05.2026; accepted for publication 12.05.2026.

АДАПТИВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП ЭФФЕКТИВНОГО АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В. М. Федоров, Е. В. Яковлева

Омский государственный технический университет, Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира, 11

 elenav12@yandex.ru

Статья посвящена анализу роли адаптивности как ключевого принципа эффективного антикризисного управления в условиях современных экономических вызовов.

Цель работы состоит в разработке теоретических основ и обосновании организационной адаптивности в условиях кризиса. В рамках исследования выделены ключевые задачи: дать характеристику понятия «адаптивность» в условиях кризиса; выявить его значимость и особенности в нестабильной экономической среде; исследовать основные характеристики адаптивных систем, включая их структуру, процессы и механизмы, способствующие высокой степени приспособляемости к внешним и внутренним вызовам; обосновать новые факторы и условия, способствующие повышению организационной адаптивности. Объектом выступают организационные системы, функционирующие в российских условиях, а предметом — феномен адаптивности в рамках системы антикризисного управления.

В работе применялись общенаучные методы исследования, включая сравнительный анализ, моделирование, логические и абстрактные методы, что обеспечило системный и теоретически обоснованный характер полученных результатов. Авторами были выявлены новые факторы, способствующие повышению организационной адаптивности, такие как внедрение новых технологий, развитие организационной культуры новаторства и обеспечение гибкости управления.

Практическая значимость заключается в формулировании механизмов повышения адаптивности организаций, что способствует развитию их антикризисных потенциалов и повышению устойчивости. Исследование позволяет расширить теоретическую базу понимания адаптивности как стратегического ресурса и основы для разработки эффективных моделей антикризисного управления в современных условиях.

Ключевые слова: адаптивное антикризисное управление, устойчивость, адаптивность, адаптивные системы, эффективность, гибкость

Для цитирования: Федоров В. М., Яковлева Е. В. Адаптивность как ключевой принцип эффективного антикризисного управления. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 153–159. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-153-159>. EDN: DYVPKZ.

© Федоров В. М., Яковлева Е. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

ADAPTABILITY AS A KEY PRINCIPLE OF THE EFFECTIVE CRISIS MANAGEMENT

V. M. Fedorov, E. V. Yakovleva

Omsk State Technical University, Mira Ave., 11, Omsk, 644050, Russia

 elenav12@yandex.ru

The article examines the role of adaptability as a key principle of effective crisis management in the context of modern economic challenges.

The purpose of the study is to develop theoretical foundations and substantiate organizational adaptability in a crisis. The research highlights the key objectives: to Define the concept of "adaptability" in a crisis; to identify its significance and features in an unstable economic context; to explore the main characteristics of adaptive systems, including their structure, processes and mechanisms that contribute to a high level of adaptability to external and internal challenges; substantiate new factors and conditions that enhance

organizational adaptability. The object is organizational systems operating in Russian conditions, and the subject is the phenomenon of adaptability within the framework of the anti-crisis management system.

The research applies general scientific methods, including comparative analysis, modeling, logical and abstract methods, which ensured the systematic and theoretically nature of the obtained results. Authors identify new factors contributing to increased organizational adaptability, such as the introduction of new technologies, the development of an organizational culture of innovation and ensuring management flexibility.

The practical value lies in the formation of mechanisms for increasing the adaptability of organizations, which contributes to the development of their anti-crisis potentials and increased sustainability. The research allows expanding the theoretical basis for understanding adaptability as a strategic resource and the basis for developing effective models of crisis management in modern conditions.

Keywords: adaptive crisis management, sustainability, adaptability, adaptive systems, efficiency, flexibility

For citation: Fedorov V. M., Yakovleva E. V. Adaptability as a key principle of the effective crisis management. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):153–159. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-153-159>. EDN: DYVPKZ. (In Russ.).

© Fedorov V. M., Yakovleva E. V., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Глобальные экономические колебания, геополитические конфликты, ускорение темпов изменений в поведении потребителей создают новые вызовы для организационных систем. Нарушение устойчивой тенденции развития предприятия создает предпосылки для возникновения кризиса в его бизнес-системе¹. Антикризисная стратегия развития организации в условиях турбулентной внешней среды требует гибкости и адаптивности². Адаптивность — ключевой принцип современного антикризисного управления. Он предполагает готовность быстро адаптироваться в условиях высокой неопределенности, характерной для кризисных периодов.

Эффективное антикризисное управление стало ключевым компонентом стратегического лидерства. Адаптивность относится к способности организации корректировать свою стратегию, структуры и процессы в ответ на внутренние и внешние изменения. В современном управлении кризисами адаптивность больше не является просто пассивным ответом, а представляет собой проактивную способность, интегрированную в организационную культуру. Динамичный характер кризисов требует от организаций принятия быстрых решений и внедрения итеративных ответных мер. Жесткие, ригидные схемы управления нередко оказываются неэффективными в условиях неопределенности.

Инновационные процессы усиливают требование к гибкости. Цифровые технологии трансформируют коммуникационные и аналитические процессы. При этом организационные системы, успевающие внедрять новые решения и управляющие процессами изменений, быстрее адаптируются в кризисных ситуациях.

Вместе с тем адаптивность обеспечивает устойчивость в случае трансформации процессов при неизбежных и растущих экономических угрозах. Способность учиться на кризисах и соответствующим образом адаптироваться создает обратную связь, которая укрепляет способность организации противостоять будущим потрясениям.

Цель работы — исследовать роль адаптивности как ключевого принципа эффективного антикризисного управления, определить особенности и характеристики адаптивных систем в условиях кризиса, а также выявить новые факторы, способствующие повышению организационной адаптивности и обеспечивающие успешное преодоление кризисных ситуаций.

Основная часть

Выделим основные направления современных исследований в области концепции адаптивности в антикризисном управлении (табл. 1).

Адаптивность как методологическая категория получила широкое распространение в различных научных дисциплинах — от биологии и системного анализа до экономики и социотехники [1]. Адаптивность выступает принципиально важным качеством любой системы. В значительной степени это обусловлено тем, что в современном мире ни одна система не может быть полностью закрытой и не испытывать воздействия окружающей ее среды [2].

Понятие «адаптивность» используется в разных областях науки, но общепризнанного четкого определения у него нет. Адаптивность в большинстве научных концепций рассматривается как свойство систем, определяющее успешность их приспособле-

¹ Сааков А. С., Егорова Н. Н., Саакова Э. Б. Адаптивная модель антикризисного управления бизнес-системами // Повышение управленческого, экономического, социального и инновационно-технического потенциала предприятий, отраслей и народнохозяйственных комплексов: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Пензенская государственная сельскохозяйственная академия, 2016. С. 69–72. EDN: WIHUIJ.

² Зонго А., Крыжановская О. А. Адаптивная стратегия управления организацией: инструменты и механизмы устойчивого развития в условиях турбулентности внешней среды // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления в современных экономических условиях: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2025. С. 111–114. EDN: XDAEIJ.

Таблица 1. Вклад современных исследований в развитие концепции адаптивности в антикризисном управлении
Table 1. Contribution of modern research to the development of the concept of adaptability in the crisis management

Направление исследований	Сущность и особенности	Исследователи
Исследование адаптивности деятельности организаций в условиях цифровизации экономики	Разработка рекомендаций по совершенствованию механизмов организационной адаптации в условиях повышения цифровой зрелости	А. Д. Аксенов, В. Н. Алферов, Е. А. Герасимова, Н. А. Заруба, Г. В. Мешкова, Э. А. Осадчий, З. О. Османова, А. Н. Чаплина, В. М. Ячmeneва
Разработка теоретических моделей адаптивности	Формализация адаптивности как многомерной структуры, интегрирующей подходы организационной теории, психологии и теории систем	Е. А. Доля, Н. Н. Егорова, М. Н. Кузнецова, А. С. Сааков, Э. Б. Саакова
Изучение влияния адаптивного управления на конкурентоспособность организации	Создание благоприятных предпосылок для успешного ведения конкурентной борьбы	Н. А. Грешневикова, Ю. А. Епанчина, Е. В. Максимчук, Н. И. Морозко, Л. М. Путятин, П. А. Овчинников, А. А. Суворова, Н. В. Тарасова
Оценка и измерение адаптивности	Разработка надежных и эффективных инструментов для количественной оценки адаптивности на различных аналитических уровнях	Ю. В. Горбунов, А. Зонго, Г. А. Кирюхин, О. А. Крыжановская, И. Л. Литвиненко

Источник: разработана авторами

ния к окружающей среде. Так, Н. А. Заруба подчеркивает особую значимость принципа адаптивности, особенно актуального в периоды активной перестройки общественных институтов [3]. По мнению М. Н. Кузнецовой, под адаптивностью необходимо понимать способность организационной системы изменять свою структуру, функциональные параметры и поведенческие характеристики в ответ на внешние или внутренние стимулы [1]. Исследователи А. Н. Чаплина и Е. А. Герасимова определяют адаптивность как характеристику деятельности предприятия, способность (свойство экономической системы) его к самосохранению, структурной перестройке, преобразованию, приспособлению в условиях нестабильности [4]. В. Н. Алферов, Г. В. Мешкова, Э. А. Осадчий считают, что под

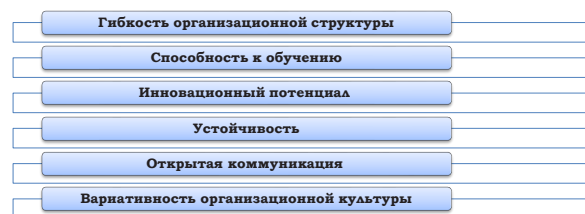

Рис. 1. Основные характеристики организационной адаптивности
Fig. 1. Key features of organizational adaptability

адаптивностью необходимо понимать «способность предприятия к адаптации, то есть, в аспекте управления, разработать и реализовать комплекс разновекторных решений по изменению подсистем субъекта и объекта управления, управленческих процессов, организационно-ресурсного обеспечения» [5, с. 240]. Кроме того, исследователи Е. В. Максимчук, А. А. Суворова, П. А. Овчинникова, А. Д. Аксенов³, Г. А. Кирюхин, Ю. В. Горбунов⁴, Н. И. Морозко и Ю. А. Епанчина⁵ акцентируют внимание на том, что адаптивность необходимо рассматривать в качестве условия, определяющего способность системы к динамическому приспособлению в ответ на изменяющиеся факторные воздействия среды [6–9]. В материалах Л. М. Путятиной, Н. В. Тарасовой и Н. А. Грешневиковой исследуется необходимость разработки системы принципов, подходов, методов и направлений адаптации организации к изменениям внешней среды, включая план антикризисного управления и мониторинг уровня адаптации [10]. В. М. Ячmeneва и З. О. Османова достаточно четко и однозначно определяют адаптивность как «характеристику деятельности предприятия, отражающую его способность и готовность приспособляться к новым условиям внешней среды» [11, с. 59].

Важно отметить, что приспособление к изменяющейся реальности происходит не мгновенно — это постепенный процесс, включающий поиск наиболее эффективных решений и выработку устойчивых моделей поведения. Адаптивность можно описать в рамках следующих взаимосвязанных между собой ключевых динамических характеристик, которые позволяют организациям выстроить эффективную структуру, процессы и организационную культуру для повышения эффективности в условиях экономической нестабильности (рис. 1). Теоретический анализ данных характеристик, влияющих на адаптацию организации, предельно четко показывает, что есть несколько элементов, которые способствуют эволюционному процессу или замедляют его. Инновации, способность создавать новые технологии и процессы, культуры и структуры ускоряют адаптацию путем обеспечения устойчивой конкуренто-

³ Аксенов А. Д. Устойчивость и адаптивность организации в условиях цифровой трансформации // Трансформация бизнеса и общественных институтов в условиях цифровизации экономики: сборник научных трудов VII Национальной (русской) научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2025. С. 133–136. EDN: AYMQON.

⁴ Горбунов Ю. В. Адаптивная стратегия как метод антикризисного управления // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2006. № 3. С. 50–54. EDN: SYFKRX.

⁵ Епанчина Ю. А. Адаптивное управление ресурсами как фактор повышения экономической устойчивости организации // Молодежь и наука: реальность и перспективы развития: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет им Р. Гамзатова, 2025. С. 247–251. EDN: SFHJYZ.

Таблица 2. Внутренние и внешние факторы, влияющие на уровень организационной адаптивности
Table 2. Internal and external factors influencing the level of organizational adaptability

Внутренние факторы	
Организационная культура и атмосфера	Существующая организационная культура оказывает значительное влияние на адаптивность организации. Культура, поощряющая обучение, инновации и открытость к изменениям, помогает организациям более гибко реагировать на изменения внешней среды.
Лидерство и стиль управления	Лидеры, способные мотивировать и вдохновлять сотрудников, отстаивающие принципы непрерывного самосовершенствования, повышают адаптивность организации.
Доступность и распределение ресурсов	Наличие достаточных ресурсов позволяет организациям быстро внедрять новые стратегии или процессы для удовлетворения требований меняющейся среды.
Организационная структура	Гибкие и децентрализованные организационные структуры часто способствуют более быстрому принятию решений и внедрению инноваций. Жесткие бюрократические структуры могут препятствовать своевременному реагированию организации на изменения, тем самым снижая ее адаптивность.
Человеческий капитал	Сотрудники, способные брать на себя более широкий функционал, постоянно обучаться и принимать изменения, повышают гибкость организации.
Инновационный потенциал	Эффективные внутренние процессы и зрелая инновационная культура помогают организациям быстро внедрять изменения. Организации с эффективными механизмами обратной связи и итеративными процессами разработки и принятия управленческих решений лучше адаптируются к изменениям.
Внешние факторы	
Рыночные условия и предпочтения клиентов	Быстрые изменения потребительских предпочтений и требований рынка вынуждают организации быстро внедрять инновации и адаптировать свои продукты и услуги. Организации, способные воспринимать эти изменения и реагировать на них, демонстрируют большую адаптивность.
Технологические разработки	Технологические инновации могут разрушить существующие бизнес-модели. Внешние технологические изменения вынуждают организации корректировать процессы, продукты или услуги для сохранения конкурентоспособности.
Нормативно-правовая среда	Проактивное соблюдение нормативных актов и прогнозирование изменений в нормативно-правовой базе способствуют повышению устойчивости организации.
Конкурентная среда	Появление новых конкурентов, слияния и поглощения, а также изменения в динамике отрасли требуют от компаний переосмысления своих стратегий и внедрения инновационных методов для сохранения или укрепления своих рыночных позиций.
Социально-культурные тенденции	Социальные ценности и культурные изменения могут влиять на репутацию компании и поведение потребителей, требуя от компаний корректировки своих инициатив.

Источник: разработана авторами

способности. Открытая коммуникация способствует пониманию и принятию изменений среди членов организации, что способствует синхронизации операций и инновационной деятельности. Открытая коммуникация также является основой культуры сотрудничества, которая повышает гибкость и способность к обучению. Это в свою очередь дает основание полагать, что эффективность деятельности организации зависит в первую очередь от гибкости организационного проектирования, развития кадрового потенциала, внедрения инноваций, стабильности и открытых коммуникаций.

Кризисы меняют привычные условия, требуют новых решений, и адаптация становится необходимой. Кризисные ситуации, характеризующиеся внезапными потрясениями и высокой неопределенностью, оказывают значительное влияние на механизмы организационной адаптации. Способность эффективно адаптироваться в кризисных ситуациях определяет устойчивость и долгосрочную стабильность. На организационном уровне кризисы требуют быстрой реструктуризации повседневной деятельности. Во время кризисов адаптивные реакции модулируются несколькими ключевыми механизмами. Благоприятствующие факторы включают гибкость в принятии решений, доступ к точной информации и опыт преодоления аналогичных кризисов.

Препятствующие факторы включают когнитивную ригидность, дезинформацию и организационную инертность. Взаимодействие этих механизмов

определяет скорость и эффективность адаптации. Таким образом, адаптивность в условиях кризиса выступает как способность организационной системы эффективно выполнять заданные функции в определенном диапазоне изменяющихся условий.

Уровень организационной адаптивности зависит от сочетания внутренних и внешних факторов (табл. 2). Некоторые из них способствуют успешной адаптации, другие, напротив, создают препятствия, снижают адаптивные реакции. Эффективное управление устойчивостью и конкурентоспособностью организации напрямую зависит от способности анализировать и понимать взаимовлияние этих факторов.

Успешная адаптация организации к динамичной внешней среде напрямую коррелирует с ее способностью всесторонне осмысливать как внутренние ресурсы и процессы, так и внешние тенденции и возможности. Организационная адаптация является центральным аспектом современной деловой практики, требующей гибкого реагирования как на внутренние, так и на внешние изменения, которые зависят не только от принципов, поддающихся внешней оценке, но и от внутриорганизационной деятельности. Внутренние факторы являются элементами, которые вытекают из самого организационного процесса и могут демонстрировать его собственную динамику. Среди них следует отметить организационную культуру, иерархические структуры, темпы внедрения новшеств и качество руководства, которое способствует или ограничи-

вают гибкость и оперативность действий в ответ на изменения. С другой стороны, внешние факторы являются факторами, возникающими из внешних условий, такими как изменения рынка, новая законодательная база, технологии, которые требуют научно-исследовательского потенциала и приверженности к принятию гибких стратегических решений во избежание потери конкурентоспособности. Ключевым внутренним фактором является организационная культура, которая в значительной степени определяет мышление сотрудников и внутренние процедуры. Кроме того, управляющая подсистема оказывают значительное влияние на мотивирующие функции для адаптации к изменениям. Здесь же отметим, что конкуренция и передовые технологии способствуют внедрению инноваций и модернизации в целях обеспечения соответствия организации требованиям внешней среды. Таким образом, организационная адаптация представляет собой преодоление основополагающих препятствий, позволяющих организации эффективно реагировать на изменения во внешней и внутренней среде.

Е. А. Доля определяет организационную адаптивность как критерий формирования уникальной бизнес-модели [12]. Разделяя данную точку зрения, авторы исследования считают, что адаптивность на организационном уровне необходимо рассматривать в рамках следующих специфических аспектов:

- структурная гибкость (адаптивные организационные системы обладают гибкой структурной конфигурацией, позволяющей эффективно распределять ресурсы и корректировать работу функциональных подразделений в соответствии с меняющимися потребностями);

- стратегическая способность к реагированию (организации с высокой степенью реагирования отличаются перманентным мониторингом факторов внешней среды);

- культурная открытость и ориентация на обучение (культура поощряет сотрудников всех уровней предлагать идеи, пробовать новые подходы и учиться на неудачах, тем самым, в совокупности, повышая способность организации эффективно адаптироваться к изменениям);

- инновации и управление изменениями (адаптивные организации создают среду, благоприятную для творческого решения проблем, и проактивно внедряют технологические или процессные инновации, повышающие эффективность и оперативность реагирования);

- эффективность информационных систем (эффективные системы управления информацией и коммуникации предоставляют своевременные и точные данные, поддерживая процессы принятия управленческих решений и способствуя быстрому реагированию на изменения внешней и внутренней среды).

В процессе адаптации бизнес-модели предприятия под новые условия внешней среды могут изменяться ее качественные и количественные параметры. Таким образом, основное свойство адаптивных систем — это реализация цели управления в условиях недетерминированной внешней среды и изменяющихся параметров объекта. В отличие от статических систем, которые следуют фиксированным правилам, адаптивные системы постоянно анализируют поступающие данные и соответствующим образом корректируют свое внутреннее состояние или структуру. Эта способность позволяет им оп-

тимизировать производительность, предотвращать сбои и достигать целей. Кроме того, адаптивность тесно связана с устойчивостью и способностью к эволюции. Устойчивость гарантирует, что система сохраняет свою функциональную целостность при возмущениях, а способность к эволюции дает ей возможность развивать новые функции с течением времени. В современном антикризисном управлении это может проявляться в: идентификации управляемого процесса, изменении свойств системы управления, анализе динамического состояния свойств, параметров, управляющих воздействий и структуры организационной системы. Однако внедрение адаптивных практик сопряжено с определенными сложностями. Выявление новых факторов, способствующих повышению организационной адаптивности, включает анализ психологических, социальных, организационных и технологических аспектов.

По мнению авторов, к новым факторам, способствующим повышению организационной адаптивности, можно отнести:

- 1) инновационную цифровую культуру и технологическую грамотность (организации, активно развивающие цифровое мышление и непрерывное технологическое обучение, демонстрируют большую гибкость во внедрении инноваций и реагировании на изменения рынка);

- 2) открытые инновационные сети (участие в совместных инновационных экосистемах и стратегических альянсах способствует обмену знаниями и ускоряет адаптивное реагирование на изменения внешней среды);

- 3) ориентацию на обучение и методы управления знаниями (особое внимание к непрерывному обучению, обмену знаниями и механизмам адаптивного обучения напрямую связано с повышением организационной устойчивости);

- 4) развитие динамических способностей (способность быстро распознавать возможности и угрозы, использовать возможности и перераспределять ресурсы).

Цифровая культура, открытое участие в инновационных сообществах, стремление к постоянному развитию являются ключевыми факторами, которые значительно повышают эффективность организационной адаптации, позволяя компаниям справляться с неопределенностью, ускорять инновации и эффективно реагировать на внешние изменения. Такие ценности помогают быстро справляться с вызовами, опережать временные рамки и находить эффективные решения в условиях неопределенности.

Признание и развитие этих факторов может существенно раскрыть потенциал организации, что в конечном итоге будет способствовать созданию прочной основы для долгосрочного конкурентного преимущества.

Заключение

В настоящее время происходит углубление понимания адаптивности как ключевого принципа эффективного антикризисного управления.

Анализ адаптивных систем в контексте кризиса свидетельствует об исключительно важной роли данной концепции в устойчивом реагировании системы на текущие вызовы в нестабильных экономических условиях.

В статье проанализированы основные характеристики адаптивных систем, их структура, процес-

сы и механизмы, взаимодействие которых повышает способность гибко и эффективно реагировать на внешние и внутренние вызовы. Следовательно, адаптационные организационные способности имеют решающее значение для создания устойчивых экономических структур. Исследование углубляет теоретическое осмысление адаптивности как стратегического ресурса и формирует устойчивую платформу для проектирования действенных механизмов антикризисного управления.

Список источников / References

1. Кузнецова М. Н. Адаптивная модель инновационного развития в металлообрабатывающей промышленности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 15, № 2. С. 20–28. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.02.15.003>. EDN: YSSNRY.

Kuznetsova M. N. Adaptive model of innovation development in the metalworking industry. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*. 2025;15(2):20–28. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.02.15.003>. EDN: YSSNRY. (In Russ.).

2. Литвиненко И. Л. Адаптивность как ключевой принцип управления региональной экономической системой // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 34–39.

Litvinenko I. L. Adaptability as a key principle of regional economic system. *Nauchnyy Vestnik Volgogradskogo Filiala RANKhiGS. Seriya: Ekonomika*. 2015;3:34–39. EDN: VBUWFZ. (In Russ.).

3. Заруба Н. А. Терминологические аспекты адаптивного управления образованием // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 36. С. 206–211. EDN: WZQJDT.

Zaruba N. A. Terminological aspects of adaptive management of education. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2016;36:206–211. EDN: WZQJDT. (In Russ.).

4. Чаплина А. Н., Герасимова Е. А. Адаптивно-инновационное управление предпринимательскими структурами с учетом драйв-факторов бизнес-среды // Вестник СибГАУ. 2014. № 1 (53). С. 229–235. EDN: SBPCKX.

Chaplina A. N., Gerasimova E. A. Adaptive and innovative management enterprise structures in the view of business environment drive factor. *Vestnik SibGAU*. 2014;1(53):229–235. EDN: SBPCKX. (In Russ.).

5. Алферов В. Н., Мешкова Г. В., Осадчий Э. А. Адаптивное управление предприятием в условиях формирования финансово-экономической безопасности: теоретические аспекты // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 3. С. 238–243. EDN: LIAHVJ.

Alferov V. N., Meshkova G. V., Osadchy E. A. Adaptive enterprise management in the conditions of formation of financial and economic security: theoretical aspects. *Economic Problems and Legal Practice*. 2024;20(3):238–243. EDN: LIAHVJ. (In Russ.).

6. Максимчук Е. В., Суворова А. А. Адаптивность организаций малого и среднего бизнеса к кризисным явлениям в финансах и экономике // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2010. № 2 (34). С. 249–254. EDN: MRMVZR.

Maksimchuk E. V., Suvorova A. A. Adaptivnost' organizatsiy malogo i srednego biznesa k krizisnym yavleniyam v finansakh i ekonomike. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta Potrebitel'skoy Kooperatsii*. 2010;2(34):249–254. EDN: MRMVZR. (In Russ.).

7. Овчинников П. А. Антикризисное управление адаптивным развитием корпоративных структур в инвестиционно-строительном комплексе // Экономика и эффективность организации производства. 2011. № 14. С. 161–165. EDN: THEFJP.

Ovchinnikov P. A. Antikrizisnoye upravleniye adaptivnym razvitiyem korporativnykh struktur v investitsionno-stroitel'nom

komplekse. *Ekonomika i Effektivnost' Organizatsii Proizvodstva*. 2011;14:161–165. EDN: THEFJP. (In Russ.).

8. Кирюхин Г. А. Адаптивное лидерство как ответ на неопределенность: стратегии для успешного управления // Вестник Академии права и управления. 2024. № 4 (79). С. 131–138. EDN: QZYTLP.

Kiryukhin G. A. Adaptive leadership as a response to uncertainty: strategies for successful management. *Bulletin Academy of Law and Management*. 2024;4(79):131–138. EDN: QZYTLP. (In Russ.).

9. Морозко Н. И. Адаптивные решения в антикризисном управлении малыми организациями // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 2. С. 58–67. EDN: KKXYFR.

Morozko N. I. Adaptive solutions in anti-recessionary handle of the small organizations. *Audit and Financial Analysis*. 2007;2:58–67. EDN: KKXYFR. (In Russ.).

10. Путяткина Л. М., Тарасова Н. В., Грешневикина Н. А. Механизм реализации адаптивного управления предприятием в кризисных условиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 47–51. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2016-1-47-51>. EDN: VVKOVZ.

Putyatina L. M., Tarasova N. V., Greshnevikova N. A. The mechanism for the implementation of adaptive management of the enterprise in crisis conditions. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Economics*. 2016;1:47–51. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2016-1-47-51>. EDN: VVKOVZ. (In Russ.).

11. Ячменева В. М., Османова З. О. Управление адаптивностью в контексте деятельности предприятий в условиях цифровизации // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2021. № 4 (57). С. 56–62. EDN: YYBMSN.

Yachmeneva V. M., Osmanova Z. O. Management of adaptability in the context of enterprise activities in the conditions of digitalization. *Nauchnyy Vestnik: Finansy, Banki, Investitsii*. 2021;4(57):56–62. EDN: YYBMSN. (In Russ.).

12. Доля Е. А. Адаптивность как критерий формирования уникальной бизнес-модели // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2020. № 2 (41). С. 12–15. EDN: KJVUMO.

Dolia K. A. Adaptability as a criterion for creating a unique business model. *Social'no-ekonomicheskoe Upravlenie: Teoria i Praktika*. 2020;2(41):12–15. EDN: KJVUMO. (In Russ.).

Вклад авторов:

В. М. Федоров. Анализ литературы; выявление значимости и особенностей адаптивности в нестабильной экономической среде; исследование основных характеристик адаптивных систем, включая их структуру, процессы и механизмы, способствующие высокой степени приспособляемости к внешним и внутренним вызовам; обоснование специфики факторных условий, способствующих повышению организационной адаптивности.

Е. В. Яковлева. Целевая установка, принципиальная основа, методология исследования.

Authors' contribution:

Viktor M. Fedorov. Literature review; identification of the significance and features of adaptability in an unstable economic environment; research of the main features of adaptive systems, including their structure, processes and mechanisms contributing to a high degree of adaptability to external and internal challenges; substantiation of the specifics of factor conditions contributing to increased organizational adaptability.

Elena V. Yakovleva. Supervision of the research project, objective setting, conceptual framework and methodology.

Информация об авторах:

ФЕДОРОВ Виктор Михайлович, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Менеджмент и сервис» Омского государственного технического университета (ОмГТУ), г. Омск.

SPIN-код: 9678-5459

AuthorID (РИНЦ): 1003680

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5827-1669>

e-mail: viktor702460@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Елена Владимировна, доктор экономических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой «Менеджмент и сервис» ОмГТУ, г. Омск.

SPIN-код: 1581-2810

AuthorID (РИНЦ): 650709

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5158-3574>

e-mail: elenav12@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 26.03.2026.

Information about the authors:

FEDOROV Viktor Mikhaylovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Management and Service Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 9678-5459

AuthorID (RSCI): 1003680

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5827-1669>

e-mail: viktor702460@mail.ru

YAKOVLEVA Elena Vladimirovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Management and Service Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 1581-2810

AuthorID (RSCI): 650709

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5158-3574>

e-mail: elenav12@yandex.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 26.03.2026.

Научный журнал «Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность» публикует оригинальные научные и обзорные статьи, соответствующие тематике журнала. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).

При подготовке статьи к публикации в журнале необходимо учесть следующие пункты:

1. Указать **УДК**.
2. **Заголовок статьи.** Должен кратко (не более 10 слов) и информативно отражать содержание статьи. Приводится на русском и английском языках.
3. **Инициалы и фамилии авторов,** место работы (полное название организации, индекс, страна, город, адрес, e-mail). Приводятся на русском и английском языках.
4. **Аннотация** (150–300 слов). Выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В аннотации должны быть обозначены основная тема, объект и цель исследования; материалы и методы; результаты исследования; общие выводы, область применения. Приводится на русском и английском языках.
5. **Ключевые слова** (6–8 слов или коротких словосочетаний). Должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Приводятся на русском и английском языках.
6. **Основной текст статьи.** Рекомендуемые разделы: «Введение», «Материалы и методы», «Основная часть» и/или «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».
7. **Список источников** (оформляется в формате Vancouver). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов. Желательно использовать не менее 15–20 источников на русском и английском языках. В научных обзорах количество ссылок на источники информации должно быть не менее 25–30. В тексте статьи ссылки на источники приводятся в квадратных скобках арабскими цифрами, на русском и английском языках.
8. **Информация об авторах** должна включать Ф.И.О., ученое звание и должность, организация(и), SPIN-код, Author ID,

ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail. Приводится на русском и английском языках.

9. **Вклад авторов.** В конце статьи разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Приводится на русском и английском языках.

Техническое оформление:

- 1) редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx. Набор текста осуществляется с использованием шрифта Times New Roman, кегль 14 и интервал 1,5 строки. Абзацный отступ — 0,5 см;
- 2) формулы следует набирать в редакторе MS Word Equation Editor или Math Type. Латинские знаки в формулах и обозначениях (как в тексте, так и на рисунках) набираются курсивом. Формулы нумеруются в круглых скобках;
- 3) рисунки должны иметь разрешение не ниже 300 dpi и быть сохранены в форматах JPEG, TIFF. Рисунки должны быть четкими. Все позиции на рисунке должны быть расфигурованы и описаны. Допускается не более 8 рисунков в статье. Каждый рисунок должен иметь подрисуночную подпись на русском и английском языках;
- 4) таблицы должны располагаться в тексте статьи. Каждая таблица должна иметь заголовок на русском и английском языках.

В журнале принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) **рецензирование** статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или об ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Политика редакционной коллегии журнала поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей. Публикация статей осуществляется на бесплатной основе. Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный **открытый доступ** к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS

The **Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity** only publishes original scientific and review articles that correspond to the subject matter of the journal. Submission to the editorial office of previously published articles or articles sent for publication to other journals is not allowed. In the event of simultaneous submission of a manuscript to different journals, the published article will be retracted (withdrawn from print).

To submit an article in the journal you should know:

1. It is necessary to indicate the **UDC**.
2. **The title of the article** should briefly (no more than 10 words) and accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the conducted research. The title is to be provided in Russian and English.
3. **Authors' initials and surnames**, official name of institution without abbreviations, address of institution, e-mail.
4. **The abstract** (150–300 words) performs the function of an expanded title and informs readers about the article's content. It should comprise introduction, materials and methods, results, discussion and conclusion. The abstract is to be provided in Russian and English.
5. **Keywords** consist of the search terms used by all bibliographic databases to search for scientific articles by keyword. For this reason, the keywords should reflect the main statements, achievements, results and terminology of scientific research. The recommended number of keywords is 6–8. The keywords are to be provided in Russian and English.
6. **The main text of the article** is to be presented in Russian or English according to a specific sequence: Introduction, Materials and Methods, Results, Discussion and Conclusion.
7. **References.** The bibliographic description of the documents should conform to the requirements of the Vancouver Citation Style. It is necessary to refer first of all to original sources from scientific journals. It is advisable to use at least 15–20 sources in Russian and English. In scientific reviews, the number of references to information sources should be at least 25–30. In the text of the article, references to sources are given in square brackets in Arabic numerals. References are to be provided in Russian and English.
8. **Information about authors.** Full surname, first name and any second names or patronymics of the authors; detailed information about the authors: scientific degree, position, official name of institution without abbreviations; SPIN-code, Author ID,

ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail. Information about authors is to be provided in Russian and English.

9. **Authors' contribution.** At the end of the article authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the research. Information about the contribution of authors is to be provided in Russian and English.

Technical preparation

- 1) the article file uploaded to the system must be in Microsoft Word format (with the extension *.doc, *.docx). The text is typed using the Times New Roman font, size 14 and an interval of 1.5 lines. An indentation of 0.5 is made at the beginning of each paragraph;
- 2) formulas are to be typed in MS Word Equation Editor or Math Type. Latin symbols in formulas and designations (both in text and images) are to be in italic. Formulas are to be numbered in round brackets;
- 3) images should be with a minimum resolution of 300 dpi and be saved in JPEG and TIFF formats. The figures should be clear. All positions in the figures must be deciphered and described. No more than 8 figures per article are allowed. The name of the figure is placed directly under the figure and should be presented in Russian and English;
- 4) the tables should be arranged in the text of the article. Each table should have a title in Russian and English.

The journal practices **double-blind peer review** of articles (neither the reviewer nor the author know each other's names). The reviewer analyses an article and decides whether it should be published (with or without corrections) or rejected. Where the author disagrees with the reviewer's comments, their substantiated statement is considered by the Editorial Board.

The editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics. Articles are published free of charge. The journal provides open access to its content and adheres to the principle that free **open access** to research findings helps increase global sharing of knowledge.